

Годъ 10 й.

Кн. XXXVI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗДАНІЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1898, № 1.

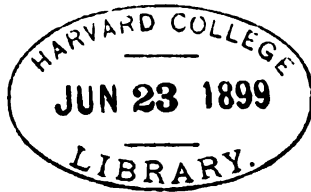
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Типо-лит. Н. В. Александрова, Арбатъ, близъ Арбатскихъ вор., домъ Пятогова.
1898.

~~Slav 257~~
P Slav 928.10

Bright fund
(1898)

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естествознанія, Антропологін и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Наблюденія надъ восточной музыкой, преимущественно кавказской. <i>Арс. Корещенко</i>	1.
II. Армянская діалектологія. Исторія ея изученія, методъ и задачи, въ связи съ ея значеніемъ для исторіи армянскаго языка. <i>Лев. Мсеріанцъ</i>	23.
III. Свадебные обряды, обычаи, повѣрія и преданія у бурятъ Унгинскаго Иностранческаго вѣдомства Балаганскаго округа. <i>Матв. Хангалова</i>	38.
IV. Къ исторіи народнаго театра. II. „Троизъ“ (Царь Максимиліанъ). <i>М. К. Васильева</i>	76.
V. Изъ матеріаловъ по этнографіи якутовъ. III. Юридическіе обычаи. <i>М. Овчинникова</i>	101.
VI. Обзоръ дѣятельности Финскаго Литературнаго Общества до изученію народной поэзіи финновъ. <i>А. Аарне</i>	114.
VII. Смѣсь.	
„Ханулоба“—обычай соучастія въ молокъ у грузинскихъ крестьянокъ <i>Н. Л. Абазадзе</i>	126.
Матеріалы для народнаго снотолкователя:	
I. Витебской губерніи. <i>Н. Я. Никифоровская</i>	133.
II. Минской губерніи. <i>Е. Ляцкаго</i>	139.
III. Ярославской губ. <i>С. Дерунова</i>	149.
Пѣсни мордвы-ѣрзи. II. <i>Мачинской</i>	152.
Въ легендамъ и повѣрьямъ о табакѣ II. <i>М. Сухова</i> , <i>М. К. Васильева</i> , <i>П. Александрова</i> , и <i>С. Бедринскаго</i>	156.
Этнографическія мелочи изъ м. Веркѣевки, Нѣжинск. уѣз. Черниговск. губ. Масляница. Великій постъ. Вербная недѣля. Страстная. Сообщ. <i>А. Малинка</i>	159.

VIII. Критика и библиографія:

1. Книги, ученые и справочныя изданія 164.

Д-ръ Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Переводъ съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ ред. Д. Н. Анучина. *Н. Х.* (164). Описание Маньчжуріи. Подъ ред. Д. Позднѣва. Изд. Министерства Финансовъ. Т. I и II. *Н. Х.* (167). — Сказаніе о хожденіи въ Тибетскую страну Мало-Дорбѣтскаго База-Бакши. Калмыцкій текстъ, съ переводомъ и примѣчаніями А. Позднѣва. *А. Хак—ова*, (168). — Б. Д. Гринченко. Этнографическіе матеріалы, собранныя въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Вып. I и II. *А. Крымскою* (168). — А. Н. Аванасъевъ. Народныя русскія сказки. Изд. 3-е, дополненное біографическимъ очеркомъ и указателями, подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. I и II. *А. Кирпичникова* (179). — Г. И. Куликовскій. Изъ общинно-артельной жизни Олонецкаго края. *Н. Х.* (181). — Очеркъ состоянія начальнаго народнаго образованія въ Полтавской губ. *Д. С.* (182). — Отчетъ Цетровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1896 г., съ приложеніемъ рѣчи и рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ Общества. *Д. С.* (183). Календарь и памятная книжка Вятской губ. 1895, 1896, и 1897 гг. *Д. У.* (184).

2. Обзоръ газетъ и журналовъ. 187.

3. Новости этнографической литературы. 197.

IX. Извѣстія и замѣтки.

Всеобщая музыкальная выставка въ Берлинѣ.—Премія Д.

Г. Кананова.—Автобіографіи этнографовъ (Н. Припузовъ.

В. Янковъ). † П. Безсоновъ. 203.

X. Вопросы и отвѣты: Программа собранія пасхальныхъ лицъ (писанокъ и крашанокъ). 205.

Приложеніе: Кавказскіе мотивы, запис. *Арс. Корещенко*. №№ 1—15.

Объявленія.

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ВОСТОЧНОЙ МУЗЫКОЙ, ПРЕИМУЩЕ- СТВЕННО КАВКАЗСКОЙ.

I

Занимаясь въ теченіе многихъ лѣтъ изученіемъ вокальной музыки народностей Востока, я намѣренъ изложить здѣсь нѣкоторые результаты моихъ изученій. Первоначально я уже трактовалъ объ этомъ вопросѣ въ одномъ изъ московскихъ периодическихъ изданій¹⁾ въ статьѣ— „*О восточной музыкѣ*“, гдѣ я говорилъ о трехъ народахъ, столь различныхъ по расѣ, сложностямъ и чертамъ характера, какъ персіяне, армяне и грузины, но связанныхъ географическимъ положеніемъ. Я позволю себѣ прежде всего коснуться мотивовъ, заставившихъ меня говорить въ общей прессѣ о вопросахъ, имѣющихъ чисто спеціальныи характеръ: единственно этимъ путемъ представлялась до нѣкоторой степени возможность поселить сомнѣнія въ основательности тѣхъ фальшивыхъ взглядовъ, распространенницей которыхъ являлась сама общая печать.

Не далѣе, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одна изъ большихъ петербургскихъ газетъ, трактующая о восточной музыкѣ, утверждала, что „только музыка персидскаго происхожденія, или носящая признаки таковаго, и имѣеть цѣнность: музыка эта классическая на всемъ юго-западѣ Азии, начиная отъ Кавказа вплоть до береговъ Инда“²⁾. Въ сказанномъ солидный органъ петербургской печати убѣдили какіе-то мѣстные знатоки. Къ величайшему сожалѣнію, не только общая пресса, но даже болѣе или менѣе свѣдущіе музыканты оставались и по сію пору остаются въ невѣдѣніи относи-

¹⁾ См. „Московскія Вѣдомости“ № 321 и 322 1897 г.

²⁾ См. „Новое Время“ 12-го мая 1897 г. № 7616.

тельно того, что твердо установившійся шаблонный взгляд на персидскую музыку, какъ на исключительно могущую считаться за *восточную*—абсолютно не вѣренъ и фальшивъ. Причина вышесказаннаго кроется въ обилии произведеній, написанныхъ подъ вліяніемъ персидскихъ мелодій, и въ почти абсолютномъ незнакомствѣ очень многихъ нашихъ композиторовъ съ музыкой другихъ народностей Востока. Большинство композиторовъ жадно ухватилось за музыку персидскую, наиболѣе поражавшую ухо непривычностью интерваловъ, оригинальностью и ритмическимъ складомъ. Въ персидскихъ напѣвахъ легче всего было уловить интервалъ увеличенной секунды и своеобразный хроматизмъ. То и другое породило много остроумныхъ гармоническихъ комбинацій, переходившихъ въ видѣ наслѣдія отъ одного европейскаго композитора къ другому. Эти гармоническія комбинаціи, принявшія рутинный, шаблонный характеръ, въ силу заблужденій, нашли примѣненіе не только при обработкѣ пѣсенъ, носящихъ явные слѣды персидскаго происхожденія или вліянія, но и такихъ, которыя по складу своему вовсе ихъ не допускали, каковы, напримѣръ, пѣсни грузинскія. Случается, что и знающіе музыканты въ данномъ случаѣ дѣлаютъ уступку ходячему мнѣнію¹⁾, но все же съ этимъ согласиться нельзя, ибо общая печать, публика и даже музыкальный міръ вводятся въ заблужденіе, благодаря которому, наоборотъ, всякая восточная, народная, даже на мѣстѣ записанная мелодія, не носящая отличительныхъ признаковъ персидской, за восточную не признается.

Руководимый искреннимъ желаніемъ, хотя сколько нибудь содѣйствовать искорененію указанныхъ фальшивыхъ взглядовъ, выработанныхъ, благодаря одностороннему знакомству иностранныхъ и большинства отечественныхъ композиторовъ только лишь съ одной изъ области восточной музыки—персидской, я, какъ человекъ, шесть лѣтъ посвятившій изученію

1) См. „Этнографическій концертъ“. Сборникъ народныхъ пѣсенъ русскихъ и инородческихъ, перелож. Н. С. Кленовскимъ. Здѣсь къ грузинскимъ пѣснямъ „Пацха“ и Мерихали“, записаннымъ вполне точно и отличающимся чисто диатоническимъ характеромъ, къ сожалѣнію, напрасно придѣланы интродукціи и заключенія на персидскій ладъ.

персидской, армянской и грузинской народной музыки и съ тою-же цѣлью находившійся минувшей весной и лѣтомъ въ отдаленныхъ уголкахъ Закавказья, считъ своимъ долгомъ познакомить музыкальный міръ и публику съ результатами моего изученія, идущими въ разрѣзъ съ тѣмъ, чтобы присвоить персидской музыкѣ классическое значеніе на всемъ Востокѣ.

Крайне интересное музыкальное творчество другихъ народностей, живущихъ по ту сторону Кавказскаго хребта, и ближайшее знакомство съ этимъ народнымъ творчествомъ убѣждаетъ, что оно представляетъ изъ себя неисчерпаемое богатство, крайне интересное, надъ которымъ работать стоитъ и которое способно открыть новые пути въ музыкальномъ искусствѣ. Я говорю о народной, вокальной музыкѣ грузинъ, занимающей особое, самостоятельное мѣсто среди другихъ народностей Востока.

II.

Восточную вокальную народную музыку можно раздѣлить на два рода: 1) одноголоснаго склада, какъ напр., персидская, арабская, армянская, и 2) многоголоснаго, какъ напр., грузинская.

Сравнительное изученіе народныхъ пѣсенъ различныхъ племенъ приводитъ къ одному, очень любопытному и интересному выводу: въ то время какъ пѣсни христіанскихъ народностей являются многоголосными, у исповѣдующихъ другія религіи онѣ остались какъ бы зачаточными, одноголосными, не превратившись даже въ примитивно расчлененную на голоса гармонію, въ видѣ такъ называемыхъ подголосковъ, которые въ сущности представляютъ изъ себя ту же основную мелодію перваго голоса, сравнительно съ ничтожными въ другихъ голосахъ измѣненіями, выработанными, благодаря художественному чутью народа, избѣгающаго неблагозвучныхъ сочетаній.

Пѣсни нехристіанскихъ народностей (персіянъ, арабовъ, египтянъ и др.) остались одноголосными, быть можетъ, потому, что у нихъ не было той глубины чувства, которая

довела пѣсни христіанъ до многоголосности, давъ вокальнымъ изліаніямъ послѣднихъ чисто музыкальное и ритмическое разнообразіе въ связи со способностью къ передачѣ тѣхъ движеній души, интенсивность которыхъ чувствуется съ особой непосредственностью, но которыя не въ состояніи выразить рѣчь и логика.

Одноголосное пѣніе, гдѣ мелодія лишена сопровождающаго голоса, похоже, по мѣткому сравненію проф. Наумана, на голыя, безцвѣтныя очертанія. Однако, почти всѣ народы, у которыхъ наблюдается одноголосное пѣніе, постарались придать этимъ безцвѣтнымъ очертаніямъ, нѣкоторую физіономію тѣмъ, что фонъ блѣдной мелодіи изукрашили добавочными, мелкими нотами, въ видѣ трелей, грунелетто и даже большихъ пассажей изъ мелкихъ нотъ.

Примѣромъ подобнаго одноголоснаго склада могутъ служить персидскія народныя пѣсни, мелодіи которыхъ отличаются эксцентричною послѣдовательностью звуковъ, своеобразно примѣняемымъ хроматизмомъ, изысканной причудливостью ритма, обиліемъ мелизмовъ, т. е. вышеуказанныхъ украшеній и, наконецъ, частымъ употребленіемъ всѣмъ извѣстнаго интервала увеличенной секунды, а нерѣдко и чрезмѣрной кварты. Первые двѣ попавшіяся мнѣ подъ руку, записанныя мною персидскія пѣсни наглядно подтверждаютъ все сказанное. (См. приложение, № 1 а, б).

Эксцентричность послѣдовательности звуковъ въ персидскихъ напѣвахъ доходитъ до того, что нерѣдко встрѣчаются звуки, расположенные между собой на разстояніи мѣнѣ полутона, вслѣдствіе чего получаютъ мелодическія послѣдованія тоновъ, выходящія даже за предѣлы установленнаго хроматическаго звукоряда. Кромѣ того Персіане, обладая тонко развитымъ слухомъ, доходятъ въ этомъ отношеніи до непостижимой для европейца виртуозности, интонируя не только въ указанные интервалы, но даже одинъ и тотъ-же звукъ различнымъ способомъ, сообразно тексту пѣсли. Чисто музыкальная сторона персидскихъ пѣсней носитъ монотонный характеръ и пѣсни, въ большинствѣ, походятъ одна на другую. Если и имѣется кое какое разнообразіе, то оно обусловлено скорѣе ритмической и метрической стороной. Пѣсень.

обладающихъ болѣе или менѣе граціозной пластичностью, у персіянъ почти нѣтъ, но состоящихъ изъ всевозможныхъ фіоритуръ горлового пѣнія, чередующихся съ довольно длинными выкрикиваніями подчасъ носового оттѣнка, очень много, чтобы не сказать всѣхъ. Персіянинъ поетъ пронзительно-визгивымъ голосомъ, нисколько не стѣсняясь чистотой выполненія многочисленныхъ украшеній и воспроизводя ихъ звукомъ горлового тембра въ связи съ носовымъ оттѣнкомъ, на подобіе блявня. Оригинальность подобнаго исполненія на первый разъ поражаетъ наше ухо и можетъ понравиться, вслѣдствіе своей экзотичности, но такое впечатлѣніе очень кратковременно: все это скоро прѣдается и начинаетъ дѣйствовать раздражающимъ образомъ, а въ концѣ концовъ ничего не остается, кромѣ непріятнаго слухового утомленія.

Большинство персидскихъ мелодій съ большимъ трудомъ поддается записи: пѣвецъ при исполненіи допускаетъ импровизаціонную свободу, постоянно, при каждомъ повтореніи нѣсни, какъ ритмически такъ и мелодически варьируя ее.

Существуетъ мнѣніе, что персидскую народную музыку, (равно какъ и турецкую) можно раздѣлить на два совершенно различныхъ между собой отдѣла: 1) музыка въ дворцахъ вельможъ и закрытыхъ садахъ гаремовъ, находящаяся исключительно въ рукахъ женщинъ и не выходящая за предѣлы гарема, и 2) музыка народная, исполняемая исключительно мужчинами. Та и другая — родственны между собою, но будто-бы каждая изъ нихъ имѣетъ свои отличительныя черты. Къ сожалѣнію, въ чемъ именно выражается это отличіе, нигдѣ не указано. Мнѣ приходится также пройти молчаніемъ данный вопросъ, ибо не представлялось возможности слышать пѣніе обитательницъ гарема. Могу сказать только одно, что какъ ни велико мое уваженіе къ мнѣнію проф. Наумана, я все же не могу согласиться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Мнѣ кажется, что такому мнѣнію противорѣчитъ уже сама жизнь: мать и въ гаремахъ остается матерью.

Народную музыку, или лучше сказать, мужскую, можно слышать на площадяхъ и въ увеселительныхъ мѣстахъ городовъ, въ видѣ пѣсень и плясокъ; тутъ обыкновенно вокругъ исполнителей сидитъ цѣлая толпа мусульманъ, жадно

внимающая пѣвцу. Содержаніе текста пѣсни состоитъ изъ коротенькой фразы, выражающей какую-либо мысль съ соотвѣтствующимъ сравненіемъ, въ родѣ слѣдующаго:

Соловей любить розу,
Роза любить соловья.
Ты полюбила пѣвца,
Какъ же пѣвцу не полюбить тебя,
Роза милая моя!

Исполнитель, прежде чѣмъ начать пѣть, дѣлаетъ нѣсколько ритмическихъ ударовъ по дали (въ родѣ барабана—*poggârieh*), затѣмъ заводитъ свою пѣсню, стараясь пѣть какъ можно выше и придавая своему исполненію особенный чувственный пошибъ, какъ электрическій токъ сообщающійся всей слушающей братіи, на лицахъ которой появляется выраженіе восторга и сладострастнаго наслажденія.

Персіяне способны часами слушать эту музыку, не смотря на то, что пѣвецъ растягиваетъ свою коротенькую фразу, непрерывно повторяя одно и то же. Такого рода сольное пѣніе носитъ названіе „*Баяти*“. (См. *прим.*, № 2).

Иногда, впрочемъ, баятисту, держащему въ рукахъ дали, аккомпанируетъ нѣсколько музыкантовъ на инструментахъ, частью арабскихъ, частью персидскихъ: *thari* (съ пятью металлическими струнами, *tanbour*), *chianuri* (родъ *tanbour'a*), *dohli* (въ родѣ барабана средней величины), *ketangehi* (родъ скрипокъ) и пр., причемъ сопровожденіе можетъ продолжаться въ теченіе всего вокальнаго исполненія, но большей частью этотъ оркестрикъ играетъ введеніе и заключеніе, а въ срединѣ пѣвецъ заводитъ свою пѣсню.

Извѣстное публикѣ „*Баяти*“ покойнаго Корганова отнюдь не оправдываетъ заглавія даннаго авторомъ сочиненію, ибо произведеніе его не что иное, какъ попури изъ нѣсколькихъ народныхъ пѣсенъ, принадлежащихъ разнымъ національностямъ Востока, такъ что по указанному сочиненію никакъ нельзя составить правильнаго понятія о настоящемъ, персидскомъ „*Баяти*“. Г. Коргановъ воспользовался соблазнительнымъ заглавіемъ, вѣроятно, потому, что это эффектное сольное пѣніе съ аккомпаниментомъ названнаго оркестрика, весьма распространено въ Закавказьѣ, куда оно проникло

еще во времена грузинскихъ царей, являясь непремѣннымъ украшеніемъ царскаго стола. Въ настоящее же время только въ городахъ Закавказья можно встрѣтить подобныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ, гдѣ они украшаютъ сады и услаждаютъ слухъ кутащей молодежи. Тутъ они извѣстны подъ грузинскимъ названіемъ сазандаровъ, хотя ничего общаго не имѣютъ съ настоящими грузинскими „сазандари“ (въ Имеретіи). Нынѣ, какъ мнѣ лично пришлось убѣдиться, репертуаръ названнаго оркестрика и пѣвцовъ значительно расширился; они являются жалкими компиляторами, распѣвающими, кромѣ „Баяти“, самыя разнообразныя пѣсаня всѣхъ народовъ, не исключая италянскихъ романсовъ, фабрикуемыхъ ими на персидскій ладъ. Virtuозность этихъ инструментальныхъ исполнителей доходитъ иногда до того, что вы можете услышать среди мелодій восточнаго колорита вещи въ родѣ извѣстной баритоновой аріи изъ *«Травиаты»* и всевозможныхъ вальсовъ новѣйшей фабрикаціи.

III.

Въ составъ описанныхъ музыкантовъ баятистовъ сплошь да рядомъ входятъ Армяне, которыми персидское пѣніе вообще и указанный родъ въ частности, усвоенъ превосходно.

Трудно, конечно, предположить, чтобы у народа, нѣкогда жившаго, хотя бы кратковременной, самостоятельной исторической жизнью, не было вовсе и народнаго, мелодическаго богатства, въ смыслѣ музыки, свойственной определенной націи и свободной отъ примѣси чуждыхъ элементовъ, каковую единственно и должно считать народной; но къ сожалѣнію, у армянскаго народа это богатство, вѣроятно, разъ навсегда исчезло, и отъ него въ настоящее время ничего не осталось, а если что и сохранилось, то оно подверглось столь сильнымъ влияніямъ, съ одной стороны персидскому, съ другой грузинскому и даже малороссійскому (Нахичевань), что въ наши дни видѣть въ армянскихъ пѣсняхъ нѣчто самостоятельное прямо невозможно. Все нынѣ, подъ именемъ армянскаго слышущее, на самомъ дѣлѣ армянамъ не принадлежитъ, но является продуктомъ историческаго позавим-

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ствованія отъ другихъ народностей, имѣвшихъ общеніе съ ними.

Чужеземное вліяніе на армянъ было до того почти сплошное, что въ ихъ исторической жизни нельзя отмѣтить сколько нибудь продолжительной самостоятельности. Армения очень кратковременно находилась на положеніи цѣлаго государства подъ управленіемъ одного царя. Политическая судьба страны въ общихъ чертахъ была такова: арабы, завоевавшіе большую часть Арменіи, произвели различныя раздѣленія, (855 г. при халифѣ Мотевеккигѣ), затѣмъ страна покорилась Сельджукамъ и, въ концѣ концовъ, Русскіе, Персіане и Турки раздѣлили ее между собою.

Въ настоящее время юго-восточная часть Арменіи, (около $\frac{1}{6}$) принадлежитъ Персіанамъ, западная (около $\frac{2}{3}$) подчинена Турціи, а остальная—Россіи.

Вслѣдствіе такого распредѣленія всей страны, въ армянской музыкѣ нельзя отмѣтить одно какое либо вліяніе, подобное тому, какъ мы то видимъ у арабовъ, музыка которыхъ сперва находилась подъ вліяніемъ египетскимъ, потомъ подпала подъ вліяніе персидское, окончательно вытѣснившее первое и содѣйствовавшее тому, что персидская и арабская музыка, начиная съ VIII вѣка, соединяются въ одно болѣе не раздѣляющееся и тѣсно связанное цѣлое.

Армянская музыка носить отпечатки вліянія такого рода, что армяне, живущіе въ предѣлахъ Персіи, усвоили персидскую музыку, въ предѣлахъ Турціи—турскую, очень сходную съ персидской и отличающуюся отъ нея болѣе частымъ примѣненіемъ увеличенной секунды и чрезмѣрной кварты. Находящіеся же въ предѣлахъ Россіи армяне переняли грузинскую музыку, а также отчасти малороссійскую. Малороссійское вліяніе отражается исключительно въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ на югѣ Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, армяне поселились еще въ XI столѣтіи послѣ разрушенія Сельджукскимъ султаномъ столицы Великой Арменіи, а также въ царствованіе Петра Великаго, когда имъ было оказываемо нѣкоторое покровительство.

Все то, что уже собрано по части армянской музыки разными авторами, въ числѣ которыхъ можно отмѣтить не мало

армянъ (напр. Тигранова), и мною, служить подтвержденіемъ высказанной мысли: въ этомъ собранномъ матеріалѣ прежде всего въ изобиліи встрѣчаются мелизматическія украшенія исламитовъ, прихотливость изысканнаго ритма, своеобразный хроматизмъ, послѣдовательность эксцентричныхъ мелодическихъ оборотовъ, не исключая частаго примѣненія пресловутой увеличенной секунды и чрезмѣрной кварты, и пр. и пр., словомъ все то, что составляетъ характерную особенность для персидской и находящейся подъ вліяніемъ послѣдней турецкой музыки. Достаточно вспомнить исполнявшуюся нѣсколько лѣтъ назадъ въ этнографическомъ концертѣ въ Москвѣ пѣсню «*Крункъ*» (журавль), считающуюся за безусловно національную армянскую мелодію, чтобы убѣдиться въ томъ, что означенную мелодію съ полнымъ правомъ можно считать настолько же за армянскую, насколько и за персидскую ¹⁾.

Если къ сказанному прибавить еще нижеприведенные факты, то не можетъ быть сомнѣнія, что армяне позаимствовали все вокальное достояніе отъ тѣхъ, которымъ принадлежитъ львиная доля ихъ страны: 1) одноголосіе пѣнія, такъ отличающее музыку исламитовъ отъ музыки христіанскихъ народностей, сохранилось у армянъ, не смотря на то, что они христіане. Армяне всегда поютъ или solo, или же въ унисонъ. 2) Даже самый характеръ и отбѣнокъ исполненія пѣсенъ у армянъ являются точной копіей съ персидско-турецкаго.

Второе, что можно встрѣтить среди собраннаго матеріала по части армянской музыки—это пѣсни армянъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, представляющія изъ себя воспроизведеніе грузинскихъ и малороссійскихъ мелодій, съ той только разницей, что характеръ исполненія означенныхъ пѣсенъ въ устахъ армянъ пріобрѣтаетъ скорѣе персидскій отбѣнокъ, чѣмъ грузинскій или малороссійскій.

Изъ цѣлаго ряда мною записанныхъ армянскихъ пѣсенъ можно было-бы привести нѣсколько, гдѣ вліяніе грузинское и малороссійское, или даже грузинско-малороссійское не подлежитъ сомнѣнію. (См. прил., № 3).

1) См. „Этнографическій концертъ“, стр. 79.

Такимъ образомъ иноземное вліяніе въ зависимости отъ мѣста сказывается на армянской музыкѣ въ столь сильной степени, что она подъ этимъ гнетомъ, къ сожалѣнію, совершенно утрачиваетъ собственную физиономію, которая у нея нѣкогда, должно быть, была.

Тутъ мнѣ приходитъ на память въ высшей степени интересный и заслуживающій вниманія фактъ, особенно для начинающихъ изучать ту или другую народную музыку: собирая матеріалъ для одного изъ армянскихъ вечеровъ въ Москвѣ, я записалъ нѣсколько пѣсней со словъ людей, рекомендованныхъ въ качествѣ «*мѣстныхъ знатоковъ*». Изъ этихъ пѣсней мнѣ попалась одна, поразившая меня своей красотой и задушевностью и наведшая на сомнѣніе: въ ней звучало что-то знакомое, родное. Пѣсня эта называется по-армянски «*Дзмерн аниавъ*» («пришла весна»). Внимательно разсмотрѣвъ мелодію, я замѣтилъ въ ней малороссійское вліяніе и выразилъ сомнѣніе относительно ея подлинности, въ чемъ однако меня старались разубѣдить. Не могу не сознаться, что эти разубѣжденія не прошли совсѣмъ безслѣдно: въ пользу ихъ говорила не лишенная своеобразности и оригинальности вторая часть пѣсни, идущая въ быстромъ темпѣ. (См. *прилож.*, № 4) Спустя нѣкоторое время послѣ записи этой пѣсни, мнѣ пришлось встрѣтиться съ нашимъ лучшимъ знатокомъ Востока, проф. Э. Е. Коршемъ, интересовавшимся послушать записанныя мною пѣсни; онъ съ самаго начала отнесся какъ-то недовѣрчиво, почти скептически къ народной музыкѣ армянъ, услышавъ же приведенную пѣсню, не колеблясь указалъ на ея происхожденіе, носящее малороссійско-грузинскій характеръ съ легкой примѣсью турецкаго, совершенно правильно раздѣляющій мелодію на двѣ части. И дѣйствительно, въ послѣдствіи, при ближайшемъ знакомствѣ съ грузинскими пѣснями, я убѣдился въ справедливости мѣтвія, высказаннаго Э. Е. Коршемъ.

Фактъ этотъ заслуживаетъ вниманія тѣмъ, что онъ лишній разъ доказываетъ, сколь рискована бываетъ роль записывающаго, вынужденнаго неволью выдавать одно за другое. Не могу безъ сожалѣнія вспомнить о той ошибкѣ, жертвой которой сдѣлался я самъ: у всякаго не только знатока, но

даже болѣе или менѣе знакомаго съ жизнью Востока дилеттанта, безъ сомнѣнія, пробѣжить ироническая улыбка по поводу моей уже вышедшей въ печати *«Армянской сюиты»*, гдѣ я помѣстилъ въ финалъ „*Лезгинку*“, будто существуетъ что-либо общее между лезгинами и армянами. Однако, такъ случилось не только со мной, но даже съ отцомъ русской музыки М. И. Глинкой: извѣстный хоръ волшебныхъ дѣвъ въ замкѣ Наины: „*Ложится въ полъ мракъ ночной*“ (въ оп. „*Русланъ и Людмила*“), написанъ авторомъ, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ запискахъ, на сообщенную ему персидскую мелодію; на самомъ же дѣлѣ эта мелодія представляетъ изъ себя грузинскую пѣсню.

IV.

Восхитительная во всѣхъ отношеніяхъ природа Закавказья должна была способствовать особенной любви грузинъ къ нѣнью: неисчислимыя растительныя богатства долины Ріона, Куры и Арагвы вызывали въ грузинахъ всевозможныя настроенія и содѣйствовали тому, что грузинъ, не задумываясь надъ сюжетомъ своихъ пѣсенъ, слагалъ ихъ въ честь всего передъ собою видимаго. Оттого-то въ грузинскихъ пѣсняхъ не рѣдкость сюжеты, восхваляющіе природу и полные восхищенія ея красотой, сравниваемой съ духовной стороной жизни жителей прекрасной Иверіи.

Въ этой плѣнительно чудной странѣ, служившей богатымъ источникомъ вдохновенія для нашихъ лучшихъ поэтовъ, кромѣ смѣшанныхъ изъ мужчинъ и женщинъ хороводовъ, поющихъ по праздничнымъ днямъ на сельскихъ площадяхъ, кромѣ особыхъ сельскихъ хоровъ, составляющихъ украшеніе семейнаго торжества сосѣдей, существуетъ и особый классъ странствующихъ музыкантовъ. Это обыкновенно слѣпцы, сопровождаемые зрячими товарищами, иногда аккомпанирующими имъ на различныхъ инструментахъ; такъ, напр., въ Имеретіи эти пѣвцы - музыканты извѣстны подъ названіемъ *«сазандары»*. Инструментъ, на которомъ они наигрываютъ сопровожденіе своей пѣсни, дѣлается изъ небольшого бурдюка съ двумя лапками; въ одну изъ нихъ вставляется дере-

виный рожокъ съ круглыми продушниками, а въ другую— дудочка для наполненія бурдюка воздухомъ. Наполненный воздухомъ бурдюкъ берется пѣвцомъ подъ мышки, причемъ послѣдовательнымъ надавливаніемъ на бурдюкъ воздухъ выгоняется въ деревянный рожокъ, издающій тѣ или другіе опредѣленные звуки (пау-амбалах).

Тѣ-же самые «сазандари» въ Карталиніи и Кахетіи называются «местарэ». Кромѣ того тутъ встрѣчаются «метарэ»: они попадаютъ или по одиночкѣ, или вдвоемъ. Въ первомъ случаѣ метарэ и пѣвецъ и аккомпаниаторъ, во второмъ—одинъ изъ нихъ играетъ сопровожденіе на инструментѣ, нѣсколько подобномъ мандолинѣ, а другой подъ его звуки поетъ свои пѣсни, восхваляя поля, лѣса и горы Грузіи, воспѣвая подвиги своихъ храбрыхъ соотечественниковъ, погибшихъ въ борьбѣ съ турками и персами, и подчасъ рассказывая сцены изъ Св. писанія или историческихъ событій: напр., объ Авелѣ, Ноѣ, Іовѣ, Исаакѣ, о Тамарѣ, Израиліи и др. Сюжетами для своихъ пѣсней пѣвцы избираютъ также и народныя сказанія объ Амيرانѣ, Арчилѣ, Арсенѣ, Шахъ-Абазѣ и др. Сплошь да рядомъ эти рапсоды привѣтствуютъ слушателей комплиментами, съ цѣлью задѣть слабую человѣческую струнку для того, чтобы вызвать со стороны послѣднихъ болѣе щедрыя пожертвованія.

Случается иногда, что пѣвцы рассказываютъ и про свою безрадостную жизнь, смягчая и идеализируя печальную дѣйствительность. Вотъ примѣръ содержанія подобнаго рода пѣсни въ русскомъ переводѣ, помѣщенной въ «*Очерткахъ по исторіи Грузинской словесности*» А. С. Хаханова, т. I. (Москва 1895 г.):

Взгляните, слѣпецъ я, но жребій завидный
 Мнѣ посланъ на долю: я пѣсни пою,
 И вы, предстоящіе, вы мнѣ не видны,
 Но вижу, какъ любите пѣсню мою;
 Какъ льется она изъ веселаго сердца
 И сладко, и нѣжно, какъ трель соловья.
 Не правда-ль, заманчива рѣчь пѣснопѣвца,
 Согрѣта любовью и пѣсня моя!
 Мнѣ мрачно, когда озираюсь кругомъ,

Когда одиноко и сижу молчаливый;
 Когда же предъ вами съ открытымъ челомъ
 Пою беззаботно, веселый, счастливый,
 Тогда такъ свѣтло на душѣ, такъ легко,
 И горе тогда забываю, и бремя,
 И мыслью пошусь далеко, далеко,
 И мчится, какъ мысль, невозвратное время!

Описанныхъ пѣвцовъ - музыкантовъ можно встрѣтить во всѣхъ многолюдныхъ мѣстахъ: на ярмаркахъ, церковныхъ праздникахъ и пр.; ихъ обыкновенно окружаетъ цѣлая толпа, съ жадностью слушающая пѣвца, поющего про женскую красоту, про горе и радость вѣстьянъ и пр.

Замѣчательно, что въ Грузіи въ качествѣ странствующихъ пѣвцовъ приходится встрѣчать представителей другихъ народностей, напр. армянъ, но и эти инородцы поютъ только грузинскія пѣсни, на грузинскій сюжетъ, иначе ихъ никто не слушаетъ.

Эти странствующіе пѣвцы обыкновенно переселенцы изъ Турціи (армяне-ашуги), почти всѣ калѣки отъ природы, съ дѣтства посвятившіе себя пѣнію народныхъ пѣсенъ, какъ единственному средству для добыванія насущнаго хлѣба. Ихъ можно встрѣтить только въ городахъ сидящими, поджавши ноги, въ избранномъ уголкѣ съ разостланнымъ платкомъ, составляющимъ кассу, куда слушатели-прохожіе бросаютъ деньги.

Противоположность странствующимъ пѣвцамъ представляетъ другой типъ *пѣвцовъ-импровизаторовъ*, всюду являющихся желанными гостями: ихъ можно встрѣтить только въ качествѣ приглашенныхъ, на пирахъ, различныхъ торжествахъ, или у помѣщиковъ *ex necessitate*. Они съ особеннымъ искусствомъ поютъ народныя пѣсни, то грустно замирающія въ ихъ устахъ, то разгульно, весело расширяющіяся, вырываясь изъ вдохновеннаго содержаніемъ пѣсни сердца, но нерѣдко преподносятъ и свои собственныя импровизаціи, очень ярко отражающія духъ и складъ родного вокальнаго изліянія.

Стиль грузинскихъ народныхъ пѣсенъ, въ смыслѣ діатоническаго строенія мелодіи, строго выдержаннаго характера.

пластической красоты, церковныхъ ладовъ и отсутствія хроматизма, тождествененъ со строгимъ стилемъ грузинскаго церковнаго обихода, хотя этого нельзя сказать о всѣхъ пѣсняхъ безъ исключенія: на ряду со строгимъ стилемъ церковныхъ ладовъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчается примѣсь чувственности, вообще говоря, мало свойственной грузинской пѣснѣ.

Народныя пѣсни грузинъ всѣ построены въ древнихъ, церковныхъ ладахъ, со свойственными этимъ ладамъ каденціями и модуляціями, примѣняемыми съ большимъ искусствомъ и звучащими какъ-то своеобразно и оригинально.

Извѣстныя подъ названіемъ запрещенныхъ послѣдованій параллельныя квинты и октавы въ хоровыхъ пѣсняхъ не составляютъ рѣдкости, но, нужно сознаться, звучать почему-то очень красиво. Примѣромъ пѣсни съ упомянутыми послѣдованіями можетъ служить одна, давно сообщенная мнѣ Г. М. Баланчивадзе и слышанная также мною лично въ народѣ. (См. прилож., № 5).

Среди отличительныхъ признаковъ грузинскихъ пѣсней прежде всего слѣдуетъ указать, что всѣ онѣ безъ исключенія многоголосныя или, лучше сказать, трехголосныя (2 тенора и басъ), причемъ далеко не всегда основная мелодія находится въ верхнемъ, т. е. въ первомъ голосѣ: часто второй голосъ поетъ выше перваго, а также мелодія, начавшись въ среднемъ голосѣ, непосредственно переходитъ въ верхній, причемъ въ исполненіи мелодіи голоса чередуются между собой, какъ то видно изъ приводимыхъ примѣровъ (См. прил., № 6, а, б).

Случается также, что основная мелодія находится цѣликомъ въ среднемъ голосѣ, между тѣмъ какъ верхній образуетъ по отношенію къ ней интересный контрапунктъ, представляющій изъ себя нѣчто вродѣ *«melodia ostinata»*. (См. прилож., № 7).

Басовый голосъ всегда играетъ очень важную роль и имѣетъ настолько характерныя, излюбленныя ходы, что даже простой дилеттантъ съ перваго раза можетъ узнать грузинскую пѣсню. (См. прилож., № 8).

Иногда приходится наблюдать интересные случаи народнаго *«basso ostinato»*: басъ неизмѣнно повторяетъ извѣстную музыкальную фразу въ то время, какъ другіе два голоса исполняютъ на фонѣ ея мелодію, переходящую на подобіе

имитациій изъ одного—въ другой и образующую съ басовой фразой не лишенное интереса контрапунктическое соединеніе. (См. прилож., № 9).

Всѣ три голоса бывають обыкновенно самостоятельными, но изрѣдка два голоса соединяются въ одинъ и поютъ въ унисонъ; унисонъ же въ заключеніяхъ пѣсень является правиломъ, хоти и допускающимъ иногда нѣкоторыя исключенія. Изъ двухъ пѣсень, приводимыхъ мною ниже, одна можетъ служить демонстраціей случайнаго соединенія голосовъ въ унисонъ, а другая — примѣромъ характерной каденціи. (См. прилож., № 10).

Ритмически грузинскія пѣсни очень разнообразны и интересны, но совершенно лишены вычурности и мозаичности, свойственныхъ персидской музыкѣ. Рѣдко, но все же встрѣчается пятичетвертной размѣръ, ничего однако запутаннаго изъ себя не представляющій. (См. прилож., № 11, а, б).

Способъ исполненія пѣсень у Грузинъ совершенно лишенъ того горлового тембра въ связи съ носовымъ оттѣнкомъ, которыми отличаются многія народности Востока. Въ большинствѣ случаевъ они поютъ естественнымъ, груднымъ голосомъ, лишь изрѣдка прибѣгая къ фальцету. Послѣдній однако находитъ своеобразное и довольно широкое примѣненіе въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ въ Гуріи. Пѣсни, слышанныя мною тутъ, отличаются особенной, только имъ однимъ свойственной красотой; онѣ очень богаты по содержанію: отъ однихъ вѣетъ тихой, вѣжной грустью, изъ другихъ такъ и брызжетъ тонкій, заразительный, народный юморъ, третьи проникнуты богатырской, былинной ширью, или неподдѣльной веселостью.

Врядъ ли скоро изгладится изъ моей памяти то рѣдкое впечатлѣніе, которое произвели на меня гурійскія пляски и пѣсни, исполняемыя подъ аккомпаниментъ «чонсури» (родъ скрипки съ струнами изъ шелковыхъ нитокъ). Между прочимъ мнѣ пришлось наблюдать удивительно интересную и оригинальную народную пляску: мужской хоръ образуетъ кругъ; всѣ участвующіе кладутъ другъ другу на плечи руки и подъ звуки ими же исполняемой пѣсни начинаютъ пляску, сначала плавно и медленно, но потомъ, по мѣрѣ оживленія пѣнія, жи-

вляется и пляска, приобретающая наконецъ стремительный, увлекательный характеръ. Изъ участвующихъ избирается иногда наиболѣе ловкій, пляшущій по срединѣ круга. Если хоръ большой, то порой образуется два круга: въ такомъ случаѣ второй кругъ участвующихъ становится на плечи перваго. Пляска эта носитъ названіе «*Перхули*» и обыкновенно сопровождается приводимымъ ниже пѣніемъ. (См. прил., № 12).

Изъ цѣлаго ряда мною записанныхъ пѣсень, исполняемыхъ подъ аккомпаниментъ чонгури, я привожу хотя бы одну, могущую сказать очень многое за себя. (См. прилож., № 13).

Пѣсня эта записана при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя въ первый разъ выпали на мою долю. Мнѣ случилось вмѣстѣ съ знакомымъ моимъ Е. С. Хундадзе заблудиться въ горахъ, при перевздѣ изъ селенія *Чахатаури* въ *Саджевахо*. Дѣло было въ субботу, поздно вечеромъ. Мы находились въ раздумьи по поводу того, какимъ способомъ выбраться на дорогу, какъ замѣтили неподалеку виднѣвшійся огонекъ. Направившись туда немедленно, мы подѣхали къ крестьянской сагаѣ, откуда доносился шумъ, говоръ, смѣхъ, пѣсни и пляски. Любезно принятые хозяиномъ мы имѣли возможность около двухъ часовъ побыть въ этомъ обществѣ и записать все то, что представляло для насъ интересъ.

Тутъ я впервые замѣтилъ, что грузины отсутствіе сольныхъ пѣсень пополняютъ особеннымъ образомъ: верхній голосъ хоровой пѣсни превращается въ сольную партію, а аккомпаниментъ чонгури является какъ бы дополненіемъ недостающихъ голосовъ.

Тутъ же я записалъ очаровательно граціозную пляску, напоминающую женскій танецъ въ «Демонѣ» А. Рубинштейна. Она по справедливости можетъ занять подѣбное мѣсто среди грузинскихъ плясовыхъ пѣсень. (См. прилож., № 14).

Приведенный танецъ представляетъ интересъ своимъ изяществомъ формы въ связи съ граціозной пластичностью мелодіи. Кроме того онъ принадлежитъ къ немногимъ изъ грузинскихъ плясовыхъ пѣсень, имѣющихъ совѣтъ иную физиономію: особенность послѣднихъ заключается въ томъ, что

«основные» мотивы ихъ большей частью представляютъ небольшие музыкальные предложения, разделенныя между двумя хорами и повторяемыя много разъ съ различными вариациями при постепенномъ возрастании и уснореніи темпа.

По своему характеру эти пѣсни противоположны спокойному, плавному движению бытовыхъ, среди которыхъ первое мѣсто должно быть отведено *обрядовымъ*: это пѣсни-молитвы, интонація ицѣло выпросить у Бога снастіе и благоденствіе для своего отечества, дома и хозяина, къ которому приглашаютъ гостя.

Исполненіе обрядовыхъ пѣсней специально приурочивается къ нѣкоторымъ изъ двенадцати праздниковъ и храмовымъ торжествамъ. Последнія, когда сказать, составляя праздники того или другого села, пользуются у народа огромнымъ почитаніемъ, почти равнымъ торжеству Св. Пасхи и Рождества. Обрядовыя пѣсни проникнуты глубоко религіознымъ настроеніемъ и отличаются мягкостью и величественностью въ связи съ серьезностью и строгой выдержанностью стиля. Въ этихъ народныхъ пѣсняхъ ясно сказываются не только нравственные и религіозныя возрѣнія, но и замѣчательное гостеприимство, ласковость, доброта и то взаимное уваженіе хозяина и гостей, которыя служатъ отличительной чертой грузинъ. Приведу содержаніе одной пѣсни въ подобномъ родѣ: «Мы приняли къ тебѣ не потому, что ты дашь намъ лѣтъ и живы, а потому, что человекъ ты добрый, щедрый, привѣтливый и ласковый. Тебя мы любимъ и видимъ въ тебѣ очень много духовной красоты. Сладкую тебѣ мы споемъ пѣсню и попросимъ Бога, чтобы пѣсня эта много лѣтъ ласкала твой слухъ при нашемъ общемъ здоровьи и благоденствіи».

Говоря о грузинскихъ пѣсняхъ, нельзя пройти молчаніемъ *комбелъная* пѣсни, представляющія изъ себя исключеніе изъ общаго правила въ томъ отношеніи, что, вопреки многоголосному складу грузинской пѣсни, онѣ большей частью *одноголосныя*. Пѣнительныя по изяществу, теплотѣ и искренности, означенныя лѣвни являются по истинѣ перлами музыкальной грузинской народной поэзіи. Иногда впрочемъ ихъ поютъ и хоромъ: такъ, напримеръ, во время эпидеміи кори у постели больного ребенка собираются сосѣдки и въ хоро-

вой пѣснѣ обращаются къ богу съ просьбой, «погостить не долго, благоволишь покинуть ребенка и оставить ему жизнь на радость родителей».

Остальные грузинскія пѣсни, какъ напр. рабочія, свадебныя, похоронныя и пр. и пр., крайне интересны по тексту своему. Но такъ какъ цѣлью моего изложенія служить скорѣе мелодическая сторона означенныхъ пѣсней, чѣмъ литературное ихъ содержаніе, то я пройду ихъ молчаливо; скажу лишь то, что, сообразно съ характеромъ содержація грузинскихъ пѣсней, и напѣвы, на которые онѣ поются, то мягки, вѣжны, то бурны и грозны, какъ Черное море и величавыя горы Кавказа.

Изъ всего сказаннаго о грузинскихъ народныхъ пѣсняхъ и изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что грузинская музыка имѣетъ свой собственный обликъ, свою собственную сиюю-номію, одной ей принадлежащую. Она богата оригинальностью, свѣжестью; разнообразной смѣной настроеній, причемъ простыя, благодарныя мелодіи, развившіяся на почвѣ строгого діатонизма, отличаются большимъ музыкальнымъ содержаніемъ; ритмическій же интересъ, естественно вытекающій изъ этого содержанія, отнюдь не является придуманнымъ съ цѣлью разнообразія и не представляетъ изъ себя ничего мозаичнаго, или вычурнаго, какъ это встрѣчается въ персидской музыкѣ; ей безусловно принадлежитъ совершенно особое самостоятельное мѣсто среди народнаго музыкальнаго творчества прочихъ народностей Востока.

Этимъ самымъ однако я не всецѣло отрицаю иномземное вліяніе на грузинскую музыку, вліяніе, по моему мнѣнію, уже слишкомъ преувеличенное многими.

V.

Насколько мнѣ извѣстно, вопроса объ иномземномъ вліяніи на грузинскую музыку касались только два нашихъ соотечественника: я говорю о М. М. Ипполитовѣ-Ивановѣ и А. С. Хачановѣ. Первый пришелъ къ заключенію, что «многое въ грузинской народной музыкѣ, хотя и слыветъ подъ именемъ грузинскаго, на самомъ дѣлѣ Грузіи не принадлежитъ, но является продуктомъ историческаго наслоенія, влѣдствие по-

стояннато общенія съ другими народностями, а второй утверждаетъ, что всѣ историческія наслоенія выразились въ усвоеніи грузинами увеличенной секунды отъ персіанъ и татаръ, мелізма отъ арабовъ, и на этой почвѣ образовались новыя мелодіи въ смѣшанномъ грузино-арабо-персидскомъ стилѣ. Теперь посмотримъ, въ чемъ въ дѣйствительности выразилось иновременное вліяніе и насколько утвержденія приведенныхъ авторовъ справедливы по отношенію ко всей Грузіи.

Во время путешествія по Грузіи въ глаза бросается слѣдующій фактъ: народонаселеніе въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи принадлежитъ исключительно одному картвельскому племени, тогда какъ въ Кахетіи и смежной съ ней Карталиніи оно въ значительной степени перемѣшано съ татарами и армянами. Такая пестрота населенія центра Грузіи находитъ себѣ объясненіе въ исторической судьбѣ страны: роскошная, богатая и плодородная природа обратила Грузію въ соблазнительную добычу, приковавшую къ себѣ хищные взоры сосѣдей; она, окруженная съ давнихъ поръ мусульманскимъ міромъ, съ большими усиліями отстаивала свою самобытность. Этому ей удалось достигнуть вполнѣ въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи и въ очень большой степени въ Карталиніи и Кахетіи. Последнія области, не сохранивъ той сплошной населенности, какая существуетъ въ Имеретіи, удержали однако свою особенность въ нравахъ и обычаяхъ, особенность общую для всѣхъ сыновъ многострадальной Иверіи.

То же самое нужно сказать относительно вокальнаго, мелодическаго богатства: въ имерскихъ областяхъ (Имеретія, Мингрелія, Гурія) нельзя найти ни одной народной пѣсни, гдѣ можно было бы подмѣтить хотя бы незначительную частичку того, чѣмъ исламиты, повидимому долженствовавшіе оказать на нихъ вліяніе, любятъ украшать свои мелодіи. Тутъ грузинская народная пѣсня сохранилась въ полной своей самобытности, вѣроятно, потому, что, начиная съ простолюдина и кончая княземъ, отвращеніе ко всему, напоминающему магометанство, надо полагать, было слишкомъ велико, чтобы позаимствоваться чѣмъ либо у персіанъ и татаръ.

Сказанное было бы не совсѣмъ справедливо по отношенію

въ тѣснѣхъ, расцѣпленныхъ въ имерскія области (Кахетин и Карталинн): здѣсь на нѣкоторыхъ пѣсняхъ замѣтно вліяніе персидскаго; оно выражается тѣмъ, что на фонѣ строгой грузинской мелодіи появились добавочныя, мелкія ноты и даже большіе пассажи изъ нихъ. Злобчастная увеличенная секунда въ связи съ хроматизмомъ захотѣли въ нихъ свить себѣ гнѣздо. Эти наклонія однако являются столь ярко чуждыми диатоническому смыслу грузинской пѣсни, что ихъ не трудно сразу распознать и даже иногда отдѣлить, какъ напр., меліи, причѣмъ красота мелодіи отъ этого ничего не утрачиваетъ, какъ то можно видѣть въ нижеприводимой пѣснѣ. (См. прилож., № 15 а, b, с).

Изъ того обстоятельства, что нѣкоторыя имерскія пѣсни отражаютъ на себѣ персидское вліяніе, было бы ошибочнымъ отрицать музыкальную самостоятельность, проглядывающую въ огромномъ большинствѣ пѣсенъ центральной Грузіи.

Правда, повторяю, она до нѣкоторой степени не избѣжала персидскаго вліянія, передававшагося крестьянской массѣ но нисходящимъ ступенямъ (черезъ дворянство) отъ царскаго двора, такъ старательно подражавшаго персидской роскоши и обычаямъ, начиная со временъ Шахъ-Абаза, когда царями Кахетин были магометане, ставленники Персіи (XVI—XVII в.), но въ большинствѣ пѣсенъ она сохранила полную независимость.

Такимъ образомъ, въ общемъ, если одні пѣсни въ Кахетин и Карталинн отражаютъ персидское вліяніе, то другія (а ихъ подавляющее большинство) полны необыкновенной, вполне самобытной музыкальной прелести, которая присуща всѣмъ безъ исключенія пѣснямъ остальныхъ частей Грузіи.

Что же касается арабскаго вліянія, то о немъ врядъ ли возможно много говорить, ибо наблюдать его въ пѣсняхъ не приходится. Да и вѣтъ, по моему мнѣнію, основанія предпо- лагать подобное вліяніе: какъ бы часты ни были торговныя отношенія грузинъ съ арабами, вліяніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не могло быть столь сильно, чтобы превозмочь воз- дѣйствіе ближайшихъ сосѣдей (персовъ и турокъ). И если грузинская мелодія могла уцѣлѣть отъ вліянія послѣднихъ, то тѣмъ легче ей было избѣжать вліянія арабовъ. Однако, при желаніи, можно допустить и арабское вліяніе, только въ

пѣсеняхъ подвергшился персидскому вѣдѣнью, ибо начинающая съ VIII в. арабская музыка сливается съ персидскою въ одно нераздѣльное цѣлое.

VI.

По части собиранія грузинскихъ пѣсенъ и пользованія ими въ томъ смыслѣ, чтобы придать имъ художественную цѣльность, определенныя очертанія, фонъ и краски, у насъ до настоящаго времени дѣлалось, нельзя сказать, чтобы много. Безусловно кое-чѣмъ воспользовался М. И. Глинка въ *Руслани*, несравненно въ большей степени — А. Г. Рубинштейнъ въ *Демонѣ*, гдѣ, между прочимъ, помѣщенная очаровательная хоровая пѣсня грузинскихъ дѣвушекъ, спускающихся къ Арагвъ за водой, съ большой любовью распѣвается воими въ Грузіи; восхитительныя темы романса князя Синодала «*Обернувшись соколомъ*», «*Поченька темная*», рассказа няни «*Скачетъ къ невестѣ женихъ на конѣ*» и «*женской пляски*» — составляютъ неотъемлемую принадлежность Грузіи.

Изъ другихъ нашихъ композиторовъ нужно отмѣтить бывшаго нѣсколько лѣтъ директоромъ музыкальной школы въ Тифлисѣ М. М. Ипполитова-Иванова, который занимался собираніемъ грузинскихъ пѣсенъ въ Кахетіи. Покойный А. П. Бородинъ, нынѣ благополучно здравствующіе М. А. Балакиревъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, А. К. Глазуновъ, А. С. Аренскій очень мало интересовались чисто-грузинскою, народною музыкой.

Въ то время какъ музыка другихъ народностей Востока нашла у нашихъ композиторовъ блестящую художественную обработку, — грузинская народная музыка еще ждетъ талантливой ихъ кисти.

Покойный П. И. Чайковскій вовсе не интересовался восточною музыкой вообще и грузинскою въ частности, если не считать его арабскаго танца изъ балета «*Щелкунчикъ*», построеннаго на народной грузинской темѣ.

Такимъ образомъ все то немногое, что сдѣлано въ области примѣненія грузинскихъ темъ къ западно-европейскимъ музыкальнымъ формамъ, должно считать за единичныя, болѣе или менѣе интересныя попытки отдѣльныхъ личностей, и

грузинская народная музыка представляет изъ себя богатѣйшій, но пока еще сырой матеріалъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что изучать и культивировать этотъ матеріалъ стоитъ, и что именно этому изученію и культивированію суждено такое будущее, которое не только выведетъ современную *«восточную музыку»* изъ рамокъ ей печальнаго и рутиннаго застоя, но и вмѣстѣ съ тѣмъ откроетъ новые пути вообще теченію развитія музыкальнаго искусства, а русскимъ композиторамъ расширить горизонты ихъ творчества, давъ новый, широкій просторъ.

Высказанное мнѣніе не должно показаться удивительнымъ: если взгляды, выработанные доселѣ на почвѣ *«восточной музыки»* односторонняго направленія, дали большой толчекъ впередъ русской народной музыкѣ, въ смыслѣ обработки послѣдней, то тѣмъ болѣе дадутъ ей этотъ толчекъ взгляды, которые могутъ выработаться на почвѣ изучения грузинскаго народнаго мелодическаго богатства, безспорно имѣющаго нѣкоторыя черты, родственныя малороссійскимъ пѣснямъ.

Я глубоко убѣжденъ въ музыкальномъ родствѣ этихъ двухъ народностей, и убѣжденіе мое отчасти находитъ себѣ подтвержденіе въ нижеслѣдующихъ соображеніяхъ.

Если справедливо, что мѣстность, природа и климатическія условія оказываютъ огромное вліяніе на мелодическіе рисунки пѣсень, принадлежащихъ той или другой національности, то Грузины и Малороссы, какъ уроженцы юга, не могли этого не высказать болѣе или менѣе одинаково въ своихъ пѣсняхъ; если не подлежитъ сомнѣнію, что народныя пѣсни выражаютъ духъ народа и служатъ отголоскомъ его внутренняго міра, отражая и радости и горести, пережитыя народомъ на пути своего развитія, то и въ этомъ отношеніи можно найти сходство въ исторической жизни обѣихъ народностей: вѣчная борьба за существованіе, вѣчный страхъ передъ сосѣдями, постоянно стремившимися улучшить удобный моментъ для нападенія, вѣчная готовность къ войнѣ, геройскіе подвиги и пр.—все это вмѣстѣ взятое, разумѣется, должно было содѣйствовать нѣкоторой общности рисунковъ мелодій, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ количествѣ пѣсень.

Арсеній Корещенко.

№ 1^а. (Персидская) **КАВКАЗСКІЕ МОТИВЫ.**
Andante.

Музыкальный фрагмент № 1^а «Кавказские мотивы» (Персидская). Темп: Andante. Музыкальная запись на одной системе с нотами и орнаментами.

№ 2. (Персидская) **„Баяти.“** *Голосъ*
Andante.

Ударн. инстр.

Музыкальный фрагмент № 2 «Баяти» (Персидская). Темп: Andante. Музыкальная запись на двух системах: верхняя — голос, нижняя — фортепиано.

№ 3. **„Джан-гюлум.“**
Allegro.

Грузинск. влітніе | малорос. оборотъ | Грузинск. оборотъ | Чисто встрічаємъ въ грузин. п'єсняхъ каденція.

Музыкальный фрагмент № 3 «Джан-гюлум». Темп: Allegro. Музыкальная запись на одной системе с нотами и текстовыми пометками.

№ 4. **„Дэмерн-анцав.“**
Andante.
Solo

Хоръ.

Allegro.

Музыкальный фрагмент № 4 «Дэмерн-анцав». Темп: Andante. Музыкальная запись на двух системах: верхняя — хор, нижняя — фортепиано. Включает изменение темпа на Allegro.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЬЕСНЯ.

№ 5.

Andante cantabile. Тен. solo.

Тен. I.

(Гиподорійскій ладъ.)

Тен. II.
pp
X Басъ.
pp

№ 6a. *Allegro.*

Тен. I.

Тен. II.
Басъ.
3

b) *Allegro moderato.*

Тен. I.

Тен. II.
Басъ.

№ 7. *Allegro.*

Тен. I. (Въ родѣ *melodia ostinata.*)

(Гиподорійскій ладъ.)

Тен. II.
Басъ.

Басовый ходъ.
№ 8.

или

„Перхули“ (Шляска). I.

№ 9. Moderato
Тен. I. Хоръ 1й.

(Микколидйонскій ладъ.)

Хоръ 2й.

№ 10a.

Allegretto.

(Фолійскій ладъ съ пониж. 4 звук.)

ЗВ. Голоса иногда соединяются въ унисонъ.

b) Allegro.

Тен. I.

(Микколид. ладъ.)

Тен. II.

Басъ.

ЗВ. Окончаніе въ унисонъ и характерная каденція грузин. п'ісенъ.

№ 11a. Allegro moderato.

Тен. I.

(Фригійскій ладъ.)

Тен. II.

Басъ.

ЗВ. Необычное соединеніе $\frac{3}{4}$ съ $\frac{2}{4}$.

b) Andantino.

Колыбельная.

„Перхули“ II.

№ 12.

Moderato.

(Фригійскій ладъ).

Хоръ 1й. *rosso a rosso assel.*

Тен. I.

Тен. II.

Басъ.

и т. д.

Хоръ 2й.

Для конца

№ 13.

Allegretto.

Интродукція.

Голосъ.

(Теноръ)

Чонгури.

повторяется

№ 14. Allegretto grazioso.

pp

№ 15. a)

(увелич. секунда.)

„Ортав-твалис.“ (Кахетия)

b) Стъ мелизмами. (Персидское влияние.)

Безъ мелизмовъ

АРМЯНСКАЯ ДІАЛЕКТОЛОГІЯ.

Исторія ея изученія, методъ и задачи въ связи съ ея значеніемъ для исторіи армянскаго языка¹⁾.

Было время—и оно не очень далеко отошло отъ насъ, — когда языкъ армянскаго народа считался языкомъ иранскимъ или точнѣе принадлежащимъ къ языкамъ иранской вѣтви индо-европейской семьи языковъ. Иранство армянскаго языка стояло внѣ сомнѣній; это былъ догматъ равно обязательный для лингвиста и этнографа, для историка и географа. Да оно и не могло быть иначе. Лингвистическіе приемы и наблюденія пока еще были настолько примитивны и недостаточны, что основныя различія между иранскими языками (авестійскимъ, древнеперсидскимъ и др.) и языкомъ армянскимъ оставались незамѣченными. Съ другой стороны, могучіе культурно-историческіе факторы, содѣйствовавшіе иранизаціи Арменіи, такъ близко придвигали Арменію къ Ирану, что пришлый иранскій элементъ, такъ сказать налетъ иранства въ армянскомъ языкѣ, былъ принятъ за элементъ туземный, за нѣчто органическое. И только за послѣднюю четверть вѣка, когда сравнительное языковѣдѣніе стало уже на твердую ногу, начали замѣчать такіе лингвистическіе факты, которые не могли мириться съ догматомъ объ иранствѣ армянскаго языка. Мало по малу выяснилось, что армянскій языкъ не только не иранскій по своему происхожденію, но что онъ даже менѣе имѣетъ общихъ чертъ съ язы-

¹⁾ Рѣчь передъ защитой магистерской диссертации („Этюд по Армянской діалектологіи. Ч. I^а“) въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, 28 сент. 1897 г.

ками арійскаго Востока (т. е. съ языками Ирана и Индіи), нежели съ языками европейскими. Это открытіе было сдѣлано однимъ изъ первыхъ современныхъ иранистовъ и арменистовъ — профессоромъ Страсбургскаго Университета Г. Гюбшманомъ (H. Hübschmann)¹⁾. Здѣсь я не имѣю намѣренія излагать исторію полемики, возникшей между сторонниками иранства армянскаго языка и ихъ противниками. Я ограничусь только заявленіемъ, что въ настоящее время армянскій языкъ признается веѣми языкомъ самостоятельной вѣтви индо-европейской семьи.

Я съ намѣреніемъ началъ свою рѣчь этимъ небольшимъ экскурсомъ въ исторію сравнительно-историческаго изученія армянскаго языка.

Основное положеніе, а именно — что армянскій языкъ не иранскій, но членъ или представитель самостоятельной вѣтви, уже само по себѣ придадо особую важность изученію армянскаго языка. Мы имѣемъ, въ самомъ дѣлѣ, единственнаго представителя ново-открытой вѣтви, существованіе которой прежде не подозрѣвали! Мы имѣемъ новый матеріалъ для реконструкціи индо-европейскаго праязыка. Само собою понятно, сколь тщательно долженъ быть изученъ этотъ единственный сохранившійся представитель цѣлой вѣтви, это единственное звено, удѣлѣвшее изъ цѣлой цѣпи! И, дѣйствительно, арменисты уже не мало сдѣлали для выясненія исторіи армянскаго языка; передъ нами мы имѣемъ цѣлый рядъ работъ, трактующихъ о различныхъ вопросахъ сравнительной фонетики и морфологіи древне-армянскаго языка. Достаточно назвать имена Фр. Мюллера, Лагарда, Гюбшмана, Бутге, Бартоломѣ, Мелье (Meillet) и др.

Но для выясненія фізіономіи пра-армянскаго или обще-армянскаго языка (т. е. языка эпохи, предшествовавшей по-

1) См. его статью „Ueber die Stellung des armenischen im Kreise der Indogerm. Sprachen“ въ Zeitschriftъ Куна (т. XXIII). Здѣсь проф. Гюбшманъ показываетъ, что армянскій языкъ принадлежитъ къ самостоятельной вѣтви индо-европейской семьи языковъ, вѣтви занимающей промежуточное положеніе между вѣтвями арійскою (индо-иранскою) съ одной стороны и балтійско-славянскою (ныне литовско-славянскою) съ другой (pp. 89, 42—pp. 87, 40 отд. отт.). См. также его Armenische Studien, I (Leipzig, 1888), pp. 82—83.

явление (отдельных армянских диалектов) конечно одного изучения: древне-армянского литературного языка, такъ называемаго *грабара* 1), недостаточно. Для этой цѣли должно быть предпринято изученіе живыхъ современныхъ диалектовъ армянскаго языка. Это изученіе, въ связи съ изученіемъ *грабара*, и дастъ возможность современнѣе приступить къ построению обще-(или пра-)армянскаго языка. Въ этомъ отношеніи пока, къ сожалѣнію, сдѣлано очень немногое: изъ многочисленныхъ армянскихъ диалектовъ *литературно* изучены только слѣдующіе: диалектъ польскихъ Армявъ, диалектъ Агуинскій (такъ называемый языкъ Зюловъ), Ахаланскій, Тавричскій, Марашскій. Теперь посвящается моя работа о диалектѣ Мумшиковъ, т. е. о диалектѣ города Мумша въ прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ въ вѣсѣтѣ Вилниса (въ Турецкой Арменіи). Такимъ образомъ, вы видите, что армянская диалектологія находится еще въ зародкѣхъ и предстоитъ еще не мало работы, пока большинство диалектовъ будутъ изучены и станутъ достояніемъ науки. Тогда только выясненіе и взаимное отношеніе между диалектами и станетъ возможною самая ихъ классификація, а затѣмъ и построеніе обще-армянскаго языка.

Обративъ вниманіе на значеніе изученія ново-армянскихъ диалектовъ для исторіи армянскаго языка вообще, я хотѣлъ бы вернуть сдѣлать *обзоръ исторіи армянской диалектологии*. Этотъ обзоръ мы должны начать съ V вѣка нашей эры; когда, по преданію, неизвѣстныя лица были переведены и приспособлены къ армянскому языку грамматикомъ Діонисіемъ Фракийскимъ. Анонимный переводчикъ пользовался фактами армянскихъ диалектовъ, когда ему приходилось переводить тѣ мѣста греческаго подлинника, гдѣ рѣчь шла

1) *Грабаръ* по армянски означаетъ—*письменная рѣчь*. Этотъ древне-армянскій литературный языкъ извѣстенъ въ памятникахъ начиная съ V в. по Р. Х., *Грабаръ**, какъ и южній ивритъ литературный языкъ, представляющій собой, до известной степени, явленіе искусственное. Имя въ своемъ корнѣ, какой-то народный диалектъ определенной эпохи, онъ подвергся литературной обработкѣ и сдѣлался органомъ письменности, застылъ въ извѣстныхъ канонизированныхъ формахъ. (Срв. древне-индійскій литературный языкъ—Санскритъ.) Високоніе диалектологическаго основанія *грабара* есть дѣло будущаго.

также о греческихъ діалектахъ. Далѣе, въ XIV столѣтіи арм. писатель и грамматикъ Іоаннъ Еранкаци (Ерэнкійскій), составившій сводный комментарий, на основаніи трудовъ своихъ предшественниковъ, къ армянской редакціи грамматики Діонисія Фракійскаго, приводитъ (изъ грамматика Степаноса) названія семи армянскихъ діалектовъ (Корчайскій, Тайскій, Хутайскій, діалектъ IV-й Арменіи, Сперскій, Сюнійскій, Арцахскій), которые онъ характеризуетъ особымъ именемъ прилагательнымъ „*эзэракан*“, т. е. крайніе, лежащіе на окраинахъ, пограничные, какъ бы желая этимъ выдвинуть первенство Араратскаго діалекта, называемаго имъ „*миджэркура*“ т. е. средиземнымъ (находящимся въ центрѣ другихъ діалектовъ), и „*останик*“, т. е. столичнымъ, царскимъ, придворнымъ. Больше, насколько намъ извѣстно, у арм. грамматиковъ и писателей мы не имѣемъ специальныхъ извѣстій объ армянскихъ діалектахъ. Только иногда у того или другого писателя мы встрѣчаемъ мимоходомъ разрозненные свѣдѣнія о говорѣ той или другой армянской области, причѣмъ этотъ говоръ характеризуется всегда съ точки зрѣнія древне-арм. литературнаго языка (такъ называемаго грабара).?Смотря на послѣдній какъ на эстетическое мѣрило, писатели, говоря о мѣстныхъ говорахъ, называютъ ихъ неприятными, грубыми, непонятными. Для армянскихъ классиковъ народныя говоры, діалекты представляютъ лишь искаженіе грабара — письменной, литературной рѣчи; впрочемъ, даже въ сравнительно недавнее время еще находились среди армянскихъ и европейскихъ ученыхъ такіе, которые не иначе смотрѣли на взаимное соотношеніе народныхъ діалектовъ и древне-литературнаго языка. Насколько высоко стояла репутація грабара, можно видѣть даже изъ того обстоятельства, что проф. К. П. Паткановъ, въ своемъ изслѣдованіи *О составѣ армянскаго языка*, вышедшемъ въ 1864 г., говоря противъ происхожденія изъ этого грабара отдѣльныхъ арм. діалектовъ и указывая на важность изученія послѣднихъ, спѣшитъ оговориться, что онъ вовсе не думаетъ уменьшать значеніе самого грабара, т. е. древне-литературнаго арм. языка (Изсл. о составѣ арм. яз., стр. XVII).

Обращаясь къ трудамъ ученыхъ новаго времени, мы впер-

зие находимъ свидѣнія объ отдѣльныхъ особенностяхъ нѣкоторыхъ армянскихъ диалектовъ у голландскаго ученаго начала прошлаго вѣка — *Иоганна Шрбдера* (*Johann Schröder*); въ его замѣчательномъ трудѣ — *Thesaurus linguae armenicae* (Амстердамъ, 1711). Въ этой капитальной „сокровищницѣ“ мы находимъ особый отдѣлъ, озаглавленный *Synopsis linguae civilis Armenicarum*, въ которомъ *И. Шрбдеръ* (одинъ изъ первыхъ армянистовъ Европы) представилъ краткую грамматику одного изъ восточныхъ диалектовъ. Этому *Synopsis* у предпославо довольно интересное предисловіе, гдѣ мы встрѣчаемся съ попыткой выяснитъ отношеніе новыхъ армянскихъ диалектовъ къ древнелитературному языку. Свой *Synopsis* Шрбдеръ сопровождаетъ нѣсколькими текстами, представляющими диалоги на нѣкоторыхъ восточныхъ арм. диалектахъ (агулскомъ и др.). Эти нѣсколько страницъ въ настоящее время представляютъ для насъ особую цѣнность, ибо являются наиболее старыми образцами нѣкоторыхъ современныхъ арм. диалектовъ. (См. Паткановъ, *Иссл. о диал. арм. яз.*, стр. 53; Саргсянцъ, *Агул. диалектъ*, стр. 22 слд.). Далѣе, въ 1-й главѣ этого *Synopsis*'а (*De orthographia*) мы имѣемъ любопытныя указанія на нѣкоторые фонетическія особенности отдѣльныхъ арм. диалектовъ съ попыткой иллюстрировать ихъ съ помощью новыхъ европейскихъ языковъ (англ., франц. и др.). Больше интересныя и подробныя свидѣнія объ армянскихъ диалектахъ мы находимъ затѣмъ въ книгѣ арм. ученаго начала текущаго столѣтія — у Шагана-Чирбета, перваго профессора по кафедрѣ армянскаго языка въ Парижѣ, именно въ его обширной *Grammaire de la langue Arménienne*, изданной въ Парижѣ, въ 1823 году. Въ этомъ трудѣ авторъ дѣлаетъ общій очеркъ нѣкоторыхъ современныхъ ему армянскихъ диалектовъ, останавливаясь на выдающихся особенностяхъ и характеристичныхъ чертахъ каждаго изъ нихъ.

Послѣ труда Шаганъ-Чирбета, слѣдуя хронологическому порядку, мы должны назвать появившееся въ 1852 г. въ Москвѣ прекрасное изданіе пѣсемъ армянскаго народнаго пѣвца (ашуха) конца прошлаго вѣка — Саят-Нова, изданіе, которымъ мы обязаны д-ру медицины *Геворгу Ахвердыанъ*. Быть можетъ покажется нѣсколько страннымъ слышать о докторѣ медицины, под-

визающемся въ области діалектологін; но явленіе это имѣетъ свои основанія. Съ начала 50-тыхъ годовъ (или нѣсколько раньше) среди армянской интеллигенціи пробуждается интересъ къ народу; начинается изученіе народнаго быта, обычаевъ, преданій, языка и т. д. Это стремленіе „этнографически“ изучать народъ не ограничилось людьми, которымъ оно могло ближе всего касаться; этимъ дѣломъ заинтересовались почти все влиятельныя культурныя силы армянской интеллигенціи. Это движеніе не могло миновать и такого высокообразованнаго человѣка, какимъ былъ г-нъ Ахвердьянъ, врачъ по своей специальности. Его изданіе имѣетъ ашуха Саят-Нова могло бы сдѣлать честь любому филологу-эпиграфисту; оно было снабжено краткимъ, но толковымъ очеркомъ формъ тисисскаго діалекта, на которомъ написаны эти пѣсни народнаго пѣвца, и, кромѣ того, каждая пѣсня сопровождается обстоятельнымъ филологическимъ комментариемъ. Но этимъ не ограничивается заслуга Г. Ахвердьяна передъ армянскою діалектологіей. Въ своемъ введеніи онъ коснулся вопроса о древне-армянскомъ литературномъ языкѣ (=грабарѣ) и его отношеніи къ народнымъ діалектамъ; мысли, высказанныя здѣсь г-мъ Ахвердьяномъ почти позволяютъ тому назадъ, таковы, что подъ ними смѣло могъ бы расписаться любой лингвистъ конца XIX столѣтія.

Резюмируя изложеніе введенія Г. Ахвердьяна, мы находимъ у него слѣдующія положенія:

1) Народные діалекты не представляютъ исцѣпленія грабара, т. е. древне-армянскаго литературнаго языка.

2) Армянскіе діалекты произошли изъ общаго первоначальнаго армянскаго языка, существовавшаго въ древнѣйшую эпоху.

3) Древне-арм. письменный языкъ (грабаръ)—это одинъ изъ народныхъ діалектовъ, получившій литературную обработку, благодаря извѣстнымъ условіямъ (будучи языкомъ жрецовъ, двора и пр.); разговорнымъ, живымъ языкомъ онъ никогда не былъ; и для пониманія его требовалось, какъ и теперь, предварительное изученіе въ школахъ. При этомъ Г. Ахвердьянъ предполагаетъ, что, быть можетъ, діалектъ, легшій въ основу грабара, былъ именно таковой, который сохранилъ

въ большой чистотѣ особенности первоначальнаго армянскаго языка (т. е. языка обще-армянскаго).

4) Дialectами, которые могли бы лечь въ основу грабара, по мнѣнію Г. Анвердьянъ, могутъ считаться dialectы провинцій Айраратской и Таронской области, въ виду того значенія, которое обѣ страны имѣли въ исторіи Арменіи.

Для исторіи армянской dialectологии особенно важно отнестись къ Критическую Грамматіку ново-армянскаго литературнаго [Константинопольскаго] нарѣчія (на арм. яз.), принадлежащую перу маестрато аббата въяснихъ Мхитаристовъ—Арсена Айджинякъ (Вѣна, 1866). Въ этомъ трудѣ авторъ занялся изученіемъ арм. народной рѣчи, начиная съ первыхъ ея слѣдовъ, наблюдаемыхъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, написанныхъ на древне-литературномъ языкѣ.

Наконецъ, мы переходимъ къ трудамъ покойнаго профессора Вост. Фак. Имп. С.-Петербургскаго Университета К. П. Патканова, къ трудамъ, составляющимъ эпоху въ исторіи армянской dialectологии. Проф. Паткановъ можетъ, по мнѣнію, считаться основателемъ научнаго изученія арм. dialectовъ. Еще въ своей магистерской диссертации *Исследование о составѣ Армянскаго языка* (СПб. 1864) петербургскій арменистъ высказалъ нѣсколько замѣчательныхъ мыслей о значеніи изученія армянскихъ dialectовъ (См., напр., стр. XIII, XVI—XVII предисловія). Затѣмъ, въ своемъ самодепч. опытѣ—*Исследование о dialectахъ арм. языка*, СПб. 1869—онъ представилъ краткіе очерки отдѣльныхъ армянскихъ dialectовъ, свѣдѣнія о которыхъ были получены имъ со стороны. Здѣсь авторъ намѣтилъ общіе пути, по которымъ должно идти изученіе арм. dialectологии, выяснилъ ея капитальное значеніе для изученія армянскаго языка вообще, установилъ правильную точку зрѣнія на отношеніе новыхъ dialectовъ къ древне-литературному языку и выставилъ нѣкоторыя desiderata, въ сожалѣнію еще до сихъ поръ не всегда являющіяся осуществленными. Кромѣ только что упомянутаго исследованія объ арм. dialectахъ, Керолю Петровичъ издалъ два выпуска dialectическихкихъ текстовъ, одинъ (1875) съ образчиками dialectа Нахичеванскаго (на Дону), другой (1875)—Мушскаго.

и наконецъ въ Monatsbericht Берлинской Академіи Наукъ помѣстилъ (1866) этюдъ объ Агулисскомъ діалектѣ.

Дѣло, начатое проф. Паткановымъ, не заглохло. Въ 1883 г. появился почтенный трудъ армянскаго ученаго Саргиса Саргсянца, въ которомъ авторъ представилъ фонетику и морфологию Агулискаго діалекта (иначе — языка Зоковъ), сопроводивъ ихъ многочисленными текстами, собранными на мѣстѣ имъ же самимъ. Это, можемъ смѣло сказать, была первая ученая монографія, трактовавшая объ известномъ діалектѣ и долженствовавшая открыть собою серію другихъ подобныхъ же монографій. Первый опытъ начался при добрыхъ предзнаменованіяхъ: книга С. Саргсянца была съ радостью встрѣчена въ ученомъ мірѣ и, какъ ученое изслѣдованіе, была признана удовлетворяющею требованіямъ науки. Особенно въ этомъ трудѣ автору удалась морфологія; что же касается фонетики, то, сравнительно съ морфологіей, она представляется не столь разработанною и обстоятельною.

Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1886 г.) въ Краковѣ появился трудъ молодого доцента сравнит. грамматики и санскрита въ вѣнскомъ университетѣ, Яна Гануша (Jan Hanusz) — O języku Ormian Polskich. Въ этомъ трудѣ, появившемся сначала въ XI т. трудовъ Краковской Академіи Наукъ, польскій лингвистъ, въ сожалѣнію слишкомъ рано похищенный для науки смертью, представилъ довольно обширный списокъ словъ, собранныхъ среди галиційскихъ Армянъ, сопроводивъ ихъ польскимъ и французскимъ переводами и сопоставивъ съ соответствующими словами грабара и другихъ ново-армянскихъ діалектовъ. Со слѣдующаго же года на страницахъ новаго лингвистич. журнала Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes началось печатаніе и самого изслѣдованія Гануша о фонетикѣ польско-армянскаго діалекта подъ заголовкомъ: „Beiträge zur armen. Dialektologie“. Въ этомъ прекрасномъ трудѣ авторъ исходною точкою принялъ звуки самого польско-арм. діалекта; отъ нихъ онъ восходитъ къ звукамъ древне-армянскаго литературнаго языка (грабара), сопоставляя каждое отдѣльное слово польско-арм. діалекта съ соответствующимъ грабарнымъ.

Послѣ трудовъ Гануша мы должны назвать объ работы

А. И. Томсона (ныне проф. сравнит. языковѣдѣнія и санскрита въ Одессѣ). Первая изъ нихъ, вышедшая въ 1887 г. („Лингвистическія изслѣдованія“), заключала „краткій очеркъ фонетики и морфологии Ахалцыхскаго діалекта“. Въ этомъ трудѣ авторъ держался той же системы, какъ и Ганушъ, т. е. восходилъ отъ звуковъ и формъ ахалц. діалекта къ звукамъ и формамъ грабара. Но во второмъ трудѣ („Историч. грамматика современнаго арм. языка г. Тифлиса“, СПб. 1890), посвященномъ обстоятельному описанію Тифлисскаго діалекта, авторъ измѣнилъ систему въ своемъ изслѣдованіи: въ фонетикѣ онъ уже исходитъ отъ звуковъ грабара къ звукамъ тифлисскаго діалекта, т. е. рассматриваетъ, какіе звуки въ тифлисскомъ діалектѣ соответствуютъ извѣстному звуку грабара. Методъ этотъ наиболѣе удобный и цѣлесообразный при настоящихъ обстоятельствахъ, и объ немъ намъ еще предстоитъ говорить. Особенность того и другого труда проф. Томсона заключается въ томъ, что авторъ не довольствуется установленіемъ соотношеній между звуками и формами извѣстныхъ діалектовъ съ одной стороны и грабара съ другой,—но пытается также выводить формы обще-армянскаго языка, изъ котораго уже произошли отдѣльные діалекты. Попытка эта, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній по армянской діалектологіи, является если не преждевременною то, во всякомъ случаѣ, очень смѣлою.

Наконѣцъ, въ 1896 г., въ ученомъ органѣ вѣнскихъ Минтеристовъ „*Handes Arznohu*“ начался печатаніемъ (съ февральскаго №-а) этюдъ по фонетикѣ Марашскаго (въ Зейтунѣ) діалекта, принадлежащій перу молодого армениста Меликъ-Давидъ-Бега. Авторъ пользовался, при этомъ, указаніями парижскаго профессора—лингвиста А. Meillet. На этомъ этюдѣ я заканчиваю обзоръ трудовъ по армянской діалектологіи, появившихся до выхода въ свѣтъ моей работы о Мушскомъ діалектѣ, къ которой я теперь и обращаюсь.

Трудъ, который я представилъ на судъ историко-филологическаго факультета Имп. С.-Петербургскаго Университета, составляетъ плодъ моихъ трехлѣтнихъ занятій. Его содержаніемъ служитъ сравнительная фонетика Мушскаго діалекта въ связи съ фонетикою грабара, т. е. древне-

армянскаго литературнаго языка¹⁾. Изученіе Мухскаго діалекта для меня постоянно представлялось дѣломъ, особенно замѣчательнымъ и въ то же время очень важнымъ для исторіи арм. языка вообще въ виду значенія, которое имѣетъ въ исторіи Арменіи Мухская страна. Мухская страна — древняя армянская область Таронъ (въ Великой Арменіи), прославлена древними армянскими писателями какъ одна изъ наиболее прѣстутныхъ областей Арменіи. Страницы исторіи этой области полны героическихъ воспоминаній и въ политическомъ и религиозномъ жизни Армянъ. Достаточно упомянуть, что эта Таронская область была удѣломъ феодальнаго рода Мамиконянь. Когда возгорѣлась религиозная война съ Персіей, Сасанидское царство которой стремились къ полной кривизации Арменіи, однимъ изъ доблестныхъ защитниковъ національной церкви выступилъ Варданъ изъ рода Мамиконянь. Въ интеллектуальномъ развитіи Арменіи Таронская область играла чуть ли не первостепенную роль; изъ нея вышли многіе сподвижники въ дѣлѣ просвѣщенія Арменіи, какъ-то: св. Месропъ, составитель новаго армянскаго алфавита, „отецъ армянской исторіи“ Моисей Хоренскій и мн. др. Въ этой же странѣ находился Яшгишатъ, городъ знаменитый своими религиозными нундтами въ языческую эпоху Арменіи. Въ виду всего этого я склоненъ былъ вѣрить, что быть можетъ въ языкѣ этой Таронской страны надо искать основу древнеармянскаго литературнаго языка.

Впрочемъ, мысль о возможности поисковъ началъ грабара въ діалектѣ Мухской (Таронской) страны была высказана еще задолго до меня. Почти полвѣка тому назадъ извѣстный армянскій ученый, г-нъ Ахвердьянъ, во введеніи къ своему уже упомянутому изданію пѣсень тифлисскаго ануха Саят-Новы, высказалъ, какъ мы видѣли, мнѣніе о значеніи и важности діалекта Таронской области и Айрататской провинціи (т. е. діалектовъ Мухскаго и Араратскаго) въ виду тѣхъ фактовъ изъ исторіи Арменіи и исторіи Армянской литера-

1) „Этюды по Армянской Діалектологіи. Ч. I. Сравнительная фонетика Мухскаго діалекта въ связи съ фонетикою Грабара. Москва 1897 г., pp. XXIV—146“. Въ немъ „Довѣщенія и исправленія (М. 1897), р. IX“.

туры, которые традиціонно и исторически связаны съ обѣими этими странами.

Территорія Мушскаго діалекта пока не можетъ быть опредѣлена съ точнымъ обозначеніемъ своихъ границъ. Но, во всякомъ случаѣ, территория, отведенная этому діалекту проф. Паткановымъ какъ въ его „Исслѣдованіи о діалектахъ Арм. языка“ (р. 103), такъ и во 2-мъ вып. „Матеріаловъ для изученія арм. нарѣчій“ (р. II), слишкомъ велика и должна быть въ значительной степени сужена. Мы, на основаніи нашихъ свѣдѣній, опредѣляемъ территорию изучаемаго нами діалекта приблизительно такъ: Мушскій діалектъ (именно тотъ, матеріалы по которому мы собрали) это—діалектъ города Муша и прилегающихъ къ нему мѣстностей, т. е. діалектъ Мушской равнины—„Мышу дашт“ въ древней Таронской области Туруберанской провинці Великой Арменіи (нынѣ Мушскій Салджанъ, Битлискаго вилайета).

До меня Мушскимъ діалектомъ занимался К. П. Паткановъ, который издалъ въ 1875 г. второй выпускъ „Матеріаловъ для изученія армянскихъ нарѣчій“, въ которомъ напечаталъ нѣкоторые тексты на Мушскомъ діалектѣ и далъ краткія свѣдѣнія о фонетическихъ и морфологическихъ особенностяхъ этого діалекта. Но, къ сожалѣнію, изданные имъ тексты не всегда заключаютъ въ себѣ образчики чистаго Мушскаго діалекта, вслѣдствіе чего въ очеркѣ фонетики мы находимъ приписанными Мушскому діалекту такія явленія, какія въ немъ не имѣютъ мѣста. (См. «Этюды по Арм. діалектологіи», ч. I §§ 160, 212). Если я позволяю себѣ упомянуть объ этомъ обстоятельстве, то, конечно, не съ цѣлью набросить тѣнь на славную память незабвеннаго профессора, который самъ былъ введенъ въ заблужденіе неточною орографіей имѣвшихся въ его распоряженіи текстовъ, большинство которыхъ было имъ перепечатано изъ изданій другихъ фольклористовъ¹⁾.

¹⁾ По своей фонетикѣ Мушскій діалектъ принадлежитъ къ группѣ „восточныхъ“ діалектовъ, если позволительно удержать эту несомнѣнно точную традиціонную терминологию. Нѣкоторыми армянистами этотъ діалектъ отождествился съ діалектомъ Ванскимъ; заблужденіе это, которому уцѣлѣлъ дань и я, было

Когда я начал изучать эти тексты, то сразу почувствовал все их неудобство для лингвистических цѣлей, для которыхъ, впрочемъ, они и не предназначались. Фолклористы мало обратили вниманія на фонетическую сторону языка и записали тексты примѣнительно къ орфографіи литературнаго ново-армянскаго языка, такъ что звуковыя діалектическія особенности остались скрытыми. Въ виду этого я рѣшилъ оставить совершенно эти тексты и лично изъ устъ народа собрать новые, записавъ ихъ научною латинскою транскрипціей.

Конечно, разъ я желалъ изучать живую рѣчь Мушцевъ мушкаго населенія, то я долженъ былъ отправиться въ Мушъ, въ Битлисскій вилайетъ Турецкой Арменіи. Это разумѣется само собою. Но, къ сожалѣнію, этого сдѣлать я не могъ въ виду тѣхъ затрудненій и даже опасностей, которыя сопряжены съ научными занятіями въ предѣлахъ Оттоманской имперіи; я думаю, что извѣстный случай съ однимъ профессоромъ-славистомъ слишкомъ хорошо памятевъ въ ученоемъ мірѣ и, поэтому, мнѣ нѣтъ необходимости распространяться на эту тему ¹⁾. Не имѣя возможности производить свои изслѣдованія на мѣстѣ, я рѣшилъ отправиться въ Закавказскій край, гдѣ, какъ мнѣ было хорошо извѣстно, находилось не мало мушскихъ переселенцевъ. Такихъ лингвистическихъ экскурсій я совершилъ двѣ, лѣтомъ 1894 и 1895 г. Работая въ Тифлисѣ, Батумѣ, Эривани и Эчмиадзинѣ, я собралъ извѣстное количество текстовъ, на основаніи которыхъ и написанъ мой трудъ о фонетикѣ Мушкаго діалекта, составляющій первую часть моихъ „*Этюдозъ по Армянской діалектологіи*“. Разумѣется, работа не на родинѣ самого діалекта должна сказаться невыгодно на моемъ трудѣ: очень часто я нахожусь въ недоумѣніи относительно того или другаго вопроса и явленія, на что, конечно, съ полвымъ правомъ сдѣлають мнѣ указанія мои критики и рецензенты. Будемъ надѣяться,

вызвано близостью Мушкаго діалекта къ Ванскому въ морфологическомъ отношеніи; однако по своимъ фонетическимъ особенностямъ какъ Мушскій, такъ и Ванскій представляютъ два отдѣльных діалекта.

1) На трудности, сопряженныя съ научными занятіями въ Турціи, указываетъ и I томъ Извѣстій Русскаго Археологич. Института въ Константинополѣ.

что будущій изслѣдователь окажется счастливѣе меня и будетъ имѣть возможность пронавести свои наблюденія на самой родинѣ Мушскаго діалекта. Я не сомнѣваюсь, что тогда мой трудъ будетъ и исправленъ и дополненъ во многихъ отношеніяхъ.

Перехожу теперь къ *методу* моей работы, методу, который можетъ считаться общимъ для всякаго подобнаго діалектологическаго этюда и который былъ уже успѣшно примѣненъ моими предшественниками (Томсономъ и др.). Я, именно, svoju всё фонетическія явленія Мушскаго діалекта къ грабару, т. е. къ древне-арм. литературному языку, сопоставляя съ каждымъ звукомъ грабара его мушскія корреспонданціи (соотвѣствія). При настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній по армянской діалектологіи этотъ приемъ является единственно-раціональнымъ способомъ изученія исторіи армянскихъ діалектовъ. Этимъ способомъ весь діалектический матеріалъ сводится къ извѣстнымъ единицамъ и, такимъ образомъ, облегчается путь къ вѣчной цѣли изученія армянской діалектологіи—къ *сопоставленію встарь арм. діалектовъ между собою и восстановленію, путемъ сравнительнаго метода, обще-армянскаго языка* (т. е. языка той эпохи, которая предшествовала появленію отдѣльныхъ арм. діалектовъ). Но, конечно, съ научной точки зрѣнія такой методъ можно оспаривать, ибо иногда дѣло можетъ принять такой характеръ, какъ будто мы отождествляемъ грабаръ съ обще-армянскимъ языкомъ, тогда какъ самый грабаръ, какъ искусственный литературный языкъ, заключаетъ въ своей основѣ одинъ изъ діалектовъ, получившихъ литературную обработку. Не смотря на это, пока (я дѣлаю особое удареніе на этомъ словѣ) ради несомнѣнныхъ удобствъ мы должны держаться этого метода.

Илагая соотвѣствія каждому звуку грабара въ Мушскомъ, я считалъ нелишнимъ предпосылать особый §-ъ, въ которомъ излагается *генетическая исторія этого грабарнаго звука*, т. е. разсматривается, какому звуку или какимъ звукамъ индо-европейскаго праязыка онъ соотвѣтствуетъ. Такимъ образомъ, я возвожу исторію звуковъ Мушскаго діалекта—черезъ посредство грабара—до индо-европ. праязыка.—Далѣе, я считалъ нужнымъ обратиться къ изученію *чередующихся*

ими параллельныхъ звуковъ въ самомъ грабарѣ. Этому изученію параллельныхъ написаній въ грабарныхъ рукописяхъ я придаю особенную важность. Я не сомнѣваюсь, что современемъ, когда изученіе древне-армянскихъ рукописей съ лингвистической точки зрѣнія станетъ на твердую ногу, окажется возможнымъ открыть слѣды древнѣйшихъ діалектовъ. Лично я рукописями занимался не особенно много; такъ, я изучилъ нѣкоторыя древнѣйшія рукописи бібліотекъ Мхитаристовъ въ Венеціи и Вѣнѣ¹⁾, о нѣкоторыхъ же другихъ я имѣлъ свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ (напр. о рук. Евангеліи бібліотеки Лаз. Инст. Вост. Языковъ въ Москвѣ). Несмотря однако на ограниченное число рукописей, которыми я занимался, мнѣ всетаки удалось и изъ нихъ извлечь интересныя написанія, представляющія уклоненіе отъ «классическаго канона». Въ связи съ изученіемъ вариантовъ рукописныхъ написаній первостепенное значеніе имѣетъ также *изученіе особенностей отдѣльныхъ географическихъ школъ*; этотъ отдѣлъ армянской филологіи, къ сожалѣнію, почти совершенно не затронутъ.

Еще болѣе матеріала для древнѣйшихъ армянскихъ діалектовъ можно извлечь изъ древне-армянскихъ *надписей*. Но, къ сожалѣнію, изданія ихъ оставляютъ желать очень многого, вслѣдствіе чего и приходится ограничиваться очень немногими, но за то точными копіями.

Въ заключеніе я не могу не повторить моей глубокой благодарности тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя такъ или иначе содѣйствовали мнѣ при моихъ занятіяхъ какъ въ Закавказьѣ и Москвѣ, такъ и въ Венеціи и Вѣнѣ. Съ особою же признательностью я долженъ помянуть покойнаго заслуженнаго профессора С.-Петербургскаго Университета К. П. Патканова, незабвенной памяти котораго я посвятилъ свой первый трудъ въ области армянской діалектологіи. Труды проф. Патканова, о которыхъ я уже

1) О венеціанскихъ и вѣнскихъ Мхитаристахъ см. мою статью въ сборникѣ „Братская помощь пострадавшимъ Армянамъ (М. 1897)“—подъ заглавіемъ: „Дѣла ученыхъ обитали“.

упоминалъ, были для меня первымъ учебникомъ и руководствомъ, когда я началъ заниматься армянской діалектологіей. Могу сказать — эти труды и двинули меня въ эту область армено-вѣдѣнія.

Къ незабвенному Керопе Петровичу я вправѣ обратиться съ извѣстнымъ стихомъ безсмертнаго тосканскаго пѣвца:

Tu se' lo mio maestro e il mio autore!
(*Dante, Divina Commedia, Inferno, I, 85*).

Итакъ, если покойный проф. Паткановъ указалъ мнѣ своими трудами путь по которому идти, то пусть его настоящіе преемники и сотоварищи по университету укажутъ мнѣ, насколько вѣрно я иду по избранному пути! Dixi.

Левомъ Мсерианцъ.

Къ стр. 30. Покойному Яну Ганушу (Jan Hanusz), кромѣ упомянутаго изслѣдованія о языкѣ Галицкихъ армянъ, принадлежитъ также статья (составленная при участіи Ад. Крыньскаго) объ армянскомъ языкѣ и его діалектахъ въ польской энциклопедіи, издаваемой въ Варшавѣ— „Wielka Encyklopedia Powszechna Ilustrowana t. V, pp. 7—9.

Обычаи армянъ въ Галиціи, съ множествомъ мѣстныхъ армянскихъ выраженій и нѣкоторыми библиографическими указаніями, описаны Оскаромъ Колабертомъ въ его монографіи „Pokusie. Obraz etnograficzny“. Kraków. 1882, t. I, pp. 353—356.

Ред.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ, ОБЫЧАИ, ПОВѢРЬЯ и ПРЕДАНИЯ

у Бурятъ Унгинскаго Иностранческаго вѣдомства Балаганскаго округа.

У Бурятъ Унгинскаго Иностранческаго вѣдомства есть такое преданіе о происхожденіи свадьбы. Эсэгэ-Малан-тэнгэри вздумалъ женить своего сына, которому хотѣлъ высватать дочь богатаго Хангая (по-бурятски: багин Хангай). Когда Эсэгэ-Малан-тэнгэри пріѣхалъ къ богатому Хангаю сватать дочь за своего сына, тогда богатый Хангай потребовалъ отъ Эсэгэ-Малан-тэнгэри: «дай мнѣ лучи солнца и луны!».

Тогда Эсэгэ-Малан-тэнгэри, не сосватавъ его дочь, пріѣхалъ обратно домой, думая, что если онъ богатому Хангаю отдастъ лучи солнца и луны, то на землѣ сдѣлается темно, и что же будетъ съ земными людьми?

Жена Эсэгэ-Малан-тэнгэри, Эхэ-Юран-тэнгэри, спрашиваетъ у своего мужа, высваталъ-ли онъ дочь богатаго Хангая. Эсэгэ-Малан-тэнгэри говоритъ своей женѣ, что богатый Хангай проситъ у него лучи солнца и луны, которыхъ дать нельзя. Тогда жена говоритъ ему: „ты поѣзжай къ богатому Хангаю и проси у него морское мерцаніе и земное отраженіе, которыхъ и онъ не можетъ дать тебѣ. Эсэгэ-Малан-тэнгэри опять поѣхалъ къ богатому Хангаю и спрашиваетъ у него морское мерцаніе и земное отраженіе. Богатый Хангай ни того ни другого не могъ поймать; тогда онъ отказался и отъ своего требованія.

Эсэгэ-Малан-тэнгэри высваталъ дочь богатаго Хангая за своего сына и пріѣхалъ домой. Богатый Хангай пріѣхалъ съ своею дочерью къ Эсэгэ-Малан-тэнгэри. Оба они не знали, какъ женить, т. е. устроить свадьбу; тогда они пригласили шамана Ноён-Бубея, который устроилъ свадьбу, слѣдующимъ образомъ: закололъ барана, голову котораго взялъ съ дыхательнымъ горломъ, сердцемъ и легкимъ; велѣлъ вырубить березу, вкопать ее въ землю, и эту березу

пазвалъ „турга“. На турге повѣсилъ шубу жены Эсэгэ-Малан-тэнгэри Эхэ-Юран-тэнгэри, и невѣста бросила жиръ своему свекру Эсэгэ-Малан-тэнгэри. Такимъ образомъ была устроена первая свадьба.

Другіе говорятъ слѣдующее: когда Эсэгэ-Малан-тэнгэри высваталъ дочь богатаго Хангая за своего сына, то онъ отвезъ сына къ невѣстѣ, но сынъ постоянно уходилъ домой. Тогда Эсэгэ-Малан-тэнгэри, по совѣту шамана Ноён-Бубея (а другіе говорятъ—по совѣту Заря Азарга), привезъ невѣсту къ своему сыну и устроилъ первую свадьбу, какъ выше описано. Тогда невѣста не уходила отъ своего жениха. Съ этого времени невѣсту стали отвозить къ жениху.

И у Кудинскихъ бурятъ есть тоже преданіе, что Эсэгэ-Малан-тэнгэри высваталъ своему сыну невѣсту, къ которой отводилъ нѣсколько разъ сына, но сынъ его всегда уходилъ домой. Тогда Эсэгэ-Малан-тэнгэри, по совѣту Заря-Азарга (ежа), привезъ невѣсту и отдалъ сыну и устроилъ свадьбу; невѣста уже не уходила отъ мужа. Съ этого времени стали отвозить невѣсту къ жениху, а не жениха къ невѣстѣ, какъ прежде было ¹⁾.

Нѣкоторые буряты Унгинскаго Инородческаго вѣдомства

¹⁾ Это не намекъ-ли на существованіе матриархата у бурятъ? Кстати будетъ обратить вниманіе на высшія божества у бурятъ. Намъ извѣстно, что у западныхъ 55 тэнгэри самый старшій изъ нихъ, Хан-Тюрмас-тэнгэри, имѣетъ бабушку Манзан-Гормо, которая имѣетъ девять драгоцѣнностей (эрдэни); къ ней-то Хан-Тюрмас-тэнгэри обращается во всѣхъ трудныхъ и опасныхъ случаяхъ, отъ нея получаетъ совѣты и наставленія и ей молится, какъ покровительницѣ. Наставленія и совѣты бабушки Манзан-Гормо Хан-Тюрмас-тэнгэри и всѣ прочіе западные тэнгэрини исполняютъ безпрекословно.—Между восточными 44 тэнгэри тоже есть одна тэнгэри изъ женщинъ, которую буряты называютъ Охин-Хара-тэнгэри; она очень могущественна и земнымъ женщинамъ она посылаетъ разныя болѣзни.

У бурятъ Унгинскаго вѣдомства во главѣ Хотхо-Онгоновъ находятся девять дочерей Эсэгэ-Малан-тэнгэри; иные говорятъ—три дочери.

У Кудинскихъ бурятъ во главѣ Сатинскихъ бурхановъ тоже находится женщина.

У западныхъ и восточныхъ Хатовъ не упоминается женщина. Можетъ быть западные, восточные и Ухан-Хаты образовались въ періодъ матриархата. Вообще Хаты, повидному, не кто иной, какъ покойные Галши, съ своими кровавыми расправами за первенство. Интересно обратить вниманіе на составъ Хатовъ: у нихъ имѣются присутственныя мѣста съ многочисленными чиновниками, писарями и иномыннымъ дѣлопроизводствомъ въ родѣ русскихъ судовъ, съ такими же подкупиными чиновниками и писарями, которыхъ буряты хорошо знаютъ изъ долгаго опыта.

Покровительница омовеній шамана у бурятъ Унгинскаго вѣдомства женщина Хан-Нухар. Покровительница тохорена тоже женщина, которой обряды совершаетъ женщина. Кромѣ того, есть особый онгон, котораго называютъ „эзихи онгон“ (по-русски: бабій онгонъ). Этому онгону обряды совершаетъ женщина, и самый онгон дѣлаютъ женщины,—и т. д.

говорять, что свадьбу установилъ между людьми Абай-Гэсэр-Богдо-Хан; по случаю этого поютъ слѣдующую пѣсню:

1. Улан нарви угин хада	Краснаго солнца начало—
Ухан далан оёрхо;	Со дна водяного моря;
Уган торон угин хада	Старшей свадьбы начало—
Абай-Гэсэр-Богдохо.	Отъ Абай-Гэсэр-Богдо.
Шара нарви угин хада	Желтаго солнца начало—
Шара далан оёрхо;	Со дна желтаго моря;
Саган торон угин хада	Бѣлой свадьбы начало—
Абай-Гэсэр-Богдохо.	Отъ Абай-Гэсэр-Богдо.
Халун нарви угин хада	Жаркаго солнца начало—
Хара далан оёрхо;	Со дна чернаго моря;
Хан торон угин хада	Царственной свадьбы начало—
Абай-Гэсэр-Богдохо.	Отъ Абай-Гэсэр-Богдо.

У нынѣшнихъ Унгинскихъ бурятъ сватовство происходитъ слѣдующимъ образомъ. Если какому-нибудь буряту пригласится какая-нибудь дѣвица, тогда онъ узнаетъ отъ родителей дѣвицы, желаютъ-ли они выдать свою дочь за него, а у дочери спрашиваютъ, согласна-ли она выйти замужъ за него.

Во многихъ случаяхъ родители о желаніи дочери вовсе не спрашиваютъ; особенно въ старину нерѣдко родители выдавали своихъ дочерей замужъ противъ ихъ желанія. Нынѣ родители стали спрашивать согласія у своихъ дѣтей вслѣдствіе того, что насильно выданныя дочери почти всегда не живутъ съ своими нелюбимыми мужьями, а убѣгаютъ съ другими и обвиняются по обряду православной церкви. Нынѣ буряты говорятъ: «монони басагад хобуд бѣе бѣедѣ мѣдѣши боло», т. е. нынѣшнія дѣвицы и парни стали знать сами себя.

Если родители и дочь ихъ согласны, то родители жениха или самъ женихъ привѣщаютъ къ родителямъ невесты съ золотою монетою, а если бѣднѣе, то съ серебрянымъ рублемъ, привязаннымъ на ленточкѣ; по привѣдѣ привезенную монету надѣваютъ на шею невесты. Когда золотая или серебряная монета надѣта на шею дѣвицы, послѣдняя уже считается невестою, и по обычаю не можетъ быть просватана за другого. Иногда впрочемъ послѣ принятія монеты сватовство разстраивается; тогда родители невесты должны возвратить монету.

Черезъ нѣсколько времени послѣ надѣванія монеты родители жениха снова привѣщаютъ къ родителямъ невесты и мѣняются поясами; въ это время пьютъ вино отъ родителей жениха; впоследствии черезъ нѣсколько времени родители жениха приводятъ лошадей къ родителямъ невесты и такимъ образомъ постепенно начинаютъ платить колымъ.

Теперь большею частію, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ и траты времени, если женихъ и невеста взрослые и скоро

можетъ быть свадьба, всё эти обычаи соединяютъ вмѣстѣ слѣдующимъ образомъ.

Въ назначенный срокъ родители или самъ женихъ съ нѣкоторыми сосѣдами и родными приѣзжаютъ къ невѣстѣ, иногда приводятъ лошадей по состоянію отъ одной до 10 головъ и рѣдко болѣе. Существуетъ обычай, что родители жениха, передъ тѣмъ какъ ѣхать къ невѣстѣ и вести лошадей, уведомляютъ родныхъ, если у нихъ не хватаетъ лошадей, сколько нужно вести ихъ къ родителямъ невѣсты; тогда родные по желанію даютъ родителямъ жениха одного и рѣдко двухъ коней. Но это считается какъ будто займомъ; впоследствии если тотъ, кто далъ коня, будетъ женить своего сына, тогда родители жениха обязательно должны дать коня. Этотъ обычай у бурятъ называется х а р ю (слово «харю» происходитъ отъ слова «хариха» — уѣхать).

Когда приѣдутъ родители жениха съ родными къ родителямъ невѣсты, то по уведомленію собираются родные и сосѣди невѣсты. Родители невѣсты по обычаю угощаютъ приѣзжихъ гостей, въ томъ числѣ и собравшихся своихъ родныхъ и сосѣдей. Приведенныхъ лошадей родители невѣсты берутъ и пускаютъ съ своими лошадьми.

Потомъ со стороны жениха кто-нибудь изъ родныхъ или самъ отецъ жениха, если онъ приѣхалъ, надѣваетъ по обычаю невѣстѣ на шею «холобши», т. е. золотую монету на ленточкѣ. Это первый обычай сватовства, и безъ «холобши» сватовство не можетъ быть.

Если дочь не желаетъ выходить замужъ за приѣхавшаго жениха, то снимаетъ съ шеи «холобши», или просто рветъ ленточку и бросаетъ ему обратно. Если невѣста любитъ жениха, то принимаетъ «холобши», т. е. позволяетъ надѣть себѣ на шею. Послѣ этого оба свата, т. е. отецъ жениха и невѣсты, садятся рядомъ; затѣмъ отецъ жениха встаетъ, кланяется отцу невѣсты и цѣлуетъ его; потомъ по обычаю снимаетъ свой поясъ, которымъ опоясываетъ отца невѣсты, и садится на прежнее мѣсто. Въ свою очередь встаетъ отецъ невѣсты, кланяется отцу жениха, цѣлуетъ его и своимъ поясомъ опоясываетъ отца жениха. Это—второй обычай сватовства; онъ называется у бурятъ «бѣхѣ андалдаха» (мѣняться поясами).

Далѣе родители невѣсты и жениха условливаются о количествѣ колыма, по взаимному соглашенію обѣихъ сторонъ. Обыкновенно количество колыма зависитъ отъ состоянія родителей жениха и невѣсты.

Затѣмъ условливаются о количествѣ вина, которое долженъ купить отецъ жениха для угощенія родителей, родныхъ и сосѣдей невѣсты, которые стараются выпить побольше

вина; въ этомъ сказывается самолюбіе и хвастовство бурятъ. Количество вина зависитъ опять-таки отъ состоянія родителей жениха и невѣсты: богатые покупаютъ отъ 5 до 7 ведеръ и рѣдко до 10 ведеръ, бѣдные ограничиваются однимъ или двумя ведрами вина. Отецъ жениха выдаетъ деньги на покупку вина. Тогда запрягаютъ одного коня со стороны невѣсты, а другого со стороны жениха, и на парѣ ѣдутъ двое и болѣе человекъ, изъ которыхъ одинъ со стороны жениха, а другіе со стороны невѣсты, въ близкую деревню, гдѣ есть винный складъ или кабакъ. Купивъ условленное количество вина, въ отдѣльную посуду берутъ немного вина, которымъ дѣлаютъ обрядъ «ду х а х у» и пьютъ сами, а оставшимся виномъ на обратномъ пути угощаютъ встрѣтившихся бурятъ. Кромѣ того родители, родные и сосѣди невѣсты на свои деньги заказываютъ посланнымъ вина для угощенія гостей; такимъ образомъ покупаютъ всего до 10 или 15 ведеръ вина.

По приѣздѣ посланныхъ съ виномъ, родители, родные и сосѣди невѣсты берутъ каждый свое вино, которое заказали купить, и уносятъ домой. Вино, купленное отцомъ жениха, разливаютъ въ нѣсколько сосудовъ, которые ставятъ около очага юрты, а потомъ оба свата садятся рядомъ. Приглашенный шаманъ брызгаетъ вино покровительствующимъ Заянамъ и мѣстнымъ горнымъ старцамъ. Когда кончится обрядъ брызганья, тогда мясо колотаго барана или жеребенка варятъ въ котлѣ; сварившееся мясо вынимаютъ изъ котла, отрѣзываютъ нѣсколько кусковъ его и бросаютъ въ огонь. Потомъ всѣ собравшіеся родные и сосѣди невѣсты и съ приѣзжими гостями со стороны жениха начинаютъ пить вино. Гости приѣхавшіе и отецъ жениха по обычаю дарятъ невѣсту деньгами, золотыми и серебряными монетами. Этотъ обычай у бурятъ называется «архи ул гаха» (пить вино). Этотъ день преимущественно проводятъ у родителей невѣсты. После выпивки вина приѣзжіе гости со стороны жениха по приглашенію бываютъ въ улусѣ у родныхъ и сосѣдей невѣсты поочередно съ архидашинами; такимъ образомъ гуляютъ нѣсколько дней, а потомъ уѣзжаютъ домой.

Родители невѣсты, если они богаты, шьютъ гостямъ рубашки, которыя надѣваютъ на гостей, которые приѣхали со стороны жениха, а отцу жениха обыкновенно надѣваютъ новую шубу или халатъ, смотря по времени года. По поводу этого обычая надѣванія шубы буряты выражаются такъ: «арада золтон дэгэл ѓмѓтхѓ, аманда золтон адуха идехѓ» (счастливый на спину надѣваетъ шубу, счастливый ртомъ ѣстъ скоть, т. е. кто имѣетъ сына, тотъ надѣваетъ шубу, а кто имѣетъ дочь, тотъ получаетъ колымъ).

Иногда у бурятовъ сватаніе происходитъ еще въ малолѣтнемъ возрастѣ дѣтей, и заблаговременно родители жениха платятъ колымъ родителямъ невѣсты; но свадьба въ этихъ случаяхъ откладывается до возмужалаго возраста жениха и невѣсты.

Нерѣдко буряты еще не имѣющіе дѣтей мѣняются поясами и пьютъ немного вина, говоря: «аманда золтон адухъ идехе, арада золтон дегем ѳмѳгхѳ». Если у нихъ впоследствии родятся дѣти, т. е. у одного сынъ, у другого дочь, то они становятся женихомъ и невѣстою, и отецъ жениха начинаетъ платить колымъ. Теперь этотъ обычай выводится вслѣдствіе того, что подобныя сватовства впоследствии часто разстраиваются, не смотря на настоянія родителей.

Буряты мало обращаютъ вниманія на года, и иногда бьвають такіе случаи, что жениху около 10 лѣтъ и менѣе, а невѣстѣ около 20 лѣтъ и болѣе; ихъ женятъ; они живутъ какъ мужъ и жена; въ этихъ случаяхъ руководствуются экономическими интересами.

Послѣ просватанія родители жениха начинаютъ уплачивать родителямъ невѣсты условленный колымъ, и свадьба устраивается тогда, когда уплаченъ весь колымъ или хоть часть его; если колымъ уплаченъ весь, то родители жениха имѣютъ право требовать къ себѣ невѣсту.

Родители невѣсты до свадьбы постепенно готовятъ дочери всю нужную одежду, по временамъ года, и прочія вещи, какъ то: покупаютъ золотыя и серебряныя монеты, маржаны и т. д., чтобы къ свадьбѣ кое что изъ одежды было готово, особенно украшенія, на которыя обращаютъ особенное вниманіе.

Когда время устроить свадьбу, то отецъ жениха или самъ женихъ съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей ѳдутъ къ родителямъ невѣсты, съ собою берутъ вино, деньги и разнаго скота, если не уплаченъ колымъ; если же колымъ уплаченъ весь, то обыкновенно ѳдутъ только съ виномъ. Женихъ по пріѳздѣ угощаетъ родителей невѣсты, родныхъ и сосѣдей и проситъ назначить день свадьбы. Родители невѣсты, посоветовавшись между собою, назначаютъ день свадьбы, всегда въ новолуніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ отъѳздомъ на свадьбу родители невѣсты просятъ у жениха хорошаго коня, котораго женихъ и даетъ. Послѣ этого отецъ жениха или самъ женихъ уѳзжаетъ обратно домой и готовится къ свадьбѣ.

Прежде у бурятовъ Унгинскаго Иностранческаго вѣдомства существовалъ обычай такъ называемый «халъ». Обыкновенно женихъ ѳхалъ съ нѣсколькими родными къ невѣстѣ и съ собою брали мясо и вино; по пріѳздѣ угощалъ родителей, родныхъ и сосѣдей невѣсты, а потомъ уѳзжалъ обратно. Если

родители невѣсты не назначали срокъ свадьбы, а оттягивали время, тогда женихъ съ родными ѣхалъ опять къ родителямъ невѣсты съ халомъ, при этомъ по обычаю брали съ собою верховой коня, который по прѣздѣ, входя въ юрту, вѣшали на „тэнги“. Тогда родители невѣсты должны были назначить срокъ свадьбы. Нынѣ буряты Унгинскаго вѣдомства съ халомъ не ѣздятъ къ родителямъ невѣсты, а Кудинскіе буряты Геркутскаго округа до сихъ поръ ѣздятъ съ халомъ. Значеніе хала не могли мнѣ объяснить.

Родители невѣсты, приготовившись къ свадьбѣ, увѣдомляютъ родныхъ, родственниковъ и сосѣдей ѣхать на свадьбу. Если они хотятъ устроить вечерку передъ свадьбою, то за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ на свадьбу по старинному обычаю приглашаютъ родныхъ, родственниковъ и сосѣдей, колютъ барана или жеребенка, иногда большую кобылу; состоятельные родители колютъ нѣсколько штукъ животныхъ, покупаютъ вина и готовятъ тарасунъ для угощенія собравшихся родныхъ, родственниковъ, сосѣдей и прочихъ, потому что молодежи обоюго пола собирается много изъ ближнихъ улусовъ и другихъ родовъ; сборъ народа бываетъ порядочный; всѣ они сперва собираются у родителей невѣсты, и изъ нихъ выбираютъ тѣхъ лицъ, которыя поѣдутъ на свадьбу.

Собравшіеся родные, родственники, сосѣди и посторонніе люди изъ другихъ улусовъ и родовъ, въ особенности молодежь обоюго пола, начинаютъ національную пляску слѣдующимъ образомъ: молодежь обоюго пола становится въ кругъ, держа за руки другъ друга; сперва медленно двигаются по солнцу, и поютъ пѣсни протяжно; плясать противъ солнца и не составивъ кругъ считается грѣхомъ, потому что духи во время своихъ вечорокъ пляшутъ полукругомъ и двигаются противъ солнца. Затѣмъ черезъ нѣсколько времени пляшущіе придвигаются плотно другъ къ другу и скачутъ, тоже двигаясь все время по солнцу, причемъ мотивъ пѣсни изъ протяжнаго становится болѣе ускореннымъ. Пляска эта называется «хатарха» (по-русски: бѣжать рысью). Обыкновенно какая-нибудь старуха или старикъ первый начинаетъ пляску и поетъ пѣсню. По мнѣнію бурятъ, молодымъ людямъ начинать пляску и пѣть пѣсню во время большихъ и многолюдныхъ сборовъ народа нельзя, потому что духи его возьмутъ, т. е. этотъ человекъ скоро помретъ.

Во время пляски хатарха молодежь поетъ разныя пѣсни, въ томъ числѣ плясовые и свадебныя. Вотъ нѣсколько пѣсенъ для примѣра ¹⁾:

¹⁾ Дословный, иногда не имѣющій яснаго смысла переводъ бурятскихъ текстовъ въ настоящей статьѣ, за полною невозможностью проверки, оставляемъ на ответственности автора. *Ред.*

2. Алда хара сажія
Ара бидэ хаябди,
Ама саган буган дэли
Урамдалдан баябди.
Хобол жонгон сажія
Хоши урякшин хаябди;
Хушу саган буган дэли
Урамдалдан баябди.
- Въ обхватъ черную косу
На спину побросаемте;
Какъ бѣло-ротый изюбрь,
Крича постойте.
Тонко-серебряную косу
Взадъ и впередъ побросаемте;
Какъ бѣло-губый изюбрь,
Крича постойте.
-
3. Саган тула шандаган
Сахън дэрэ жимтэ,
Саган Ханн албатан
Надан дэрэ жимте.
Боро тула шандаган
Бургахънда жимтэ,
Богдо Хани албатан
Надан дэрэ жимтэ.
- Бѣлый заяцъ—тулай
По снѣгу имѣеть дорогу;
Бѣлаго Царя подданные
На вечерку имѣють дорогу.
Сѣрый заяцъ—тулай
Въ кустарникъ имѣеть дорогу;
Богдо-Хана подданные
На вечерку имѣють дорогу.
-
4. Тайга дунда харахада
Табан-Саган хайхан,
Тала дунда харахада
Ехур надан хайхан.
Ой дунда харахада
Олон-Саган хайхан,
Улад-зондо харахада
Ехур надан хайхан.
- Посреди тайги смотрѣть—
Табан-саган ¹⁾ красивъ;
Среди простора (степи) смотрѣть—
Игра (вечорка) „ехур“ ²⁾ красива.
Среди гѣса смотрѣть—
Много бѣлой красоты;
Среди людей и народа смотрѣть—
Игра ехур красива.
-
5. Хотон сохи хонхя дэлп
Хорьен нэрьен баябди,
Хушу саган буган дэли
Урамдалдан баябди.
Хурэ сохи адухъни дэли
Хурьен нэрьен баябди,
Хузу саган буган дэли
Урамдалдан баябди.
- Какъ въ хлѣбѣ ошцы,
Гудя и гремя постойте;
Какъ бѣло-губый изюбрь,
Крича постойте.
Какъ во дворѣ скоть,
Гудя и гремя постойте;
Какъ бѣло-шейный изюбрь,
Крича постойте.
-
6. Арагажи бильшихэн
Адухън мана хайхан,
Аяглажи зугалхада
Мани угитэн хайхан.
Хушулажи бильшихэн
Хонни адухън хайхан,
Хушар шинэр зугалхада
Мани угитэн хайхан.
- На сѣверной сторонѣ пасущійся
Нашъ скоть красивъ;
Игриво говорящіе (покущіе)
Наши ровесники красивы.
Впереди пасущаяся
Скотина, овцы красивы;
По старинкѣ и по новому говорящіе
Наши ровесники красивы.
-
7. Хада дэгур хархада
Хадахър таран хайхан,
Хамак зондо хархада
Мани нѣхѣд хайхан.
- Надъ горою посмотриѣть—
Жатый хлѣбъ красивъ;
По всему народу посмотриѣть—
Наши друзья красивы.

¹⁾ Табан-саган травянистое растеніе съ бѣлыми цвѣтами.

²⁾ Ехур-надан то же что пляска жатарха отъ мотива пѣсни, которую поютъ: ехур, ехур, ехурья, ехуряжи надал.

<p>Бори дэгур хархада
Бодолгор тарян хайхан,
Богдо зондо хархада
Угин нѳхѳд хайхан.</p>	<p>Надъ бугромъ посмотрѣть—
Въ снопахъ хлѣбъ красивъ;
Въ Богдо-народъ посмотрѣть—
Ровесники и друзья красивы.—</p>
<p>8. Гунан хѳран шинѳдѳ
Гурбан зудан илерхѳ,
Гушин шудѳни саганда
Сѳжин дуга илерхѳ.—
Дѳнѳн хѳран шинѳдѳ
Дѳрбѳн зудан илерхѳ,
Дѳшин шудѳни саганда
Сѳжин зуга илерхѳ.—</p>	<p>Въ трехдневномъ новолуніи
Три доли ясны;
Пока тридцать зубовъ бѣлы,
Въ груди пѣсни (разговоръ) ясны.
Въ четырехдневномъ новолуніи
Четыре доли ясны;
Пока сорокъ зубовъ бѣлы,
Въ груди пѣсни (разговоръ) ясны.—</p>
<p>9. Обѳлдѳ обѳл бахабѳймѳл
Угидѳ залу ябахабѳдидл;
Нажирта нажир бахабѳймѳл
Нахѳнда залу ябахабѳдидл.—</p>	<p>Зима зимою не стоитъ,
Въ вѣкъ молодыми не будемъ.
Лѣто лѣтомъ не стоитъ,
Въ жизни молодыми не будемъ.</p>

(Первыя три пѣсни (2, 3, 4) стариннаго происхожденія; въ нихъ отражается образъ жизни прежнихъ бурятъ, которые въ тѣ отдаленныя времена въ Зѳгѳтѳ-аба общими силами занимались звѣроловствомъ¹⁾); мясомъ убитыхъ звѣрей питались, и это составляло ихъ главную пищу, а шкуры—одежу и проч. Прежніе буряты, какъ охотничій народъ, преимущественно жили въ лѣсахъ и охотились за звѣрями, за которыми слѣдили, какъ бы удобнѣе перехитрить ихъ и добыть побольше мяса для поддержанія своего существованія. Вѣтъ облавы на звѣрей, во время стоянокъ, когда не охотились за звѣрями, они имѣли свои игры и забавы, во время которыхъ пѣли пѣсни. Въ этихъ пѣсняхъ отражался ихъ образъ жизни, какъ охотничьяго народа. Вообще въ старинныхъ пѣсняхъ бурятъ часто встрѣчаются разные звѣри, образъ жизни которыхъ они сравниваютъ съ своимъ, подражаютъ ихъ крику и т. п. Въ четвертой пѣснѣ (5) уже встрѣчается домашній скоть. Должно полагать, эта пѣсня и подобныя ей пѣсни поздняго происхожденія или передѣланы изъ старой пѣсни на новый ладъ подъ вліяніемъ скотоводства. Когда буряты стали заниматься скотоводствомъ, то прежняя многоручная и бурная Зѳгѳтѳ-аба начала падать; скоть доставлялъ безъ особыхъ опасностей болѣе питательную пищу, чѣмъ опасная и трудная охота; кромѣ того, они не могли уже на охоту удаляться далеко, оставивъ скоть, который требовалъ ухода за собою. Но все-таки въ этой пѣснѣ тоже упоминается имя изюбра и желаніе подражать голосу его. Слѣдовательно, здѣсь смѣшались скотоводческій и звѣроловческій образъ жизни бурятъ. Въ пятой пѣснѣ (6) упоминается только домашній скоть, красоту котораго хвалятъ, сравнивая его съ своими ровесниками;

1) О Зѳгѳтѳ—аба (звѣроловческомъ бытѣ) у бурятъ см. „Этногр. Обзоръ“. XXI.

постепенно скотоводство уже составляло необходимое занятіе, безъ котораго не могли жить буряты. Въ шестой пѣснѣ (7) уже упоминается хлѣбъ; буряты послѣ прихода русскихъ позаимствовали отъ нихъ хлѣбопашество; эта пѣсня новѣйшаго происхожденія. Относительно седьмой и восьмой пѣсни (8, 9), трудно что-нибудь сказать опредѣленнаго, старинныя ли онѣ или новой редакціи; во всякомъ случаѣ прежніе буряты, должно полагать, были не чужды наблюденій надъ явленіями природы, а потому они въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ своихъ сравнивали эти явленія съ своею жизнью. Подобныхъ пѣсенъ у бурятовъ много).

Потомъ молодежь обоего пола поетъ свадебныя пѣсни разнаго содержанія, напр. чтобы невѣста вела себя хорошо въ домѣ жениха и не боялась чужого народа. Иногда поется не объ одной невѣстѣ, а относительно всего свадебнаго поѣзда и другихъ, что видно изъ содержанія слѣд. пѣсенъ:

<p>10. Холбо хултэ хулая
Хурими зардуд илгэе,
Хушу саган буган дэли
Урамдалдан баябди.
Алда хултэ хулая
Абан зардуд илгэе,
Ама саган буган дэли
Урамдалдан баябди.</p>	<p>Съ раздвоеннымъ хвостомъ савраску
Пошлемъ посломъ свадьбы;
Какъ бѣло-губый изюбрь,
Крича стоимте.
Въ обхватъ съ длиннымъ хвостомъ
Пошлемъ посломъ облавы; [савраску
Какъ бѣло-ротый изюбрь,
Крича] стоимте.</p>
<p>11. Тѣмѣр тѣмѣр удэгин
Тѣгдѣ тулхэн орооротын,
Тѣмѣн зонин баса
Тѣдѣн угэй зугаларактын.
Харши, харши удэгин
Хая татан орооротын,
Хамак зонин баса
Тѣдѣн угэй зугаларактын.
Боржи мѣнгѣн барюрия
Барян татан орооротын,
Баха занин баса
Тѣдѣн угэй зугаларактын.</p>	<p>Сквозь желѣзную дверь
Толкнувъ входите;
Стоящаго десяти-тысячнаго народа
Не боясь, (разговаривайте) пойте.
Досчатую, досчатую дверь
Потянувъ, входите;
Всего стоящаго народа
Не боясь, (разговаривайте) пойте.
„Боржи“ серебряную ручку двери
Потянувъ, входите;
Всего стоящаго народа
Не боясь, (разговаривайте) пойте.</p>

Иногда дѣвицы съ невѣстою поютъ пѣсни, укоряя своихъ родителей, что они ихъ промѣняли на колымы и отдають на чужбину; въ этихъ пѣсняхъ слышится глубокое горе и неудовольствіе, что онѣ по волѣ рока рождены дѣвками и принуждены жить внѣ родительскаго дома на чужбинѣ; заунывный и протяжный мотивъ напѣва этихъ пѣсенъ невольно заставляетъ прослезиться стариковъ и старухъ. Въ этихъ пѣсняхъ упоминается только домашній скотъ.

<p>12. Баба шама гэсэ мѣни
Баракшудар андалаба,</p> | <p>Отецъ, я тебя уговаривала,
А ты на темный скотъ промѣнялъ.</p> |
|---|---|

- Андагдахѣн хорондо шини
 Галаби мултарсара хѣлбархаб.
 Баранда бабанда ябахы мана
 Харида мани хаяба.
 Иби шама гэсэ мѣни
 Эрэкшудэр андалдаба,
 Андалдахѣн хорондо шини
 Галаби мултарсара хѣлбархаб,
 Имендэ баранда ябахы мана
 Харида мани хаяба.
 Ахануд шама гэсэ мѣни
 Алакшудар андалдаба,
 Андалдахѣн хорондо тана
 Галаби мултарсара хѣлбархаб.
 Альда имендэ ябахы мана
 Харида мани хаяба.
- На зло ты промѣнялъ;
 До окончанія галаба буду расцвѣ-
 Всѣ у отца ходили бы мы, [тать;
 На чужбину насъ бросили.
 Мать, я тебя уговаривала,
 А ты на пестрый скоть промѣняла,
 На зло ты промѣняла;
 До окончанія галаба буду расцвѣ-
 Однѣ всѣ ходили бы мы, [тать.
 На чужбину насъ бросили.
 Братъ, я (васъ) тебя уговаривала,
 А ты на пѣгій скоть промѣнялъ,
 На зло ты промѣнялъ;
 До окончанія галаба буду расцвѣ-
 Въ улусѣ однѣ жили бы мы, [тать.
 На чужбину насъ бросили.
13. Бага ябахѣн биги шини
 Малтаха адухѣр андалдаба,
 Хохо ябахѣн биги шини
 Ухэр хонѣр андалдаба.
- Мало ходившее твое тѣло (чадо)
 Промѣнялъ на сребрающіе (?) табуны;
 Ребенкомъ ходило твое тѣло—
 Промѣнялъ на коровъ и овецъ.
14. Ундэн, ундэн хусахѣн
 Бабан нахо тэнэк,
 Бага ябахѣн бигиш баршалхѣн.
 Баба иби тэнэк.
 Намтан, намтан хусахѣн
 Ибин нахо тэнэк.
 Олготойхон биршалхѣн
 Иби баба тэнэк.
- Подымаясь и лаявши
 Отцовская собака (была) глупа;
 Молодое тѣло свое продавши,
 Отецъ, мать глупы.
 Присѣдая и лаявши
 Материнская собака (была) глупа;
 Съ колыбели продавши,
 Мать и отецъ глупы.
15. Улан сэгэмэ нэхэхэн
 Орохи хобуги барак,
 Харида мани заяхан
 Заябари барак.
- Красное сукно отгавши,
 Русскіе дѣти кончайте (?).
 Въ чужбину насъ снарядивши,
 Заябари кончайте.
16. Оргохѣдѣ мѣни гэжи тэжелэб
 Ундэхэн хойши хунэ гэжи тэ-
 желэб,
 Мансулхада мѣни гэжи тэжелэб,
 Мандахахѣн хойши хунэ гэжи
 тэжелэб.
- Когда я подымаюсь, моя (мать?) говоря
 кормила,
 Когда высокою стала, чужая говоря
 кормила;
 Когда пеленала, моя говоря кормила,
 Когда большая стала, чужая говоря
 кормила.

Пока такимъ образомъ молодежь обоего пола поетъ и пляшетъ, родители невѣсты угощаютъ гостей мясомъ колотыхъ животныхъ. Мясо варятъ въ нѣсколькихъ котлахъ; когда мясо сварится, тогда вынимаютъ изъ котловъ, кладутъ въ корзины и другіе сосуды; потомъ по обычаю отрѣзываютъ нѣсколько кусковъ мяса, которые бросаютъ въ огонь. Кромѣ мяса гостямъ подаютъ вино и тарасунъ.

У бурятъ Бильширскаго Инородческаго вѣдомства, когда молодежь обоего пола пляшетъ, то среди круга ставятъ вино, тарасунъ и мясо; пляшущихъ останавливаютъ, сперва подаютъ вино и тарасунъ поочередно, потомъ ѣдятъ мясо.

Потомъ всё они изъ дома родителей невѣсты идутъ поочередно, по приглашенію, въ домъ родныхъ, и въ каждомъ домѣ тоже пляшутъ національную пляску. Тамъ всёми участвующимъ подаютъ «сагалха»; послѣ этого колютъ барана или жеребенка, угощаютъ всѣхъ собравшихся гостей и потчуютъ виномъ и тарасуномъ. Когда невѣста побываетъ у всѣхъ родныхъ, тогда, по приглашенію, бываютъ у сосѣдей поочередно. Иногда даже выѣзжаютъ въ другіе улусы, если ихъ приглашаютъ. Это гулянье продолжается дня два или три, рѣдко болѣе.

Молодежи обоюго пола собирается со всѣхъ ближнихъ улусовъ и родовъ много, такъ что число людей доходитъ до 150 или 200 и болѣе; если старики и старухи участвуютъ, то только пьютъ вино и тарасунъ и ѣдятъ мясо. Подобныя гулянья только и возможны лѣтомъ, потому что въ теплое время года пляска хатарха можетъ происходить на улицѣ, если участвующіе не могутъ помѣститься въ юртѣ или въ избѣ; если же изрѣдка эти гулянья бываютъ зимою, то далеко въ меньшихъ размѣрахъ.

Прежніе буряты свадьбы устраивали преимущественно лѣтомъ; тогда возможно было устраивать такія гулянья; при томъ у прежнихъ бурятъ свободнаго времени было больше, когда они занимались только скотоводствомъ и не знали полевыхъ работъ. Нынѣшніе буряты занимаются не только скотоводствомъ но и хлѣбопашествомъ, которое требуетъ много времени; а потому необходимо приходится экономить время.

Это гулянье у Унгинскихъ бурятъ называется «басага хоргодулха надан» (по русски: басаган—дѣвица, хоргодулха—спрятать, надан—игра, т. е. игра прятанія дѣвицы), иногда называютъ «бишихахи надан» (игра маленькихъ) или «басага надулха» (дѣвичья игра). У бурятъ Бильширскаго вѣдомства это называется «тамхини надан» (табачная игра). Во время этого «надана» прежніе буряты, кромѣ національныхъ плясокъ, устраивали бѣгъ лошадей и борьбу молодыхъ людей; лучшихъ въ бѣгѣ лошадей и лучшихъ борцовъ брали на свадьбу, а также брали хорошо поющихъ пѣвцовъ.

Потомъ въ назначенный день всё собираются у родителей невѣсты, гдѣ молодежь тоже продолжаетъ пляску; въ это время поютъ, что пора ѣхать на свадьбу и увезти невѣсту къ жениху:

17. Хара, хара морпи
Хазарлаха гэлсэнэ
Хамак зони харгуяр
Катарыха гэлсэнэ.

Чернаго, чернаго коня
Обуздывать говорятъ.
По дорогѣ всего народа
Рысить (ѣхать рысью) говорятъ.

Олѣ, блѣ морин
Эмэлэхэ гэлсэнэ
Иби, бабан харгуяр
Хатараха гэлсэнэ.
Улан, улан морин
Унаха холхѣ гэлсэнэ,
Улад зони харгуяр
Хатараха гэлсэнэ.

Сиваго, сиваго коня
Осѣдывать говорятъ,
По дорогѣ матери и отца
Рысить говорятъ.
Бѣлаго, бѣлаго коня
Запрягать говорятъ
По дорогѣ людей и народа
Рысить говорятъ.

Пока молодежь обоого пола пляшетъ и поетъ разные пѣсни, родители невѣсты готовятъ къ отправленію невѣсты къ жениху. Съ ранняго утра начинается бѣготня и суета: покупаютъ вино по состоянію, колютъ животныхъ, мясо которыхъ варятъ въ нѣсколькихъ котлахъ, потомъ вынимаютъ изъ котловъ и кладутъ въ большія посуды, чтобы везти къ жениху, по старинному обычаю.

Родственники невѣсты тоже колютъ животныхъ по состоянію; мясо колотыхъ животныхъ даютъ родителямъ невѣсты, а также вино. Если родители невѣсты имѣютъ за родными и сосѣдями такъ называемый „харю“ (если родители невѣсты помогли кому нибудь изъ родныхъ и сосѣдей въ свадьбѣ, кололи какое-нибудь свое животное, покупали вино), то тѣ, которымъ помогали, обязательно должны заколоть такое же животное и купить вина, и этимъ уплачиваютъ „харю“. Въ прежнее время родители невѣсты кололи болѣе состоятельные до 5 головъ коннаго скота; къ этому добавлялось привезенное отъ родныхъ и сосѣдей «харю»; такимъ образомъ собиралось порядочное количество мяса, которое везли къ жениху на нѣсколькихъ телегахъ или саняхъ; а нынѣ ограничиваются однимъ или двумя животными, съ прибавленіемъ къ этому «харю». Иногда вовсе не везутъ мяса и вина; тогда женихъ долженъ самъ приготовить все это въ счетъ колыма.

Всѣ приглашенные на свадьбу собираются у родителей невѣсты, въ самыхъ нарядныхъ одеждахъ, особенно женскій полъ. Родители невѣсты всѣхъ собравшихся гостей угощаютъ мясомъ, виномъ и тарасуномъ; въ то же время брызгаютъ вино и тарасунъ разнымъ заянамъ, прося ихъ покровительства. Буряты Улейскаго вѣдомства передъ свадьбою брызгаютъ много вина и тарасуна и совершаютъ разные религиозные обряды, особенно своимъ такъ называемымъ «Улейскимъ многимъ», которые въ случаѣ неудовольствія вредятъ свадьбѣ; такимъ образомъ нужно напоить до-пьяна и накормить до-сыта живыхъ и мертвыхъ, которые собираются на свадьбу.

Когда уже пора ѣхать на свадьбу къ жениху, то невѣсту наряжаютъ и запрягаютъ лошадей; обыкновенно сообража-

югся съ рястоянiемъ ѣзды, расчитывая такъ, чтобы къ жениху прiѣхать въ потемкахъ, т. е. вечеромъ.

Буряты Кудинскаго вѣдомства Иркутскаго округа ѣдутъ на свадьбу къ жениху рано, преимущественно на верховыхъ коняхъ, и въ тотъ же день по прiѣздѣ оканчиваютъ свадьбу и уѣзжаютъ обратно домой, только немногіе остаются ночевать. Буряты Балаганскаго округа нынѣ преимущественно ѣзжаютъ на свадьбу лѣтомъ на телѣгахъ и въ тарантасахъ, а зимою на санихъ, смотря по состоянiю, и гуляютъ нѣсколько дней.

Когда все готово, тогда передъ отъѣздомъ невѣста, по старинному обычаю, улучивъ минуту, прячется, ее разыскиваютъ; это называется «б а с а г а х о р г о д у л х а», по-русски—прятать дѣвицу.

Иногда другія дѣвицы, которыя не ѣдутъ на свадьбу, не отдають невѣсту; ее отбирають силою мужчины, что называется «б а с а г а б у л я л д а х а», по-русски—споръ за дѣвицу. Если дѣвиць много, тогда невѣсту отбирають съ большимъ трудомъ. Въ прежнее время случалось, что невѣста внизу во время самаго спора задыхалась и умирала; вмѣсто веселой свадьбы, дѣлали похороны. Около 1830 года бурятскими родоначальниками бывшаго Балаганскаго Инородческаго вѣдомства были сдѣланы распоряженія и приняты мѣры, чтобы обычай спора за дѣвицу на свадьбахъ прекратить. Нынѣ этотъ обычай, если соблюдается изрѣдка, то только формально.

Когда невѣсту отымутъ у дѣвиць, то одинъ изъ мужчинъ на рукахъ относить ее на телѣгу или на сани. Потомъ, по старинному обычаю, всѣмъ ѣдущимъ на свадьбу подаютъ «сагалха», (т. е. побѣлится), и свадебный поѣздъ уѣзжаетъ къ жениху. Обыкновенно у Унгинскихъ бурятъ свадебный поѣздъ уѣзжаетъ къ жениху за одинъ или два дня раньше назначеннаго срока, или послѣ; это дѣлается для того, чтобы обмануть злыхъ и нечистыхъ духовъ, которые обманутые не ѣдутъ на свадьбу, а остаются въ ожиданiи назначеннаго срока. Въ старину, во время Зэгэтэ-аба, буряты уѣзжая на свадьбу впередъ или послѣ назначеннаго срока за день или за два, обманывали своихъ враждебныхъ сосѣдей зэгэтэ-облавчиковъ, которые послѣ выѣзда на свадьбу, обманутые, не могли напасть на остающихся дома и взять въ плѣнъ ихъ и угнать къ себѣ. Впослѣдствiи, когда прекратились набѣги, эта предосторожность сохранилась какъ обычай, но получила другое значенiе—обмана злыхъ духовъ.

При выѣздѣ каждый старается выѣхать впередъ, ибо по мнѣнiю бурятъ на заднюю телѣгу или на сани садятся нечи-

стые и злые духи, которые тоже ѣдутъ на свадьбу; кто послѣ всѣхъ выѣдетъ, къ тому подсядутъ злые и нечистые духи, и съ нимъ или съ его конемъ по дорогѣ что нибудь случится.

Свадебный поѣздъ на половинѣ разстоянія останавливается; ихъ мяса которое везутъ съ собой и называютъ «сахимжа»¹⁾, берутъ нѣсколько кусковъ и правую лопатку, съ этимъ мясомъ дѣлаютъ «дѣши барьха» (по-русски буквально—высоко держать) а потомъ ѣдутъ; кость лопатки втыкаютъ въ землю въ стоячемъ положеніи, хрящемъ вверхъ, и уѣзжаютъ далѣе²⁾.

Родители жениха къ назначенному дню, т. е. къ пріѣзду свадебнаго поѣзда, готовятъ принятыя свадебныхъ гостей. Родственники и сосѣди жениха тоже, смотря по состоянію, готовятъ. Родители жениха за два или три дня до свадьбы покупаютъ вино, вмѣстѣ съ родными и сосѣдами, иногда до 40 ведеръ и болѣе, готовятъ тарасунъ. За день до пріѣзда свадьбы колютъ животныхъ 3—10 штукъ и болѣе. Приглашаютъ своихъ родственниковъ на свадьбу; тѣ пріѣзжаютъ и привозятъ съ собою мясо и вино. Кромѣ того, если родители жениха имѣютъ за родными и сосѣдами «харю», то они тоже выплачиваютъ.

Со стороны жениха знаютъ, когда пріѣдетъ свадебный поѣздъ раньше или послѣ назначеннаго срока. Къ этому дню всѣ родственники, родные, сосѣди жениха и изъ другихъ улусовъ и родовъ собираются у жениха и ожидаютъ свадьбу. Родители жениха готовятъ къ этому дню совсѣмъ; мясо колотыхъ животныхъ съ утра цѣлый день варятъ въ нѣсколькихъ котлахъ; собравшіеся старики и старухи сидятъ въ юртѣ и пьютъ вино и тарасунъ, а молодежь обоюга пола на улицѣ разводитъ огонь, вокругъ котораго пляшутъ національную пляску и поютъ пѣсни разнаго содержанія. Напримѣръ:

1) Объяснить слово „сахимжа“ не могли. Это слово, очевидно, происходитъ отъ слова „сахиха“ ударить огнемъ объ камень, т. е. высѣкать огонь. Почему лопатку оставляютъ въ стоячемъ положеніи—неизвѣстно.

2) Если свадебный поѣздъ по дорогѣ встрѣтитъ кочующаго человѣка—это худая примѣта. Буряты обыкновенно говорятъ, что чѣмъ встрѣтиться съ кочующимъ человѣкомъ, лучше встрѣтить покойника. Если же кочующій человѣкъ пересѣчетъ дорогу свадебному поѣзду, то это совсѣмъ худо; въ такихъ случаяхъ свадебный поѣздъ старается пересѣчь дорогу встрѣчному. Кочующему человѣку встрѣтиться съ свадебнымъ поѣздомъ тоже не особенно хорошая примѣта, потому что свадьба и во снѣ означаетъ покойника, т. е. смерть человѣка. Если свадебный поѣздъ по дорогѣ встрѣтитъ везущаго вино или хлѣбъ, это считается хорошей примѣтой. Если свадебный поѣздъ встрѣтитъ женщину, или она пересѣчетъ дорогу, это тоже худая примѣта. Если встрѣтитъ мужчину, везущаго дрова или сѣно, это хорошая примѣта.

18. Алта гурбян дабаанда
Алагы тобборен гарна,
Аха бабан тиргэнде
Торон тоборен гарна.
Хохо гурбян дабаанда
Хууэги тобборен гарна,
Хокшин бабан тэнгенде
Торон тоборен гарна.

На гористой возвышенности Алтая
Слышенъ топотъ пѣгана,
Въ удушѣ стараго отца
Слышенъ гулъ свадьбы.
На гористой возвышенности Хохоя
Слышенъ топотъ коня,
Въ удушѣ старика отца
Слышенъ гулъ свадьбы.

Иногда женихъ съ нѣсколькими молодыми людьми поютъ пѣсню, если родители его женить противъ воли на дѣвицѣ, которую онъ не любитъ:

19. Ханхинама наданхан халахан
харан
Хазарта моринхон халужим

Чѣмъ отъ брацающей вечерки (игры)
отдѣлиться,
Отдѣлюсь (лишусь) отъ обузданнаго
коня;

Ханилханхан халахан харан
Орье хубутыги орхюжим.
Тохорен наданхан халахан
харан

Чѣмъ отъ любимой отдѣлиться,
Свою суженую оставлю.
Чѣмъ отъ круглой вечерки (игры)
отдѣлиться,

Хѳлхѳр море орхюжим
Танилдаханхан халахан харан
Орье хубутыги орхюжим.—
Хурье наданхан халахан харан

Отдѣлюсь отъ запряженнаго коня;
Чѣмъ отъ знакомой отдѣлиться,
Свою суженую оставлю.
Чѣмъ отъ гулящей вечерки отдѣ-
литься,

Эмэлтэ моринхѳн халужим,
Ханилханхан халахан харан
Орье хубутыги орхюжим.—

Отдѣлюсь отъ осѣдланнаго коня;
Чѣмъ отъ любимой отдѣлиться,
Свою суженую оставлю ¹⁾.

Нынѣ мнѣ не приходилось слышать эту пѣсню; въ прежнее время, можетъ быть, пѣли часто, когда не рѣдкость было, что родители своихъ сыновей женили и дочерей выдавали противъ желанія.

Узнавши, что свадебный поѣздъ приближается, родители жениха посылаютъ нѣсколько человекъ на встрѣчу; они съ собою везутъ вино и мясо; это называется „уктамжи“ (встрѣтить). Посланные слѣзаютъ съ лошадей на дорогѣ и ждутъ свадебный поѣздъ ²⁾. Когда поѣздъ подѣдетъ къ нимъ, всѣ слѣзаютъ съ коней и вылѣзаютъ изъ телѣгъ или саней; посланные подносятъ имъ вино и мясо, отъ котораго отрѣзаютъ нѣсколько кусковъ и бросаютъ въ огонь; точно также

¹⁾ Эта пѣсня, какъ будто, стариннаго происхожденія; прѣжнему бурату лишиться обузданнаго и осѣдланнаго коня—значило совсѣмъ разориться и самому гибнуть, такъ какъ во время Зөгэгэ-аба безконный буратъ почти ничего не значилъ. Упомянутое о запряженномъ конѣ вѣроятно позднѣйшее, потому что прежнѣ бураты до брахода русскихъ не знали ни упряжи ни телѣги, котормъ заимствованы отъ русскихъ.

²⁾ У буратъ Бо-Ханскаго Инородческаго вѣдомства свадебный поѣздъ, во дорогѣ къ жениху, въ лѣсу вырубаетъ березку, на которую привязываетъ миткалевую ленту и ѣдетъ далѣе съ этою березою, которую, по прѣздѣ, ставятъ въ юртѣ свекра.

дѣлають обрядъ «духѣху» виномъ, и послѣ этого ѣдятъ мясо и выпиваютъ вино. Затѣмъ посылають впередъ верхового, обыкновенно пожилого человѣка, знающаго обычай и хорошо поющаго. Этотъ посланный называется «туруше» (передовой) У него за поясомъ заткнута стрѣла съ желѣзнымъ наконечникомъ и на выемкѣ стрѣлы привязана бѣлая миткалевая лента. Когда туруше подѣдетъ къ дому родителей жениха, онъ соскакиваетъ съ коня, бросивъ поводья на сѣдло, не привязывая коня, и входитъ въ юрту, держа въ рукѣ стрѣлу, которую, входя въ юрту, втыкаетъ покрѣпче въ столбъ юрты (въ хойморъ тэнги, въ другіе же столбы юрты ея по обычаю втыкать нельзя), гдѣ она остается до окончанія свадьбы; если стрѣла худо воткнута, то ее не поправляютъ до тѣхъ поръ, пока стрѣла сама не упадетъ на полъ, и тогда снова ее втыкають, но это считается худымъ признакомъ: новобрачные будутъ несчастливы, и кто-нибудь изъ нихъ умретъ. Стрѣла означаетъ душу человѣка: какъ отъ привезенной стрѣлы въ колчанѣ (хадак) прибавляется въ юртѣ стрѣла, такъ и невѣста должна умножить потомство мужа.

Туруше сажаютъ на почетное мѣсто, а потомъ онъ поетъ:

<p>20. Бѳргѳхи удин годоли
 Боходо хурин хатарбади
 Богдо заянда тана
 Моргон шурган еребѣди.—
 Тарбажин удин годоли
 Ташанда хурин хатарбади,
 Тана бабан Заянда
 Мѳргѳн шурган еребѣди.
 Харабсари удин годоли
 Хажуда хурин хатарбади,
 Хан бабан тана Заянда
 Моргон шурган еребѣди.—</p> | <p>Стрѣлу изъ перьевъ орла
 За поясъ заткнувъ, ѣхали рысью;
 Къ вашему Богдо-Заяну.
 Молясь, въ покровительство пріѣхали.
 Стрѣлу изъ перьевъ тарбажи
 На ведро заткнувъ, ѣхали;
 Къ вашему отцовскому Заяну,
 Молясь, въ покровительство пріѣхали.
 Стрѣлу изъ перьевъ харабсаръ
 На боку заткнувъ, ѣхали;
 Къ вашему Царю-отцовскому Заяну,
 Молясь, въ покровительство пріѣхали.</p> |
|---|---|

Иногда поють такъ:

<p>21. Боргохи удин утхэги
 Бѳхѳдѳ хурин еребѣди,
 Булен хайхан дадада тана
 Моргон шурган еребѣди.
 Тарбажин удин утхэги
 Ташанда хурин еребѣди,
 Танихан узэхэн дадада тана
 Моргон шурган еребѣди.
 Харабсари удин утхэги
 Хажуда хурин еребѣди,
 Халун хайхан дадада тана
 Мѳргѳн шурган еребѣди.</p> | <p>Стрѣлу изъ перьевъ орла
 За поясъ заткнувъ, пріѣхали;
 Въ вашу теплую и красивую страну,
 Молясь, въ покровительство пріѣхали.
 Стрѣлу изъ перьевъ тарбажи
 Не ведро заткнувъ, пріѣхали;
 Въ вашу знакомую и видѣнную страну,
 Молясь, въ покровительство пріѣхали.
 Стрѣлу изъ перьевъ харабсаръ
 На боку заткнувъ, пріѣхали;
 Въ вашу жаркую и красивую страну,
 Молясь, въ покровительство пріѣхали.</p> |
|---|--|

У бурятъ Бильширскаго Инородческаго вѣдомства на свадьбу ѣдутъ тоже со стрѣлою; иногда втыкають ножикъ на мѣсто стрѣлы; нѣкоторые буряты этотъ ножикъ берутъ, и когда у

новобрачныхъ родится ребенокъ, тогда этимъ ножомъ отрѣзываютъ пупокъ. У нихъ-же туруше иногда поетъ такъ:

<p>22. Тажаги удин годоли
Ташанда хурин еребѣди,
Табилган саган тѣрѣги
Бутэхэ гэжи еребѣди.
Бѣргѣхи удин годоли
Бѣходѣ хурин еребѣди,
Монхѣ саган тѣрѣги
Бутэхэ гэжи еребѣди,
Илеги удин годоли
Эмалдэ хурин еребѣди,
Ухэ саган тѣрѣги
Бутэхэ гэжи еребѣди.</p> | <p>Стрѣлу изъ перьевъ совы
На бедро заткнуть, пріѣхали;
Отъ рожденія свѣтлую свадьбу
Сыграть пріѣхали.
Стрѣлу изъ перьевъ орла
За поясъ заткнуть, пріѣхали;
Вѣчно бѣлую свадьбу
Сыграть пріѣхали.
Стрѣлу изъ перьевъ коршуна
Къ сѣдлу заткнуть, пріѣхали;
Материнскую бѣлую свадьбу
Сыграть пріѣхали.</p> |
|---|---|

У буряты Унгинскаго вѣдомства, когда туруше окончатъ пѣть, тогда сперва ему подаютъ молоко для сагалха; послѣ этого начинаютъ потчевать виномъ и при этомъ стараются напоить его до-пьяна, чтобы свалился до пріѣзда свадебнаго поезда. Когда туруше окончатъ пѣть, тогда со стороны жениха въ отвѣтъ поетъ:

<p>23. Бѣргѣхи удин утхэги
Бѣходѣ хурун ерхэ тана,
Будун тэнги уктаба.
Тарбажин удин утхэги
Ташанда хурин ерхэ тана,
Такта тэнги уктаба.
Харабсары удин утхэги
Хажуди хурин ерхэ тана
Харасата тэнги уктаба.</p>	<p>Стрѣлу изъ перьевъ орла,
Вы пріѣхали, за поясомъ заткнуть;
Толстый тэнги (столбъ) встрѣтилъ.
Стрѣлу изъ перьевъ тарбажи
Вы пріѣхали, на ведро заткнуть,
Съ полками столбъ встрѣтилъ.
Стрѣлу изъ перьевъ харабсаръ
Вы пріѣхали, на боку заткнуть.
Съ поперечниками столбъ встрѣтилъ.</p>
<p>24. Бѣходѣ хурин ерхэн хумаги тана
Будун тэнги уктажи абаба;
Унажи ерхэн унаги тана
Ургамал модон сэргэ уктаба.
Урярар ерхэн худанхи
Харха домбо уктаба.
Хатаржи ерхэн мори тана
Хамал модон сэргэ уктаба;
Хариха ерхэн худанхи
Харха домбо уктаба.</p>	<p>Вами за поясомъ привезенную
стрѣлу
Толстый столбъ, встрѣтивши васъ,
взялъ;
Ваши верхомъ пріѣхавшія подводы
Встрѣтила высокая деревянная ко-
новязь.
Пріѣхавшихъ по приглашенію сва-
товъ
Встрѣтилъ харха домбо.
Вашего рысью пріѣжавшаго коня
Встрѣтила выгесанная деревянная
коновязь;
Изъ чужбины пріѣхавшихъ сватовъ
Встрѣтилъ харха домбо.</p>

У буряты Бильширскаго вѣдомства въ отвѣтъ на это поютъ такъ:

<p>25. Ошѣхѣ модо отолбѣди
Ухэ тѣрѣ тѣхорбѣди,
Хуха модо отолбѣди
Хушан тѣрѣ тѣхорбѣди.</p> | <p>Срубилъ дерево тальникъ,
Къ матери-свадьбѣ приготовились.
Срубивъ дерево березу,
Къ старой свадьбѣ приготовились.</p> |
|---|--|

Обыкновенно за турупе прѣзжаетъ свадебный поѣздъ съ невѣстою. Когда поѣздъ прѣзжаетъ въ жениху, то въ это время со стороны жениха молодежь обоюга пола на улицѣ пляшетъ національную пляску; прѣхавшій свадебный поѣздъ, по старинному обычаю, разстраиваетъ пляшущихъ, въѣзжая въ кругъ на лошадяхъ. Свадебный поѣздъ мѣстные жители со стороны жениха встрѣчаютъ съ большимъ почтениемъ; стариковъ по обычаю сажаютъ на правой сторонѣ юрты (барун тала), а замужнихъ женщинъ на сѣверную сторону юрты (хоймор тала). Невѣста съ другими дѣвицами входятъ въ другую юрту, если есть тавовая, и тамъ пляшутъ за занавѣскою (хошогоп хойно). Старики со стороны жениха садятся рядомъ съ прѣзжими стариками, а старухи и замужнія женщины среднихъ лѣтъ также садятся около прѣзжихъ; гости и мѣстные дѣвицы, молодыя замужнія женщины (баре пуд) и молодые пары садятся около невѣсты; такимъ образомъ составляютъ три группы воячи отдѣльныя. Прежде всего по обычаю на столѣ ставятъ таракъ, котораго всѣ гости поочередно пробуютъ; это угощеніе называется «сагалха», а потомъ подають другія угощенія, какъ то: вино, тарасунъ, мясо и проч.

Когда невѣста входитъ въ отдѣльную юрту и садится, въ это время входитъ мать жениха, въ рукахъ держитъ въ тарелкѣ пѣвку отъ молока, мясо, цѣлый печеный хлѣбъ и круглый ржаной хлѣбъ, а другой за нею несетъ нѣсколько полненьевъ дровъ.¹⁾ Пѣвку отъ молока она ставитъ на столѣ передъ невѣстою для сагалха, а также мясо; это означаетъ, что у жениха постоянно будетъ въ изобиліи мясо; кромѣ того у бурята мясо считается первымъ угощеніемъ. Затѣмъ идутъ другія угощенія: вино и тарасунъ. Принесенныя дрова кладутъ въ очагъ, что означаетъ, будто невѣста должна размножить потомковъ мужа, какъ въ очагѣ прибавилось огня отъ положенныхъ дровъ. Мать жениха принесенный круглый ржаной хлѣбъ бросаетъ по юртѣ три раза по солнцу и въ это время говоритъ: «старян бѣтѣ тарактын будан бѣтѣ бударакты» (какъ хлѣбъ распространитеесь и какъ просо разсыпаетесь), т.-е. какъ хлѣбъ и просо, размножьтесь. Кромѣ того, это означаетъ, что злые и нечистые духи, которые прѣехали съ свадьбою, или мѣстные, по случаю свадьбы, собравшись, во-

¹⁾ Цѣльный печеный хлѣбъ и круглый ржаной хлѣбъ, должно подавать, заимствованъ отъ русскихъ, потому что бурята прежде не сѣяли хлѣба и не знали, какъ печь. Отъ какого то растенія сѣмена называли прежде просо, т.-е. по-бурятски „буда“, которое упоминается въ преданіяхъ. Пѣвка отъ молока, очевидно, вошла въ свадебный обычай, когда бурята стали заниматься скотоводствомъ. Мясо это остатокъ отъ прежняго звѣроловческаго быта.

шли въ юрту, чтобы сдѣлать зло; они-то и должны выходить изъ юрты.

Кромѣ того, у бурятъ есть повѣрье, что если невѣста счастливая и суженая (хубита), то когда она входитъ въ юрту, оттуда выбѣгаютъ всѣ злые и нечистые духи, а также прекращаются всѣ ссоры и вражда, какія были у жениха, и у него постоянно будетъ прибыль и счастье. Если невѣста несчастливая, то наоборотъ съ нею въ юрту жениха входятъ нечистые и злые духи, которые будутъ вредить, посылать болѣзни, ссоры, неприятности, во всемъ несчастье, убытокъ и т. д.

У бурятъ Бильширскаго вѣдомства есть обычай, называемый «гала-хубаха» по-русски «дѣлать огонь», или «гала ѓхѓ» — дать огонь. Мать жениха отправляется въ юрту молодыхъ, причеиъ изъ своей юрты, т. е. изъ юрты отца жениха, она беретъ огонь, печеный хлѣбъ, тарахъ, вино, мясо и круглый ржаной хлѣбъ; входя въ юрту принесенный огонь кладетъ въ очагъ, что означаетъ, что молодые дѣлаются хозяевами и будутъ имѣть много дѣтей; тарахъ, вино, хлѣбъ и мясо она ставитъ передъ невѣстою на столъ, что ошачаетъ, что у молодыхъ будетъ изобиліе во всемъ, а круглый ржаной хлѣбъ она бросаетъ по юртѣ три раза по солнцу съ тѣми же словами, что у бурятъ Унгинскаго вѣдомства. Потомъ свекровь (хадам эзи) садится около очага, а невѣста встаетъ и подстилаетъ подъ нее привезенный изъ дома войлокъ; впоследствии нѣкоторые религіозные буряты изъ этого войлока дѣлаютъ подстилку для люльки, когда у молодыхъ родится ребенокъ. После этого обыкновенно начинается угощеніе свадебныхъ гостей, послѣ котораго бываетъ такъ называемый «таги архи» (по-русски — полочное вино); три женщины старухи со стороны жениха, въ томъ числѣ мать жениха, и три женщины со стороны невѣсты наливаютъ вино въ особую посуду и садятся кругомъ; одна изъ нихъ, постарше лѣтами и знающая обычай, наливаетъ въ чашку вино, которымъ дѣлаетъ обрядъ «духъху»; потомъ онѣ это вино пьютъ, а остатокъ отдаютъ другимъ; этимъ и кончается этотъ обычай.

Отцы жениха и невѣсты садятся рядомъ у очага, впереди каждаго изъ нихъ стоитъ въ посудинахъ вино; два шамана, одинъ со стороны жениха на правой рукѣ, а другой съ невѣстиной на лѣвой брызгаютъ виномъ, держа при этомъ другъ друга за руки; въ разныхъ мѣстахъ брызгаютъ различно и каждый изъ нихъ по своему старается произнести по-краснорѣчивѣе молитву, чтобы обратить вниманіе сидящихъ. Напримѣръ:

26. Вурят хуни Залбары
Булагат хуни тухэ,

Создатель бурятскаго народа
Начало булагатскаго народа,

Буха-Ноён-Бабай,
 Будан-хатан иби
 Улан торгон ума
 Хохъ торгон ху.
 Хамаг томён Хататан,
 Олон томён Усатан
 Гурбан тулга гуламта
 Дорбон тулга долто
 Гали хоймор
 Сахьда Ноён
 Сахала Халун
 Харя халун хоёрн
 Уракжулан байхан
 Хошод бохъ андалдулхан
 Хошод мори уналсулхан.
 Андалдахан мана
 Арбан томъ дурэк
 Хэлгэхэн мана
 Хорин томъ дурэк
 Орхорин нарни туя орок,
 Удэрин бобгёд хокшид орок
 Хурээр дурэн адута болок.

Хөнжилор дурэн хобутэ болок,
 сэк!

27. Даб гэмэ далахан
 Дамжулан дурадхада
 Дала гэмэ уханахан
 Дутулан дурадхада,
 Хун далан оломор
 Хөмөр улан хотолор
 Хизар угэй тэнгэри Ноён
 Хирхак угэй улгэл дэлхэ
 Барулама найман хурэ
 Алтан нарни туягар
 Алма харан гэрэлэр
 Баруни ерэн ехон мундарга
 Тобшилон бухан
 Ерэн Хатхан сэтэрхэн
 Олон Хатхан утхалан бухан
 Бурят хуни Заабари
 Булагат хуни тарабари,
 Буха-Ноён-Бабая
 Боноктон шур гахан
 Будан Хатан Ибие
 Умадан шургахан
 Шетэ Ноён Баба
 Голто Саган бурхан
 Утхалан дурадхада
 (Имя отцовъ жениха и невѣсты).
 Тэндэхи Заян тэкиши
 Эндэхи Заян энхэ.
 Акта морни харганда
 Ататал томони бөхондо хурсэрэ
 Ханха харгу татаха
 Мордохон мор тана
 Зуда угэй золторши

Отецъ Буха-Ноён,
 Мать и госпожа Будан!
 Красный шелкъ—влагалище,
 Синій шелкъ—пупокъ.
 Всѣ тысячные Хататаны,
 Много-тысячные Усатаны.
 Три подпорки—очагъ
 Четыре подпорки—пламя,
 Огонь на Хойморѣ.
 Начальникъ—Сахьдай
 Госпожа—Сахала
 Двоихъ—родное съ чужимъ—
 Сдѣлавши роднею,
 Два пояса помѣняля;
 Два пояса помѣнявши, уѣхали;
 Мѣна наша—
 Сто тысячь пополнитса;
 Перемѣненные нами
 Двѣсти тысячь пополнятся.
 Черезъ отверстія юрты лучъ солнца
 войдетъ;

Въ дверь старики и старухи войдутъ.
 Полный дворъ скота будетъ
 Полное одѣяло дѣтей будетъ.—
 Сэк!

Съ земли шагнувши,
 Переходить призываемъ.
 Съ водяного моря
 По мостику призываемъ,
 Черезъ бродъ молочнаго моря,
 Черезъ проходъ горы Хоморъ,
 О безконечный начальникъ тэнгэри!
 Безъ края обширная земля:
 Восемь западныхъ дворовъ
 Отъ лучей золотого солнца,
 По свѣту широкой луны
 Западныхъ девяносто девять Мун-
 дарга,
 Застигнуль, спустившись,
 Изъ девяноста Хатовъ прославив-
 шійся,
 Изъ многихъ Хатовъ происхождені-
 емъ спустившійся,
 Создатель бурятскаго народа,
 Распространитель булагатскаго на-
 роца.

У отца Буха Ноёна,
 Подъ нагрудникомъ спрячьтесь,
 У матери госпожи Будана
 Въ влагалищѣ спрячьтесь.
 Отецъ начальникъ Шетэ,
 Бѣлый бурхан Голто,
 По происхожденію призываемъ
 (Имена отцовъ жениха и невѣсты),
 Равно тамошній заян,
 Какъ здѣшній Заян избилуетъ всѣмъ
 До ребра мерина-коня,

Зальши угэй хутагта
Хухын толо—
(Здѣсь имя жениха и невѣсты).
Ухэн бөехэн улэхэн
Хушун бөехэн холбохон
Хамак томон Хататан
Олон томон Усатан.
Тэнгэрин гурбан басагад
Тормо гэртэ
Забак дэрэ Заян
Булан дэрэ бурхан болхон
Утхада ума
Хотхонодо ху заньдхан
Ховжилор дурэн хобутэ
Хураер дурэн адута.
Орхорин нарни туя орок
Удэрин обогод хохшид орок
Сэки

До горба мерина-верблюда.
Широкая и глубокая дорога,
Проложенные на ней слѣды вѣчны:
Нерасторжимое счастье,
Нетронутое богатство
Для житья (пусть будеть)
(Имена жениха и невѣсты),
Волосистое тѣло вдѣвши,
Губы прижавши.
Всѣ тысячные Хататаны,
Многотысячные Усатаны,
Три дочери тэнгери,
Въ юртѣ-тюрмиѣ,
На стѣнѣ (на влѣвнѣхъ концахъ по-
толка) Заян,
На углу сдѣлавшійся бурханомъ.
Въ утробѣ зарожденіе многочисленное;
Связавши пупокъ,
Полнос одѣяло дѣтей (будеть),
Полный дворъ скота.
Черезъ отверстіе юрты лучи солнца
войдутъ,
Въ дверь старики и старуха войдутъ.
Сэки

Это совмѣстное обращеніе къ Заянамъ во время брызганья означаетъ, что они соединяютъ представителей двухъ родовъ въ супружескій союзъ для размноженія. Послѣ этого начинается попойка до утра. Иногда, если гости довольно пьяны, родные и сосѣди уводятъ по одному или по нѣсколькѣ человѣкъ гостей къ себѣ домой ночевать, чтобы тѣмъ облегчить родителямъ жениха заботы, если наѣхало много гостей. Но молодежь остается у молодыхъ и веселится; каждая сторона старается другъ другу спѣть пѣсню и пляснуть національную пляску, пьютъ вино и тарасунъ. Пріѣхавшіе гости со стороны невѣсты поютъ пѣсни слѣдующія:

28. Галта багин гуламтада тана
Гал нэмэн еребэбди,
Газахи гэрт-и Заянда тана
Моргон шурган еребэбди.

Вашему огню богатому очагу
Огня прибавивъ, пріѣхали;
Вашему уличному и юрточному Заяну
Молясь, подъ покровительство прі-
ѣхали.

Сусалта багин гуламтада тана
Сусала нэмэн еребэбди,
Сута багин Заянда тана

Вашему головнями богатому очагу
Головни прибавивъ, пріѣхали,
Вашему повсемѣстно извѣстному
Заяну

Моргон шурган еребэбди.
Унхэтэ багин гуламтада тана
Унхэ нэмэн еребэбди,
Орорто багин Заянда тана

Молясь, въ покровительство пріѣхали.
Вашему пепломъ богатому очагу
Пепелъ прибавивъ, пріѣхали;
Вашему благословеніями богатому
Заяну

Моргон шурган еребэбди.—

Молясь, въ покровительство пріѣхали.

29. Залрши угэй залида тана
Зали нэмэн еребэбди,
Зальши угэй хутакта тана
Хаутак нэмэн еребэбди.
Унтарши угэй унада тана
Уна нэмэн еребэбди,
Урляши угэй хутакта тана
Хутак нэмэн еребэбди.
Хугимэ ехэ унада тана
Уна нэмэн еребэбди,
Ходолши угэй хутакта тана
Хутак нэмэн еребэбди.—
- Вашей неугасимой лучинѣ
Лучину прибавивъ, пріѣхали;
Вашему не тронутому богатству
Богатство прибавивъ, пріѣхали.
Вашему неугасимому и тлѣющему
Огня прибавивъ, пріѣхали, [огню
Вашему непереѣзженному богатству
Богатство прибавивъ, пріѣхали.
Вашему большому и пламенѣющему
Огня прибавивъ, пріѣхали, [огню
Вашему не тронутому богатству
Богатство прибавивъ, пріѣхали.
30. Улан гали угин
Ула сахюр хоёрхо,
Улан торон угин
Заян бурхан хоёрхо.—
Халун гали угин
Хагдан хэтэ хоёрхо,
Хамак зони угин
Заян бурхан хоёрхо.
Гуламан гали угин
Гули хэтэн галха,
Гоги торон угин
Заян и бурхан хоёрхо.
- Краснаго огня начало
Отъ двоихъ—трута и кремня—
Старшей свадьбы начало
Отъ двоихъ—Заяна и бурхана.
Горящаго огня начало
Отъ двоихъ — ветошки и огнива,
Начало всего народа
Отъ двоихъ—Заяна и бурхана.
Въ очагѣ огня начало
Отъ огня мѣднаго огнива,
Нарядной свадьбы начало
Отъ Заяна и бурхана.
31. Улан гали угин
Ула сахюр хоёрхо,
Уган тѳрон угин
Худа худугу хоёрхо.
Хохѳ гали хокжомон
Хэтэ сюхор хоёрхо,
Хогхо торон угин
Худа худугу хоёрхо.—
- Краснаго огня начало
Отъ трута и огнива,
Старшей свадьбы начало
Отъ свата и свать;
Синяго огня начало
Отъ огнива и кремня,
Начало многолюдной свадьбы
Отъ свата со сватьей.
- Со стороны жениха на каждую пѣсню тоже поють от-
вѣтъ; если не стануть пѣтъ, то значить первенство оста-
нется за невѣстной стороной, а сторона жениха будетъ
побѣждена, а потому, не желая быть побѣжденными, они
стараются спѣтъ побольше:
32. Сагин угэй саганха мана
Сагалыт гэжи урябабди,
Саган ехэ тѳрбги мана
- Нашимъ неистощимымъ бѣлымъ (на-
питкомъ)
Прося подѣлиться, пригласили,
Нашу большую и славную (бѣлую)
свадьбу
- Бутэлсыт гэжи урябабди.
Идежи хухан иденхэ мана
Идит гэжи урябабди,
Ехэ саган тороги мана
Бутэлсыт гэжи урябабди.
Ужи байхан ухэнхэ мана
Угыт гэжи урябабди,
Уган саган тороги мана
Бутэлсыт гэжи урябабди.
- Прося помочь устроить, пригласили.
Нами живемъ ѣдомую пищу
Прося поѣсть, пригласили,
Нашу мать—бѣлую свадьбу
Прося помочь устроить, пригласили,
Нами стоя выпиваемую воду
Прося выпить, пригласили,
Нашу старшую бѣлую свадьбу
Прося помочь устроить, пригласили.

33. Аяга тарак бэлэдэбэбди
Аха торое уктабабди;
Такши сага бэлэдэбэбди
Табилган торо уктабабди. —
Чашку таракъ приготоуивъ,
Старшую свадьбу встрѣтили;
Маленькую чашку блага пригото-
виновника свадьбы встрѣтили. [виновъ,
34. Унажи ерхэн уна тана
Уса дурэн харяк,
Урарар ерхэн ашид
Зурхэ ханса зугалыт.
Холожи ерхэн уна тама
Хобши дурэн харяк,
Хотхолжи ерхэн худанут
Зурхэ ханса зугалыт.
Ваши верхомъ прѣхавшія подводы
Уѣдутъ съ полными задами,
По приглашенію прѣхавшіе гости,
Говорите (пойте) до полноты сердца.
Ваши запрошенныи прѣхавшія под-
Уѣдутъ въ колномъ изобиліи, [воды
Множество прѣхавшихъ гостей
Говорите (пойте) до полноты сердца.
35. Алта гурбин хобшидэ
Алтан шарга уята,
Харин худанхи хулежи
Харха домбо зэхэтэ.
Хохо гурбин хобшидэ
Хулен хохо уята,
Хотко худанхи хулежи
Харха домбо зэхэтэ.
На возвышенности Алтая
Золотисто-соловой привязанъ,
Въ ожиданіи изъ чужбины сватовъ
Въ кувшинѣ вино готово.
На возвышенности Хохоя
Сивый изъ сивыхъ привязанъ,
Въ ожиданіи множества сватовъ
Въ кувшинѣ вино готово.
36. Гурбан тулга тулахан хойно
Гуламтын хоймор тэндэ,
Гурбан дабхар уражжыхан хойно
Ураги бохо тэндэ.
Дорбон тулга тулахан хойно
Долни хоймор тэндэ,
Дорбон дабхар уражжыхан хойно
Ураги бохо тэндэ.
Послѣ подпирания трехъ подпоровъ
Хойморъ очага тамъ (?),
Послѣ родства трехъ разъ
Крѣпость родства тамъ.
Послѣ подпирания четырехъ подпо-
Хоймор долія (?) тамъ, [ровъ
Послѣ родства четырехъ разъ
Крѣпость родства тамъ.
37. Улэ ебтэ толтожи гарха
Оло шарга наран,
Обогохи уря зугалха
Хариха ерехэн худа.
Урдахъ толтожи гарха,
Улан шарга наран
Урянахи зугалха
Мани угин худа.
Сквозь облако свѣтитъ вышедшее
Сѣро-желтое солнце,
Передъ стариками поеть
Изъ чужбины прѣхавшій свать.
Съ юга свѣтитъ вышедшее
Красно-желтое солнце,
Прежнее (по-старинному) поеть
Нашъ ровесникъ свать.
38. Хара дала гэхэн мана
Хара шудун оёрто
Хамог зон гэхэн мана
Ума эхэ торолто.
Ухан дала гэхэн мана
Улан шудун оёрто,
Улад зон гэхэн мана
Ума эхэ торолто.
Хбхб дала гэхэн мана
Хохо шудун оёрто,
Хбтхб зон гэхэн мана
Ума эхэ торолто.
Черное море, названное нами,
Имѣеть дно изъ чернаго камня;
Весь народъ, названный нами,
Имѣеть рожденіе изъ утробы матери.
Водяное море, названное нами,
Имѣеть дно изъ краснаго камня;
Люди и народы, названные нами,
Имѣють рожденіе изъ утробы матери.
Синее море, названное нами,
Имѣеть дво изъ синяго камня,
Множество народа, названное нами;
Имѣеть рожденіе изъ утробы матери.

Вообще молодежь обоого пола поеть разныя пѣсни, не ограничиваясь только свадебными, которыхъ у бурятъ много, но также поють пѣсни другого содержанія, и такимъ

образомъ почти цѣлую ночь гуляютъ и только передъ утромъ расходятся.

У бурятъ есть повѣрье, что большая и многолюдная свадьба или гулянье имѣетъ «человѣческую вѣду» (хун хонго), т. е. во время большихъ свадебъ и гуляній долженъ помирать человекъ; вслѣдствіе этого во время такихъ свадебъ и гуляній сильно напиваться виномъ или тарасуномъ считаютъ опаснымъ. Кроме того, во время большихъ свадебъ или гуляній вообще молодымъ людямъ и подросткамъ слѣдуетъ быть осторожными, потому что духи, пользуясь всеобщей суматохой и пьянствомъ, хватаютъ душу человекъ, если она оплошаетъ.

На другой день, съ самаго утра начинаютъ приготовляться къ главнымъ обрядамъ свадьбы. Всѣ родные, пріѣзжіе родственники, сосѣди, собравшіяся народъ изъ другихъ улусовъ и родовъ, а также гости, пріѣхавшіе съ невѣстою, собираются у родителей жениха.

Утромъ на юго-западной сторонѣ юрты отца жениха въ землю укрѣпляютъ березку, такъ называемый у бурятъ «тургэ». Эту березку въ лѣсу вырубаютъ съ соблюденіемъ примѣтъ: березка должна быть прямая и вѣтвистая; при томъ чтобы вершина была цѣла, а не сломанная, и сухихъ, сломанныхъ вѣтвей чтобы не было, для того чтобы новобрачные жили благополучно, чтобы у нихъ было много потомковъ, которые бы выросли благополучно, не умирая. На тургэ вѣшаютъ божка „хотхо онгон“ (по русски—множество онгоновъ), если таковой есть у отца жениха. Къ ящичку хотхо-онгона привязываютъ ленточку изъ какой-нибудь красной матеріи, большею частію изъ краснаго сукна. Затѣмъ ставятъ жердь, прислонивъ ее однимъ концомъ къ березкѣ, и на ней вѣшаютъ шубу матери жениха. На сѣверной сторонѣ отъ тургэ разводять огонь; около огня ставятъ въ большихъ сосудахъ вино, тарасунъ и мясо (по-бурятски: „мѳргумжин архи мяхан“, т. е. вино и мясо поклоненія; „мургумжи“ отъ слова „моргѳхо“—поклониться). На первомъ мѣстѣ около мяса ставятъ «толо», т. е. сваренную голову заколотога животнаго, жеребенка, или барана, или иногда большой кобылы; если родители жениха бѣдны, то только баранью голову, безъ которой нельзя дѣлать свадьбу, и наоборотъ, головы быка, коровы и козла нельзя употреблять. Буряты обыкновенно говорятъ: «толо угэй торо ботохо угэй» безъ головы не бываетъ свадьба. По случаю этого поютъ:

89. Ухѳн далѳн жолоши
Уляхѳн модон онгосо,
Уган торон жолоши
Унагани саган толо.
Хохо далап жолоши

Водяного моря поводья—(?)
Лодка изъ осиноваго дерева,
Старшей свадьбы поводья—
Бѣлая голова жеребенка.
Сивяго моря поводья—

Хундэ модон онгосо,

Хокшин торон жолоши
Унагани саган толо.
Хара далан жолоши
Хамал модон онгосо,
Хан торон жолоши
Унагани саган толо.

Лодка изъ пустого (выдолбленнаго)
дерева,

Старшей свадьбы поводья—
Бѣлая голова жеребенка.
Чернаго моря поводья—
Лодка изъ вытесаннаго дерева,
Царя-свадьбы поводья—
Бѣлая голова жеребенка.

На лбу этой головы кожу съ мясомъ вырѣзываютъ треугольникомъ, что называется у бурятъ „тѳилдхѳ“; ¹⁾ этотъ вырѣзанный треугольникъ оставляютъ пока на прежнемъ мѣстѣ, не шевеля. Привезенное невѣстою мясо „сахимжа“ тоже ставятъ въ посудахъ а переднюю ногу кладутъ на видное мѣсто на тургѣ и кричатъ: „зѳхѳ гархѳн зѳтѳр ханабши!“ (родившійся сынъ отъ племянницы, гдѣ ты?). Если такой родственникъ есть на свадьбѣ со стороны жениха, то онъ подходит и втыкаетъ въ это мясо свой ножикъ. Что касается упоминаемыхъ здѣсь терминовъ родства, то „зѳ“ означаетъ родню по женской лини, племянника или племянницу; если у бурята есть дочь, которая выйдетъ замужъ и отъ этого брака родятся дѣти, то они отцу и братьямъ своей матери будутъ „зѳ“; однимъ словомъ дѣти отъ дочери называются „зѳ“. Если отъ „зѳ“ родится дочь и выйдетъ замужъ, то ея дѣти будутъ называться „зѳнсѳр“. Эти-то „зѳнсѳр“ втыкаютъ ножикъ, если кто-нибудь изъ нихъ есть на свадьбѣ.

Напомнимъ кстати еще одинъ старинный обычай, связанный съ родствомъ. У бурятъ Унгинскаго вѣдомства считается грѣхомъ входить въ домъ, заткнувши концы подола за поясъ; особенно если родня „зѳ“ или „зѳнсѳр“ войдетъ въ домъ своего „нагжа“, т. е. къ роднымъ своей матери, заткнувши концы подола за поясъ, то это считается большимъ грѣхомъ или оскорбленіемъ своего „нагжа“. Это происходитъ, какъ полагаютъ, отъ того, что въ прежнее время, когда существовалъ еще обычай удавливать стариковъ и старухъ свыше 60 лѣтъ посредствомъ глотанія длиннаго куска жира, то этотъ обычай совершалъ кто-нибудь изъ родни „зѳ“ или „зѳнсѳр“ надъ своимъ „нагжа“, т. е. надъ дѣдомъ или дядей, надъ бабушкой или теткою. Это дѣлалось слѣдующимъ образомъ: присужденнаго старика или старуху къ глотанію жира одѣвали въ лучшую одежду и угощали. Когда наступалъ моментъ исполненія обычая, то „зѳ“ или „зѳнсѳр“ выходилъ на улицу, затыкалъ полы за поясъ, чтобы онѣ не мѣшали, и, засучивъ

¹⁾ Буряты въ прежнее время пріѣхавшему гостю подавали сваренную голову, убитаго барана или жеребенка, на лбу дѣлая тонлохо; гость этотъ вырѣзанный треугольничекъ отрывалъ и бросалъ въ огонь очага, а потомъ ѣлъ голову, которая тогда была почетнымъ угощеніемъ.

рукава, вбѣгалъ въ юрту, схватывалъ приготовленный жиръ и заставлялъ насильно старика или старуху глотать, отчего глотающій, подавившись, умиралъ. Теперь не существуетъ этотъ обычай, но все-таки „зэ“ или зэвсэр“ не входятъ въ юрту своего „нагжа“ съ заткнутыми за поясъ полями, въ воспоминаніе прежняго обычая «ухэ унхулхэ».

Около огня на сѣверной сторонѣ на тургѣ, на разостланномъ потвикѣ садится выбранный благословитель «өррѣгиго өбөггю», т. е. старикъ, который будетъ говорить благословеніе «өрр» жениху и невѣстѣ. Этотъ старикъ благословитель долженъ быть непременно со стороны жениха, а не со стороны невѣсты. Покровитель свадьбы у бурятъ считается Тулман-Саган-Ноён, сѣдой старикъ, который имѣетъ мѣсто-пробываніе на горѣ Тулма. Старикъ благословитель представляетъ собою покровителя свадьбы Тулман-Саган Ноёна. Въ прежнее время старикъ благословитель былъ главный начальникъ Зэгэтэ-аба Галша, который, какъ главный начальникъ и духовное лицо, благословлялъ новобрачныхъ на счастливую жизнь. Около өррѣгиго өбөггюна, т. е. старика благословителя, тоже садятся полукругомъ прочіе старики. Лицо старика благословителя непременно должно быть обращено къ югу.

Родители невѣсты готовятъ кѣ главнымъ обрядамъ свадьбы. Привезенные невѣстою подарки, такъ называемые у бурятъ «зала», родители жениха дарятъ: сперва привязываетъ өррѣгиго өбөггюну платокъ или ленту изъ какой-нибудь матеріи, а потомъ всей роднѣ, сосѣдямъ и собравшемуся народу повязываютъ ленты изъ матеріи, иногда платки близкимъ роднымъ и родственникамъ жениха; этотъ обычай называется у бурятъ «зала залах».

Потомъ по старинному обычаю на шею собаки повязываютъ красный суконный ошейникъ или изъ другой матеріи краснаго цвѣта. Это обычай высокой важности и связанъ съ культомъ собаки. Собака у прежняго бурята во время Зэгэтэ-аба, когда занимались звѣроловствомъ, имѣла большое значеніе; она была необходимымъ помощникомъ въ охотѣ и не однократно выручала своего хозяина отъ грозящей опасности, а потому на свадьбѣ, надѣвая собакѣ красный ошейникъ, хотѣли ее сдѣлать участницею общей семейной радости. Почитаніе собаки стояло встарину на довольно высокой степени, какъ можно догадываться по сохранившимся обычаямъ и повѣрьямъ. Собаку, выгоняя на улицу, прижать дверью—считается грѣхомъ; вѣнникомъ бить собаку, тоже грѣхъ, потому что вѣникъ не чистый предметъ. Прежніе буряты, когда собака издыхала, то ей въ ротъ клали кусокъ жира или мяса, чтобы душа собаки, такъ называемый у бурятъ «хөмхө» (по

русски «жадный»), въ загробной жизни была постоянно сыта. Если кто-нибудь убивалъ собаку, то отрубали хвостъ убитой собаки и вляли ей въ ротъ; душа убитой собаки на томъ свѣтѣ жалуется, на убившаго ее человѣка, а если хвостъ положенъ въ ротъ, то собака не можетъ говорить, а только непонятно бормочетъ, такъ что судьи Заяны не могутъ ее разобрать и тѣмъ кончается жалоба собаки. Тѣхъ буряты, которые убили собаку, не допускали къ обряду „сасали барьха“ и нынѣ не допускаютъ. Значить, убить собаку считалось большимъ преступленіемъ, и человѣкъ, убившій собаку, считался опозореннымъ. Изъ преданій видимъ, что прежде собакою совершали жертвоприношеніе, какъ нынѣ домашними животными. Также извѣстно, что собаку давали въ колымъ за невѣсту. Въ бурятскихъ сказкахъ сплошь и рядомъ встрѣчается собака, которая носитъ названіе «ббсаган-нохъ» (по-русски: бб-шаманъ, саган-бѣлый, нохо-собака), которая извѣщаетъ хозяевъ о приближающемъ счастьи или несчастьи и т. д. Въ сказкѣ Абай-Гэсэр-Богдо-Хан, у бабушки Манзан-Гѣрмѣ, тоже есть собака „ббсаган-нохо“.

Красный кусокъ сукна или другой матеріи повязывали на крюкъ (по-бурятски «дэгг»), которымъ буряты достаютъ мясо изъ котла. По этому поводу замѣтимъ, что прежде, когда буряты были охотничьимъ народомъ и питались мясомъ убитыхъ звѣрей, изобиліе мяса считалось высшимъ счастьемъ, и почетъ, оказываемый мясному крюку, вѣроятно выражаетъ пожеланіе, чтобы у молодыхъ было обиліе мяса.

Интересно, что въ числѣ западныхъ Хатовъ есть одно лицо, которое носитъ названіе Моргон-Дэгг-Улан-Зала (мѣткій крючекъ, красная кисть). Этотъ Заянъ прежде не былъ-ли покровителемъ крюка, подобно тому какъ, на примѣръ, ножъ и другія орудія имѣютъ своихъ отдѣльныхъ покровителей. Ножикъ класть на окно можно: если духи ночью приходятъ и спросятъ у ножа, гдѣ душа его хозяина, то ножъ не указываетъ душу своего хозяина, говоря, что онъ съ хозяиномъ постоянно ѣстъ жирное мясо; если хозяинъ помретъ, то онъ заржавѣетъ. Ножницы класть на окно нельзя, потому что онѣ указываютъ духамъ душу своего хозяина, говоря, что хозяинъ постоянно рѣжетъ ими твердыя вещи, а ихъ бросаетъ со звономъ; ножницами мясо ѣсть нельзя—это грѣхъ. Шило, лукъ также пользуются почетомъ. Кромѣ того, если крюкъ, которымъ буряты достаютъ мясо изъ котла, имѣетъ нѣчто общее съ крюкомъ (дэгг тѣмѣр) кузнецовъ, загнутымъ на обѣ стороны, который употребляется ими во время нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ, то крюкъ вообще имѣетъ очень важное значеніе.

Въ это утро косу невѣсты расплетаютъ и вмѣсто одной косы заплетаютъ ей много косъ, такъ называемый «хѣбига»: на правой сторонѣ ей заплетаютъ девять косъ, а на лѣвой сторонѣ восемь косъ; нельзя заплетать поровну на обѣихъ сторонахъ. Косы по правой сторонѣ означаютъ будущихъ сыновей, а на лѣвой сторонѣ дочерей. Кисти на «хѣбига» у богатыхъ бурятъ дѣлаютъ изъ маржанъ и золотыхъ или серебряныхъ монетъ (это такъ наз. „хѣншиг“), которыхъ на правой сторонѣ пять, а на лѣвой четыре, всего девять. На затылкѣ заплетаютъ одну тоненькую косу, къ нижнему концу которой привязываютъ четыре или три золотыя или серебряныя монеты; къ ней прицѣпляютъ изъ маржана кисти, а на концахъ кистей привѣшиваются тоже золотыя монеты или серебряныя рублеваго достоинства. Сверхъ этой косы дѣлаютъ изъ матеріи другую косу шириною въ два пальца, обшиваютъ ее позументомъ длиною около 5 четвертей, украшаютъ золотыми монетами, маржанами, а у бѣдныхъ серебряными монетами. Потомъ надѣваютъ на невѣсту полную женскую шубу (хормото дэгэл); на шею ей надѣваютъ отъ 3 до 5 ожерельевъ изъ маржанъ съ золотыми монетами (по-бурятски „холобши“), а также изъ маржанъ съ золотыми монетами дѣлаютъ такъ называемый «хѣбхак»; на обѣихъ концахъ котораго изъ мелкихъ маржанъ дѣлаютъ кисти, а на верху и на нижнихъ концахъ кистей золотыя монеты. На голову надѣваютъ женскую шапку. Когда все готово, опять въ юртѣ у отца жениха брызгаютъ тарасунъ и вино онгону и прочимъ покровительствующимъ Заянамъ.

Потомъ невѣсту для главнаго обряда выводятъ изъ юрты; къ ней подходитъ женихъ, и они, взявшись за руки, идутъ кругомъ юрты. Надъ ними несутъ большую шаль, поддерживаемую за четыре угла посторонними мужчинами; это называется «хѣрабши» (по-русски: сарай). Лицо невѣсты при этомъ должно быть занавѣшено какою-нибудь бѣлою матеріей. Съ лѣвой стороны невѣсты идетъ женщина, такъ называемая мать (по-бурятски «эхэ»). Матерью невѣсты не можетъ быть вторая жена, также бездѣтная женщина, отдѣлившаяся отъ мужа и вторично вышедшая замужъ женщина. Съ правой стороны невѣсты идетъ женихъ. Если жениха на свадьбѣ нѣтъ, по какому-нибудь случаю и свадьбу приходится дѣлать безъ него, что случается у бурятъ, тогда невѣста, идя подъ шалью, въ правой рукѣ держитъ стрѣлу, которая замѣняетъ жениха; безъ стрѣлы совершать обрядъ нельзя, потому что на правой рукѣ невѣсты на мѣсто жениха пойдетъ духъ, за котораго невѣста выйдетъ замужъ, т. е. послѣ свадьбы она скоро должна помереть. На правой рукѣ невѣсты къ безымянному

пальцу привязана бѣлая миткалевая лента, за которую женихъ держится; это называется «орѣдѣн» (по-русски: кольцо). Это означаетъ, что женихъ и невѣста соединены въ супружескій союзъ, и жена должна подчиняться мужу и слушаться его. Около жениха и невѣсты подъ шалью идутъ молодыя дѣвицы и другіе.

Когда, сдѣлавши кругъ около юрты, они приближаются медленно къ тургѣ, то кто-нибудь изъ провожающихъ жениха и невѣсту говоритъ: «ѳрѳрши аб!» (по-русски: прими, благословитель!). Тогда «ѳрѳрши ѳбѳгѣн» начинаетъ благословлять невѣсту, причемъ идущіе подъ шалью останавливаются¹⁾. Когда благословіе окончено, они снова двигаются впередъ и снова говорятъ «ѳрѳрши аб!» «ѳрѳрши ѳбѳгѣн» снова благословляетъ; такъ повторяется до трехъ разъ. Вотъ текстъ благословія со словъ бурята Унгинскаго вѣдомства:

40. Барулама 55 тэтэри,
Уда монхон тэтэрихэн
Утха-татаи бухан,

Улан шарга нара
Туя татат бухан.
Хохо монхон тэтэрихэн
Ху татан бухан
Хохо шарга нара
Хурэ татан бухан
Баруни 99 мундарга
Дугу хэн бухан
Бурят хуни тухэ,
Булагау хуни тарабари
Буха-Ноён-баба
Хужи монгон торгата;
Харама ехэ обортэ
Ханжима ехэ бонокто.
Харама ехэ обороро
Хомор ехэ улагн
Хотол гарган ерхэн.
Ханжима ехэ боногоро

Западные 55 тэнгерл,
Отъ Уда-Монхон тэнгерія
Происхожденіе получивъ (протянувши),
спустился (?кто?),

Отъ красно-желтаго солнца
Лучи протянувши, спустился,
Отъ Хохо-Монхон тэнгерія
Пупокъ получивши, спустился,
Отъ сине-желтаго солнца
Дворъ протянувши, спустился,
Съ западными 99 Мундаргами
Мостикъ сдѣлавши, спустился.
Бурятскаго народа преданіе,
Булагатскаго народа распространіе.
Отецъ Буха-Ноён,
Съ сплошною серебряною спиною,
Большими раздвинутыми рогами,
Большимъ висящимъ подгрудникомъ,
Съ большимъ раздвинутыми рогами
Черезъ большую гору Хомор
Проходъ сдѣлавши, пришелъ;
Съ большимъ висящимъ подгрудникомъ,

1) Обыкновенно буряты во всѣхъ религіозныхъ обрядахъ или обыденной жизни двигаются или дѣлаютъ кругъ по солнцу, а во время свадьбы, когда идутъ подъ шалью, тогда обыкновенно идутъ противъ солнца; это чуть-ли не единственный случай. Этотъ обычай мнѣ объяснилъ одинъ старикъ кузнецъ такъ: Сперва земли не было, а были только вода и огонь. По водѣ плавали дѣтородные члены мужчины и женщины отдѣльно и не могли соединиться между собою. Они два раза сдѣлали кругъ по солнцу и не сошлись; третій разъ они сдѣлали кругъ противъ солнца, и тогда сошлись и совершили оплодотвореніе. По случаю этого во время свадьбы идутъ подъ шалью противъ солнца. По обычному же мнѣнію буряты, только одни духи дѣлаютъ кругъ противъ солнца, — а живымъ людямъ дѣлать кругъ противъ солнца считается грѣхомъ.

Хун ехэ далаги
Оломножи ерхэн.
Буха-Ноён-бабая
Бонсоктон шурга.
Будан Хатан ибѣ
Ума дан шурга.
Мадари-Саган-бурхаги
Магна дэрэ татан ерэ.
Мани хайхан Заянда
Моргон шурган ерэ.

Ошир-Саган-бурхаги
Оро дэрэ татан ерэ,

Өрорто багин Заянда мана

Моргон шурган ерэ.—

Унтаргин угэй унада мана
Уна нэмэн ерэ.
Минган саган адухани
Ужин болон ерэ,
Мина бароха хобухи
Эхэ болон ерэ.
Томон саган адухани
Эжин болон ерэ;
Тургэдэ хуха хобухи,
Эхэ болон ерэ.—
Өрхор шини
Нарни туя орок;
Удэр шини
Обоход хокшид орок.
Хашія хан гэсэ бу хая
Хадаш эхэе урдаха
Яру баса бу дугара
Нохое удэндэ бу хабши.
Хэлхэ дэ мэни хур
Хэлэ дэ бурхани оро
Монхо бак!

Черезъ большое молочное море
Перебродивши, пришель.
Къ Отцу Буха-Ноёну
Подъ подгрудникомъ спрячься,
Къ матери госпожѣ Будану
Во вл...ище спрячься.
Бѣлаго бурхана Мадари
На лобъ протянувши, пріѣзжай;
Нашему красному Заяну
Молясь, подъ покровительство пріѣзжай.

Бѣлаго бурхана Ошир
На верхушку головы протянувши, пріѣзжай;
Нашему благословіяни богатому
Заяну
Молясь, подъ покровительство пріѣзжай

Неугасимому огню нашему
Огня прибавивъ, пріѣзжай.
Тысячному бѣлому скоту
Хозяинномъ сдѣлавшись, пріѣзжай,
Держащимъ бичъ сыновьямъ
Матерью сдѣлавшись, пріѣзжай.
Десятитысячному бѣлому скоту
Хозяинномъ сдѣлавшись, пріѣзжай
На тургэ сидящимъ сыновьямъ
Матерью сдѣлавшись, пріѣзжай.
Черезъ отверстія юрты твоей
Лучи солнца войдутъ:
Въ дверь твою
Старики и старухи войдутъ.
Пожницы звеня не бросай,
На свекровь
Громко не кричи.
Собаку дверью не прижимай.—
Говорить мои слова
Всегда благословіе бурхана,—
Да будетъ вѣчно!

Слѣдующій небольшой отрывокъ благословія записанъ со словъ бурята Бильширскаго вѣдомства:

41. Хохо-Монхон тэнгэрихэн
Ху татан ерэ.
Уда Монхон тэнгэрихэн
Ума татан ерэ.
Буха Ноён бабая
Бонок дорон шурги.
Будан хатан ибѣ
Ума дорон шурга.
Мадари-Саган бурхаги
Магнада татан ерэ
Минган саган адухани
Эжин болон ерэ.
Ошир саган бурхаги

Отъ Хохо-Монхон тэнгэри
Пупокъ протянувши, пріѣзжай.
Отъ Уда-Монхон тэнгэри
Влагалище протянувши, пріѣзжай.
Отцу Буха-Ноёну
Подъ нагрудникомъ спрячься.
Матери госпожѣ Будану
Въ вл...ище спрячься.
Бѣлаго бурхана Мадари
На лобъ протянувши, пріѣзжай.
Тысячѣ бѣлаго скота
Хозяинномъ сдѣлавшись, пріѣзжай.
Бѣлаго бурхана Ошир

Оро дэрэ татан ерэ

Олон саган адухъани
Эжин болон ерэ.
Хонжилор дурэн хобухи
Иби болон ерэ.
Халшя хан баса бу хая
Хадам эхэе урдаха
Ярд баса бу дугара
Шулу шабшуха тоного асара
Шоно улдахэ холого асара...

На верхушку головы притянувши,
привзжай

Множеству блага скота
Хозяиномъ сдѣлавшись, привзжай.
Въ полное одѣяло дѣтямъ
Матерью сдѣлавшись, привзжай.
Ножницами звеня не бросай,
На свекровь
Громко не кричи.
Привези орудіе рубить камень,
Приведи коня гонать волковъ...

Когда «орорши обогон» закончить третье благословеніе, тогда невѣста съ провожатыми приближается къ юртѣ. Въ это время посторонние люди держатъ дверь и никого не выпускаютъ и не выпускаютъ изъ юрты свекра; это называется „удэ харха“ (караулить дверь). Раньше невѣсты въ это время въ юрту свекра никто не долженъ входить и выходить, потому что съ ними нечистый и злой духъ можетъ войти въ юрту вперед невѣсты и повредить новобрачнымъ; невѣста должна входить первая.

Когда невѣста съ провожатыми подходитъ къ двери и входитъ въ юрту, женихъ старается у нея отобрать привязанную къ безымянному пальцу миткалевую ленту, а невѣста не отдаетъ. Существуетъ повѣрье, что если женихъ отберетъ эту ленту, то невѣста будетъ повиноваться жениху во всемъ въ продолженіе своей супружеской жизни; если же лента останется у невѣсты, то онъ будетъ подчиняться ей; у суетвѣрныхъ при этомъ бываетъ непродолжительный споръ за первенство.

Невѣста съ матерью и провожатыми входитъ въ юрту и останавливаются у дверей (удэн тала); въ это время разстилаютъ потникъ передъ очагомъ и на этотъ потникъ ставятъ невѣсту и мать. Въ прежнее время разстилали выдѣланную бѣлую конскую кожу, такъ называемый „дагатха“; еще раньше, когда буряты были исключительно звѣроловами, должно полагать, разстилали прямо звѣриную шкуру, но какую — я не могъ узнать. Родители жениха и невѣсты сидятъ около очага на „хоймор тала“.

Женихъ въ это время подходитъ къ „тургэ“; сидящіе здѣсь люди отрѣзываютъ отъ приготовленнаго мяса нѣсколько кусковъ, въ томъ числѣ снимаютъ съ головы вышеупомянутый вырѣзанный треугольникъ и подаютъ ему; женихъ бросаетъ все это въ разложенный около тургэ огонь. Послѣ этого отрѣзываютъ еще нѣсколько кусковъ мяса и даютъ въ руки жениху; съ этимъ мясомъ онъ уходитъ въ юрту и становится тамъ на потникъ, рядомъ съ невѣстою, кланяясь огню, и бросаетъ куски мяса въ огонь очага. Это означаетъ, что

женихъ признается равноправнымъ членомъ своего общества, домохозяиномъ и имѣть надежду на потомство. Затѣмъ онъ уходитъ опять въ тургэ.

Послѣ этого даютъ матери нѣсколько кусковъ жира, заранѣе приготовленныхъ въ чашкѣ, которую покрываютъ платкомъ. Мать беретъ чашку и, отдѣливъ три куска жира, кланаясь, бросаетъ ихъ въ огонь очага. Если невѣста прежде была замужемъ или родила ребенка до брака, то передъ тѣмъ, какъ бросать куски жира, ей съ лица снимаютъ покрывало. Потомъ невѣстѣ, оставшейся на потникѣ, отдаютъ три куска жиру, и она, кланаясь, бросаетъ также ихъ въ огонь очага. Этимъ приношеніемъ огню она проситъ принять ее подъ свое покровительство и даровать ей счастье въ супружеской жизни; кромѣ того, говорятъ, что отъ этого радуется хозяйнѣ огня. Затѣмъ невѣстѣ даютъ еще три куска жиру, которые она беретъ и обѣими руками бросаетъ прямо на колѣни своего свекра (по-бурятски—«хадамъ»); потомъ она повторяетъ то-же самое еще разъ и, наконецъ, въ третій разъ три куска жиру она бросаетъ прямо въ грудь свекру. Если она удачно броситъ прямо на колѣни и въ пазуху свекра, это хорошая примѣта: невѣста будетъ жить счастливо, богато и будетъ имѣть много дѣтей; если же она не доброситъ или переброситъ—это худая примѣта. Свекоръ часть жира бросаетъ въ огонь, часть съѣдаетъ, а остальное раздаетъ присутствующимъ. Этотъ обычай называется «у х э» (бросать жиръ). Совершивши обрядъ бросанія жира, невѣста съ матерью и провожатыми выходятъ изъ юрты; все это время стоять подъ харабши, т. е. подъ шалью, и такимъ образомъ входятъ въ другую юрту, откуда сперва вышли, и, входя въ юрту, снимаютъ харабши. Эта юрта, въ которой сидитъ невѣста, называется «бишихаги гэр» (юрта маленькихъ, т. е. молодыхъ), иногда называютъ «басагахи гэр» (юрта дѣвицъ).

У тургэ въ это время оставшееся отъ бросанья въ огонь мясо дѣлятъ на три части; одну часть называютъ «онгони мяхан»; его откладываютъ отдѣльно подъ тургэ и не трогаютъ до тѣхъ поръ, пока всѣ свадебные гости не уйдутъ; вторую часть мяса съ грудиной и головою откладываютъ въ сторону: это доля борцовъ и бѣгуновъ, и имъ также оставляютъ вино и тарасунъ; третья часть мяса, больше первыхъ двухъ, называется «зони мяхан» (мясо народа). Это мясо съѣдаютъ присутствующіе и выпиваютъ вино и тарасунъ.

Въ это же время выносятъ привезенное съ невѣстою мясо и вино; изъ мяса обыкновенно бросаютъ въ огонь нѣсколько кусковъ, а вино брызгаютъ. Это мясо называется «сахимжа». Самые лучшіе куски его раздаютъ тѣмъ женщинамъ, кото-

рыя раньше вышли замужъ въ этомъ улусѣ или родѣ; онѣ, взявши мясо, пробуютъ, а иногда отсылаютъ домой, или же съѣдаютъ тутъ же. Если кому нибудь изъ нихъ не дадутъ мяса, то это считается оскорбленіемъ. Оставшееся мясо отъ сахимжа съѣдаетъ собравшійся народъ и пьетъ вино. Если мяса много съ обѣихъ сторонъ, то присутствующіе, наѣвшись досыта, начинаютъ другъ въ друга бросать мясомъ, играя; это означаетъ, что всѣ сыты и довольны свадьбою.

Изъ юрты молодыхъ черезъ нѣсколько времени невѣста съ матерью и съ своими дѣвушками снова выходитъ и входитъ въ юрту свекра, на этотъ разъ безъ «харабши», потому что невѣста уже вошла въ права хозяйки; входя въ юрту, невѣста останавливается у двери; въ это время кто нибудь изъ молодыхъ людей, пріѣхавшихъ съ невѣстою, бросаетъ отцу жениха нѣсколько аршинъ какой-нибудь матеріи; это называется «хаялга». Свекоръ, взявъ эту матерію, по обычаю вѣшаетъ ее на „хоймор тэнги“; иногда кромѣ того сама невѣста бросаетъ подарокъ свекрови. У бурятъ Бильширскаго вѣдомства къ „хаялга“, т. е. къ матеріи, еще привязываютъ узду. Это означаетъ, что невѣста теперь уже хозяйка, и она должна быть послушна, какъ обузданный конь. Послѣ этого невѣста съ матерью и дѣвушками идутъ и останавливаются на лѣвой сторонѣ отъ очага (зун тала), подходятъ къ огню и кланяются ему; невѣстѣ даютъ чашку съ молокомъ, и она нѣсколько капель сливаетъ на огонь очага и затѣмъ отпиваетъ молока изъ чашки, а потомъ передаетъ матери и прочимъ провожатымъ. Этотъ обычай называется „сагалха“; этимъ невѣста даетъ клятву, что она теперь полная хозяйка и ничего худого не должна дѣлать и думать. Затѣмъ свекровь подаетъ невѣстѣ растопленное масло въ чашкѣ; она это масло выливаетъ на огонь очага; это называется „тагда тохо атхаха“ (на огонь выливать масло). Этимъ дѣлается приношеніе огню, чтобы онъ покровительствовалъ ново-брачнымъ, защищая ихъ отъ злыхъ и нечистыхъ духовъ.

Послѣ этихъ обрядовъ дарятъ невѣсту, сначала свекоръ свекровь, братья и сестры жениха, и затѣмъ родные, родственники, сосѣди и присутствующіе изъ другихъ улусовъ и родовъ со стороны жениха; дарятъ обыкновенно золотыми серебряными монетами и вообще деньгами. Невѣста кланяется свекру и свекрови, и они еще дарятъ невѣстѣ кое-что изъ скота. Потомъ невѣста, кланяясь огню, поворачиваетъ полѣнья въ очагъ и подкладываетъ нѣсколько полѣньевъ. Это означаетъ, что какъ увеличивается огонь очага отъ новыхъ полѣньевъ, такъ должно увеличиться семейство ея мужа, а также что она становится хозяйкою дома. Послѣ

этого невѣста съ матерью и дѣвушками возвращаются въ юрту молодыхъ. У бурятъ Бильширскаго вѣдомства невѣста кланяется свекру и свекрови, а затѣмъ еще тремъ старухамъ того улуса, въ которомъ живетъ женихъ.

Послѣ этого, когда кончится дареніе и описанныя обрядности, связываютъ платки концами и вѣшаютъ на «хоймор тѣнги», что называется „болто хуряха“ («болто» — двѣ косы у замужнихъ женщинъ, «хуряха» — поставить на мѣсто). Это означаетъ, что свадьба окончена и женитьба будетъ крѣпка и неразрывна, какъ завязанный узелъ.

По окончаніи собственно свадебныхъ обрядовъ у свекра начинается угощеніе, а затѣмъ соблюдаются еще нѣкоторые обычаи, и прежде всего такъ называемый „бэрзурулха“ („бэрэ“ — невѣста, «урулха» — входитъ). При этомъ близкіе родные жениха должны пригласить невѣсту къ себѣ въ домъ и дарить ее. Получивъ приглашеніе, невѣста и всѣ участвующіе на свадьбѣ съ обѣихъ сторонъ уходятъ отъ жениха къ пригласившему родственнику. Тамъ мужчины старики и среднихъ лѣтъ, садятся за отдѣльнымъ столомъ на правой сторонѣ юрты (барун тала), а женщины тоже за отдѣльнымъ столомъ на «хоймор тала», а невѣстѣ съ ея провожатыми приготавливаютъ особый столъ за занавѣскою; у бѣдныхъ всѣ гости помѣщаются за однимъ столомъ, но невѣстѣ съ ея провожатыми все-таки дается отдѣльный столъ.

Домохозяинъ со всѣмъ своимъ семействомъ садится рядомъ около очага на «хоймор тала»; въ это время входитъ невѣста съ матерью и провожатыми, останавливаются около дверей, кланяются домохозяину, и молодая бросаетъ ему «хаалга» — какую нибудь матерію. Послѣ этого невѣста съ матерью становятся около очага на «зун тала». Тогда жена домохозяина подаетъ невѣстѣ чашку молока, которое она немного сливаетъ на огонь очага, пробуетъ сама и передаетъ матери и т. д.; такимъ образомъ онѣ дѣлаютъ «сагалха». Послѣ этого невѣсту допускаютъ къ поклоненію огню, и для этого ей даютъ въ чашкѣ растопленное масло, которое она выливаетъ на огонь. Потомъ домохозяинъ и все семейство его дарятъ невѣсту по состоянію деньгами. Начинается угощеніе, по окончаніи котораго гости и невѣста встаютъ, выходятъ и идутъ къ слѣдующему родственнику; такимъ образомъ невѣста побываетъ у всѣхъ родныхъ жениха, и въ каждомъ домѣ повторяется то же самое. Если у жениха родные богатые и притомъ ихъ много, то цѣлый день ходятъ изъ дома въ домъ, а то и на другой день. При входѣ въ первый разъ въ домъ родныхъ жениха (хадам), если они старше мужа, новобрачная обязательно должна бросать «хаалга».

Иногда, входя въ домъ хадама послѣ каждаго ребенка, молодая тоже должна бросать «хаялгъ», но это теперь не особенно соблюдается, или соблюдается лишь для вида, напримѣръ, молодая послѣ разрѣшенія отъ беременности, отправляясь въ домъ хадама, для видимости бросаетъ какой-нибудь платокъ или просто беретъ щепку, которую бросаетъ, чтобы исполнить обычай.

По окончаніи всѣхъ свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ, обыкновенно начинается гулянье на весь улусъ; архидашины вереницею тянутся изъ одного дома въ другой. Невѣста, какъ полная хозяйка дома, начинаетъ угощать свадебныхъ гостей и входитъ уже во всѣ права.

На улицѣ около турга, въ лѣтнее время, иногда борются борцы; побѣдителямъ въ борьбѣ даютъ вино и мясо, и побѣжденнаго тоже не оставляютъ, а даютъ вино и мясо. Обыкновенно борцы выбираютъ съ двухъ сторонъ—со стороны жениха и со стороны невѣсты, а иногда и съ одной стороны, но изъ разныхъ улусовъ и родовъ. Такъ же устраиваютъ бѣгъ лошадей, и одержавшимъ верхъ даютъ вино и мясо.

Въ прежнее время, уѣзжая на свадьбу, нарочно брали съ собою своихъ борцовъ для борьбы, также хорошихъ бѣгунцовъ и рысаковъ, хорошихъ пѣвцовъ для пѣнія.

Свадебные гости у жениха пируютъ нѣсколько дней. На прощаніе родители жениха дарятъ гостей; родителямъ невѣсты надѣваютъ новыя рубашки, нарочно для того спитыя, а женщинамъ кромѣ того дарятъ платки шелковые или просто гарусные или бумажные, что называется «пуладзалаха»; прочимъ мужчинамъ тоже надѣваютъ новыя рубашки или ограничиваются платками. Потомъ запрягаютъ и сѣдлаютъ лошадей, но передъ самымъ отъѣздомъ еще угощаютъ виномъ такъ наз. «ухэри архи», т. е. скотское вино, вино за скоть, чтобы свадебные гости не угоняли скота. Въ старину бывало, что если гости бывали недовольны угощеніемъ жениха, то, уѣзжая обратно, угоняли рогатый скоть, который по приѣздѣ вололи и ѣли, а шкуру дѣлили между собою поровну на ремни. Когда все готово, гости прощаются и уѣзжаютъ домой, а невѣста иногда остается въ домѣ свекра, а большею частію уѣзжаетъ обратно домой. Провожая свадебныхъ гостей, родители жениха, взаменъ привезеннаго родителями невѣсты мяса «сахимжа», обязательно даютъ имъ въ свою очередь мяса и вина съ собою, иногда голову колотатаго животнаго; это называется «мэнхэни оёр»—дно посуды (пустую посуду возвращать считается грѣхъ—«сэртэй»).

Возвратившись домой, родители невѣсты приглашаютъ къ себѣ стариковъ и старухъ своего улуса, не ѣздившихъ на

свадьбу, и угощают ихъ привезеннымъ мясомъ и виномъ. Въ домъ жениха, послѣ отъѣзда свадебныхъ гостей, также собираются старики и старухи; послѣ небольшого религиознаго обряда „дэгино барьха“. они съѣдаютъ мясо, оставленное подъ тургэ подъ именемъ «онгони маханъ», выпиваютъ вино и тарасунъ, потомъ расходятся по домамъ.

Этимъ кончается многошумная бурятская свадьба.

Невѣста на житье къ жениху привъзжаетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или черезъ годъ и болѣе, смотря по обстоятельствамъ. Обыкновенно она привъзжаетъ къ жениху не одна, а съ нею нѣсколько человекъ, и устраиваютъ гулянье; это называется «бэрэ худая ерэ» (невѣста сидѣть пріѣхала). Въ этотъ пріѣздъ невѣста привозитъ свое приданое—«онжи», одѣта въ платье замужней женщины и имѣетъ много косъ—«хабига».

Черезъ нѣсколько времени, приблизительно черезъ полгода или немного болѣе, вмѣсто «хабига» заплетаютъ двѣ косы «болто»; это дѣлаютъ тогда обыкновенно, когда молодая сдѣлается беременною. Пока невѣста носить «хабига», ее называютъ «шинэ-бэрэ» (новая невѣста) или «хабигата бэрэ» (невѣста съ многими косами); когда же ей заплетутъ двѣ косы, тогда она просто называется «бари» или «залу бэри» (молодая невѣста, т. е. молодуха).

Когда у молодухи родится сынъ или дочь, тогда она съ мужемъ дѣлаютъ обрядъ поклоненія онгону «онгондо орхо» (входить къ онгону). Этотъ религиозный обрядъ дѣлается съ нѣкоторою торжественностью; для этого приглашается шаманъ; онъ идетъ впереди, за нимъ мужъ несетъ на рукахъ ребенка, и въ накидку на спинѣ у него надѣта шуба для отца, а рубашку и штаны несетъ въ рукахъ; за нимъ жена, которая тоже накидываетъ на себя шубу для свекрови и несетъ рубашку и женскія панталоны; въ правой рукѣ она несетъ «саганъ», т. е. таракъ въ чашкѣ, въ лѣвой саламату, т. е. сваренную сметану съ мукою въ чашкѣ; другіе несутъ вино, тарасунъ и проч., а одинъ ведетъ жертвеннаго барана. Входя въ юрту, молодые кланяются онгону, потомъ огню, затѣмъ въ ноги отцу и матери, надѣваютъ на нихъ новую одежду, а тѣ благословляютъ ихъ, принесенные припасы ставятъ передъ онгономъ на чистенькомъ войлокѣ, отдѣляютъ часть въ огонь, а остальное идетъ на угощеніе. Родители сыну, невѣстѣ и внуку дарятъ разный скоть. Около года послѣ рожденія ребенка молодые ѣздятъ къ родителямъ молодухи, гдѣ совершается также почти все вышеописанное; эта ѣзда называется «халита ошо» (ѣхать съ доеніемъ).

Въ прежнее время, если у какого-нибудь бурята послѣ

женитьбы не родились дѣти, то совершали тагъ называемый «судъ старухъ» при слѣдующемъ обрядѣ: у бездѣтнаго въ юртѣ собирались старухи, которыя варили сметану; когда сметана сварится, то ее разливали въ чашки и ставили вокругъ очага; потомъ бездѣтнаго бурята сажали около очага, и часть сметаны и масло клали въ огонь. Послѣ этого самая старшая старуха снимала свои панталоны, которыми была бездѣтнаго бурята, приговаривая: „спи съ своею женою чаще и хорошенько, чтобы родились дѣти,—до какихъ поръ будешь бездѣтнымъ!“ На этомъ судѣ участвовали семь старухъ, и всѣ такимъ же образомъ били его поочередно. Послѣ этого сваренную сметану всѣ собравшіяся старухи съѣдаютъ и расходятся по домамъ. Молодые женщины и дѣвицы не участвовали на этомъ судѣ.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю добавить нѣсколько строкъ о женитьбѣ вдовца. У бурятовъ Унгинскаго вѣдомства съ давнихъ временъ существуетъ обычай: если вдовый женится вторично и притомъ на вдовѣ, то свадьбу устраиваютъ проще. Въ день женитьбы собираются сосѣди и пріѣхавшіе съ вдовой въ домъ вдовца. При этомъ обыкновенно колютъ барана, соблюдая «хуралха», т. е. голову берутъ вмѣстѣ съ дыхательнымъ горломъ, легкимъ и сердцемъ, варятъ съ прочимъ мясомъ.

Въ это время одинъ шаманъ или простой бурятъ брызгаетъ тарасунъ. Послѣ брызганья вдова, выходящая замужъ, совершаетъ «сагалха», вливаетъ въ огонь масло, кладетъ въ огонь очага нѣсколько полнѣй дровъ, прежнія дрова подвигаетъ впередъ; затѣмъ сваренное мясо вынимаютъ изъ котла, кладутъ въ корзины и ставятъ около очага; изъ этого мяса вырѣзываютъ нѣсколько кусковъ, которые бросаютъ въ огонь очага, а остальное ѣдятъ гости и пьютъ тарасунъ и вино; новобрачные же по обычаю должны ѣсть голову съ дыхательнымъ горломъ, легкимъ и сердцемъ, а если не доѣдятъ, то оставляютъ, чтобы послѣ доѣсть, потому что эти части мяса нельзя давать постороннему. Этимъ и кончается женитьба вдовца на вдовѣ. Если женившійся вдовецъ самостоятельный, то гуляютъ еще нѣсколько дней ¹⁾.

Матвѣй Хангаловъ.

25 апрѣля 1895 года.

¹⁾ О сватовствѣ у бурятовъ короче говорилось уже въ одной изъ прежнихъ статей того же автора (См. „Этногр. Обзоръ“, кн. X). *Ред.*

КЪ ИСТОРИИ НАРОДНАГО ТЕАТРА ¹⁾.

II. „ТРОНЪ“.

Предлагаемое вниманию читателей произведение народнаго творчества, носящее названіе „Тронъ“ и циркулирующее въ качествѣ пьесы, разыгрываемой въ лицахъ, среди солдатъ, на фабрикахъ, на сахарныхъ заводахъ и т. п., представляетъ собою несомнѣнную этнографическую цѣнность, какъ матеріалъ къ исторіи развитія народнаго театра вообще въ Россіи и въ частности въ Бѣлоруссіи и на Украинѣ.

На страницахъ «Кіевской Старины», въ статьѣ „Къ вопросу о вертепной комедіи на Украинѣ“, почтеннымъ этнографомъ М. Т—овымъ высказано мнѣніе о несбходимости „тщательныхъ поисковъ за остатками стариннаго религіознаго театра въ рукописяхъ и устномъ преданіи въ области Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Украины“²⁾; въ случаѣ удачныхъ результатовъ такихъ поисковъ, съ примѣненіемъ сравнительнаго метода изслѣдованія, можно было бы, какъ утверждаетъ авторъ, сказать, „что собственно оригинальнаго имѣемъ мы въ нашемъ рождественскомъ театрѣ, въ томъ числѣ даже въ его бытовыхъ частяхъ“³⁾. Намъ кажется, что „Тронъ“ представляетъ большой интересъ съ этой точки зрѣнія, почему мы и постарались записать одинъ изъ вариантовъ этой пьесы во всей его подробности.

1) См. „Этногр. Обзор.“ XXXV.

2) Кіевская Старина 1883, кн. 12, стр. 550.

3) Тамъ же, стр. 551.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ объ организаціи самаго театра.

Уже за нѣсколько недѣль до рождественскихъ праздниковъ идетъ въ рабочихъ казармахъ Лебединскаго сахарнаго завода (Чигиринскій уѣздъ, Киевской губ.), въ свободные отъ смѣны двѣнадцать часовъ и даже между дѣломъ на самомъ заводѣ, разучиваніе ролей; нѣсколько искусниковъ готовятъ въ то же время изъ закушенной разноцвѣтной и золото-обрѣзной бумаги убранство для играющихъ: шапки, военные костюмы, напоминающіе форму Павловскихъ временъ, мечи и проч. Определеннаго мѣста для игры нѣтъ. Въ первый день праздника, въ часъ или два пополудни появляются «тронщики». Царь Максимилианъ, идя впереди, заходитъ подъ-рядъ въ квартиры служащихъ и испрашиваетъ позволеніе на представленіе; если получается положительный отвѣтъ, то труппа заходитъ въ комнаты и открываетъ дѣйствіе. Рубль, два, три, по рюмкѣ водки каждому—вотъ то вознагражденіе, которое получаютъ актеры; кончивъ въ одномъ домѣ, идутъ въ слѣдующій. «Тривъ» обыкновенно сопровождается «музыкой» изъ двухъ, трехъ музыкантовъ украинцевъ. За гордо выступающими исполнителями тянется цѣлая «юрба», «дитворы», селянъ и вообще гуляющей въ этотъ день публики; продѣлки «дида», цыгана и смерти вызываютъ всеобщій смѣхъ. Обошедши всѣхъ «пановъ», труппа до вечера гуляетъ, выпиваетъ; на слѣдующій день обыкновенно предпринимается путешествіе въ сосѣднія мѣстечки и сахарные заводы; изъ Лебединскаго направляются, напр., въ Капитановку, Шполу, Ново-Миргородъ и Златополь (больше двадцати верстъ)—и это въ стужу, безъ верхней одежды; «пока музыка игра, до тыхъ поръ и тепло».

Случалось, что Лебединская труппа, входя въ Шполу, встрѣчалась съ образовавшейся мѣстной; изъ-за конкуренціи происходило побоище, и пришлецы должны были удалиться.

Съ вырученными деньгами поступаютъ такъ: каждый затратившій на окостюмировку получаетъ сполна свои деньги; остальные, обыкновенно 50—60 рублей, сообща прогуливаются. Труппа организуется изъ бѣлоруссовъ; роли выучиваются изустно.

Въ Лебединскомъ заводѣ «Тронъ» знали на память цѣликомъ только двое: Филиппъ Терешковъ, исполнявшій роль царя Максимилиана (отъ котораго и записанъ предлагаемый вариантъ), крестьянинъ Новозыбковского уѣзда, Черниговской губ., села Уноковичи, парень лѣтъ двадцати пяти, и его землякъ Цыба, завѣдывавшій, главнымъ образомъ, декоративной частью. Терешковъ заявилъ, что онъ не знаетъ, кто его (Тронъ) выдумалъ, а научился онъ отъ своихъ ребятъ, хоть и слышалъ, что есть такая книга. На родинѣ, сообщилъ Терешковъ, «Тронъ» не представляютъ въ виду того, что, представляя «мужикамъ», не окупишь расходовъ.

Текстъ записанъ нами дословно; звуковой оттѣнокъ бѣлорусскаго языка трудно было уловить, хотя выдающіяся уклоненія отмѣчены. Перейдемъ теперь къ содержанію «Трона».

Не смотря на массу наслоеній и вліяній, спутанныхъ во времени, пространствѣ и дѣйствіи, въ «Тронѣ», тѣмъ не менѣе, можно различить три основныя части: библейскую, западно-европейскую и бытовую съ элементами бѣлорусско-украинской народной жизни.

Піеса разбита на *десять сценъ*. Первая исчерпываетъ всю библейскую часть піесы; главное дѣйствующее лицо—царь Иродъ, отдающій приказаніе своему воину Аникѣ избить младенцевъ; въ концѣ этой сцены Иродъ падаетъ подъ ударами неумолимой смерти.

Вторая сцена происходитъ между царемъ Максимилианомъ и его сыномъ Адольфомъ, по поводу принятія послѣднимъ христіанства и упорнаго нежеланія вѣрить «кимерическимъ» богамъ. Максимилианъ трижды призываетъ сына къ отвѣту и, видя непобѣдимое упорство Адольфа, велитъ его казнить.

Пятая сцена передаетъ сближеніе Максимилиана съ невѣстой казненаго Адольфа, названной почему-то „богиней“.

Шестая сцена проходитъ въ борьбѣ Максимилиана съ королемъ Мамаемъ и оканчивается смертью послѣдняго.

Въ восьмой сценѣ фигурируетъ Максимилианъ и арапъ.

Въ четвертой и девятой сценахъ появляются одинъ за другимъ персонажи, напоминающіе не то представителей «голи кабацкой», не то буйствующихъ рыцарей западно-европейскихъ интермедій: Буянъ, Шавпанъ, Капытовъ, Бран-

давуль; каждый изъ нихъ съ шумомъ и трескомъ хвастаетъ своею нечеловѣческой мощью и съ самохвальствомъ ищетъ противника; въ девятой сценѣ Капытовъ защищаетъ честь «богини—прекрасной дѣвицы» отъ посягательствъ недлюбезнаго Брандавула.

Третья, седьмая и десятая сцены носятъ бытовой, то комическій, то сатирический характеръ. Въ нихъ фигурируютъ дѣдъ, «гробокопатель»—добродушный, простоватый, любящій выпить, еврей, спаивающій дѣда, выманивающій у него деньги, и пыганъ, плутоватый и нахальный; здѣсь же народная сатира обрушивается на шарлатановъ докторовъ изъ нѣмцевъ, которые являлись замѣтнымъ бытовымъ элементомъ въ жизни юго-западной Руси.

«Тронъ» представляетъ любопытный образчикъ ассимиляціи двухъ произведеній: «Царя Максимилиана»—произведенія бродячаго, и рождественской драмы—произведенія относительно туземнаго. Дѣйствительно, въ библейской и бытовой частяхъ «Трона» нельзя не узнать основныхъ частей рождественской драмы, правда, значительно атрофированныхъ. Исчезли, напр., такіе персонажи, какъ запорожецъ, ксендзъ, панъ, что легко объяснимо тѣмъ обстоятельствомъ, что піеса побывала въ Великороссіи. Фактъ ассимиляціи подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что исполненіе піесы приурочивается къ рождественскимъ праздникамъ. Что касается «Царя Максимилиана», то эта піеса разыгрывается на всемъ пространствѣ отъ сѣверныхъ окраинъ до солдатскихъ стоянокъ Каспійскаго моря. Вотъ что говоритъ проф. А. Веселовскій въ своемъ трудѣ «Старинный театръ въ Европѣ»: „вліаніе рано занесенныхъ и грубовато выполненныхъ передѣлокъ западно-европейскихъ піесъ отразилось на рядѣ странныхъ, даже нѣсколько уродливыхъ по формѣ, сценъ, усвоенныхъ народнымъ и солдатскимъ репертуаромъ. Прототипомъ этихъ сценъ, является всѣмъ извѣстная піеса о царѣ Максимилианѣ и непокорномъ сынѣ его Адольфѣ. Происхожденіе ея трудно объяснить, но еще труднѣе понять причину поразительнаго распространенія и популярности этой съ виду незначительной комедіи во всѣхъ углахъ обширной Россіи“¹⁾).

¹⁾ „Старинный театръ въ Европѣ“, стр. 339.

Съ примѣненіемъ къ приводимому произведенію и его вариантамъ, которые необходимо поспѣшить записать¹⁾, историко-сравнительнаго метода изслѣдованія, можно будетъ сказать нѣчто о его происхожденіи, о звеньяхъ цѣпи переходовъ и странствованія его, о томъ, какими путями оно попало на востокъ Европы, какую печать накладывала на его редакцію каждая народность, сообразно своей культурной фазіономіи.

Впрочемъ, нѣкоторые выводы мы можемъ сдѣлать и на основаніи даннаго варианта.

Болѣе великорусская редакція варианта и сильная печать великорусской народной поэзіи указываетъ намъ, откуда вышло произведеніе; записанъ же вариантъ отъ бѣлорусса, жившаго въ Черниговской губерніи и ходившаго на заработки на сахарные заводы Кіевской губерніи; передавался устно и усвоенъ былъ изъ устъ отъ «ребятъ»; наконецъ, исполненіе піесы застаетъ на Украинѣ, гдѣ въ подражаніе начинаютъ складываться труппы (временныя, конечно) изъ мѣстныхъ жителей. Такимъ образомъ, передъ нашими глазами происходитъ тотъ, такъ сказать, молекулярный процессъ взаимодействия между народными массами, который такъ трудно уловимъ; на нашихъ глазахъ изъ Великороссіи черезъ Бѣлоруссію приходитъ произведеніе въ Украину.

Возникаетъ еще одинъ интересный вопросъ: какъ и гдѣ произошла ассимиляція рождественской драмы съ «Царемъ Максимилианомъ»; первая часть «Трона», какъ мы уже упоминали, представляетъ, по всей вѣроятности, достаточно атрофированную часть или «Вертепа» или «Комического дѣйства» Митрофана Довгалева (1736—37 г.), а это наводитъ на мысль—не побывалъ ли сначала «Царь Максимилианъ» (зашедши съ запада) въ Украинѣ и не перешелъ ли онъ оттуда, уже ассимилировавшись съ «Вертепомъ», въ Великороссію; возможно и то, что ассимиляція произошла въ Великороссіи, такъ какъ извѣстенъ фактъ передѣлки для великорусскихъ зрителей рождественской драмы Дмитріемъ

¹⁾ Нѣкоторые варианты, поступившіе въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“, будутъ напечатаны въ дальнѣйшихъ выходящихъ книжкахъ. *Ред.*

Ростовскимъ ¹⁾). Повторяемъ, что эти и имъ подобныя вопросы могутъ быть рѣшены лишь при опубликованіи вариантовъ.

Въ общемъ приводимый вариантъ производитъ впечатлѣніе чего-то уродливаго, несообразнаго ²⁾; здѣсь сказывается и вліяніе великорусскаго богатырскаго эпоса, и вліяніе солдатской вазармы, и вліяніе чисто литературныхъ образцовъ. Такъ, напр., въ I сценѣ изображается смерть Ирода: сцена, происходящая между Смертью и Иродомъ, есть ничто иное, какъ цѣликомъ приведенный діалогъ между эпическимъ Аникой-воинномъ и Смертью ³⁾. Самъ Аника, герой великорусскихъ духовныхъ стиховъ и былинъ, обращенъ въ воина царя Ирода. Такія собственныя имена, какъ Буянъ, Шанпанъ, Мамай составляютъ принадлежность великорусскаго эпоса; въ четырехъ войнахъ, фигурирующихъ въ качествѣ соперниковъ, нельзя не видѣть, какъ мы уже выше выразились, героевъ «голи кабацкой». Большая часть пѣсенъ, введенныхъ въ піесу, это солдатскія пѣсни, приуроченныя по преимуществу къ войнѣ съ турками; фактъ исковерканности ихъ говоритъ о полномъ непониманіи ихъ смысла поющими. Король Мамай характеризуетъ свою мощь стихами Державина о Суворовѣ.

Относительно распространенія піесы въ предѣлахъ Украйны мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: на многихъ сахарныхъ заводахъ Кіевской губерніи «Тронъ» устраивается приходящими на заработки бѣлорусскими рабочими Черниговской и Минской губерній; относительно Лебединскаго сахарнаго завода намъ извѣстно, что уже болѣе двѣнадцати лѣтъ изъ года въ годъ исполняютъ «Тронъ» бѣлоруссы, въ подражаніе которымъ организуются иногда и мѣстныя труппы изъ рабочихъ и мастеровыхъ.

Предлагаемый вариантъ, записанный на помянутомъ заводѣ, переданъ общимъ безцвѣтнымъ жаргономъ, съ легкими слѣдами бѣлорусскаго языка; тотъ же вариантъ, въ исполненіи котораго и намъ лично приходилось участвовать въ

¹⁾ Кіевская Старина 1885, ноябрь, 373. „Старѣйшія русскія драматическія сцены“, Кузьмичевского.

²⁾ Напр., во III сценѣ Брандавуль убить, а въ IV-й онъ является снова. *Ред.*

³⁾ Пѣсни собраныя Кіевскимъ, выпускъ 4-й (дополнительн. 116 стр.; 136 т. д.).

дѣйствіе въ началѣ 70-хъ гг., былъ съ болѣе сильнымъ мѣстнымъ оттѣнкомъ въ языкѣ, а бытовая часть его шла на чистомъ украинскомъ языкѣ¹⁾. Съ сильнымъ мѣстнымъ оттѣнкомъ былъ и тотъ вариантъ «Трона», что разыгрывался на Рождество 1885 года мѣщанами—украинцами въ окрестностяхъ Кіева, въ слободѣ Покровской. Въ 1885 году та же піеса впервые появилась въ деревнѣ Григорьевѣ, Александрійскаго уѣзда, въ имѣніи М. Кефалы; есть свѣдѣнія о томъ, что она распространена въ Борзенскомъ уѣздѣ (Рождовка), Городненскомъ (Яриловка) Черниговской губ., въ Каменецкомъ уѣздѣ Подольской губ., на Тростянецкомъ сахарномъ заводѣ Ахтырскаго уѣзда, Харьковской губ. (въ 1884 г.).

Изъ литературныхъ сообщеній можно указать на сообщенія, сдѣланныя въ «Кіевской Старинѣ»: «Царь Максимилианъ въ Ковлѣ»²⁾ и въ статьѣ «Прошлое Переяславской духовной академіи»³⁾.

Распространеніе такой длинной, съ такимъ большимъ количествомъ дѣйствующихъ лицъ, передающейся устно на не вполне вразумительномъ нарѣчьи, піесы можно объяснить только такъ: народная среда предъявляетъ запросы на драматическое искусство, въ ней развита эта потребность, но такъ какъ культурные слои по той или другой причинѣ не могутъ дать хорошихъ образцовъ и не могутъ собраться организовать народный театръ, то народъ съ жадностью усваиваетъ произведенія подобныя приводимому; какъ происходитъ усвоеніе и насколько оно желательно, предоставляемъ судить по приведенной піесѣ.

М. К. Васильевъ.

Шебекинскій сах. заводъ
Вѣлгородск. у., 1889 г.

1) Бытовая часть этого варианта дѣйствіемъ воспроизведена по памяти моей и моего брата и предлагается здѣсь послѣ сцены VII. М. В.

2) Кіевская Старина 1887 г. кн. 12, стр. 798.

3) Кіевская Старина 1889 г. кн. 2, стр. 441.

Прибавимъ къ этому вариантъ «Ц. Максимилиана», записанный Д. А. Травинымъ въ Петербургской губ. и напечатанный въ кн. «Народный театръ», изд. Е. В. Лавровой (Москва, 1896, стр. 48); дѣльный рядъ сообщеній по этому вопросу изъ Польши въ Варшавскомъ журналѣ „Wisla“ съ дальнѣйшими библиографич. указаніями см. также В. Н. Перетца: „Кукольный театръ на Руси“. Сиб. 1895. (Изъ „Ежегодн. Имп. театровъ“, 1894—95 г.)

Ред

ТРОНЪ ¹⁾.

Дѣйствующія лица:

Иродъ, царь.	Мамая, король.	
Аника, его воинъ.	Индюхъ,	} ВОИННЫ.
Смерть.	Шамланъ,	
Чортъ.	Буянь,	
Максимиліанъ, царь.	Копытовъ,	
Адольфъ, сынъ его.	Дѣдъ. (Старикъ).	
Брандавуль, братъ его-же.	Арапъ.	
Богиня, невѣста Адольфа, потомъ жена Максимиліана.	Цыганъ.	
Памъ ц. Максимиліана.	Еврей.	
Стража его-же (2 „жадара“).	Докторъ.	
	Фельдшеръ.	
	Портной.	

При входѣ въ комнату играющіе становятся въ два ряда; между рядами въ одномъ концѣ помѣщаются «тронъ» царя Максимиліана, въ другомъ— короля Мамая; съ боку помѣщается «тронъ» Ирода. Жидъ обыкновенно лежитъ у порога. Представленіе открывается общимъ пѣніемъ „Рождество твое, Христе Боже мой“...

СЦЕНА I.

Иродъ, Аника, Смерть.

Иродъ (*выходитъ на средину*). Пыломъ— жаромъ востокъ возгораетъ! Вотъ, господа, и я къ вамъ пребываю. Что я, господа, слышалъ, что я навидѣлъ, что въ городѣ Вихліемѣ родился новый царь юдейскій, который меня хочетъ съ царскаго престола свергнуть; но я его не убоюсь, я его не устрашусь! Есть у меня хвабрный воинъ-богатырь Аника. Охъ ты, воинъ мой, воинъ, гдѣ же ты, мой воинъ?

Аника. Здѣсь, здѣсь, царь Иродъ! Я къ тебѣ являюсь! Что призываешь, какіе дѣла-вказы заповелѣваешь?

Иродъ. Пойди, братецъ, во всѣ четыре страны, край бѣлага свѣту, зайди въ городъ Вихліемъ, зруби младенцевъ мужского полу отъ двухъ по трехъ лѣтъ.

Аника. Пойду! (*Иродъ ступивъ выается; Аника прохаживается, размазываетъ мечомъ, дѣлая видъ, что истребляетъ младенцевъ*). Ходитъ молодець, гуляетъ, и мечемъ своимъ блискаеть; и младенцевъ

¹⁾ Записано въ Чигиринскомъ у., Киевск. губ., на Лебединскомъ сахарномъ заводѣ въ 1889 г., отъ бѣлору-са Филиппа Терешкова, бывшаго на заработкахъ въ Черниговской и Киевской губ.

побиваетъ отъ двухъ-до трехлѣтняго возраста. (*Появляется Иродъ*). Былъ, былъ, царь Иродъ, край бѣлаго свѣту, во всѣхъ четырехъ странахъ, срубилъ младенцевъ отъ двухъ-до трехлѣтняго возраста. Ежели мнѣ не вѣрите, вотъ мой мечъ свидѣтель.

Иродъ. Вѣрю, вѣрю, другъ мой любезный; получишь отъ меня большую награду. (*Аника уходитъ*). Ходжу я, броджу я по чистому полю, по широкому раздолю, нѣтъ мнѣ стрѣшника поперешника, съ кѣмъ бы я могъ биться-рубиться на сбрую ратную, на мечъ булатный ¹⁾.

Кто-нибудь. Бойся, Иродъ, смерть у порогъ! (*Является смерть*).

Смерть. Вотъ я тебѣ стрѣшница и поперешница.

Иродъ (*кидаясь къ смерти*). Охъ, ты баба, ты старуха, подзорное у тебя брюхо!

Смерть. Я не баба, не старуха—я твоя смерть!

Иродъ (*отъшизо*). Охъ, мать моя смерть, дай мнѣ свободы на три года!

Смерть. Не дамъ и на три мѣсяца.

Иродъ. Дай на три мѣсяца!

Смерть. Не дамъ я тебѣ и на три дня.

Иродъ. Дай мнѣ на три дня: много у меня злата-серебра, нужно его раздать на нищю братю.

Смерть. Не дамъ тебѣ и на три часа, вотъ тебѣ моя острая коса ²⁾.

(*Замазывается косой, Иродъ падаетъ*).

Всѣ (*поютъ*) Время лется, такъ- Человѣкъ живетъ, какъ свѣчка:
какъ рѣчка,

Годъ проходить, такъ-какъ часъ; Вѣтеръ дунулъ—онъ погасъ!

Аника. Истинно, господа, время лется, такъ-какъ рѣчка, годъ проходить, такъ-какъ часъ; человѣкъ живетъ, какъ свѣчка, вѣтеръ дунулъ—онъ погасъ! Такъ и сей Иродъ: учера пилъ, гулялъ, веселился, но сегодня прійшла смерть, скасовала его. О, погибъ Иродъ, погибъ! Но я былъ, господа, его воинъ, теперь самъ предаю себя злой смерти... Нѣтъ, господа генералы, не предамъ себѣ смерти, предамся королю Мамаю ухтерительно ³⁾ службу служить.

Всѣ (*поютъ*). Охъ, ты Иродъ, ты Устанъ, Иродъ, пробудися,
безбожный,

Поспѣшай скорѣй во адъ, Той на небо посмотри:

Тамъ возрадуется стрѣлою (?) Ясно небо разгорѣлось,

Сатана тѣхъ адскихъ вратъ. Звѣзда на землю сошла! ⁴⁾

Аника. Полно братцы, шумѣть гремѣть, его здѣсь уже давно нѣтъ!

¹⁾ *Вариантъ*: не съ кѣмъ мнѣ биться-мириться, его кровью напиться.

²⁾ *Вариантъ*: Нечего съ тобою говорить, надо тебѣ голову срубить!

³⁾ Вторичную (повторительно).

⁴⁾ Въ вариантѣ нѣтъ послѣднихъ четырехъ строкъ; зато есть слѣдующія:
Врата ада растворились, И съ желѣзными крючками,
Съ нетерпѣніемъ тебя ждутъ, И желѣзными цѣпами
Сатана къ тебѣ идетъ Сатана тебя возьметъ.

СЦЕНА II.

Максимиліанъ, Адольфъ, Пажъ, Еврей, Индюхъ и Брандавулъ; стража.

Индюхъ. (*Выходитъ*). Здравствуйте, господа, я пришелъ къ вамъ сюда, сильный, могучій богатырь Индюхъ Индохинъ сынъ. Звените въ томъ, что я въ платьѣ худомъ; есть у меня одинъ мундеръ, и его не одѣлъ.

Кто-нибудь. Зачѣмъ ты его не одѣлъ?

Индюхъ. Зачѣмъ не одѣлъ—конхвизиться не хотѣлъ; сказать вамъ просто: въ немъ дыръ девяносто; купить аршина два сукна, подточить длину, пустить ширину—будетъ мундеръ хорошъ, господа?

Всѣ. Хорошъ, хорошъ!

Индюхъ. Пожалуйте стулъ царю Максимиліану. (*Является Максимил.*) Максимиліанъ (*стоя передъ трономъ*). Охъ, Господи Боже мой, што я вижу передъ собой! Для кого сей тронъ снаряжень?—Не для меня добраго молодца, царя Максимиліана?

Всѣ. Для васъ, ваше превосудіе!

Максимиліанъ. Сажусь на сей тронъ твердонъ, буду судить со всѣхъ сторонъ: царей, князей, сильныхъ и могущихъ богатырей, и своего сына Адольха. Стража моя вѣрная, представьте мнѣ на голову золотую корону, буду судить народъ по закону.

(*Стража, состоящая изъ двухъ «жандаровъ», несетъ корону на скрещенныхъ мечахъ*).

Всѣ. Мы къ царю идемъ, идемъ, Тронъ его высокою, (bis)

Златъ вънець несемъ, несемъ, Вотъ сидитъ нашъ персидскій царь.

Просвѣтлую карону

Ура, ура, ура!

На главу его.

Максимиліанъ (*надѣваетъ корону и, приподымая руки кверху, говоритъ*). На головѣ корона далеко свѣтитъ; въ правой рукѣ скипертъ, у лѣвой держава (*Садится*). Пажъ, явись предъ тронъ царя Максимиліана! ¹⁾ (*Встаетъ еврей*).

Еврей. На сцо вамъ пархъ?

Максимиліанъ. Отойти, пархъ!

Кто-нибудь (*обращаясь къ еврею*). Што онъ тебѣ сказалъ?

Еврей. Хоросій панъ! (*Входитъ пажъ*).

Пажъ. Здѣсь, здѣсь, царь Максимиліанъ! По что тамъ скоро приываешь, какіе дѣла-вказы заповелѣваешь?

Максимиліанъ. Я тебя приываю, дѣла-вказы заповелѣваю: поиди и приведи сына моего Адольха гордаго и неповорнаго—въ первый разъ!

Пажъ. И поиду, и приведу! (*Является Адольфъ*).

Адольфъ. О, дражайшій родитель мой, по что приываешь, какіе дѣла-вказы повелѣваешь?

¹⁾ *Вариантъ*: Пажъ, надъ передъ тронъ царя и монарха!

Максимиліанъ. Я тебя призываю, дѣла-вказы заповелѣваю: вѣришь ли ты нашимъ кимирическимъ ¹⁾ богамъ?

Адольфъ. Нѣтъ, нѣтъ, я вашимъ кимирическимъ богамъ не вѣрую, я вѣрую Иусу Хресту, который распятъ на кресту; ваши кимирическіе боги терзаю подъ ноги! ²⁾.

Максимиліанъ. Охъ, боги, боги мои, якого мнѣ сына даровали гордаго, непокорнаго! (*Обращаясь къ стражѣ*) Стража моя вѣрная, отберите у его збрую ратную (*отбираютъ мечъ*) и отведите прочь отъ меня; онъ молодъ человекъ—одумается. (*Адольфу уходитъ*).

Всѣ. (*поютъ*). Русскій царь на- Слава бѣлому царю,
бралъ друзей

Онъ имѣлъ своихъ орловъ, Ще й родному
Наставляетъ царь державу, Православному королю.

(*Повторяется та-же сцена призыва Адольфу „во второй разъ“ и его отказъ поклониться „кимирическимъ богамъ“.*)

Максимиліанъ. Стража моя вѣрная, отобратъ у его звѣзду-кавалерію и отведите прочь отъ меня; младъ человекъ—одумается.

Всѣ (*поютъ*). За царя мы, другъ «Станутъ Турцы помнить-знать»
родной,

Отомстимъ мы враговъ, Наши дѣды не слышали,
Возложимъ гордо слово, За Балканами снесли,
Слава русскимъ знаменомъ! Мы не штыками все зыскали,
Станемъ, станемъ веселиться, Царю-графу ³⁾ поступать,
Побѣдимъ мы враговъ. Мы раскинулись крестомъ,
Еще русскій царь хвалился: Согружили всѣхъ враговъ.

Максимиліанъ. Пажъ, явись передъ тронъ царя Максимиліана!

Пажъ. Здѣсь, здѣсь, царь Максимиліанъ! По что призываешь какіе дѣла вказы заповелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и приведи сына Адольха гордаго и непокорнаго—въ третій разъ!

Пажъ. Пойду и приведу! (*Адольфъ является*).

Адольфъ. О, дражайшій родитель, по что призываешь, какіе дѣла—вказы заповелѣваешь?

Максимиліанъ. Сынъ мой милый, сынъ любезный, вѣришь ли ты нашимъ кимирическимъ богамъ?

Адольфъ. Нѣтъ, нѣтъ, я вашимъ кимирическимъ богамъ не вѣрую; я вѣрю Иусу Хресту, который распятъ на кресту; ваши боги топчу, топчу, какъ самъ хочу!

Максимиліанъ. Охъ, боги мои, боги, якого сына даровали, гордаго и непокорнаго! Стража моя вѣрная, надѣтъ ему на ноги и на руки

¹⁾ Магометанскимъ, по объясненію рассказчика.

²⁾ *Вариантъ:* „а ваши кимирическіе боги топчу, топчу, какъ самъ хочу“.

³⁾ Къ Царь-граду? *Ред.*

желѣза! Отправьте его у темницу: младъ человекѣ —одумается. (*Являются дѣдъ и жидъ, постукиваютъ около ногъ и рукъ Адольфа*).

Всѣ. (*поютъ*). Я въ пустыню удаляюсь
Знать судьба такъ велѣла,

Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.
Мнѣ въ разлукѣ должно жить.

Сколько горестей смертельныхъ Оставляю градъ любезный,
Мнѣ въ пустынѣ должно снести! Оставляю для того,
Примѣнить никакъ не можно, Что на свѣтѣ мнѣ милѣе,
Страстей нельзя стремить (?), Мнѣ дороже за всего.

(*Максимиліанъ «въ послѣдній разъ» призываетъ „Адольфа“, тотъ упорствуетъ*).

Максимиліанъ (*подымаясь съ трона*). Охъ, сынъ мой, ты видишь, что я при старости жѣтъ день на день, часъ на часъ смерти себѣ ожидаю. Прійми скипертъ и державу, надѣнь на голову золотую корону, будешь наслѣдникомъ моему престолу. Ежели ты не пріймешь скипертъ и державу, не надѣнешь на голову корону, не будешь наслѣдникомъ моему престолу—велю тебя казнить жестокииъ наказаніемъ.

Адольфъ. Ни што твое не прельститъ: ни скипертъ, ни держава, ни на голову золотая корона, и не буду наслѣдникомъ твоего престолу; хотя ты меня жестокииъ казнями казнишь, но я вѣрю Господу Иисусу Хресту, распятому на кресту, а ваши боги терзаю подъ ноги.

Максимиліанъ. О, боги мои, боги, якого вы мнѣ сына послали гордаго и непокорнаго! Пажъ!

Пажъ. Здѣсь, здѣсь, царъ Максимиліанъ! По что призываетъ, какія дѣла-вказы заповелѣваетъ?

Максимиліанъ. Я дѣла-вказы заповелѣваю: приведи моего брата Брандавула!

Пажъ. Пойду и приведу! (*Входитъ Брандавуль*).

Брандавуль. Охъ, братъ, сильный и грозный, царъ Максимиліанъ! По что призываетъ, какія дѣла-вказы заповелѣваетъ?

Максимиліанъ. Я тебѣ, братъ, призываю, дѣла-вказы заповелѣваю: выведь моего сына Адольфа на чистое поле, на лобное мѣсто, предай ему злой смерти. Хотя жаль мнѣ сына дорогого, нельзя смѣнить царскаго слова!

Брандавуль. Пойду и предамъ! (*Обращаясь къ Адольфу*). Не плачь, братъ Адольфа, горькими слезами, не рди мою хустовъ¹⁾; какъ мы съ тобой пили-гуляли, въ чистомъ полѣ разбѣжали, теперь ты отца прогнѣвалъ, велить тебя казнить. Пойди, отпросись!

Адольфъ (*обращаясь къ Максимиліану*). Не казни, отецъ!
Максимиліанъ. Казнить, казнить варвара!

¹⁾ Разсказчикъ не могъ объяснить этихъ словъ.

Адольтъ (*поетъ*). Вотъ насталъ послѣдній день
 Душѣ моей разлуки,
 Ты прости, душа, прости!
 (*„Рукается“ съ „Богиней“*).
 Съ большой горести и скуки
 Долженъ жизнь свою вестить.
 Вотъ пойду я въ темный лѣсъ,
 Пущай менѣ звѣрь изѣсть.
 Соберитесь ко мнѣ,
 Вы звѣрье мое лютое!
 Растерзайте менѣ,
 Выньте съ менѣ сердце ретивое,

положите на серебряное блюдо и поднесите къ отцу; пусть отецъ узнаетъ, чье сердце на серебряномъ блюдѣ лежитъ! Когда я былъ при волѣ, были друзья-пріатели при мнѣ, теперь я у неволѣ—нѣтъ никаво при мнѣ. Прощай небо и земля, всѣ пріатели-друзья! Прощай родъ и народъ, и ты, отецъ, душа родной! Базни!

Брандавулъ. Ахъ, братъ Адольхъ, умри, умри, братъ, отъ Брандавуловой руки! Тебѣ убью и самъ въ гробъ пойду; хоть жаль сына дорогого, но нельзя змѣнить царскаго слова! Какъ я тебѣ любилъ страшно, убиваю занапрасно; какъ я тебѣ люблю, такъ я тебѣ згублю! (*Убиваетъ Адольфа и себя; оба падаютъ*).

СЦЕНА III.

Максимиліанъ, Пажъ, Дѣдъ, Еврей, Цыганъ, Портной.

Максимиліанъ. Пажъ, явись предъ трономъ царя Максимиліана!

Пажъ. Здѣсь, здѣсь, царь Максимиліанъ! Почто призываетъ, какія дѣла-вказы заповелѣваешь?

Максимиліанъ. Я дѣла-вказы заповелѣваю: приведи мнѣ старого!

Пажъ. Иду и приведу. Старикъ! (*Является дѣдъ*).

Дѣдъ. Самъ себѣ вс. и!

Пажъ. Старикъ, иди къ царю!

Дѣдъ. Бъ якому чмарю?

Пажъ. Што вчера наставъ!

Дѣдъ. Я вчора спавъ, а сегодня вставъ!

Пажъ. Иди же, иди!

Дѣдъ. Дежъ онъ живѣтъ?

Пажъ. Проти лыха на взгоричку!

Дѣдъ. Какъ же мнѣ его угадать?

Пажъ. Вонъ золотая корона на головѣ (*ведетъ*).

Дѣдъ. Якая тамъ корова? какой чертъ корову занесъ? чи тамъ трава, чи што?

Пажъ. Иди, иди!

Дѣдъ. Какъ мнѣ его звать?

Пажъ. Ваше царское императорство.

Дѣдъ. Ваше поипрательство?

Пажъ. Дѣдъ, дѣдъ, иди!

Дѣдъ (*къ Максимилиану*). Ваше поипрательство, пошто скрѣбуете менѣ такъ скоро?

Максимилианъ. Вотъ, старичокъ, приברי то тѣло, чтобъ узверхъ земли не смердѣло, по нашему царству заваку не было.

Дѣдъ. Што же мнѣ за это буде?

Максимилианъ. Семь дней на недѣлѣ.

Дѣдъ. Семь рублей?

Максимилианъ. Да, семь рублей.

Дѣдъ. Юсель, Юсель! (*Вбѣгаетъ еврей*).

Еврей. Сто ты, старый собана, не управишься безъ мене тамъ?

Дѣдъ. Ну, ходи, ходи сюда, Юсель!

Еврей (*подбѣгая*). Дидку, дидку, цыть! у ихъ золотые цасы, золото есть! позабираемъ, вырзимъ усе; вцора горилку у мене пили; я видилъ цасы золотые, гросей богато. (*Дѣлаютъ видъ, что обираютъ убитыхъ, потомъ закапываютъ и утаптываютъ землю*).

Старикъ и Еврей (*подходятъ къ Максимилиану*). Васе царское поипрательство, мы сховали вашего сына и другого пана; дайте намъ грошей за это.

Максимилианъ. Можетъ вамъ одежи надо? Теперъ зима, холодно, у васъ одежа плоха.

Еврей. Нѣтъ, намъ не нужно одежи, намъ гросей дайте; мы за гроси одежи купимъ.

Максимилианъ. Вотъ вамъ, старичокъ и еврей, двадцать пять рублей за то, что сховали.

(*Отходятъ въ сторону и принимаютъ за дѣлежъ*).

Еврей. Дидку, дидку, ты, знаеешь, ишолъ на варту, узялъ у мене гориллы квартиру; ишолъ изъ варты, узялъ пивъ-кварти и рыбку таранку, и осмушку, и баранку, ще й киселику того побухавъ, сто рыбка варилась. Видишь, дидка, тебѣ ницого не приходится тутъ, за долгъ выворащываю; ты знаеешь, сколько долзенъ мнѣ? (*Вбѣгаетъ цыганъ*).

Цыганъ. Боже вамъ поможи!

Дѣдъ и Еврей. Здравствуйте!

Цыганъ. Што вы здѣсь дѣлаете?

Еврей. Отъ нашъ царъ гроши давъ, то мы гроши дѣлимъ.

Цыганъ. За што же онъ вамъ давъ?

Еврей. Мы сына его сховали и того охотника.

Цыганъ. Того, што онъ на коняку мѣнявся со мною?

Еврей. Эге, эге, того.

(*Цыганъ вырываетъ изъ рукъ деньги бьетъ кнутомъ дѣда и еврея и убѣгаетъ*).

Еврей (*бьетъ дѣда*). Сто, старый собака, говорилъ тебѣ: дай менѣ всѣ гроши, а теперь нема вже грошей! Пойдемъ старикъ до царя жалиться. (*Къ Максимилиану*). Ваше царское попирательство, налетѣлъ Мамеля, задалъ онъ менѣ разъ-два, и дѣду пять-шесть, гроши у насъ отнявъ.

(*Максимилианъ обычной фразой приказываетъ кажу позвать цыгана*).

Цыганъ (*является*). По что меня, ваша свѣтлость, призываете? Максимилианъ. Зачѣмъ ты старика этого разбилъ и еврея и деньги у нихъ отобралъ?

Цыганъ. Хурдай мене Боже, я ихъ первый разъ у очи бачу!

Дѣдъ и Еврей. Винъ, випъ, той самый, что у насъ гроши отнявъ, ваше попирательство!

Цыганъ. Ваше царское сѣятельство, я учора ѣхавъ на кобылкѣ своей сивенькой, вони бьются-дерутся съ дедомъ за што-то; ягъ я пришовъ, «Боже поможи», кажу; они поздоровкались со мной, такъ я только бумажку какую то поднявъ коло ихъ (*показываетъ деньги*).

Максимилианъ. А ты, сукинъ сынъ, то же самыя деньги! (*Дѣдъ и еврей бьютъ цыгана, онъ убѣгаетъ. — Дѣдъ и еврей отказываются отъ денегъ и просятъ одежды; Максимилианъ приказываетъ привести портного*).

Портной. Охъ, царь Максимилианъ, по што такъ скоро призываетъ, какіе дѣла-вказы заповелѣваетъ?

Максимилианъ. Отмѣрай еврея на сертукъ сукна хорошаго, а дѣду на пальто.

(*Портной мърлетъ еврея и' дѣда и бьетъ ихъ при этомъ аршиномъ*).

Цыганъ (*вбѣгая*). Ваше царское сѣятельство, и мнѣ хоть на брыль!

Максимилианъ. Ну, портной, отмѣрай и ему на брыль.

(*Портной бьетъ цыгана по головѣ*).

Всѣ (*поютъ*).

Подъ ракитой подъ зеленой	Кровь лилася ручіемъ
Русскій на полѣ лежитъ;	На лештошный (?) на песокъ;
Его грудь штыхомъ пробита,	Мелки птички налетали,
Мѣдный хрестъ свой прижималъ;	Чуютъ ласковый кусокъ.

СЦЕНА IV.

Буянъ, Шампанъ, Калытовъ, Брандавуль.

Буянъ (*выбѣгаетъ*). Я Буянъ, Буяновскій сосѣдъ провелъ меня за восемьдесятъ лѣтъ—за ямщиками по кабакамъ; пришелъ ко мнѣ съ подбитыми глазами, съ подбритыми усами, заросшимъ носомъ табакомъ, пахнетъ лукомъ-чеснокомъ и виномъ-кабакомъ. Хожу я, гуляю по чистому полю, по широкому раздолю; не съ кѣмъ мнѣ биться-рубиться на сбрую ратную, на мечъ булатный.

Шампань. У меня киверь съ перомъ, сердце кипить серебромъ! Не по всей Россіи солнце сіяетъ, на моемъ сердцѣ любовь бываетъ; протихъ менѣ король шампанскій являлся, но я ему вѣкъ не покорялся; крутился онъ, вертѣлся, на салтанской дочери женился. Я могу съ салтаномъ биться-рубиться на сбрую ратную, на мечъ булатный! *(Ударяетъ въ Буяновъ щитъ, тотъ отъскачетъ; въ этотъ же моментъ оба выбрасываютъ изо рта по снопу пламени, для чего предварительно набираютъ въ ротъ керосина или скипидара. — Буяны уходятъ. — Является 3-й воинъ — Капытовъ).*

Капытовъ. Не со всѣхъ сторонъ громъ гремитъ, на меня какой саперъ летитъ? Невольному грудь пробью, на свой вострый мечъ насажу! Если мой вострый мечъ изогнется, у прекраснаго Брандавула кровью сердце обольется!

Брандавулъ *(показывается)*. Ого-го! Я есть Брандавулъ, по всей Турецкнй арміи противъ мене не можетъ никто состоять. Стану на землю—земля потрясется, охры-горы ¹⁾ раздадутся, Америки, Африки вострепечутся, хочу Азію побѣдить, прекраснаго Капытова честный тронъ отобрать! Корись, Капытовъ, не погнѣвайсь!

Капытовъ. Не хвались, Богу молись! *(Бьются по щитамъ).*

СЦЕНА V.

Богиня, Максимилианъ.

Богиня *(выходитъ)*.

Птичкой бы желала
Всю вармію злетать,
Но все бы я узнала,
Какъ страшно воевать!
Мой миленькій сражался
Всегда въ огнѣ,

Если бы я знала, дѣвушка, кто моего дружка съ свѣту извелъ, я бы свой кинжалъ вострый въ его грудь стремляла!

Максимилианъ. Охъ ты, дерзкая дѣвица, зачѣмъ такія нечестивыя рѣчи говоришь?

Богиня. Жальте, жальте, родной царь, што я съ вами невѣжливо поступила!

Максимилианъ. Ничѣмъ ты меня не утѣшишь, какъ не возьмешь меня за бѣдную руку и не проведешь до бѣлыхъ каменныхъ палатъ.

¹⁾ Разсказчикъ не могъ объяснить этого слова.

²⁾ Последнія четыре строки представляютъ искаженіе стиховъ изъ известнаго романа: „Будь ты, ангелъ мой, стремись“:

Заря меня не нарумянитъ,
Роса меня не освѣжитъ,

Лучъ солнца грѣть меня не станетъ
И ночь меня не усыпитъ.

(*Богиня беретъ Максимилиана за руку, они прохаживаются и садятся рядомъ; она — царица.*)

Всѣ (поютъ):

Звукъ веселый раздается, Ты, богиня, украшайся
День счастливый, дорогой; Своей ангельской душой!

СЦЕНА VI.

Король Мамай, Максимилианъ, Пажъ, Воинъ.

Король Мамай (сидя на тронѣ). Пала, пала звѣзда съ неба, осіяла бѣлый свѣтъ. Подымается арди-орды ¹⁾ непобѣдимый царь Максимилианъ! Не слыхалъ честь и слава о королѣ Мамаѣ? Если у меня хлѣба не станеть, то изъ Молдавіи самый первый Малай высылаеть. Охъ, воинъ мой, воинъ, гдѣ же ты, мой воинъ?

Воинъ. Здѣсь, здѣсь я, къ тебѣ, король Мамай, являюсь, силой подрѣпляюсь. Явленіе мое предъ тобой—жить, гулять и веселиться съ тобой. Стану на горы—горы дрыжать ²⁾, куда изволишь, король Мамай, посылать?

Мамай. Бери сіе грозное письмо и отнеси звѣролопному ³⁾ царю Максимилиану и докажи ему гордость и непокорность, одинъ на одинъ, сто на тьму; онъ намъ покорится, та не мы ему. Требуи съ ево драгоценныхъ подарковъ своему монарху, не корисъ ему!

Воинъ. Пойду и докажу! (*Къ Максимилиану*). Приими, приими, звѣролопный царь, сіе грозное письмо; ты узнай того, хто присланъ отъ кого! Выдай моему монарху у въ отвѣтъ драгоценные подарки! Узри, узри (*бьетъ шапкою по скрещеннымъ шапкамъ стражи*), звѣролопный царь Максимилианъ, на высочайшіе горы, гдѣ живетъ король Мамай! Король Мамай, какъ гарнатная искра, блеститъ передъ тобой — вонъ пойдетъ туда, торжествуетъ злобу, гдѣ будетъ валяться поляда (?) ⁴⁾ моего гробу; онъ твое царство сожжетъ, у пухъ-пепелъ превозроститъ! (*Уходитъ назадъ*).

Максимилианъ (встаетъ). О, боги, боги, какой свѣтъ нонче насталъ! Последнійшій король Мамай—и тотъ драгоценныхъ подарковъ требовать сталъ. Шкараходъ фоть-маршалъ, явись передъ тронъ царя Максимилиана! (*Является пажъ*).

Пажъ. Здѣсь, здѣсь, царь Максимилианъ! По што такъ скоро призываешь, какіе дѣла-вказы заповелѣваешь?

Максимилианъ. Я дѣла-вказы заповелѣваю: бери сіе грозное письмо (*передаетъ пацетъ*) и отнеси обратно послѣднішему королю Мамаю и докажи ему гордость-непокорность за свое отечество, за его непо-

¹⁾ Разсказчикъ не могъ объяснить этого слова.

²⁾ Срв. стихъ Державина о Суворовѣ: „Ступитъ на горы—горы трещать“.

³⁾ Вѣроломному.

⁴⁾ Разсказчикъ не могъ объяснить этого слова.

колебимость, одинъ на одинъ, сто на тьму; онъ намъ покорится, да не мы ему; получить вмѣсто драгоценныхъ подарковъ—пули, ядра, каленныя стрѣлы въ бѣлу грудь свою.

Пажъ. Пойду и докажу! (*Къ королю Мамаю*) Прійми, прійми, послѣднійшій король Мамай, сіе грозное письмо. Ты знай того, кто присланъ отъ кого; на мѣсто драгоценныхъ подарковъ, получишь пули, ядра и каленныя стрѣлы въ бѣлу грудь свою. (*Уходитъ*).

Воинъ (*къ Мамаю*). О, король Мамай, сколько силенъ, войскою поубиленъ! Но еще будетъ честь слава впереди короля Мамаю! Бывъ, бывъ, все подробно рассказалъ.

Мамай. Што онъ тебѣ въ отвѣтъ отвѣчалъ?

Воинъ. Весьма грубо отвѣчалъ: «помежду драгоценныхъ подарковъ получишь пули, ядра, каленныя стрѣлы въ бѣлу грудь свою».

Мамай. О, я и самъ къ ему пойду!

Воинъ. Иди, мой дражающій король Мамай, я за порядкомъ здѣсь посмотрю. Соберитесь магометанской вѣры, помолимся великому Багомету. Великій Багометъ! да не покинешь нашей просьбы и побѣдишь царя Максимилиана!

Всѣ. Алла, алла! Шадить! (*Это продлывается три раза*).

Мамай (*подходя къ трону Максимилиана, пускаетъ изъ рта огонь*). Ухъ, ты нечестивый, звѣролопный царь Максимилианъ, не слыхалъ честь славы о королѣ Мамаѣ! Скочу на горы—горы дрожать, гляну на безьмы—безьмы кипятъ, пойду къ градамъ—касниціе грады опадаютъ, мелкія башни поза воблоку летаютъ; ¹⁾ небо и земля растворится, звѣзды на землю впадутъ, солнце помертвѣетъ! Такой и ты, человекъ; упадешь передъ ногами у короля Мамаю! Не привыкъ ты скитаться въ кебертскихъ (?) лѣсахъ, не былъ ты во варварскихъ рукахъ, то побудешь!

Максимилианъ. Сколько ты не храбуешь, передъ моимъ трономъ мертвый будешь!

Мамай. Ты кто есть таковъ?

Максимилианъ. Я есть царь!

Мамай. Можетъ ты князь, привозвращу тебя сейчасъ въ черну грязь! Сражаюсь съ тобой. (*Нападаетъ*).

Максимилианъ. Защищаюсь! (*Поражаетъ шпагой Мамаю, тотъ падаетъ*). Пажъ, пады предъ тронъ царя и монарха!

(*Слыуется прикизъ позвать старика; Старикъ перебрасывается съ Пажемъ тѣми же прибаутками, что въ III сценѣ*).

¹⁾ Срв стихи Державина о Суворовѣ:

Ступить на горы—горы трещать,
Лечь на воды—воды кипятъ,

Граду воснется—градъ упадетъ,
Башни рукою за облакъ выдетъ. *Ред.*

СЦЕНА VII.

Максимиліанъ, Пажъ, Старикъ, Еврей, Чортъ, Докторъ, Фельдшеръ.

(Максимиліанъ въ прежней формѣ заставляетъ старика сгоронить Мамаю; старикъ уславливается въ вознагражденіи).

Старикъ. И конфетки мнѣ будутъ?

Максимиліанъ. Будутъ и конфетки тебѣ. (Старикъ дѣлаетъ видъ, что хоронитъ трутъ, топчетъ землю).

Старикъ. Ваше царское попираторство, я зарылъ того пана, то за труды что милость ваша?

Максимиліанъ. Вотъ тебѣ, старичекъ, 25 рублей, пойдн попянствуй за ихъ.

Старикъ (идеть къ дверямъ, у которыхъ лежитъ еврей, и стучитъ) Йосель, Йосель, дай мнѣ горилки!

Еврей. У менѣ нема горилки!

Старикъ (продолжая стучать). Дай горилки!

Еврей (какъ будто обращается къ своей женѣ). Отчини ему, старій собаці!

Старикъ. Вотъ на тебѣ двадцать пять рублей; царь давъ, шгобъ ты завтра далъ похмѣлиться. (Наливаетъ и пьетъ).

Старикъ и всѣ (поютъ извѣстную малороссійскую пѣсню; старикъ пританцовываетъ и дѣлаетъ видъ, что онъ пьянъ).

И подъ вишенькою,

—Пусти мене, старій дидъ,

Подъ черешенькою

На улицу погулять.

Стоявъ старій съ молодкою,

—«И самъ не пойду, и тебѣ не пушу,

Ровно съ ягодою.

Бо ты мене старенького

Я просялся и молилася:

Покинешъ на бяду!»

Старикъ (снова будитъ еврея) Йосель! дай похмѣлиться!

Еврей (не вставая). Стара собака, цого ходишь? ты менѣ спать не даеся (бьетъ старика по горбу и толкаетъ отъ себя).

Старикъ (къ Максимиліану). Ваше царское попирательство, менѣ Йосель побивъ, гроши у менѣ отнявъ; у него пачпорта нѣтъ, онъ—бродага.

Максимиліанъ (призываетъ обычной фразой пажса). Я дѣла-вказы заповелѣваю: приведи мнѣ Йоселя!

Пажъ (подходитъ къ еврею и будитъ его). Йосель, Йосель!

Еврей. Пусти ты, стара собака, сукинъ сынъ! (Пажъ продолжаетъ будить).

Пажъ. Вставай, сукинъ сынъ! зачѣмъ старика побилъ, деньги отнялъ? Иди къ царю, сукинъ сынъ!

Еврей. Ну, постой, я хоть Богу помолюсь троски! Стара собака, я тебѣ далъ горилки!

Пажъ. Съ кѣмъ ты грубишь, сукинъ сынъ? Ты бачишь, кто я тѣ кой? Иди къ царю!

Еврей. Все благородіе, простите, що я такъ грубилъ; я думалъ, што старикъ пришелъ; всю ночь не давалъ спать, я ему горилки давалъ; онъ мене побилъ, и Рукольку мою перелякавъ, и дѣтей попузалъ, и окна побилъ цисто!

Пажъ. Ну, иди же, иди къ царю!

Еврей. Ай, ваше благородіе, возьмите двадцать пять рублей, не ведите только меня къ царю, винъ менѣ голову зниме царь!

Пажъ. Иди, иди къ царю!

Еврей. Ай, ваше благородіе, Руколька моя цайкомъ васъ напоить, только не ведите къ царю!

Пажъ. Нѣтъ, менѣ служба дороже за двадцать пять карбованцевъ.

Еврей. Ну, я пиду, я пиду; винъ у мене горилку пивъ, я его знаю. (*Отправляется, расчесываетъ бороду*). Здраствуйте, ваше царское императорство, почто вы мене такъ скребуете скоро?

Максимиліанъ. Зачѣмъ же ты старика этого разбилъ и деньги отнял?

Еврей. Ни, я его не бивъ; на сто у наймычки спидницу укралъ стара собака!

Старикъ. Нѣтъ, онъ безпашпортный, онъ бродяга; онъ бреше, я у него ничего не кралъ.

Максимиліанъ. У ево пашпорта нѣтъ?

Старикъ. Нѣтъ, ваше императорство, онъ бродяга.

Еврей. Винъ, стара собака, каже, сто у. меня пашпорта нѣтъ? Я купецъ Бердичевскій; у меня въ Бердичевѣ лавки: съ краю все чужія и въ серединѣ все не мои. (*Вынимаетъ паспортъ*). Я Юдка Барковичъ, Житомирскаго губерніи, Бердичевскаго уѣзда; выбранъ самымъ главнымъ когаломъ старшимъ рабиномъ ѣздить по селамъ, по городамъ, по мѣстечкамъ, собирать шкурки, габелки, старыя кожухи, ломаныя, добрыя гвозди. Я—купецъ; сто ты, сувинъ сынъ, чуешь, что въ пашпортѣ написано?

Максимиліанъ. Старикъ, поставь его на часы!

Старикъ. Становись на часы!

Еврей. Сто! положь менѣ часы, то я стану на часы.

Максимиліанъ. Поставь его, старикъ, на калавуръ, пуцай калавурить.

Старикъ. Становись, пархъ, на калавуръ! Якъ я служилъ 25 лѣтъ царю, правивъ калавуръ; теперъ ты послужи, когда ты старика разбилъ.

Еврей (*беретъ у старика булаву и ходитъ*). Калавуръ! Кто тамъ ходитъ съ длиннымъ чубукомъ сладкимъ? Калавуръ! (*При этомъ бьетъ два булавою и думаетъ убѣждать; выскакиваетъ Чортъ, скачетъ еврею на шею, и тотъ уноситъ Чорта*).

Старикъ. Ваше царское императорство, я черезъ ваши похороны самъ заболѣвъ!

Максимиліанъ. Такъ тебѣ доктора потребовать, старичекъ?

Старикъ. Такъ, вѣрно, потребуйте дохтура.

Максимиліанъ (*призываетъ обычно пажу*). Приведи доктора!

Пажъ. Пойду и приведу! Дохтуръ! (*Входитъ докторъ*).

Докторъ. Чего изволите?

Пажъ. Иди къ царю!

Докторъ (*къ Максимиліану*). Чего изволите?

Максимиліанъ. Можешь ли ты больныхъ людей лѣчить?

Докторъ. Могу, могу! За каково вы меня доктора посчитаете? за русскаго, али за хранцускаго?

Максимиліанъ. За русскаго.

Докторъ. Я не русскій, не хранцускій—я штабъ-лѣкаръ, турецкій аптекаръ: кровь точу, боль лѣчу, чирьи вырѣзаю, вереды уставляю, на тотъ свѣтъ народъ живой отправляю; ко мнѣ ведутъ на ногахъ, отъ меня ведутъ на дровняхъ; ежели менѣ, господа, не вѣрите, спросите у покойника, который умеръ у во вторникъ, на томъ свѣтъ въ лазаретѣ 33 года. Хвершалъ! (*Входитъ фельдшеръ*).

Фельдшеръ. Чего изволите?

Докторъ. Сколько у насъ больныхъ?

Фельдшеръ. Сорокъ безъ одного!

Докторъ. Нѣтъ ни одного!?

Фельдшеръ. Сорокъ безъ одного!

Докторъ. Нѣтъ ни одного? Покажи хоть одного!

Фельдшеръ. Иванъ Егорычъ (*указываетъ на дѣда*).

Докторъ. Иванъ Егорычъ, что у тебя болитъ?

Старикъ. Што запалишь, той горить!

Докторъ (*къ фельдшеру*). Господинъ атыютантъ, спросите на рускомъ языкѣ, можетъ у его болить голова?

Фельдшеръ. Дѣдъ, можетъ быть у тебя болить голова?

Старикъ. Голова!

Докторъ. То иди, дѣдушга, къ своей старухѣ, возьми мѣдную кострюлю, прошлогодняго сѣбгу, нынѣшняго леда, козинныхъ бобковъ, кислаго тѣста и приложи себѣ до головы, щобъ не нашель мѣста и за три дни. Старикъ, можетъ быть у тебя болятъ руки?

Старикъ. На тебѣ брюки!

Докторъ (*къ фельдшеру*). Господинъ атыюдантъ, спросите его на русскій языкъ, можетъ быть у него болятъ руки?

Фельдшеръ. Дѣдушга, можетъ быть у тебя болятъ руки?

Старикъ. Руки!

Фельдшеръ. Руки болятъ у ево!

Докторъ. Возьми маленькій топорокъ, положить руки на порогъ, отрубить, крылья подставить, стараго пса летать его заставить! Не болитъ ли у тебя ногъ?

Старикъ. Вотъ тебѣ ногъ!

Докторъ. Господинъ атыютантъ, спросите, не болятъ ли у него ногъ?

Фельдшеръ. Дѣдушка, можетъ быть, у тебя болятъ ноги?

Старикъ. Ноги!

Докторъ. Взять маленькій топорокъ, положить ноги на порогъ, отрубить, деревяшки подставить, стараго пса ходить заставить. (*Къ публикѣ*). Вотъ, господа, я вылѣчилъ этого старика, заслужилъ себѣ крестъ и медаль и отправлюсь въ военну госпиталь.

Варианта сцены съ докторомъ.

Максимиліанъ, Пажъ, Адъютантъ, Старикъ, Докторъ.

Максимиліанъ. Пойди и приведи Марка-гробокопателя!

Пажъ. Пойду и приведу! (*Обращаясь къ старику*). Дяду, дяду, иди, тебя царь кличе. (*Старикъ входитъ*).

Старикъ. Якій чмаръ? Я вчера спавъ и сегодня вставъ! А де винъ живе?

Пажъ. Противъ неба на земли.

Старикъ (*пробуетъ палкою*). Ого, ого, якъ далеко, и палицею не достанешь! А на чому винъ великъ ѡйхать—на пари, чи на тройци?

Пажъ. На пари!

Старикъ. Я на тройци пойду! (*Подходитъ*). О, ваше высококопирательство, по що такъ скоро призываете, яки дила-вказы запо-вѣдываете?

Максимиліанъ. Я дѣла—вказы заповѣдваю: пойди прибери это тѣло (Адольфа), чтобы на солнцѣ не тлѣло, птицы не клевали, звѣри не терзали, и предай его сырой землѣ.

Старикъ. А що жъ мени за то буде?

Максимиліанъ. Съ носа по грошу, а съ большого по два. (*Старикъ подходитъ къ убитому*). Аршинъ—то вдовшъ (*жърлетъ*), та вширь одна осьмуха,—тягни его за ухо! (*подымаетъ за ухо*). У! Ваше высококопирательство, я тило прибравъ, соби хоробы доставъ.

Максимиліанъ (*призываетъ адъютанта*). Господинъ адъютантъ, спросите, што у него болитъ!

Адъютантъ. Що у тебя болитъ?

Старикъ. Якъ запалишь, той горить.

Адъютантъ. А ще що?

Старикъ. Пидъ колиньмы бильмо.

Адъютантъ. А ще що?

Старикъ. На очи не чую, на ухы не бачу!

Адъютантъ. А ще що?

Старикъ. Волосья попухло.

Адъютантъ. А ще що?

Старикъ. Иды къ бисовому батьку! (*Является докторъ*).

Докторъ. Фу, какъ мой на свѣтѣ русля, мой сатумаль кушать вкусно, колпаса анъ цукирь-плюверъ, много денежки нажилъ, какъ

моя его ѣбчила; зъ него кровь мечила, а онъ видитъ, что пособія нѣтъ, да и отправился на тотъ свѣтъ; вонъ спроси, если не вѣришь того покойника, что умеръ прошлый годъ во вторникъ. Вотъ тебѣ, старикъ, первое средство: возьми большой мѣдный кострюль, ковалоу леду, гусиное молоко, прошлогоднего снѣгу, куриного масла, поставь на теплое мѣсто и пуль-парска, порось-марска, пули давери (?) уходи, старый чертъ, за двери!

Старикъ. Заграйте веселѣе! (Конецъ этого варианта).

СЦЕНА VIII.

Максимиліанъ, Пажъ, Арапъ, Цыганъ.

Максимиліанъ (*призывая пажа*). Иди въ бѣлыя палаты, приведи чернаго арапа!

Арапъ. (*является*). Сизки (?) раздались, на морѣ туманы поднялись, такой я есть сильный черный арапъ, подымался войскою подъ Царь-градъ. Стану на землю—царскіе грады разобью, земля задрожитъ, царь съ престола убѣжитъ. Ставай вармія у ряды, ѣдетъ черный арапъ съ орды, его шапка съ перомъ, грудь горитъ серебромъ.

Максимиліанъ. Зачѣмъ ты, несчастный арапъ, подошелъ подъ нангъ Царь-градъ—дань платитъ, или войско за собою водить?

Арапъ. Я не хочу дань платитъ, хочу за собою войско водить. Почему вы менѣ знаете, што чернымъ арапомъ называете? Я въ Арапіи бывалъ, сильныхъ, могущихъ богатырей побывалъ, а черныхъ цыганей у грязь топталъ. (*Вбѣгаетъ цыганъ*).

Цыганъ. Когда бы ты въ Арапіи бывалъ, сильныхъ, могущихъ богатырей побывалъ, а черныхъ цыганей у грязь топталъ, такъ ты бы свой тронъ потерявъ. Я бѣ тебѣ убилъ - зарубилъ, на свою хвойду посадилъ. Кайсь предо мною!

Арапъ. Каюсь передъ вами, што постушилъ грубо съ вами.

Всѣ (<i>поютъ</i>).	Охъ, ты, поле мое,	А все травушкой,
Поле чистое,		Все муравушкой,
Охъ ты раздолье мое!		Все цвѣточками,
Охъ хорошо же, ты, поле,		Василечками.
Приукрашенное,		

СЦЕНА IX.

Богиня, Брандавуль, Капытовъ.

Богиня. Ходжу я гуляю по чистому полю, по широкому раздолью; поднимусь высоко, спущусь далеко, на мальцево поле; малецъ явится, мнѣ покорится. (*Является Брандавуль*).

Брандавуль. Охъ, ты, тридская дѣвица, почему ты мене знаешь

што ты мене мальцемъ узмываешь? Али ты моей хвабрости не знаешь? Посажу на ладонь, сѣвнишь, какъ огонь; дамъ тебѣ въ ухо, останешься глуха; дамъ тебѣ въ високъ, посыпнется изъ ноздери песокъ; дамъ тебѣ подъ бока, поднимешься выше облака. Бѣйся предо мною, что поступила грубо со мною!

Богиня. Каюсь передъ вами, что поступила грубо съ вами.

(*Является Капытовъ*).

Капытовъ Я могу за прекрасную дѣвицу заступиться! Тебе побью, поражу, на вострый мечъ посажу.

Брандавуль. У моего дѣдушки было 83 богатыря, я и тыхъ побивъ-порубивъ, а тебѣ чего?

Капытовъ. Не хвались, Богу молись! (*Сражаются*).

Всѣ (*поютъ*).

Красна дѣвица скончалась
Во высокомъ теремѣ,
Бѣлы ручки сложила,
Накрывали полотномъ.
Вдругъ пѣвчѣ запѣли,
На кладбище понесли;
На кладбище всѣ взносили,
Застонала вся земля.

Вся селенная сказала,
Что покинула душа.
Тѣло въ гробѣ отвѣчало:
«Подойди, милый, сюда,
Подойди, милый, поближе,
Вороти душу назадъ».
Не можно къ гробу подойтить,
Нельзя души назадъ зворотить!

СЦЕНА X.

Максимиліанъ, Цыганъ, Дѣдъ и Еврей.

Максимиліанъ. Цыганъ!

Цыганъ. Эге! (*Это продлывается трижды. Цыганъ, дѣдъ и еврей идутъ втроемъ на палкѣ—«цапкѣ»; дѣдъ и еврей убѣгаютъ*).

На што, ваше императорство, призываете и какіе дѣла вказы заповелѣваете?

Максимиліанъ. Не можно съ тобою на кони помѣняться?

Цыганъ. Можно, можно на твою сиватую, на мою горбатую; у твоей сиватой грива, какъ щетина, а у моей горбатой хвостъ, якъ дубина. Што то за лошадь бываетъ, что хвостомъ потрясетъ, такъ за Балканы занесетъ; на горку три кнута, а съ горки безъ хомута; бѣжить—дрожить, повалится—въ грязи лежитъ. Прошу коня поднять, тогда будемъ мѣнять.

Максимиліанъ. Да, цыгане по всему свѣту такіе прохвосты!

Цыганъ. Эй, батенька генералъ, я за свою кобылу вороную, да наживу себѣ жену молодую; тоды буду цыганъ богатый и брюхатый, буду школы заводить, да на истинный путь наводить: какъ по чужихъ конюшняхъ ходить, по коморахъ лазить; тогда буду цыганъ не плохъ, мѣю вошей и блохъ: въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ,

въ другомъ блоха на цѣпи. Торговаль я кирпичемъ—остался не причемъ; торговаль я баранками—зовуть меня обманками; торговаль я киселемъ—зовуть Василемъ, и хвამилія моя Мамелія. Ге-ге-ге! Бяжу я на базаръ, тамъ горитъ пожаръ, я бяжу съ пожару—зовуть меня къ царю на коней мѣнять. Мѣнять—не гулять, а послѣ не каяться. Заграйте музыки на разные языки!

(Играютъ, танцуютъ и поютъ).

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ПО ЭТНОГРАФИИ ЯКУТОВЪ *)

III. Юридическіе обычаи.

1. Родъ и община.

Еще очень недавно у якутовъ, вѣроятно, и не одного Олекминскаго округа, существовалъ такой обычай: если у супруговъ рождалось въ теченіе брачной жизни 5 мальчиковъ, то они причислялись къ материнскому колѣну, но не отцовскому, и носили имя своей матери, напр.: „уола юэ крынас хотун“, (дословно, если перевести по-русски, будетъ значить: сынъ колѣна бѣлой женщины), „уола юэ кис нерин“ (сынъ колѣна дѣвицы красивой) и проч. Въ 6-мъ же колѣнѣ потомки этихъ прародителей причислялись къ колѣну перваго отца, слѣдовательно, названіе колѣна матери уже сглаживалось, и они назывались „агабыт юэ“ (отца колѣно). Но когда это колѣно увеличивалось въ численности до 50 и болѣе человѣкъ, тогда всѣ члены, принадлежавшіе къ этому колѣну, называли себя „наше колѣно“ и носили уже названіе „агауга“, что значить: племя, родъ.

Но если у супруговъ рождалось менѣе 5 мальчиковъ, тогда дѣти причислялись къ отцовскому колѣну. Такой обычай существовалъ, сравнительно, недавно, потому что старые якуты отчетливо передаютъ его.

Только что родившемуся ребенку давали имя того, кто первый входилъ въ юрту, гдѣ находилась роженица; напр., если входилъ русскій, неизмѣннѣй общественнаго положенія, ребенка называли „нючей“ (русскимъ), если входилъ солдатъ — называли солдатомъ, и даже если вбѣгалъ пестрый кобель — и ребенка называли пестрымъ кобелемъ. Затѣмъ давали отъ себя имена отецъ и мать, каждый особо, и ближайшіе родственники, такъ что у иного якута существовало до 10 именъ, но главное было первое.

*) См. „Этногр. Обзор.“ XXXIV и XXXV.

Описанный мною обычай существовалъ, какъ я сказала выше, сравнительно очень недавно, послѣ обычая похищать женщинъ вооруженною силою изъ чужого рода, или племени, преимущественно у бурятъ, тунгусовъ, ламутовъ и своихъ ближайшихъ родственниковъ, башкиръ, когда они жили вмѣстѣ въ какой-то большой степи (вѣроятно Барабинской), потому что башкиры, проживающіе въ Якутскомъ и Олекминскомъ округахъ, говорятъ, что будто-бы предки ихъ когда-то были здѣсь, въ Якутской области, но вернулись обратно, потому что всѣ мужчины у нихъ умерли, остались только старухи и нѣсколько женщинъ, за исключеніемъ князя якута (яхонта), оставшагося въ Якутской области, отъ котораго и произошли якуты.

Якуты говорятъ, что лѣтъ 400—500 тому назадъ, за долго до появленія русскихъ къ нимъ, они неспособныхъ къ труду, или больныхъ убивали или оставляли на произволь судьбы въ лѣсу, привязанными къ лѣсинѣ. Теперь такой обычай существуетъ только у тунгусовъ Олекминскаго округа. На смѣну этого обычая у нихъ явился другой обычай, тоже исчезающій, въ силу котораго неспособныхъ къ труду родителей и родственниковъ удаляли въ уединенное мѣсто, и дѣти доставляли имъ все необходимое, не исключая дровъ и воды. Послѣ смерти и даже ранѣ неспособные къ труду передавали все свое имущество своимъ поильцамъ и кормильцамъ, хотя эти поильцы и кормильцы нынѣ нерѣдко поступаютъ несовсѣмъ благородно. Въ доказательство только что сказаннаго, я привожу копію съ прошенія Авд. Корниловой, поданнаго Олекминскому исправнику¹⁾.

Якуты, переходя изъ пастушескаго состоянія къ осѣдлому, дѣлали захватъ луговой земли въ ущербъ благосостоянію

¹⁾ Его Высокоблагородію, г. Олекминскому окружному исправнику, инородки 2 Ментскаго послѣга, Олекминскаго улуса, Авдотьи Корниловой прошеніе.

По приказанію Вашего Высокоблагородія племянникъ мой, Василій Корниловъ въ февралѣ мѣсяцѣ этого года обязался подпиской вносить подати за мужа моего, Ларіона Корнилова, находящагося въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, и содержать насъ, т. е. доставлять дрова, выкашивать и ставить сѣно около нашей юрты, за что онъ получалъ отъ другаго нашего племянника 200 руб. деньгами и полторы трети нашего нокаса, быка, стоющаго 60 руб., и воспитанницу нашу Авдотью. Лѣтомъ этого года Василій Корниловъ выкосилъ по уговору нашу траву для насъ и увезъ себѣ; намъ же съ мужемъ ни сѣна ни дровъ и вообще ничего не доставляетъ. На жалобу мнѣ ни Инородная Управа, ни Родовое Управленіе удовлетворенія никакого не дѣлаютъ. А потому я покорнѣйше прошу Ваше Высокоблагородіе, разобравъ мою жалобу, обязать В. Корнилова возвратитъ сѣно, предназначенное для насъ, доставлять дрова и все необходимое, а если онъ на это не будетъ согласенъ, то возвратитъ намъ все имущество, взятое имъ, и подати мои уже будемъ платить сами. 11 марта 1890 г. По безграмотству своему прилагаю имянную печать (А. К.).

своихъ ближнихъ. Но община, сознавая за каждымъ право владѣнія участкомъ земли, стала дѣлить ее между всѣми по жребію каждагодно, потому что урожай травъ бываетъ неодинаковъ; напр.: этотъ годъ извѣстный надѣльный участокъ уродилъ прекрасную траву, на слѣдующій годъ этотъ же пай или участокъ уродилъ плохую, такъ что каждагодный переѣлъ земли у якутовъ является справедливой и удобной формой землевладѣнія. Пропорціонально надѣлу взимались и взимаются подати. Но всякій, расчистившій землю на сторонѣ, по постановленію общины могъ и лишиться ея, если земля эта почему либо нужна была этой общинѣ, которая, взаимнѣ взятой расчистки, отводила въ другомъ мѣстѣ равное количество. Владѣлецъ расчистки и земельного надѣла (душевого) съ согласія общины имѣлъ право первую продавать своему сородичу, а русскому закладывать въ долгосрочное пользованіе, а послѣдній (надѣлъ) только уступать своему сородичу на опредѣленное время.

Русскіе казаки и крестьяне въ 17 и 18 столѣтіяхъ злоупотребляли такимъ обычаемъ, арендуя землю за безценокъ, спавая водкой якутовъ, какъ говорятъ объ этомъ сами якуты и что доказывается текстомъ одного слѣдственнаго дѣла, относящагося въ 18 столѣтію.

„Того-жь числа, — говорится въ немъ, — въ Якутскѣ предъ дворяниномъ Еюимомъ Петровымъ казакъ Кипріянь Борисовъ оказалъ: есть де у него, Кипріяна, закладной покосъ отъ якута на Мархѣ рѣчкѣ до выкупу. А ставится кошонаго сѣна одинъ стогъ небольшой, а другихъ никакихъ угодей и отводныхъ великаго государя сѣнныхъ покосовъ и рыбныхъ ловель и мельницъ нѣтъ“. Въ другомъ такомъ же листочкѣ Федотъ Амосовъ говоритъ: „есть де у него Федота закладные сѣнные покосы на острову, званіемъ по-якутски «эселях ары», прибрѣтенные отъ ясапныхъ якутовъ.“

Землей въ 17 и 18 столѣтіяхъ якуты не особенно дорожили, потому что ея было много. Но къ концу 18 столѣтія у нихъ возникло понятіе о поземельной собственности, и чѣмъ дальше шли они въ этомъ направленіи, тѣмъ больше укрѣплялись въ необходимости дѣлить сѣнокосныя земли не только между родами, но и между родственниками въ различныхъ степеняхъ.

Опредѣленной границы земельнымъ участкамъ въ то время не существовало, что способствовало захвату земли другъ у друга, влекущему за собой споры и ссоры. Такой порядокъ землепользованія у якутовъ Олекминскаго округа существуетъ до сихъ поръ, какъ это видно изъ прилагаемаго завленія Семена Торговкина ¹⁾ и другихъ документовъ.

¹⁾ Въ Олекминское Окружное Полицейское Управленіе ияородца 2 Меятскаго наслѣга Семена Ал. Торговкина завленіе.

По постановленію Полицейскаго Управленія отъ 20 іюня с. г. опредѣлено

Что же касается пользованія пахатной землей, то она вполне индивидуализировалась и никакимъ передѣламъ не подвергается, потому что такую землю не легко бываетъ сдѣлать удобной для воздѣлыванія хлѣба, и чтобы уничтожить на 1 десятинѣ столѣтнія листовницы, глубоко пустившія корни въ землю, надо потратить отъ 250 до 300 р. Вотъ эта то причина заставляетъ смотрѣть на воздѣланную землю, какъ на собственность воздѣлавшаго, имѣющаго право продать ее своему сородичу, или передать въ долгосрочное пользованіе русскому.

Споры о сѣнокосной землѣ вытекали и вытекають всегда изъ неправильнаго дѣлежа. Всякій, кто посильнѣе, старается взять себѣ лучшей кусочекъ, а для сосѣда оставить худшій, такъ что вся лучшая земля переходила въ руки зажиточныхъ; подати же и повинности разлагались по числу хозяйствъ, а чтобы ихъ уравновѣсить, якутская община и пришла къ убѣжденію въ необходимости передѣлать землю, и опять таки пропорціонально надѣлу платить подати. Вотъ вторая причина, кромѣ указанной уже выше, заставившая якутовъ дѣлить землю, и обычай этотъ возникъ совершенно самостоятельно, безъ вліянія русскаго населенія.

Всѣ земельные споры до 30-хъ годовъ этого столѣтія разбирались судомъ медиаторскимъ, нынѣ же родовыми и полицейскими управлениями, въ доказательство чего прилагаю копию прошенія Григорія Брагина и постановленія медиаторовъ 1).

внискать въ мою пользу съ сородовича моего Павла Одинцова 14 р. 12¹/₂ к. за неправильное владѣніе моимъ покоснымъ мѣстомъ. я, отобравъ отъ него это мѣсто, передать для пользованія мнѣ. Но Одинцовъ мѣста этого мнѣ не передалъ и не хочетъ передать до сихъ поръ и траву уже выкосилъ всю. Имѣя въ виду, что постановленіемъ Полиц. Управленія Одинцову не предоставлено право обжаловать упомянутое постановленіе и оно вѣроятно Якутскимъ Окружнымъ судомъ, куда Одинцовъ привнесъ нынѣ жалобу, не будетъ измѣнено, а потому заявляю Полиц. Управленію, что за работу выкошенной и убранной травы на моемъ мѣстѣ я платить не буду. С. Торговкинъ. 16 авг. 1890 г.

1) Его Благородію, Олекминскому комисару Фокѣ Александровичу (Миллеру), родовича 1-го Ментскаго нослега Григорія Брагина прошеніе.

Въ прошломъ 1818 г., неизвестно мнѣ съ какихъ ради причинъ, послѣду нашего родовича Александръ Максимовъ, находя у меня въ излишствѣ сѣнныхъ покосовъ, прислалъ во оныхъ родоначальниковъ своихъ, которне по долгу обязанности своихъ и чинили разбирательство; но по прочемъ по желаніямъ нашимъ, чтобъ положить намъ обще порокъ (?) съ тѣмъ, если у кого лѣзъ насъ окажется въ излишкѣ по 50 десятинъ, въ томъ родоначальники наши Иванъ Торговкинъ и Александръ Сивининъ ровняли. Но какъ время тогда приходило къ сѣнокосу, дабы неупуститъ страдающаго времени, и не лишиться послѣдняго своего скота, чрезъ котораго находимъ себѣ пропитаніе и всѣ повинности оплачиваемъ, принужденнымъ себя находилъ тогда же просить князя своего Торговкина, прилучившагосъ у него въ домѣ 2-й Ментской волости родовича Александра Торговкина, урядника Ивана Габшева, и при

2. Судъ медіаторскій и всенародный.

Нѣкоторыя формы судопроизводства у якутовъ Олекминскаго округа, существовавшія въ 17, 18 и 19 столѣтіяхъ, незамѣтно исчезли и исчезаютъ подъ вліяніемъ русскаго за-

бвншихъ выборныхъ Василіи Яковъ сдѣлали разбирательство, то князецъ Торговкинъ просилъ вышеозначенныхъ людей сдѣлать разбирательство, но какъ не находи въ семъ случаѣ между нами истинности по причинѣ той, что Максимовъ провозносилъ заперательство, и такъ приказано имъ было, чтобы намъ каждому быть при своихъ покосахъ, дабы между тѣжбами не лишиться собственности, и отложили до предбудущаго времени (д. б. разбирательство), но какъ я взошелъ къ покосу моему, дабы не упустить время; между тѣмъ, упомянаемый родовичъ Максимовъ усиленнымъ образомъ отналъ у меня на 2 стога сѣна, почему также оставя работу, просилъ о семъ князя своего Торговкина, который отказалъ тѣмъ, что онъ не въ силахъ сдѣлать разбирательства и такъ я выскатилъ (?) травъ чрезъ то по безсѣйничѣ понесъ невозвратный убытокъ чрезъ покуски сѣна. Но выйдя изъ терпѣнія, въ минувшемъ генварѣ мѣсяцѣ при суглашномъ (т. е. мирскомъ, общественномъ) собраніи, бывшемъ на острову Кылахъ¹⁾, всѣхъ 5 волостей князцовъ просилъ оказать удовольствіе, которые также по заперательству Максимова были не въ силахъ (разобрать), и притомъ провозносилъ Максимовъ при нихъ „путь и мошенникъ“, въ чемъ ссылаюсь на нихъ, которые могутъ удостовѣрить (это). Сверхъ сего объ розданныхъ своихъ долгахъ неоднократно просилъ при собраніи, въ собраніи въ послѣгѣ своемъ, родовачальниковъ. Но Максимовъ же неизвѣстно мнѣ, принимая власть родовачальника, никакого удовольствія не давалъ мнѣ, и притомъ провозносилъ сіи слова, что отъ тебя ни въ какое собраніе и просьбы мои непринимать (это такъ сказано буквально, но вѣроятно Максимовъ сказалъ такъ: тебя ни въ какое собраніе не слѣдуетъ пускать и просьбы не принимать), есть де у него указъ на то, что проносить по начальству вашему благородію, и припадая къ стопамъ вашимъ начальственнымъ всепокорнѣйше прошу не оставить своимъ начальственнымъ разсмотрѣніемъ и на все сіе ожидаю милостивѣйшей резолюціи. Прошеніе писалъ сотникъ Михайло Габышевъ, 22 апрѣля 1819 г.

Его Благородію, Олекминскому комисару Фокѣ Алексѣевичу Миллеру якутскихъ 5 волостей князцовъ рапортъ.

Во исполненіе предписанія Вашего Благородія отъ 28 апрѣля за № 442, снѣмъ имѣемъ честь донести, что по просьбѣ родовича Григорія Брагина никакого мнѣ по разбирательству дѣйствительнаго обстоятельства открыть немогли; сколько по разнообразности ихъ словъ, столько же и по великому ихъ замѣшательству тѣжбъ, которую не иначе мы можемъ предположить рѣшить, какъ только медіаторскимъ судомъ, который и осмѣливаемся Вашего Благородія просить приказать поманутымъ просителю и отвѣтчику избрать, изъ кого нѣмъ будетъ угодно, и потому уже рѣшить какъ слѣдуетъ, почему прошеніе Григорія Брагина обратно при семъ имѣемъ честь представить. Впрочемъ, болѣе мы никакого взисканія по мнѣнію своему и рѣшенію сего дѣла изискать не можемъ. Къ сему рапорту якутскихъ 5 волостей князцы приложили печать.

Его Благородію, Олекминскому комисару Фокѣ Алексѣевичу, избранныхъ со стороны просителя, 1-го Ментскаго нослега Григорія Брагина и родовича Ал. Максимова, медіаторовъ 2 Ментской волости княца Александра Торговкина, ясаднаго Ильи Корнилова, Харитона Корнилова, Луки Григорьева, старшинъ Малышева и Габышева рапортъ. Вслѣдствіе приказа Вашего Благородія, отъ 29 апрѣля за № 446, послѣдовавшимъ на имя 1 Ментской волости княца Ивана

¹⁾ Островъ этотъ отъ Олекминска лежитъ въ 30 верстахъ, по средній р. Лени; на немъ живутъ якуты 2-го Ментскаго нослега.

конодательства и административнаго вліянія. Въ отрывочной формѣ мнѣ удалось записать нѣсколько случаевъ изъ такого судопроизводства и обычаевъ, существовавшихъ дѣтъ 60—70 тому назадъ, и о которыхъ якуты не имѣютъ теперь ни малѣйшаго представленія за немногими исключеніями. Сюда принадлежитъ между прочимъ медиаторскій судъ.

Такъ какъ старые обычаи, нѣкогда существовавшіе, не легко стираются въ народной массѣ и продолжаютъ опять безсознательно, то такъ случилось и съ судомъ медиаторскимъ. Онъ проявляется теперь въ слѣдующей формѣ: если произойдетъ споръ между якутами, стороны, считая себя правыми и не желая прибѣгать къ старшинѣ для разбора, прибѣгаютъ къ посредничеству не только якутовъ, но и русскихъ, говоря: „вотъ человекъ сторонній, скажи-ка ему свое дѣло—и онъ скажетъ, что я правъ, а не ты“. Третьейскій судья, высказавъ свой взглядъ на дѣло, признаетъ того или другого изъ спорящихъ правымъ; но виновный все таки не согласится съ нимъ, заподозрѣвъ его въ пристрастіи къ своему противнику.

По словамъ инородца 2-го Мейтскаго нослега Семена А. Торговкина, хранителя старинныхъ обычаевъ, медиаторскій судъ заключался въ былое время въ слѣдующемъ: выборъ третейскихъ судей зависѣлъ отъ добровольнаго соглашенія тяжущихся; число ихъ было неограничено, т. е., сколько стороны хотѣли, столько и приглашали для разбирательства туда, гдѣ находили это удобнымъ. На судъ приходили всѣ желавшіе слушать дѣло; къ стороннимъ лицамъ даже обращались сами судьи съ вопросами по дѣлу, хотя мнѣнія этихъ стороннихъ лицъ и не принимались въ соображеніе при рѣ-

Торговкина, по которому учинили между просителемъ Брагинимъ и отвѣтчикомъ Максимовимъ въ удовольствіе ихъ разбирательство, которне, признавъ въ сердцахъ своихъ правду поданнаго на нихъ наше (въ подискѣ учинили мировую, которую равно и приложенныя при прошеніи бумаги при семъ къ вашему благородію представляемъ. Къ сему рапорту медиаторы, а по личной ихъ просьбѣ руку приложилъ Михайло Габышевъ. 17 мая 1819 г.

Гг. медиаторамъ, избраннымъ по дѣлу родовичей Григорія Брагина и Александра Максимова, князю Торговкину, ясашинымъ Ильѣ и Харитону Корниловимъ, Лукѣ Григорьеву, старшинамъ Малышеву и Габышеву, 1-го Мейтской волости родовичей Григорія Брагина и Александра Максимова покорнѣйшее прошеніе.

По поданному отъ насъ Брагинимъ прошенію по разбирательству нашему къ присужденію и по поданнымъ нами подпискамъ съ обѣихъ сторонъ, мы остаемся довольны, въ каковомъ дѣлѣ и недожны мы производить другъ на друга никакого иску, въ чемъ и удостоверяемъ сами прошеніемъ, а также и общее житіе дожны мы имѣть какъ слѣдуетъ, по порядку, безъ нанесенія другъ другу какихъ отягощеній и обидъ, въ чемъ и подписуемся. За неграмотныхъ руку приложилъ сотникъ Михайло Габышевъ.

(Копія списана изъ дѣла Олекминскаго окружнаго полицейскаго управленія за 1819 годъ).

шеніи дѣла. Въ медиаторы избирались всегда богатые, а изъ бѣдныхъ только тѣ, которые имѣли преклонный возрастъ и отличались правдивостью и умомъ. Въ случаѣ неудовольствія на медиаторскій судъ, медиаторы не подвергались никакой отвѣтственности, и нерѣдко тяжущіеся недовольные судомъ однихъ, избирали другихъ, число которыхъ было также неограничено. На рѣшеніи третейскихъ судей нельзя было жаловаться, да и некому, потому что судъ этотъ возникалъ тогда, когда дѣло уже разбиралось родоначальникомъ, слѣдовательно третейскій судъ являлся послѣдней судебной инстанціей. Но было время когда рѣшеніе медиаторовъ было обязательно для сторонъ, съ усиленіемъ же власти родовыхъ старшинъ и вліянія русскихъ, явившихся въ качествѣ высшей судебной инстанціи, рѣшенія медиаторовъ сдѣлались необязательными.

Рядомъ съ этимъ судомъ въ древнее время существовалъ „всенародный судъ“. Но этотъ послѣдній являлся для якутовъ уже тѣмъ неудобнымъ, что они, живя разбросанно, не могли являться на судъ лично всѣ, а каждый родъ присылалъ выборныхъ лицъ. На власть этихъ выборныхъ было сдѣлано посягательство Тыгыномъ, который, какъ передаютъ якуты, былъ самымъ главнымъ княземъ, судьей и предводителемъ во время войны съ русскими казаками.

Мѣсто, гдѣ происходилъ судъ, какъ народный, такъ и третейскій, называлось когда-то „ан дойду ычытѣ“ (двери вселенной); это была обыкновенно большая поляна.

Въ 1822 году третейская форма судопроизводства была узаконена. «Иностранцы, — говорится въ 5 гл., 123 § Устава объ иностранцахъ, — имѣющіе обычай разбираться особыми посредниками, могутъ это дѣлать, если обѣ стороны согласны. Рѣшеніе сихъ посредниковъ приводится въ исполненіе и жалобы не принимаются». Не это ли послѣднее послужило поводомъ къ тому, что третейскій судъ сталъ незамѣтно исчезать между якутами Олекминскаго округа? Быть можетъ и другія причины содѣйствовали исчезновенію суда медиаторскаго между якутами Олекминскаго округа, потому что ясашныя коммиссіи также старались узаконить всѣ формы судопроизводства.

Случай обращенія къ медиаторамъ мы видѣли въ только что изложенномъ дѣлѣ Брагина, изъ дѣлъ того же Олекминскаго Окружнаго Полицейскаго Управленія можемъ прибавить сюда слѣдующій случай:

Въ 1830 г. князецъ І Мейтскаго нослега, Иванъ Кудринъ, растратилъ общественныхъ 3.288 р. 30 к., за что онъ переданъ суду медиаторовъ, которые, разобравъ дѣло, простили все Кудрину, разложивъ эту сумму на всѣхъ плательщи-

ковъ.—Другіе случаи увидимъ ниже, гдѣ рѣчь идетъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

3. Наказанія за преступленія.

а) Воровство скота.

Интересныя свѣдѣнія намъ удалось получить по вопросу о наказаніяхъ за отдѣльныя преступленія. Изъ нихъ еще болѣе выясняется, между прочимъ, характеръ стариннаго родового устройства у якутовъ и степень русскаго вліянія на формы древняго быта якутовъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, во первыхъ на наказаніи за воровство скота, которое страннымъ образомъ въ воспоминаніяхъ якутовъ связывается съ памятью о богатыряхъ.

Богатыри, по словамъ Семена Торговкина, были люди нехорошіе, разбойники, развратные и воры. Они крали коровъ, лошадей, насиловали женщинъ, гдѣ только встрѣчали ихъ, похищали и дѣвушекъ и женщинъ и занимались нападеніями на жителей, а также вступали въ единоборство съ такими же сорванцами, какъ и они сами, переходили поэтому съ одного мѣста на другое, и вообще вели бродячую жизнь до тѣхъ поръ, пока ихъ не убивали гдѣ либо въ дракѣ.

Изъ наказовъ ясачныхъ комиссій, учреждаемыхъ въ прошлыхъ столѣтіяхъ для урегулированія юридическихъ отношеній между якутами, видно, что за кражу скота, или чего бы то ни было, неисключая похищенія женщины, воръ наказывался розгами по приговору старшинъ или третейскихъ судей и за украденную вещь платилъ въ три раза дороже стоимости ея. Если кража воровъ производилась нѣсколько разъ, и наказанія и увѣщанія не имѣли вліянія, тогда порочный членъ общества изгонялся или изъ своего только рода, или высылался въ отдаленныя мѣста, смотря по тяжести совершеннаго преступленія. Выселенія изъ рода, какъ надо полагать, между якутами практиковались въ широкихъ размѣрахъ, и, вѣроятно, обычаемъ этимъ сильныя родоначальники немало злоупотребляли, потому что въ 1854 г., указомъ намѣстника Иркутскаго и Колыванскаго, присланнымъ на имя Якутскаго воеводы, запрещалось якутамъ высылать за кражи воровъ въ отдаленныя мѣста, предоставляя право наказывать изобличенныхъ въ воровствѣ только розгами и платить вмѣсто одной украденной вещи или скотины три, или налагался денежный штрафъ въ пользу всего улуса или рода. Такое отношеніе администраціи къ ворами вытекало изъ того, что кража скота между якутами была обычаемъ распро-

страненнымъ въ то время. Крали не только въ одиночку по 1—2 штуки скота, но цѣлыми табунами, одинъ родъ у другого, съ согласія и даже по инициативѣ старшинъ. Къ ворами, удачно угнавшимъ, на виду у противниковъ, табуны скота, не только простые смертные, но даже старшины относились съ уваженіемъ, ихъ ободряли и поощряли всѣ, какъ безстрашныхъ удалцовъ, ловко отбивавшихся отъ нападеній противниковъ. Старшинамъ изъ украденнаго скота доставалась львиная доля; остальные дѣлили добычу поровну.

Такой же обычай существовалъ у бурятъ Верхоненскаго вѣдомства въ прошломъ столѣтіи, какъ это видно изъ указа Иркутскаго Губернскаго Правленія отъ 16 іюня 1780 г. за № 4152, даннаго на имя старосты Батоева, гдѣ говорится между прочимъ: „самъ никому никакихъ обидъ и набѣговъ по собственнымъ прихотямъ и корыстолюбію не чинить“.

Намъ кажется, что обычныя кражи скота, часто встрѣчающіяся и среди якутовъ Олекминскаго округа, имѣютъ своимъ источникомъ общинную охоту и пользованіе всѣмъ имуществомъ, принадлежащимъ не только одному роду, но и всему племени, поэтому кража скота и набѣги на сосѣдей не считались даже преступленіемъ, а подвигомъ. Русскія власти, стараясь вводить въ обычаи якутовъ свои воззрѣнія, налагали на все свое veto, потому что такіе обычаи не нравились и русскому населенію, которое, надо правду сказать, развратило якутовъ окончательно.

Несмотря на запрещенія красть скотъ и строгія наказанія, налагаемыя самими инородцами и русской администраціей на воровъ, воровство не прекращалось. Такъ въ 1848 году якуты 2-го Меитскаго нослега, Олекминскаго округа, просили начальство объ удаленіи якутской дѣвки Корниловой изъ округа за дурное поведеніе. Въ чемъ заключалось это дурное поведеніе—изъ дѣла Олекминскаго полицейскаго управленія не видно, но видно, что Корнилова дѣйствительно была удалена въ Колымскій округъ. Желая дополнить эти свѣдѣнія о ней, я спрашивалъ какъ инородцевъ, такъ и крестьянъ стариковъ. Изъ распросовъ этихъ выяснилось, что Корнилова представляла изъ себя сказочнаго героя; она обладала неимоверной силой и ловкостью, умѣла прекрасно справляться съ бѣшенными лошадьми, занималась воровствомъ, предводительствуя цѣлой шайкой воровъ, такъ что наводила панику на цѣлый округъ своими набѣгами. Изъ шайки Корниловой въ началѣ 50-хъ годовъ остался инородецъ Габышевъ, который продолжалъ набѣги на жителей. Они, утомясь его наказывать, по приговору отдали его въ солдаты, откуда онъ вернулся, какъ неспособный къ военной службѣ, на прежнее

мѣсто жительства и занимался этимъ ремесломъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлался вслѣдствіе побоевъ никуда негоднымъ.

Сильные старшины и родоначальники пользовались широко правомъ переселенія порочныхъ своихъ членовъ еще въ недавнее время, напр. въ 40-хъ годахъ этого столѣтія, но теперь переселеніе не практикуется, за исключеніемъ переселеній по судебнымъ приговорамъ.

Исчезъ также обычай приношенія подарковъ старшинамъ во время общественныхъ сходовъ мѣхами, мясомъ, рыбой и вообще всѣмъ, что каждый въ состояніи былъ дарить. За эти подарки старшины поили и кормили всѣхъ участниковъ сходы, продолжавшейся иногда отъ двухъ недѣль до мѣсяца, если предстояло рѣшать много дѣлъ. Въ другихъ мѣстахъ, какъ мнѣ передавали, напр., якуты Вилюйскаго округа, обычай этотъ пользуется правами гражданства до сего дня.

б) Оскорбленіе гостя.

За оскорбленіе гостя хозяинъ подвергался денежному штрафу. Онъ платилъ царскую подать шкурами звѣрей, угощалъ судей и народъ, присутствовавшій при судбищѣ. За оскорбленіе же старшины или вообще должностного лица виновный подвергался тѣлесному наказанію. Наказаніе это усиливалось, если оскорбленіе нанесено въ домъ оскорбившаго. Отъ наказанія въ данномъ случаѣ не избавлялся и старшина, который подвергался или суду всенародному, или медиаторскому, смотря по важности оскорбленія.

в) Утайка добычи.

Во время охоты артелью за обманъ и утайку добычи виновный судился гласно и приговаривался къ штрафу, или изгонялся изъ рода, осыпаемый презрѣніемъ, какъ ненадежный членъ общества. Штрафъ платился въ пользу всего рода. Если виновный, подвергшійся оштрафованію, не имѣлъ имущества, а значить и не въ состояніи былъ платить наложенный штрафъ, то отдавался на извѣстный срокъ въ хамачиты (наемники). Теперь въ Олекминскомъ округѣ отъ этого обычая не осталось ничего, и всякаго утаившаго и умѣющаго скрыть добычу называютъ молодцомъ, а недоглядѣвшаго за товарищемъ—ротозѣемъ.

г) Увѣчье и убійство.

Въ дракѣ, когда одинъ увѣчилъ другого, тогда въ пользу изувѣченнаго брали штрафъ съ изувѣчившаго по приговору

третейскихъ судей или родовыхъ старшинъ. Притомъ, если у изувѣченнаго было семейство, то его приходилось содержать. Теперь иногда случается, что изувѣченнаго почти ничѣмъ не вознаграждаютъ, какъ это видно изъ прилагаемаго прошенія ивородца Спиридона Егорова ¹⁾.

Случалось, если въ дракѣ одинъ другого убивалъ, тогда родственникъ убитаго обязанъ былъ мстить убійцѣ, или, какъ выражаются якуты, «искать кровь». Мститель, или искатель крови, не только не подвергался преслѣдованіямъ за убійство, но даже заслуживалъ всеобщую похвалу.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о причинахъ, способствовавшихъ исчезновенію нѣкоторыхъ формъ судопроизводства и нѣкоторыхъ обычаевъ, существовавшихъ сравнительно недавно. Дѣло въ томъ, что русская администрація, желая упрочить господство надъ вновь покоренными ивородцами, старалась расположить въ свою пользу ихъ князей разными подарками и наградами. Князья въ свою очередь, желая упрочить за собой выгодное общественное положеніе, беззащѣнно и самовластно притѣсняли своихъ сородичей, такъ что потерпѣвшіе въ силу уже необходимости должны были прибѣгать для защиты къ русскимъ властямъ, которыя тоже не всегда оказывали правосудіе, потому что князья старались подкупать комиссаровъ, а впоследствии

¹⁾ Его Высокоблагородію господину Олекминскому окружному исправнику. Ивородца Вилэйскаго округа Верхневилюйскаго улуса Оритскаго нослега Спиридона Егорова прошеніе. Въ мартѣ мѣсяцѣ сего 1891 года я вмѣхалъ съ мѣста своего антелства по билету въ Олекминскій округъ съ своими домашними припасами на обмѣнъ хлѣба; прабывши остановился на квартирѣ у ивородца 1-го Ментскаго нослега Егора Марчалыкова и, проживши не болѣе одной недѣли, хотѣлъ возвратиться домой, но хозяинъ квартиры меня пріостановилъ на одинъ день для помощи ему привезти изъ гѣсу дрова въ недалекомъ разстояніи отъ дому. Я къ сожалѣнію его бѣдности отложилъ свою повадку, отправился на другой день по дрова; наложивши на двухъ биковъ дрова, поѣхалъ, вдругъ встрѣчаются мнѣ два человека неизвѣстныхъ якутовъ; одинъ изъ нихъ бросился на меня съ какаго намѣренія мнѣ неизвѣстно, схватилъ меня съзади и ударилъ объ сани, такъ что я остался безъ памяти, и переломилъ мнѣ ниже колѣна ногу; потомъ видя другой его товарищъ съ одного воза дрова свалилъ, и положили меня и привезли на квартиру, гдѣ я оставался; по распоряженію кандидата по головъ, меня оставили на моей же квартирѣ на налѣченіи и съ уплатою моему хозяину 15 р. въ мѣсяцъ съ акута 1-го Ментскаго нослега Дмитрія Константинова, который мнѣ съомалъ вогу, произвести уплату этихъ денегъ моему хозяину; я же пролежалъ всего 8 мѣсяца 7 дней а Константиновъ болѣе платить не согласился; то съ меня за налѣченіе потребовалъ моей квартиры хозяинъ Марчалыковъ, но какъ у меня денегъ не было, то онъ отобралъ насильственно отъ меня коня, коляску, суму дорожаую, лтвовку, торбовъ, мяса 1 пудъ, 4 пуда верховаго хлѣба, за сумму 70 руб. Я привосилъ нослѣ оваго словесную жалобу Головъ Канитонову, но онъ не обратилъ никакого вниманія и приказалъ меня выгнать вонъ.

исправниковъ собаками и чернобурными лисицами, такъ что якуты, не находя правосудія ни у русской администраціи, ни у себя дома, постепенно и незамѣтно утрачивали свои старыя формы судопроизводства, выработавшіяся вѣками, а въ замѣнъ ихъ ничего не получали. Вторая причина, способствовавшая быстрому исчезновенію нѣкоторыхъ формъ судопроизводства и обычаевъ, заключается въ томъ, что при составленіи инородческаго устава, самый уставъ явился не выразителемъ юридическихъ обычаевъ якутовъ, а мнѣніемъ мѣстнаго начальства объ этихъ обычаяхъ, такъ что уставъ, сочиненный чиновниками для инородцевъ восточной Сибири, даетъ широкій просторъ для всевозможныхъ злоупотребленій богатымъ инородцамъ, преимущественно старшинамъ и улуснымъ головамъ. Слѣдующій интересный архивный документъ отчасти послужить подтвержденіемъ сказанному.

Выписка изъ журнала Комиссіи Сибирскаго Комитета 29 марта и 10 апрѣля 1837 г.

«Уставомъ, утвержденнымъ 22 іюля 1822 г., о кочевыхъ и бродячихъ инородцахъ во всѣхъ тяжебныхъ и маловажныхъ уголовныхъ дѣлахъ, не исключая кражъ, судъ и расправа—по ихъ степнымъ законамъ и обычаямъ. Но какъ сіи законы въ каждомъ племени имѣютъ нѣкоторое и часто важное отъ другихъ отличіе, при томъ же, сохраняясь большею частью чрезъ одни устные преданія, могутъ быть и сбивчивы и неопредѣлительны, по сими причинамъ на мѣстное начальство возложено было собрать отъ почтеннѣйшихъ людей подробныя о сяхъ законахъ свѣдѣнія, рассмотреть ихъ по губерніямъ въ особыхъ временныхъ комитетахъ, смягчить все дикое и жестокое, отмѣнить несообразное съ другими узаконеніями, расположивъ въ надлежащемъ порядкѣ, представить главному мѣстному управленію на утвержденіе. Такимъ образомъ утвержденные степные законы повелѣно напечатать на русскій языкъ съ употребляемымъ ими сходственнымъ, по напечатаніи представить въ Правительствующій Сенатъ и принять ихъ въ основаніе при сужденіяхъ о дѣлахъ кочующихъ и бродячихъ инородцевъ, не только въ родовыхъ управахъ, но и въ присутственныхъ мѣстахъ, когда по жалобамъ поступятъ на ревизію, а недостатковъ дополнится уже при рѣшеніи дѣлъ русскіими законами.

Недопускать въ степныхъ законахъ никакихъ измѣненій, пока съ пережью образа жизни и степени образованія не будетъ надобности измѣнить образъ самого управленія инородцевъ. Къ исполненію сего въ обѣихъ губерніяхъ Вост. Сибири открыты были подъ предсѣдательствомъ гражданскихъ губернаторовъ комитеты, которые, вызвавъ отъ каждаго изъ инородческихъ вѣдомствъ соотвѣтственное народонаселенію число депутатовъ къ совѣщанію съ ними, составили 2 проекта законовъ, одинъ для инородцевъ Иркутской губ., другой для Енисейской.

Проекты сіи, рассмотрѣнные въ Совѣтѣ Главнаго управленія Восточной Сибири, внесены губернаторомъ на утвержденіе Сибирскаго Комитета и изъ онаго переданы (11 апрѣля 1825 г.) для подробнаго ихъ рассмотрѣнія назначенной особо комиссіи изъ 3-хъ чиновниковъ Министерства Юстиціи, Фанансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ и одного изъ состоящихъ въ штатѣ канцеляріи Сибирскаго Комитета. Комиссія по обозрѣніи означенныхъ проектовъ признала нужнымъ не приступать къ рѣшительному заключенію, а предварительно истребовать отъ мѣстнаго начальства и рассмотреть тѣ подлинныя свѣдѣнія, на которыхъ надлежало основать изложеніе степныхъ законовъ.

По полученіи же оныхъ признала полезнымъ, чтобы каждый членъ особенно, по предварительномъ сравненіи сихъ подлинныхъ свѣдѣній со статьями, введенными въ проектъ, сдѣлалъ въ общемъ присутствіи надлежащія замѣтки, изъ коихъ и составить положительное мнѣніе комиссіи о порученномъ разсмотрѣніи и предметѣ. Когда разсмотрѣніе сіе отдѣльно каждымъ членомъ было приведено къ окончанію, открылось, вообще, что проектъ свода, представленный мѣстнымъ начальствомъ во многихъ отношеніяхъ не согласенъ былъ съ тѣми показаніями о степныхъ законахъ, кои сдѣланы самими инородцами, и слѣдовательно онъ не заключалъ въ себѣ простаго изложенія существующихъ степныхъ законовъ, но изложеніе мѣстнымъ начальствомъ, уже измѣненное по его усмотрѣнію. Тѣмъ не менѣе, однако, Комиссія не признала нужнымъ составить новый проектъ свода, но положила токмо проектъ, отъ мѣстнаго начальства представленный, пополнить въ нѣкоторыхъ статьяхъ изъ подлинныхъ показаній инородцевъ. Одинъ изъ членовъ комитета, д. с. с. Величко, не согласился съ симъ заключеніемъ и въ поданномъ особомъ мнѣніи доказывалъ, что по важнымъ отступленіямъ, допущеннымъ мѣстнымъ начальствомъ въ проектъ степныхъ законовъ отъ силы подлинныхъ показаній инородцевъ, проектъ сей представляется не простымъ сводомъ степныхъ законовъ, но сочиненіе или уложеніе сихъ законовъ, мѣстнымъ начальствомъ составленное, что по точной силѣ предписаній правительства подлежало мѣстному начальству въ основаніе свода принять показанія инородцевъ, пояснивъ ихъ токмо мѣстными его соображеніями, напротивъ же того сіе начальство свои собственныя соображенія положило основаніемъ проекта, а показанія инородцевъ или вовсе устранило, или приняло какъ вспомогательное въ дѣлѣ его пособие, что по сему правительству, утвердивъ сей проектъ, хотя и съ исправленіями, установило бы не степные законы, дѣйствительно существующіе, но мнѣніе о степныхъ законахъ мѣстнаго начальства, и что, слѣдовательно, нельзя ограничиваться однимъ исправленіемъ проекта, но надлежитъ составить новый сводъ изъ подлинныхъ показаній инородцевъ, принявъ при томъ въ надлежащее соображеніе и мнѣніе мѣстнаго начальства.

Въ семь видѣ дѣло поступило въ Сибирскій Комитетъ (14 марта 1828 г.); въ немъ представлялся слѣдующій предварительный вопросъ къ разрѣшенію: должно ли приступить комиссіи къ исправленію проекта по мнѣнію 3-хъ членовъ, или къ сочиненію другого свода?

Примѣчаніе. „Всѣ кочующіе инородцы при наступленіи лѣта земли свои хѣтбопахотныя и сѣнокосныя всегда, каждый годъ дѣлили по душамъ, ясаки и повинности несущимъ. Подобный порядокъ допускается и проектомъ о сихъ инородцахъ. А какъ отъ сего происходятъ у нихъ съ одной стороны ежегодныя ссоры и вражда и ненависть другъ къ другу, а съ другой стороны лѣность и безпечность къ удобренію земли, то я полагаю гораздо лучше было бы, если бы эти земли раздѣлены были по всей справедливости единожды и навсегда; тутъ выгода еще та, что они гораздо постояннѣе заселились бы на отведенныхъ мѣстахъ и привыкали бы къ разнообразной жизни. Сверхъ того раздѣлъ этотъ земель и не есть ихъ коренной обычай, а воспринятый уже въ послѣдующее время отъ разныхъ несогласій ихъ между собою“.

Кѣмъ это примѣчаніе писано, мнѣ неизвѣстно. Могу только высказать свое предположеніе, что оно вѣроятно было написано Олекминскимъ Земскимъ комиссаромъ, или какимъ либо членомъ комиссіи Сибирскаго комитета, выписка котораго была по всей вѣроятности разослана по всѣмъ комиссарствамъ, гдѣ были инородцы.

М. Овчинниковъ.

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ФИНСКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ОБЩЕСТВА

по изученію народной поэзіи финновъ ¹⁾.

Финское Литературное Общество, основанное въ 1831 году для поощренія финской литературы, оказало благотворное вліяніе на культурную работу финскаго народа. Въ свое время оно было центромъ всего національнаго движенія въ Финляндіи. На его почвѣ возникли другія общества, каковы Финско-угорское, Археологическое, Общество народнаго просвѣщенія, вліяніе которыхъ, принимая во вниманіе не большіе размѣры Финляндіи, было весьма значительно.

Хотя Финское Литературное Общество не исключительно фольклористическое общество, но народная поэзія всегда занимала видное мѣсто въ его программѣ. Первою мыслью основателей общества было изданіе произведеній изъ народной поэзіи Е. Лэнрота, собирателя и составителя Калевалы. Въ самыя тяжелыя времена Общества, когда, благодаря строгой цензурѣ, на финскомъ языкѣ разрѣшалось издавать лишь сочиненія, касающіяся религіи или земледѣлія, рвеніе къ дѣлу сохранилось въ области одной только народной поэзіи.

Фольклористическая работа въ Финляндіи гораздо старше Литературнаго Общества. Уже въ семнадцатомъ вѣкѣ, послѣ основанія Або-скаго Университета въ 1640 году, собирались пословицы, а въ началѣ восемнадцатаго вѣка дошла очередь и до другихъ видовъ народнаго творчества. Въ концѣ восемнадцатаго вѣка, когда во многихъ европейскихъ странахъ пробудилось стремленіе къ ознакомленію съ безыскусственной народной поэзіею, такое же направленіе появилось и въ Финляндіи; собирались пословицы, повѣрья, загадки и въ особенности пѣсни. Въ началѣ этого столѣтія намъ извѣстны два ретивые собирателя, работу которыхъ продолжалъ Лэнротъ. Все болѣе и

1) Составлено главнымъ образомъ по книжкамъ предсѣдателя комитета по народной поэзіи Финскаго Литературнаго Общества, К. Крона: „Histoire du traditionnisme en Finlande“ и „Les collections folk-loristes de la Société de littérature Finnoise“.

болѣе стали проникаться убѣжденіемъ, что народная поэзія сама по себѣ можетъ представлять научный интересъ, независимо отъ той пользы, какую она въ состояніи принести другимъ наукамъ, какъ-то: мифологіи, археологіи, языковѣднью и пр.

При основаніи Финскаго Литературнаго Общества Лэнротъ имѣлъ уже большой матеріалъ по народной поэзіи. Хотя Общество съ самаго начала приняло полъ свое покровительство работу въ народномъ направленіи, но Лэнротъ былъ долгое время единственнымъ собирателемъ произведеній народного творчества. Только когда съ появленіемъ перваго изданія Калевалы обратили большое вниманіе на финскія народныя пѣсни, онъ приобрѣлъ нѣсколько сотрудниковъ въ дѣлѣ собранія. Они производили свои экскурсіи при матеріальной поддержкѣ со стороны Общества. Общество, правда, уже рано поняло, насколько важно, чтобы весь народъ принималъ участіе въ работѣ, и выпустило съ этою цѣлью въ 1836 году брошюру для возможно обширнаго распространения въ народѣ свѣдѣній относительно значенія народной поэзіи и для возбужденія желанія содѣйствовать Обществу въ его начинаніяхъ. Но брошюра, повидимому, не имѣла надлежащаго успѣха, такъ какъ только въ 50-хъ годахъ дѣло собранія приняло болѣе обширное распространеніе. Частныя лица, привлеченныя къ дѣлу, начали посылать Обществу собранный ими матеріалъ, и въ то же время, какъ увеличивалось число собирателей, расширялись также районы собранія. Простой народъ за рѣдкими исключеніями еще безучастно относился къ этой работѣ. Собирателями были студенты, учителя, пасторы, писаря и пр.

Но рвеніе скоро охладѣло. Неурожайные года 1866—67 отвлекли вниманіе отъ духовныхъ стремленій, и въ продолженіе слѣдующихъ затѣмъ десяти лѣтъ Общество получило лишь нѣсколько малоцѣнныхъ рукописей. Началомъ новаго періода можно считать 1878 годъ. Тогда профессоръ эстетики въ Гельсингфорскомъ университетѣ Е. Аспелинъ представилъ программу, имѣвшую цѣлью придать дѣлу собранія возможно широкое распространеніе. Собирать должно произведенія различныхъ видовъ народного творчества, не только пѣсни, какъ это главнымъ образомъ дѣлали до этого времени. Чтобы привлечь лицъ, не состоящихъ въ Обществѣ, къ живѣйшему участію въ собраніи, онъ предложилъ вознаграждать трудъ собирателей книгами, изданными Обществомъ, а денежной субсидіей только въ томъ случаѣ, если собраніе требовало денежныхъ затратъ или большого труда. Программа была принята Обществомъ, и собраніе получило неожиданно оживленный характеръ. Въ числѣ причинъ, вліявшихъ на усиленіе дѣла собранія, былъ повидимому и пятидесятилѣтній юбилей Общества, отпразднованный въ 1881 году. Пробужденное національное чувство и все болѣе возраставшее просвѣщеніе произвели то, что и низшіе классы народа стали принимать участіе въ работѣ, и число собирателей увеличивалось съ каждымъ годомъ.

Ученическіе кружки возлагали на своихъ членовъ обязанность зимою и лѣтомъ собирать произведенія народной поэзіи на ихъ родинѣ, и собранный кружкомъ матеріалъ отправлялся Литературному Обществу. Благодаря все болѣе и болѣе разростающемуся дѣлу собранія, былъ въ 1884 году учрежденъ специальный комитетъ, на обязанности котораго лежало заботиться о расширеніи дѣла и опредѣлять достоинство присланныхъ рукописныхъ сборниковъ и соотвѣтственно этому назначать вознагражденіе. Между прочимъ комитетъ, чтобы произведенія записывались по возможности въ полномъ видѣ, издавалъ по различнымъ видамъ народной поэзіи инструкціи для собирателей.

Въ теченіе 1888—89 годовъ общество получило всего 326 сборниковъ произведеній народнаго творчества. Изъ нихъ $\frac{1}{4}$ или 80, была прислана крестьянами, 56 профессорами и студентами, 48 учениками высшихъ, 47 низшихъ учебныхъ заведеній, 25 женщинами, 17 сельскими ремесленниками, 16 воспитанниками учительскихъ семинарій, 8 пасторами, 6 деревенскими торговцами и столько-же мѣщанами, 3 отъ унтерофицера и 1 отъ одного машиниста. Кромѣ этого были получены сборники отъ нѣкоторыхъ обществъ: 8 отъ ученическихъ кружковъ, 3 отъ одной студенческой корпораціи и 2 отъ одного общества рабочихъ. Наибольшее число сборниковъ, именно 12, прислалъ какой-то сельскій портной, и столько-же одинъ учитель народной школы; одинъ сынъ крестьянина прислалъ 11, какая-то крестьянка 9 сборниковъ. Самые усердные собиратели, слѣдовательно, были изъ простаго народа. Обществу несомнѣнно приносило большую пользу то, что стремленія его встрѣтили сочувствіе среди того класса народа, въ памяти котораго живутъ произведенія народной поэзіи. Ибо хотя записываніе необразованнымъ собирателемъ съ вѣшной стороны легко можетъ оказаться не вполне удовлетворительно, но эту опасность можно было предотвратить посредствомъ наставленій, изданныхъ для собирателей. И съ другой стороны полезно то, что подобные собиратели близко стоятъ къ народу. Напримѣръ, Общество своими лучшими заклинаніями, повѣрьями и въ особенности чарами знахарей обязано одному кузнецу, который, притворившись свѣдущимъ въ искусствѣ колдовства, снискалъ довѣріе наиболѣе популярныхъ знахарей, и такимъ образомъ обнаружилъ ихъ сокровеннѣйшія тайны. Какой-то извѣстный колдунъ сообщилъ ему самыя сильныя заклинанія, которыя онъ когда-то скрылъ отъ Лэнрота.

Для примѣра мы представимъ результаты за время отъ 16 марта 1888 до того-же числа 1889 года. Въ общество поступило всего 18,233 произведеній народнаго творчества, изъ нихъ собранныхъ лицами, имѣвшими порученіе отъ Общества, было 2,534, любителями 15,699. Что касается различныхъ видовъ народной поэзіи, то въ этомъ числѣ было 8,725 пословицъ, 5,477 эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ, заклинаній, повѣрій и игръ, 2,428 загадокъ и 1,603 сказки. Сборники обнимали собою всего 1,340 рукописныхъ листовъ, изъ

которыхъ 370 приходится на долю командированныхъ Обществомъ, 970 на долю частныхъ собирателей. Первые обошлись Обществу въ 560, вторые 940 руб., 525 деньгами, 415 въ видѣ книгъ. Каждый листъ лицъ, посланныхъ Обществомъ, стоилъ слѣдовательно 1 р. 50 к., листъ же отъ друзей Общества около рубля, или среднимъ числомъ каждый листъ обошелся въ 1 руб. 20 коп.

Весь матеріалъ изъ народной поэзіи Общества заключалъ въ себѣ въ 1889 году всего почти 110,000 произведеній, въ числѣ которыхъ было 40,000 пословицъ, 22,000 эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ и заглаваній, 20,000 повѣрій и игръ, 13,000 сказокъ, 10,000 загадокъ и 2,000 народныхъ мелодій. Мы не имѣемъ возможности привести цифры, касающіяся увеличенія матеріала послѣ 1889 года. Прибавимъ лишь, что сборниковъ, въ особенности въ началѣ 90-хъ годовъ, прибавилось столько, что все достояніе Общества нынѣ, не преувеличивая, составляютъ по крайней мѣрѣ 150,000 произведеній.

Сборники народной поэзіи Общества, равно и другая собственность, находятся въ его собственномъ домѣ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ они доступны изслѣдователю. Работы по приведенію въ порядокъ этого матеріала, продолжаются уже долгое время. Напечатать успѣли только часть, между тѣмъ какъ непрерывно работаютъ по разнымъ видамъ народной поэзіи для приготовления къ печати рукописей.

П ѣ с н и.

Народныя пѣсни составляютъ самый важный отдѣлъ финской народной поэзіи. Благодаря этому вниманіе собирателей было до двухъ послѣднихъ десятилѣтій слишкомъ односторонне обращено на народныя пѣсни. Послѣдствіемъ этого было то, что пѣсни Финскаго Литературнаго Общества еще въ 1880 году превысили всѣ прочіе виды народной поэзіи, взятые вмѣстѣ. Только въ послѣднее время постарались исправить послѣдствія подобнаго способа собиранія, и отношеніе между разными видами народной поэзіи уравнилось.

Народныя пѣсни стали собирать уже въ началѣ прошлаго столѣтія, но рукописи были уничтожены пожаромъ. Не много лучше была участь сборниковъ, которые были написаны въ концѣ того-же столѣтія, благодаря стараніямъ Г. Портмана и К. Ганандера, такъ какъ изъ нихъ сохранились лишь отрывки. Съ новымъ усердіемъ приступили къ дѣлу собиранія въ началѣ этого вѣка. Тогда Э. Топелусъ впервые встрѣтилъ обиліе пѣсенъ въ Архангельской губерніи, которая впослѣдствіи оказалась самою богатою въ этомъ отношеніи. Притомъ К. Готлундъ записалъ значительное количество важныхъ пѣсенъ, которыми, къ сожалѣнію, не могли воспользоваться при составленіи Калевалы, потому что онъ лишь въ 1875 году былъ отданъ Литературному Обществу. Немного позже взялся за работу Е. Лэнротъ и за нимъ Д. Эуропеусъ, которые въ отношеніи неутомимости и богат-

ства собраннаго матеріала среди собирателей занимаютъ первое мѣсто. Первый записалъ болѣе двухъ тысячъ, второй около трехъ тысячъ пѣсенъ. Не останавливаясь болѣе на остальныхъ собирателяхъ, скажемъ только, что дѣло собиранія уже въ средипѣ этого столѣтія, когда Калевала вышла впервые въ своемъ полномъ видѣ, распространилось на всю область населенія финскаго народа, не исключая кареловъ, живущихъ въ Тверской губерніи. Но и послѣ найдено много новаго и цѣннаго. Такъ, было замѣчено, что до сихъ поръ мало обрапали вниманія на пѣсни Ингерманландіи. Въ 50-годахъ и позже записывали здѣсь хорошо сохранившіяся пѣсни въ такомъ большомъ количествѣ, что Ингерманландія въ отношеніи богатства пѣснями не уступаетъ Архангельской губерніи. Жаль только, что онѣ сдѣлались извѣстными послѣ выхода Калевалы, ибо ингерманландскія пѣсни заключаютъ въ себѣ много эпизодовъ, которые не сохранились въ другихъ областяхъ. Болѣе подробныя экскурсіи совершены, въ особенности въ послѣднія десятилѣтія, также въ средней и западной Финляндіи, гдѣ до тѣхъ поръ было очень мало найдено пѣсенъ. Но результаты были маловажны; собираніе лишь подтвердило прежнее предположеніе, что эти мѣстности вообще бѣдны пѣснями.

Между финскими *эпическими тѣснями* наиболѣе важнытѣ, которыя изданы подъ названіемъ «Kalevala». Калевала вышла подъ редакціею Е. Лэнрота впервые въ 1835 году, второй разъ значительно пополненной въ 1849 году. Послѣдующія изданія служили лишь повтореніемъ послѣдняго пополненнаго.¹⁾ Пѣсни о Куллерво, которыя несомнѣнно составляютъ самую красивую и поэтическую часть Калевалы, изданы отдѣльно въ 1882 году Ю. Крономъ, дополнены элементами, собранными послѣ составленія Калевалы. О Калевалѣ говорено и написано такъ много, что существуетъ цѣлая литература о ней. Къ новѣйшимъ ея изданіямъ приложенъ списокъ, въ которомъ перечисляются переводы Калевалы и всѣ сочиненія и статьи, написанныя по поводу ея. Изслѣдователю наиболѣе необходимы изданныя въ 1888 году «Kalevalan toisinnot» (Варианты Калевалы), подъ редакціею Ю. Крона, и «Kalevalan esityöt» (Подготовительныя работы по Калевалѣ) въ трехъ выпускахъ въ 1891 и 1895 годахъ, подъ редакціею А. Борніуса и Ю. Крона. Между изслѣдованіями на финскомъ языкѣ самымъ цѣннымъ и пространнымъ является изданное Ю. Крономъ въ 1885 году, «Suomalaisen kirjallisuuden historia. I, Kalevala» (Исторія финской литературы I, Калевала), которое между прочимъ содержитъ занима-

¹⁾ Новѣйшее изданіе вышло въ 1894—95 гг. въ двухъ томахъ, изъ которыхъ первый содержитъ текстъ, второй поясненія; въ этомъ послѣднемъ томѣ, въ изданіи котораго приняла участіе самне выдающіеся дѣятели Общества, находится между прочимъ метрика Калевалы, ея грамматика, выборъ пѣсенныхъ мелодій и этнографическія иллюстраціи съ объясненіями.

тельное описаніе поэтическихъ красотъ Калевалы. К. Кронъ издастъ въ скоромъ времени продолженіе этого сочиненія подъ названіемъ: «*Uusia Kalevalan tutkimuksia*» (Новыя изслѣдованія по Калевалѣ).

«*Kalevalan esityöt*», заключающія въ себѣ рукописи Лэнрота и тѣ пѣсни, которыми онъ пользовался при ея составленіи, даютъ возможность узнать, какъ образовалась печатная Калевала. Съ ихъ помощью мы можемъ видѣть, какія строфы сохранены въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ записаны изъ устъ народа, какія измѣнены.

«*Kalevalan toisinnot*», какъ видно изъ названія, содержатъ собранные въ разное время варианты пѣсенъ. Эти варианты имѣютъ большое научное значеніе. Показывая намъ развитіе и сліянiе пѣсенъ въ устахъ народа, они въ то-же время проливаютъ свѣтъ на болѣе важный вопросъ о происхожденіи вообще эпическихъ пѣсенъ. Профессоръ О. Доннеръ первый указалъ на важность вариантовъ при изслѣдованіи Калевалы.

Архангельская губернія, гдѣ Лэнротъ нашелъ пѣсни въ связномъ и въ то-же время наиболѣе полномъ видѣ, не родина ихъ, а мѣсто, гдѣ встрѣтились два теченія пѣсенъ, шедшія—одно изъ западной Финляндіи, и другое изъ Эстляндіи и Ингерманландіи. Западно-финляндскія пѣсни перешли въ 16 столѣтіи въ среднюю Финляндію и оттуда въ началѣ слѣдующаго вѣка—въ восточную часть. Въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ онѣ появились во время Великой Сѣверной Войны и позже, или вообще послѣ 1700 года. Эстляндскія пѣсни, испытавши нѣкоторые видоизмѣненія въ Ингерманландіи, шли по западной сторонѣ Ладожскаго озера, затѣмъ черезъ Карелию на сѣверъ. Встрѣча этихъ теченій произошла въ 18 вѣкѣ. Въ счастію Лэнротъ прибылъ въ Архангельскую губернію въ самое благоприятное время, потому что раньше этого пѣсни еще не успѣли бы смѣшаться другъ съ другомъ, но позже нельзя было бы ихъ найти въ такомъ полномъ видѣ. Варианты пѣсенъ Калевалы, записанные въ Архангельской губерніи въ послѣднія десятилѣтія, во многомъ уступаютъ тѣмъ, которые собралъ Лэнротъ.

Ослабленіе знанія пѣсенъ замѣчается повсюду. Въ финляндской Карелии, гдѣ Лэнротъ во время своихъ первыхъ экскурсій нашелъ даже цѣнныя пѣсни, онѣ были забыты уже въ средніи столѣтія. Вообще помнятъ ихъ только старые люди. Ингерманландія—единственная мѣстность, гдѣ и среднее поколѣніе поетъ и любитъ древнія пѣсни.

Содержаніе пѣсенъ Калевалы большею частью заимствовано у сосѣднихъ народовъ: скандинавцевъ, литовцевъ и русскихъ. Древнѣйшія заимствованія взяты отъ скандинавцевъ и литовцевъ; онѣ ведутъ свое начало со временъ язычества, русскія же съ 14—16, даже отъ 17 вѣковъ. Скандинавское вліяніе получило свое первоначальное распространеніе въ западной Финляндіи и Эстляндіи, литовское въ Эстляндіи и Ингерманландіи и русское въ Ингерманландіи и въ восточной

Карелии. Пѣсни Калевалы важны въ томъ отношеніи, что въ нихъ иногда сохранились черты, забытыя уже у тѣхъ народовъ, отъ которыхъ онѣ заимствованы. Ю. Кронъ въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи «Suomalaisen kirjallisuuden historia, I» пространно говорить о чужомъ вліяніи въ Калевалѣ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ употребляетъ историко-географическій методъ.

Но не смотря на то, что въ Калевалѣ очень много заимствованій, этотъ матеріалъ на столько переработанъ финскимъ народомъ, что ихъ по праву слѣдуетъ считать произведеніями финскаго народнаго творчества. Содержаніе заимствованныхъ мѣстовъ развивалось и обогатилось новыми элементами, и господствующій въ нихъ взглядъ и характеръ богатырей измѣнены согласно требованіямъ финскаго народнаго духа. Но прежде всего финскаго происхожденія — связность содержанія.

Тѣмъ же путемъ, т. е. съ запада на востокъ, какъ и пѣсни Калевалы во время язычества, шли также финскія *legends*. Хотя ихъ немного записали во всей Финляндіи, но въ полнѣйшемъ видѣ онѣ сохранились среди православнаго населенія въ Ингерманландіи, въ Карелии и въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ. Участъ финскихъ легендъ своеобразна, что придаетъ имъ тѣмъ большее значеніе въ сравнительномъ изслѣдованіи. Легенды, заимствованныя изъ Скандинавіи и Западной Европы, которыя благодаря протестантской вѣрѣ въ Финляндіи большею частью исчезли, нашли приютъ среди православнаго населенія, у него развиваясь и образуя эпическія цѣлыя, какъ видно изъ пѣсенъ о рожденіи и смерти Христа.

Лэнротъ издалъ въ третьемъ отдѣлѣ Kanteletar'a сборникъ избранныхъ легендъ послѣднихъ столѣтій среднихъ вѣковъ.

Древнія *лирическія пѣсни* финскаго народа изданы Лэнротомъ въ 1842 году подъ названіемъ «Kanteletar» (второе изданіе въ 1864 и третье, дополненное, въ 1887 году). На нѣмецкій языкъ ихъ перевелъ г. Пауль.

Среди лирическихъ пѣсенъ, которыя главнымъ образомъ встрѣчаются въ восточной части, въ Карелии и внѣ границъ Финляндіи, болѣе замѣчательны свадебныя пѣсни. На ряду съ настоящими свадебными пѣснями записаны среди православнаго населенія причитанія, какъ свадебныя, такъ и похоронныя. Этотъ родъ поэзіи, повидимому русскаго происхожденія, хотя по своей формѣ тяжелый, содержитъ красивыя поэтическія картины. Лучшія причитанія найдены въ Ингерманландіи.

Новыя лирическія пѣсни въ поэтическомъ отношеніи слабы и мало-важны, но по своей мелодіи красивы.

Сборникъ заклинаній «Suomen kansan muinaisia loitsurunoja» (Древнія заклинанія финскаго народа) изданъ въ 1880 году, подъ редакціею Е. Лэнрота. Изъ нихъ часть перевелъ на англійскій языкъ I. Abergstromby, на французскій Е. Beauvois.

Финскій народъ имѣетъ въ обиліи заклинанія. Хотя ихъ записали уже большое количество, но собраніе можно еще продолжать повсюду, какъ въ самой Финляндіи такъ и за ея предѣлами. Вообще заклинанія въ западной Финляндіи, сохранились въ краткомъ, но болѣе оригинальномъ видѣ, далѣе на востокъ къ нимъ примѣшано много эпическаго элемента. Особого вниманія заслуживаютъ тѣ заклинанія, которыми стараются искоренять зло, отыскивая его происхожденіе.

Сказки.

Сравнительно съ другими видами народной повѣи сказки стали записываться позже. Въ первыя времена существованія Общества имъ не придавали особенно большаго научнаго значенія, и собиратели, главное вниманіе которыхъ обращено было на народныя пѣсни, только мимоходомъ записывали иногда и сказки. Старѣйшіе рукописные сборники за 30-е годы собраны въ Архангельской губерніи Е. Лэнротомъ и М. А. Кастреномъ. Последніе думали, что эпическія пѣсни и въ прозаической формѣ живутъ въ устахъ народа, и собрали сказки для пополненія и объясненія пѣсней Калевалы. Но, замѣтивъ скоро свою ошибку, они оставили свое собраніе и до 1850 года записали очень мало ихъ. Тогда Е. Рудбѣкъ, редакторъ перваго напечатаннаго сборника финскихъ сказокъ, началъ собирать исключительно сказки, каковой примѣръ нашелъ нѣсколькихъ подражателей. Западная Финляндія, гдѣ тогда впервые собирали сказки, оказалась богатою въ этомъ отношеніи. Спустя нѣсколько времени собраніе прекратилось и въ продолженіе 60 и 70 годовъ, когда фольклористическая работа вообще ослабѣла, собирались мало также сказки, которыми цѣликомъ воспользовалось языковѣднѣе. Въ это, именно, время началось въ Финляндіи изслѣдованіе нарѣчій, и такъ какъ сказки, благодаря своей прозаической формѣ, могли служить хорошими образцами языка, изслѣдователи приложили ихъ къ своимъ сочиненіямъ. Въ 1878 году Общество рѣшило обратить особое вниманіе на систематическое собраніе сказокъ для изданія ихъ съ научною цѣлью. Начавшійся этимъ новый періодъ ознаменованъ тѣмъ, что при записываніи впервые стали употреблять стенографію, которая значительно облегчала работу. Несомнѣнно, надо отчасти стенографіи приписать большое количество рукописей, которое затѣмъ повалило къ Обществу. Знаніе стенографіи Общество ставитъ нынѣ первымъ условіемъ для полученія средствъ на путевыя расходы.

Первый сборникъ финскихъ сказокъ вышелъ изъ печати въ четырехъ томахъ въ теченіе 1852—66 годовъ, подъ редакціею Е. Салме-

лайнена (=выше упомянутый Е. Рудбэкъ): «Suomen kansan satuja ja tarinoita» (Сказки и преданія финскаго народа). Но число собранныхъ сказокъ увеличилось послѣ этого настолько, что этотъ сборникъ теперь нужно считать далеко не полнымъ. Согласно новой программѣ, отвѣчающей научнымъ требованіямъ, изданы до сихъ поръ „Suomalaisia kansansatuja“ I, „Eläinsatuja“ (Финскія народныя сказки I. Сказки о животныхъ) въ 1886 году и первый выпускъ второй части «Kuninkaallisia satuja» (Сказки о короляхъ) въ 1893 году, подъ редакцію неутомимаго фольклориста, доцента Гельсингфорскаго университета К. Крона. Первые содержатъ въ полномъ видѣ около 300 сказокъ и притомъ рассказы о происхожденіи животныхъ, звуко-подражанія, и имена ихъ, вторыя—22 полныхъ сказокъ. Въ полномъ видѣ напечатаны одинъ или нѣсколько вариантовъ каждой сказки изъ тѣхъ, которыя лучше сохранились и которыя въ то же время болѣе характерны, другія въ сокращеніи приложены для изслѣдователя къ отдѣлу вариантовъ. Сборники заключаютъ въ себѣ въ географическомъ порядкѣ всѣ финскіе варианты, которые были записаны до появленія ихъ. Число вариантовъ достигаетъ часто 50, иногда 100. Въ началѣ cadaго варианта приведены кромѣ фамиліи собирателя и номеръ, подъ которымъ вариантъ значится въ рукописномъ сборникѣ, еще лѣта и полъ рассказчика.

Въ 1885 году К. Кронъ помѣстилъ въ «Suomi» («Финляндія»), періодическомъ изданіи Финскаго Литературнаго Общества (17 часть II серіи), списокъ сказокъ, присланныхъ Обществу до упомянутаго года. Не смотря на то, что этотъ списокъ имѣетъ цѣлью служить руководствомъ для собирателей, онъ даетъ въ то же время общее понятіе о характерѣ финскихъ сказокъ, и изслѣдователь, вообще знакомый со сказками, можетъ съ его помощью безъ труда опредѣлить, какіе сюжеты сказокъ распространены въ Финляндіи. Списокъ содержитъ 533 группы вариантовъ, въ числѣ которыхъ 101 сказка о животныхъ, 168 про чертей, 107 о короляхъ, 10 легендъ и 147 анекдотовъ.

Положеніе Финляндіи между западно—и восточно-европейской культурою придаетъ финскимъ сказкамъ особое значеніе въ сравнительномъ изслѣдованіи. Западно-европейскія сказки перешли въ Финляндію черезъ Скандинавію, восточно-европейскія—прямо изъ сѣверной Россіи. Если одна и та же сказка перешла какъ съ востока, такъ и съ запада, можно въ большинствѣ случаевъ точно опредѣлить въ западной Финляндіи западно-европейскую, въ восточной восточно-европейскую редакцію. То западная, то восточная редакція сказки имѣла большее распространеніе. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ различныя редакціи одной и той же сказки сталкивались другъ съ другомъ, изъ нихъ часто возникала новая смѣшанная форма, на которую финскій народъ налагалъ отпечатокъ своего собственнаго характера. Значеніе финскихъ вариантовъ увеличивается еще тѣмъ, что въ нихъ иногда

сохраняются черты, исчезнувшія въ сказкахъ тѣхъ странъ, откуда онѣ перешли.

Въ финскихъ сказкахъ о животныхъ и чертяхъ преобладаетъ западно-европейское, въ сказкахъ о короляхъ и въ легендахъ—восточно-европейское вліяніе. Анекдоты, большинство которыхъ финскаго происхожденія, возникли большею частью позже. Какъ на отличительную черту можемъ указать на то, что въ сказкахъ про чертей, очень распространенныхъ въ Финляндіи, и въ особенности въ сказкахъ о животныхъ замѣчается стремленіе къ связыванію отдѣльныхъ приключеній въ одно эпическое цѣлое. Е. Кронъ въ своихъ изслѣдованіяхъ въ области финскихъ народныхъ сказокъ «*Tutkimuksia suomalaisten kansansatujen alalta*» (I часть, Гельсингфорсъ 1887) представляетъ одну такую группу, описывающую отношенія между лисой и медвѣдемъ.

П о в ѣ р ь я .

Финское Литературное Общество не обладало сборниками повѣрій до 80-хъ годовъ текущаго столѣтія. Хотя вниманіе изслѣдователей уже въ концѣ 18 столѣтія было обращено на этотъ видъ народнаго творчества, какъ видно изъ общаго сочиненія Г. Поргана и Е. Ленгвиста «*De superstitione veterum Fennorum theoretica et practica*» (1781), но онъ былъ затѣмъ совершенно забытъ вслѣдствіе того усердія, съ какимъ въ началѣ этого столѣтія стали собирать заклинанія. Усерднѣйшій собиратель повѣрій и чаръ знахарей въ послѣднія времена былъ нѣкто Х. Мерилейненъ, сѣверно-финляндскій кузнецъ. Экскурсіи этого человѣка изъ народа, которыя онъ совершалъ часто на средства Общества, дали хорошіе результаты. Сборники, составленные имъ, обвиняють собою всю сѣверную Финляндію, въ южной же части нѣкоторые ученые фольклористы продолжали работу съ такимъ успѣхомъ, что повѣрья нынче составляютъ почти $\frac{1}{3}$ всего матеріала, принадлежащаго Обществу. Не смотря на это, народное богатство не исчерпано, и повѣрья еще можно вездѣ собирать.

Изъ печати вышли до сихъ поръ подъ редакціею М. Варонена «*Suomen kansan muinaisia taikvoja I, Metsästystaijat*» (Древнія повѣрья финскаго народа. I. Повѣрья, касающіяся охоты) въ 1891 году и II «*Kalastustaijat*». (Повѣрья, касающіяся рыболовства) въ 1892 году. Первые заслуживаютъ особаго вниманія, какъ по своей многочисленности, такъ и по характеру, зависящему отъ права свободной охоты финскихъ крестьянъ. Повѣрья, касающіяся рыболовства, будутъ скоро готовы къ печати. Руководство для собирателей повѣрій О. Ф. Мустонена, помѣщенное въ «*Suomi*» въ 1885 году (17 часть II серіи), даетъ общее понятіе о качествѣ финскихъ повѣрій.

Въ финскихъ повѣрьяхъ замѣтно вообще западно-европейское вліяніе.

П о с л о в и ц ы .

Пословицы сравнительно давно нашли себѣ собирателей. Впервые, насколько извѣстно, собрали ихъ въ срединѣ 17 столѣтія, но также и послѣ этого пословицы привлекали къ себѣ вниманіе собирателей, какъ это видно изъ сборниковъ, издаваемыхъ отъ времени до времени. Отъ богатыхъ рукописныхъ сборниковъ Портана и Ленквиста, конца 18 столѣтія, сохранились лишь пословицы. Финскій народъ, повидному, богатъ пословицами. У Литературнаго Общества накопилось ихъ столько, что онѣ теперь составляютъ 40% всего запаса народныхъ произведеній, принадлежавшихъ ему.

Среди всѣхъ изданныхъ сборниковъ финской народной поэзіи сборники пословицъ занимаютъ первое мѣсто по давности. Старѣйшій, выпущенный въ 1701 году Х. Флоринусомъ, сохранился только въ двухъ экземплярахъ: однимъ обладаетъ Финское Литературное Общество, другимъ библіотека Гельсингфорскаго университета. Последующіе сборники появились въ 1816 и въ 1842 годахъ, первый подъ редакцію Н. Юдена, второй — Е. Лэнрота («Suomen kansan sananlaskuja», Пословицы финскаго народа). Во всѣхъ этихъ изданіяхъ пословицы приведены въ алфавитный порядокъ; въ новомъ сборникѣ, въ которомъ будутъ помѣщены всѣ собранныя до сихъ поръ пословицы и надъ которымъ работаютъ уже нѣсколько лѣтъ, ихъ расположатъ по содержанію.

Финскія пословицы выражаютъ характеръ и мудрость народа. По формѣ онѣ стихотворны, заключая въ себѣ двѣ или нѣсколько параллельныхъ строфъ.

З а г а д к и .

Финскія загадки изданы до сихъ поръ два раза, впервые въ 1783 году Ганандеромъ, во второй разъ на средства Литературнаго Общества въ 1844 году, подъ редакцію Е. Лэнрота, «Suomen kansan arvoituksia» (Загадки финскаго народа; 2 е изд. 1851 г.). Последній сборникъ содержитъ, кромѣ финскихъ, порядочное количество эстонскихъ загадокъ. Въ новомъ, по возможности полномъ изданіи, надъ которымъ уже начали работать, распредѣлять загадки по содержанію, т. е. въ порядкѣ ихъ рѣшеній, въ противоположность алфавитному порядку, употребленному въ вышеупомянутыхъ сборникахъ.

Загадки, какъ и пословицы, имѣютъ большею частью стихотворную форму.

И г р ы .

Народныя игры впервые издалъ знакомый намъ Портанъ въ концѣ 18 вѣка, но онъ не обратилъ на нихъ большаго вниманія, потому что полагалъ, что онѣ заимствованы отъ шведовъ. Литературное Об-

щество до 80 годовъ не имѣло въ своемъ распоряженіи игръ за исключеніемъ рукописнаго сборника Рейнгольма, составленнаго въ срединѣ этого столѣтія, но онъ очень богатъ и притомъ снабженъ полнымъ описаніемъ финскихъ игръ и танцевъ. Затѣмъ общество получило только нѣсколько сотъ игръ.

Народныя мелодіи.

Народныя мелодіи впервые вышли изъ печати въ 1840 г. подъ заглавіемъ «Suomalaisen laulun ja runon nuotteja» (Напѣвы финскихъ пѣсень) и затѣмъ въ 1849 г. «Suomen kansan laulanta» (Мелодіи финскаго народа). Около 1850 года совершили три любителя музыки экскурсію, отчасти на средства, собранныя студентами, и ихъ труды были изданы въ 1854—55 годахъ въ четырехъ выпускахъ, подъ редакціею К. В. Коллана и Р. Лагуса. Въ слѣдующіе затѣмъ десять лѣтъ собраніе народныхъ мелодій продолжалось, результатомъ чего были сборники, изданные К. В. Ганелломъ въ 1868 и 1877 годахъ. Общество кромѣ сборниковъ, возникшихъ по его инициативѣ, получало ихъ еще отъ привлеченныхъ къ дѣлу обществъ и частныхъ лицъ. Лучшимъ изъ нихъ былъ сборникъ, собранный членами Саво-Карельской студенческой корпораціи, часть котораго была издана въ двухъ выпускахъ, одинъ подъ редакціею преподавателя музыки въ университетѣ Р. Фальтина, другой—органиста И. Крона. Въ 1888 году еще вышли мелодіи, собранныя стипендіатомъ Общества органистомъ А. Сивори. Въ томъ-же году начались приготовленія къ изданію полнаго сборника напѣвовъ «Suomen kansan sävelmiä» (Мелодіи финскаго народа). Мелодіи будутъ раздѣлены на три серіи, изъ которыхъ первая будетъ содержать мелодіи древнихъ, вторая новыхъ пѣсень и третья мелодіи танцевъ. Уже вышли первый и второй выпуски второй серіи, подъ редакціею профессора музыки Р. Каянуса, и вся третья серія «Kansan tansseja» (Народныя танцы) въ 8 выпускахъ, подъ редакціею органиста И. Крона.

А. Аарне.

С М Ъ С Ъ.

„Ханулоба“.

(Обычай соучастія въ молоко у грузинскихъ крестьянокъ,

Въ Карталиніи, Тифлисской губерніи, издревле существуетъ между женщинами обычай, который называется «ханулоба».

«Ханули» ¹⁾ въ упомянутой мѣстности называютъ женщину, вступившую съ сосѣдкой въ обязательственныя отношенія на предметъ производства молочныхъ продуктовъ посредствомъ скопленія молока, получаемого въ двухъ договаривающихся домахъ. Каждая сторона въ договорѣ называется «ханули», а сотоварищество—«ханулоба».

Такой договоръ обыкновенно возникаетъ между двумя крестьянскими семьями, располагающими каждая одной и рѣдко двумя коровами. Путемъ молочнаго скопа, получаемого въ двухъ такихъ домахъ, является возможность сбивать масло, дѣлать сыръ и вообще производить молочныя сбереженія.

Ханулоба, по воззрѣнію народа, находится подъ покровительствомъ и защитою религіи: въ немъ «источникъ грѣха и добродѣтели», говоритъ грузинка, и потому она точно, аккуратно и честно исполняетъ принятое на себя обязательство; о точномъ исполненіи правилъ «ханулоба» заботится не только ханули, но и вся ея семья, что весьма естественно при общемъ народномъ убѣжденіи, что фальшь и кривота въ ханульскихъ дѣлахъ неизбѣжно караются Богомъ: «измѣнница ханули есть въ то же время и измѣнница Христа». Это сотоварищество порождаетъ добрыя отношенія между двумя семьями, сближаетъ два дома между собою, устанавливая между членами домовъ отношенія, подобныя кумовству; сохраненіе добраго ханулоба между одними и

¹⁾ Соучастница въ молоко; такъ называютъ себя крестьянки, обязавшіяся снабжать одна другую въ продолженіи одной недѣли, или болѣе, молокомъ, для того чтобы каждая изъ нихъ могла сбивать заразъ въ большемъ количествѣ изъ сливокъ масло.—Грузино-Русско-Французскій Словарь *Д. І. Чубинова*. Изданіе 1840 г. С.-П.Б. „Рядис мовіарени діадни“—женщины соучастницы въ молоко? Грузинскій Словарь *С. С. Орбелиани*.

тѣми же женщинами на продолжительное время служить доказательствомъ ихъ добросовѣстности и честности.

Разсматриваемый договоръ возникаетъ только между двумя женщинами двухъ различныхъ домовъ; мужчины между собою его не заключаютъ. Сущность ханулоба заключается въ томъ, что двѣ женщины словесно договариваются въ продолженіе известнаго времени, обыкновенно одной недѣли, доставлять другъ другу молоко, получаемое въ хозяйствахъ каждой женщины. Это происходитъ такъ: прежде одна ханули доставляетъ все молоко, полученное отъ своей коровы другой, а послѣ эта послѣдняя относитъ первой ханули въ продолженіе того же періода времени молоко отъ своей коровы. Женщины доставляютъ другъ другу молоко каждая въ своемъ подойникѣ, не мѣняя его до прекращенія ханулоба. Предъ тѣмъ какъ отправить молоко, женщина каждый разъ отмѣчаетъ на палочкѣ, специально для этого сдѣланной, количество молока въ подойникѣ, посредствомъ зарубки. Палочка эта называется «чдѣ», то же, что малороссійская «бырка». «Чдѣ» дѣлаютъ обыкновенно въ палецъ толщины и $\frac{3}{4}$ аршина длины изъ ивово-ваго дерева, растущаго почти возлѣ каждого дома грузина-карталинца.

Количество отправляемаго молока опредѣляетъ та женщина, которая посылаетъ это молоко, при чемъ за вѣрностью измѣренія молока никто не слѣдитъ; это объясняется характеромъ ханулоба: послѣднее находясь, съ одной стороны, подъ защитою религіи, лишаетъ возможности обмана, а съ другой, ханулоба есть договоръ, гдѣ все зиждется на довѣрїи къ известному лицу, на нравственной чистотѣ и добросовѣстности сторонъ; напротивъ, каждая женщина озабочена тѣмъ, чтобы ханули по ея винѣ не потерпѣла убытка и не впала черезъ то въ тяжкій грѣхъ. Этимъ можно объяснить то, что женщина, отмѣчая на «чдѣ» количество отсылаемаго молока, сдуваетъ въ подойникѣ пѣну съ поверхности и зарубку дѣлаетъ на «чдѣ» даже нѣсколько ниже уровня чистаго молока, и это дѣлается въ томъ искреннемъ убѣжденїи, что лучше потерять ей немного молока, чѣмъ недодать его ханули и согрѣшить предъ Богомъ. Женщина, получивъ отъ ханули молоко, расходуетъ его, конечно, по своему усмотрѣнїю.

Въ Карталиніи коровъ доятъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ, а потому по истеченїи двухъ недѣль на «чдѣ» каждой ханули образуется по четырнадцать зарубокъ, соответствующихъ числу удоевъ, доставленныхъ женщинами другъ другу.

Расчетныя палочки—«чдѣ»—въ ханулоба имѣютъ большое значеніе, такъ какъ по нимъ опредѣляется количество молока, доставленнаго женщинами и учиняется между ними расчетъ, о которомъ скажемъ ниже. Вотъ почему ханули тщательнo берегутъ «чдѣ»; ихъ обыкновенно хранятъ на безопасномъ мѣстѣ, а именно, надъ дубовымъ столбомъ въ избѣ—«дарбази», ¹⁾ который стоитъ около священнаго

¹⁾ См. мою статью „Семейная община у грузинъ“. Этнографич. Обзорѣніе. Книга II, 1889 г. Москва.

средняго очага, или же прячуть «чдэ» подъ замокъ въ сундукъ. Ханулоба непременно требуетъ расчета — ханули обязательно должны расчитаться, а потому потеря расчетной палочки служитъ причиною совершенія грѣха, такъ какъ безъ бирки невозможно учинить между ханулами расчета¹⁾.

По воззрѣнію грузинки допустить небрежность, присвоеніе, фальшь или неаккуратность возможно во всѣхъ людскихъ отношеніяхъ, но только не въ ханулоба. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда между ханулами происходятъ неприятели, онѣ все же аккуратно доставляютъ другъ другу молоко, а послѣ учиняютъ расчетъ между собою и, такимъ образомъ, не нарушаютъ правила ханулоба.

По истеченіи перваго періода ханулоба, т. е. двухъ недѣль, производится расчетъ молока между ханулами. Расчетъ молока происходитъ въ воскресный день, рано утромъ, на берегу рѣчки или у родника, словомъ возлѣ текущей воды. Процессъ расчета молока считается священнымъ дѣломъ. Отправляясь къ рѣчкѣ для расчета, ханулы берутъ съ собою подойники, въ которыхъ доставляли другъ другу молоко, расчетныя палочки „чдэ“ и одинъ котель. Расчетъ молока производится безъ присутствія свидѣтелей, развѣ дѣти окружаютъ ханулъ, заинтересованныя процедурою вымѣренія; впрочемъ на мѣстѣ расчета иногда является приглашенная ханулами свѣдущая въ счетѣ женщина. Это случается тогда, когда ханулы не надѣются на себя въ учиненіи правильнаго расчета и боятся сдѣлать при расчетѣ ошибку и совершить черезъ это грѣхъ. Но найти въ селѣ свѣдущую въ счетѣ женщину хануламъ не всегда удается, такъ какъ всякая женщина въ дѣлахъ ханулоба весьма осторожна, въ свою очередь и она боится какъ бы не согрѣшить неволью при расчетѣ молока. Вотъ почему такая женщина нерѣдко отказываетъ хануламъ въ просьбѣ: «не хочу брать грѣха на свою душу», отвѣчаетъ она. Безъ сомнѣнія, что такой отвѣтъ получаютъ всего чаще женщины, которыя извѣстны въ селѣ какъ женщины капризныя и неуступчивыя.

Расположившись на берегу рѣчки, ханулы приступаютъ къ дѣлу. Расчетъ начинается съ опредѣленія молока, доставленнаго первой ханули второй въ продолженіе расчетнаго времени, т. е. одной недѣли. Это производится слѣдующимъ образомъ: берутъ подойникъ и расчетную палочку «чдэ» первой ханули, въ пустой подойникъ

1) „Чдэ“ кромѣ упомянутаго назначенія имѣетъ еще слѣдующее: Когда въ домѣ появляются муравьи, ханули обводятъ кругъ посредствомъ „чдэ“ на томъ мѣстѣ, которое особенно желательно охранить отъ вторженія неприятелихъ гостей, и говорить: „о муравьи, пусть падаетъ на васъ грѣхъ друга и грѣхъ ханули, если вы переступите эту черту и войдете въ начерченный мною кругъ“. Муравьи по убѣжденію народа никогда не появляются на томъ мѣстѣ. Впрочемъ такое заклинаніе практикуется у пѣшеходовъ во время пути и посредствомъ дорожной палки.

опускають «чдэ» и кувшинъ наполняютъ водою до первой зарубки на «чдэ». Вода въ подойникѣ выразитъ количество молока, доставленнаго первой ханули второй въ одинъ разъ, т. е. одинъ удой; воду эту переливаютъ въ котель, а зарубка на «чдэ», какъ говорятъ грузинки, «ослѣпляется», т. е. надъ зарубкой сверху дѣлають такую же зарубку, отчего на «чдэ» образуется вырубка, такъ какъ кусочекъ отъ палочки выпадаетъ. Затѣмъ, въ тотъ же пустой подойникъ вновь опускають ту же бирку (чдэ) и кувшинъ наполняютъ водою до уровня слѣдующей зарубки на «чдэ». Вода въ подойникѣ выразитъ количество молока, доставленнаго тою же ханулой въ другой разъ. Эту зарубку на «чдэ» погашають описаннымъ способомъ, а воду изъ кувшина переливаютъ въ котель. Затѣмъ опредѣляется такимъ же образомъ, сколько молока эта ханула доставила въ третій, четвертый и т. д. разъ. Послѣ погашения послѣдней зарубки на «чдэ», вода въ котлѣ выразитъ количество всего молока, доставленнаго первой ханулы второй въ продолженіе расчетнаго времени. Воду въ котлѣ тоже вымѣряють особой палочкой, на которой дѣлають зарубку до уровня воды въ котлѣ, а послѣ воду изъ котла выливаютъ. Палочка эта называется «кудна» (вѣроятно отъ слова «куди» — хвостъ).

Точно такимъ же образомъ опредѣляется все количество молока, доставленнаго второй ханулы первой, при помощи подойника второй ханулы, ея «чдэ» и того-же котла. Вода въ котлѣ послѣ вымѣренія будетъ отвѣчать количеству всего молока, доставленнаго второй ханулы первой за тотъ же періодъ времени. Воду въ котлѣ опредѣляютъ тою же палочкой «кудна» посредствомъ зарубки. На «куднѣ» такимъ образомъ образуются двѣ зарубки, изъ которыхъ одна зарубка будетъ выше или ниже другой, и рѣдко обѣ зарубки совпадутъ. Вода между этими двумя зарубками выразитъ, насколько одна ханула доставила другой больше молока за расчетное время. Измѣряють эту разницу, т. е. долгъ ханулы. Для этого котель наполняютъ водою до уровня верхней зарубки на „куднѣ“, а послѣ воду понемногу отливаютъ изъ котла въ поддойникъ женщины, доставившей больше молока, до тѣхъ поръ, пока вода въ котлѣ не упадетъ до нижней зарубки. Вода въ поддойникѣ выразитъ упомянутую разницу. Послѣдняя тоже отмѣчается посредствомъ бирки, которая служитъ для женщины, доставившей больше молока, какъ „чдэ“ при новомъ періодѣ ханула, допуская фикцію, что она одинъ разъ уже отнесла молоко, равняющееся этой разницѣ.

Послѣ этого старья палочки «чдэ» и «кудну» ханулы ломають каждую пополамъ и бросаютъ ихъ въ воду. Этимъ процессъ расчета между ними оканчивается.

Старья бирки обязательно должны быть сломаны и брошены въ воду, иначе хануламъ въ ихъ дѣлахъ грозить бѣда. Вотъ почему всѣ мои старанія достать старья «чдэ» остались безъ успѣха, а прось-

ба моя на этотъ предметъ, обращенная даже къ мамѣ знакомымъ крестьянкамъ, показала странной.

Послѣ расчета ханулоба или продолжается между этими женщинами и на будущее время и тогда для ханули, доставившей больше молока, палочка, на которой отмѣчена разница, служить какъ «чдѣ», или ханулоба между ними прекращается. Въ послѣднемъ случаѣ долгъ молока обязательно долженъ быть уплаченъ и не иначе, какъ молокомъ же. Если женщина по какой либо причинѣ не можетъ заплатить долга въ годъ ханулоба, напр., потому, что пала корова, или корова перестала доиться, или по другому обстоятельству, ханули занимается молоко у сосѣдки, или покупаетъ его, и такимъ образомъ выплачиваетъ этотъ долгъ, или, наконецъ, она оставляетъ долгъ за собою до слѣдующаго года или вообще до того времени, когда дѣла ея поправятся и корова вновь отелится. Ханули скорѣе лишится куска хлѣба, чѣмъ оставить священный въ ея глазахъ долгъ молока неплаченнымъ. Если умретъ ханули, семья умершей женщины принимаетъ на себя обязательство, честно и аккуратно рассчитывается съ ханули, и такимъ образомъ не отягощаетъ душу умершей женщины тяжкимъ грѣхомъ нарушенія правилъ добраго ханулоба. Такъ свято соблюдаются у грузинъ правила этого обычая.

Если женщина желаетъ простить долгъ молока ханулѣ, она обязана отмѣрить водою долгъ молока посредствомъ «чдѣ», а послѣ эту воду вылить изъ подойника, говоря: „адали икос шензе“, т. е. да пойдетъ тебѣ въ прокъ; затѣмъ должна сломать «чдѣ» пополамъ и бросить въ рѣчку. Вообще прощеніе долга, когда бы оно ни происходило, во время ли расчета или послѣ него, должно быть сдѣлано демонстративно: т. е. ханули должна отмѣрить водою долгъ молока и воду эту вылить, произнося упомянутыя слова, обращенныя къ должницѣ. Эта обрядность прощенія долга обязательна, такъ какъ словеснаго даренія ханулоба не терпитъ: „если ханули и простила словесно долгъ, то Богъ его не проститъ“, говоритъ грузинка.

Ханули въ тяжелыя минуты несчастья нерѣдко спѣшитъ къ гадалкѣ для запроса о причинѣ постигшей ее бѣды; это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда корова или теленокъ пали, или корова безъ видимой причины перестала доиться, или заболѣлъ скотъ. Ханули спрашиваетъ въ этихъ случаяхъ гадалщицу: „не нарушила ли она невольнo правила ханулоба и не согрѣшила ли потому предъ Богомъ, или не подвела ли она случайно свою ханули?“ Гадалка не разъ указываетъ на это именно обстоятельство, какъ на причину постигшей женщину бѣды: «ты повинна въ измѣнѣ своей ханули».

Въ ханулоба соблюдается еще два правила: во-первыхъ женщина, пока связана договоромъ ханулоба, въ то время, какъ она носитъ ханули въ очередь молоко, не можетъ расходовать дома ни одной капли молока, получаемого отъ своей коровы; весь удой она обязана доставлять своей ханули. Въ тѣхъ случаяхъ, когда молоко потребуетъ въ

домъ, напр. если ребенокъ заболѣлъ и просить молока, или пришли гости, для которыхъ требуется молоко, женщина спѣшитъ къ ханули, чтобы предупредить ее: «извини, моя ханули, ребенокъ мой заболѣлъ, молоко понадобилось дома, и потому не принесла сегодня молока, или принесла не весь удой». Строго соблюдается и другое правило: женщина, получивъ подойникъ съ молокомъ, возвращаетъ обратно подойникъ ханулѣ не пустой, а наливъ туда немного воды¹⁾. Это дѣлаетъ она для того, чтобы корова не перестала доиться. По возвращенію грузинки возвращеніе пустого кувшина знаменуетъ что-то недоброе, разъ женщина вышла изъ дому съ полнымъ кувшиномъ молока. Возвратившись домой съ кувшиномъ, налитымъ водою, она тѣмъ самымъ, значитъ, вернула въ домъ свой доволство. Тутъ не лишне замѣтить, что въ Грузіи вообще при займѣ предметовъ потребленія, какъ то: уксуса, вина, соли и проч., занимающая женщина, посылая къ сосѣдѣ для займа, даетъ посылаемому посуду, въ которую наливаетъ или насыпаетъ какой либо потребительный предметъ, какъ то: прося у сосѣдки въ займы уксуса, она посылаетъ, напр., стаканъ съ виномъ, или насыпаетъ немного соли въ стаканъ и проситъ дать ей уксусу. Сосѣдка, принявъ принесенный предметъ, даетъ просимое.

Такой обычной соблюдается у грузинъ и при продажѣ сельскихъ продуктовъ: продавецъ, отиѣривъ покупателю проданное количество продукта, изъ проданнаго обратно отсыпаетъ или отливаетъ (смотря по качеству продукта) немного въ свой запасъ, какъ бы этимъ желая вернуть доволство своему хозяйству.

Ханулоба, по возвращенію крестьянокъ, такъ необходимо въ хозяйствѣ, что говорятъ: «все измѣнчиво и преходяще въ мірѣ, одно ханулоба прочно».

Придавая этому сотовариществу такое важное значеніе въ хозяйствѣ, грузинъ въ тоже время не прочь иронизировать надъ устанавливаемыми этимъ обычаемъ между женщинами отношеніями. Такъ, напр., грузинъ, желая сказать, что между данными лицами никакого родства нѣтъ, обыкновенно говоритъ: «какой онъ ему родственникъ, — онъ племянникъ золовки ханули».

Насколько важно ханулоба въ хозяйствѣ у грузинъ, можно судить еще потому, что въ случаѣ разоренія крестьянскаго хозяйства вслѣдствіе смерти главы дома или какого-либо несчастья въ домѣ, крестьяне говорятъ: «коровы нѣтъ — ханулобѣ конецъ».

Ласковое обращеніе, пріятливость, уваженіе къ личности ханули, сдержанность въ разговорѣ, какъ въ присутствіи ханули, такъ равно и при постороннихъ, отсутствіе страсти къ сплетнямъ и разглашенію семейныхъ дѣлъ ханули, честное отношеніе въ дѣлахъ и т. п.

¹⁾ Въмѣсто того, чтобы налить въ подойникъ воды, можно пригнѣвить немного ваты къ краю кувшина и такъ его вернуть ханулѣ.

качества необходимы для женщины, вступающей въ ханульскія отношенія; всякая женщина избѣгаетъ заключенія ханулоба съ женщиною нечестною, болтушкою, несдержанною, придирчивой и капризной, такъ какъ такую женщину плохо принять въ домъ она не можетъ, какъ свою ханули, а между тѣмъ ея болтовня и безразсудность не желательны для домовитой и дѣятельной хозяйки. Вообще вступленіе въ ханульскія отношенія совершается между женщинами весьма осторожно и обдуманно, такъ какъ «тяжела отвѣтственность ханули».

Въ заключеніе настоящаго очерка не безъинтересно привести въ переводѣ грузинскую народную пѣсню, въ которой, наряду съ самыми тяжкими преступленіями, упоминается нарушеніе правилъ ханулоба и возмездіе за него:

Бьетъ ключешъ посрединѣ смола,
А вокругъ огонь изъ геены горить.
У того, кто отца и кто мать не чтить,
Конецъ языка въ той геенѣ лежитъ;
Тому, кто друзей въ злой судьбинѣ предаль,
Жадно въ горло впилась и повисла змѣя;
Кто жъ ханули предасть и нарушитъ зарокъ,
У той пусть въ огнѣ сгораетъ сосокъ.

Н. Л. Абазадзе.

Боржомъ.
1897 г. марта 8 дня.

Матеріалы для народнаго снотолкователя.

I.

(Витебской губернии).

Я едва-ли ошибусь, когда скажу, что бѣлорусскій простолюдинъ не только твердо вѣритъ въ пророческое значеніе сновидѣній, но что на этой вѣрѣ онъ нерѣдко основываетъ свои начинанія. Хорошо было бы собрать въ одно цѣлое разнообразныя толкованія сновидѣній. Но это дѣло не легкое въ виду того, что каждая мѣстность, каждое семейство и даже иногда каждое отдѣльное лицо одному и тому же сновидѣнію даютъ разное значеніе, сообразно наблюденіямъ своимъ личнымъ, а также семьи и сосѣдей. Въ общемъ сновидѣнія касаются состоянія здоровья, будничныхъ мелочей и сосѣдскихъ отношеній. Почти всякій сонъ долженъ сбыться рано или поздно,—что, благодаря стеченію обстоятельствъ и узкости житейскихъ отношеній, на самомъ дѣлѣ и бываетъ.

Е. Р. Романовъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ начинъ въ собраніи бѣлорусскихъ снотолкованій.¹⁾ Я позволю себѣ подѣлиться посильными дополнительными сообщеніями, намѣтивъ главнымъ образомъ такія сновидѣнія, кои имѣютъ однообразное толкованіе, по крайней мѣрѣ, какъ это приходилось наблюдать мнѣ лично, въ разныхъ мѣстахъ Витебской губернии, преимущественно, если не исключительно, въ средѣ духовенства, стоящаго, впрочемъ, довольно близко къ народу. Во всякомъ случаѣ, я полагаю, что на приводимыхъ мною толкованіяхъ не отразились, или отразились только въ слабой степени, сонники московскаго Никольскаго рынка.

Приведу прежде всего повѣрья, связанныя съ сновидѣніями:

1) Чтобы видѣть желательные сны, нужно класть подъ подушку на ночь предметы, употребляемые для расчесыванья волосъ: гребень и щетку (Хвошно, Гор. у.).

2) Чтобы помнить сновидѣніе, нужно укусить уголь подушки тотчасъ же послѣ просыпанія (Войхань, Гор. у.)

¹⁾ См. „Этногр. Обзор.“ кн. III (1889 г.), стр. 54 и 210.

3) Всякое дурное сновидѣніе въ значительной мѣрѣ ослабляется, если по пробужденіи помянуть въ молитвѣ «прекраснаго Іосифа» (Заситино, Вит. у.)

4) Всякій дурной зловѣщій сонъ можно «переворотить на добрый». Для этого нужно тотчасъ по пробужденіи переворотить на себѣ бѣлье, постель, подушку, покрыву и, пролежавъ нѣсколько времени (сколько требуется для мысленнаго повторенія сна), оставить все въ такомъ перевернутомъ видѣ до слѣдующаго ночного сна (Вымно, Вит. у.)

Далѣе слѣдуютъ самыя толкованія сновъ.

1. Видѣть во снѣ бѣлую *рыбу*—получать серебр. деньги; корысть, прибыль въ домѣ. Видѣть рыбу темную: окуня, щуку, линя, налима, пискаря и пр.—тоже деньги и прибыль, хотя и незначительныя. Но видѣть рыбе мясо, ѣсть вареную и въ другомъ видѣ рыбу—болѣзнь, въ большинствѣ случаевъ собственную, рѣже—близкихъ, родственныхъ лицъ, смотря по тому, кто изъ нихъ ѣлъ рыбу (Веляшковичи, Вит. у.).

2. Видѣть чистую и спокойную *воду*—радоваться по случаю удачи, новаго знакомства, семейнаго благополучія, напр. свадьбы, получать деньги. Умыться такой водой, купаться, переходить въ бродъ, тонуть и захлебываться—получать всѣ эти благополучія лично. Напротивъ, мутная, бурная вода обѣщаетъ печаль по случаю чужихъ благополучій и удачъ. Тонуть въ такой водѣ, переходить ее по опаснымъ мосткамъ, или захлебываться въ ней—принимать тѣсное участіе въ неблагополучіяхъ близкихъ ему, страдать отъ ихъ неудачъ. (Ловажъ, Пол. у.).

3. Видѣть *серебро*—радоваться. Чѣмъ крупнѣе серебряныя деньги и вещи, тѣмъ большая предстоитъ радость сновидцу. Во всякомъ случаѣ радость эта гораздо слабѣе, чѣмъ радость отъ чистой воды, и притомъ—непродолжительна и односторонна (Веляшковичи, Вит. у.).

4. Видѣть *мѣдныя деньги*, вещи, а также и *золотыя* указываетъ на совершенно обратное. При этомъ: принимать ихъ, считать и прятать—значитъ привлечь къ себѣ неприятность изъ-за собственной ошлопности, личнаго поведенія; но отдавать тѣ же деньги—получить неприятность со стороны, помимо личнаго участія. Бросать деньгами, или вещами въ кого-нибудь—своею неприятною создавать чужую (Тамъ же).

5. *Ягоды* всѣхъ видовъ и сортовъ предвѣщаютъ слезы, и чѣмъ крупнѣе онѣ, зрѣлѣе, тѣмъ большія предстоятъ слезы. Собирать ягоды—подготовлять такое положеніе, которое приводитъ къ слезамъ; ѣсть ягоды съ большимъ или меньшимъ аппетитомъ—плакать больше или меньше; давать другимъ—дѣлать съ кѣмъ ниб. плачь и слезы по поводу личныхъ невзгодъ. Большія слезы предстоятъ при сновидѣніи: земляники, малины, клубники, крыжовника, ялюквы и брусники; меньшія по продолжительности—черемухи, смородины, черники и рябины. Во всякомъ случаѣ этими слезами не оплакивается

чья-нибудь смерть, ни даже потеря хозяйственная, а напраслина, побои, брань и т. под. (Ловажь, Пол. у.)

6. Видѣть *изгородь* всѣхъ видовъ—сплетни, напраслина, поношеніе имени и чести. Собственная изгородь—сплетни отъ домашнихъ, чужая—тѣ же сплетни отъ сосѣдей; перелѣзать чрезъ изгородь—перенести всѣ тягости напраслины; строить изгородь—сплетни только что готовятся; разбирать ее—уничтожить сплетни, или доискаться виновниковъ ихъ. По разнообразію изгороди опредѣляется и разнообразіе напраслины. Такъ, плетень указываетъ на продолжительность сплетень и утайку источника ихъ; частоколь—на мелкія сплетни съ надеждою открыть начало и виновника напраслины; заборъ—на выдающіяся сплетни, когда виновникъ ихъ и не старается скрыться, а обнаруживаетъ открытое злословіе. Большія или меньшія отверстія въ изгороди указываютъ на большее или меньшее число клеветниковъ, съ которыми приходится считаться. Видѣть наваленную изгородь, или разметанная части ея—поздно узнать о пережитой напраслинѣ. (Тамъ же).

7. Почти то же бываетъ, когда сновидецъ имѣетъ дѣло съ *нитками, тканьемъ и сѣтями*. Личное обращеніе его съ этими предметами указываетъ на домашнія сплетни; обращеніе съ ними стороннихъ—сплетни и напраслина идутъ отъ сосѣдей и сторонняго дома. Пряжа нитокъ, сученье ихъ, наматыванье на клубки и основа указываютъ на подготовленіе напраслины, которая при основѣ значительнѣе, чѣмъ въ пряжѣ, напримѣръ. Тканье нитокъ, работа сѣтей и самыя сѣти указываютъ, что большія, или меньшія сплетни пушены въ ходъ и поносятся имя и честь сновидца. Сѣти съ рыбою или только чешуей, а также разостланныя для бѣленья ткани указываютъ, что сплетники будутъ изобличены и, пожалуй, сами запутаются въ своей лжи. Пряжа шерстяныхъ нитокъ и приготовленіе сукна и войлоченья его пророчатъ безобидныя и непродолжительныя напраслины (Махирово, Пол. у).

8. Всякая *драка* сновидца пророчитъ чей-нибудь пріѣздъ въ домъ, гостя. Простая драка—пріѣздъ хотя и дорогого гостя, но не родственника, тогда какъ кровавая драка всегда указываетъ на прибытіе гостя изъ кровныхъ родныхъ. Обоюдная и продолжительная драка указываетъ на одновременное прибытіе двухъ и болѣе гостей; перенесеніе простыхъ и кровавыхъ побоевъ отъ кого-нибудь—прибытіе нежелательнаго гостя. Ушибы при паденіи, ляганье лошади, боданье коровъ, до крови, или безъ нея, указываютъ на прибытіе гостя съ недобрыми намѣреніями, безразлично—будетъ ли это родной, или чужой человекъ. Но видѣть драку безъ личнаго участія въ ней—неожиданно очутиться гостемъ родственника, или чужого, а также принять угощеніе, напр., въ корчмѣ. Драка животныхъ служитъ, такъ сказать, отдаленнымъ отголоскомъ людской драки и часто указываетъ на стравежь, прибудность къ чужому стаду, или прибытіе чужого, незнакомаго человекъ (Тамъ же).

9. Всякій плачь и горе во снѣ разрѣшается радостью на яву. Слезный плачь приносит слезную радость, если только онъ не былъ слѣдствіемъ драки. И наоборотъ: радость и смѣхъ сновидца влекутъ горе и скорбь на яву. (Витебскъ).

10. *Споръ, крикъ и брань* сновидца можно разсматривать и въ добромъ, и въ неблагопріятномъ смыслѣ, смотря по тому, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Такъ, споръ съ мужчиною, дѣтьми, брань и крикъ на нихъ не такъ благопріятны, какъ то же въ отношеніи женщины. Вполнѣ не хорошо кричать и бранить домашнее животное (Ловажъ).

11. Вынимать *зубы* изъ собственнаго рта—получать извѣстіе о чьей-нибудь смерти. Коренные зубы—извѣстіе о смерти пожилого, или же значительнаго лица; передніе—то же извѣстіе о молодомъ человѣкѣ и лицѣ второстепенномъ. Если тѣ или другіе зубы, будучи вынуты на ладонь, подверглись размотру и потомъ снова вложены въ ротъ, нужно ожидать неминуемой смерти, хотя и близкихъ людей, но не состоящихъ въ кровномъ родствѣ, какъ: жены, ея родителей, и сестеръ, свекра и свекрови, золовокъ и другихъ свойственниковъ. Но если вынутые зубы были въ крови, то коренные указываютъ на смерть родителей, рѣзцы—дѣтей, клыки—братьевъ и сестеръ.

Мелкими отгѣнками этого во всякомъ случаѣ страшнаго сновидѣнія является: яркая алая *кровь*—несомнѣнная потеря слишкомъ дорогихъ, особенно любимыхъ лицъ; разбавленная слюною кровь—смерть родственниковъ второстепенныхъ; безпричинное выпаденіе одного или нѣсколькихъ зубовъ—неожиданная смерть; сновидецъ вынималъ самъ свои зубы—онъ становится виновникомъ смерти, напр., мужъ при смерти жены отъ родовъ, родителей и дѣтей вслѣдствіе недостаточнаго ухода за ними, нужды, мученія, заразности и проч. Вынимать измельченные, раскрошенные зубы, съ кровью и безъ нея, не всегда указываетъ на людскую смерть: иногда это пророчитъ смерть одного изъ домашнихъ животныхъ (Веляшновичи, Вит. у.).

12. *Собаку* видѣть—объявился врагъ и клеветникъ. Если собака укусила до крови, таковымъ сдѣлался одинъ изъ родственниковъ; безъ крови—близкій, хотя и неродственный человѣкъ. Если это укушеніе совершенно внезапно, то вражда ведется скрыто; если же послѣ борьбы, отбоя—вражда явная. Если же собака набрасывается только, грозитъ укушеніемъ, отбита отъ нападенія, то враждующій ограничится одной клеветой, которая мало принесетъ ущерба имени и чести сновидца. Видѣть собачью драку—присутствовать при ссорѣ и дракѣ; съ кровью—родственниковъ, безъ крови—стороннихъ, сосѣдей (г. Витебскъ).

13. Видѣть *лошадей*—будетъ какая-нибудь ложь на счетъ сновидца. Если это была своя домашняя лошадь, то ложь пойдетъ изъ своей семьи; чужая—отъ стороннихъ и сосѣдей; половыя различія видѣнныхъ во снѣ лошадей указываютъ на живаго мужчину, или женщину. Когда лошадь норовитъ лягнуть, смять подъ ноги, укусить,

то живымъ разговоромъ о сновидцѣ кто-либо старается причинить ему матеріальный вредъ, разрушить старую пріязнь и дружбу. Видѣть лошадей въ запряжкѣ, въ работѣ и даже въ путяхъ—не влечетъ за собою ничего опаснаго для сновидца и, по большей части, остается безслѣднымъ, хотя лошадь священника и жида, при такомъ условіи, непременно пророчитъ ложь (Махирово, Пол. у.).

14. Когда еще нѣтъ явныхъ признаковъ беременности данной женщины, а между тѣмъ эта беременность уже наступила, женщина видитъ во снѣ *раковъ*, *медныхъ зѣрей* и *птицъ* и, въ особенности, голыхъ, слѣпыхъ дѣтенышей этихъ животныхъ: щенковъ, котятъ, мышатъ и проч. (Махирово, Пол. у.).

15. Вопреки ожиданію, видѣть во снѣ *змѣй*, *ужей*, *ящерицъ* и *лягушекъ* весьма хорошо. Съ одной стороны, въ домѣ слѣдуетъ ожидать матеріальнаго благополучія, хотя и незначительнаго, а съ другой—о сновидцѣ идетъ благоприятный говоръ, особенно, когда одно изъ пресмыкающихся очутилось за пазухой. Укушеніе змѣи только увеличиваетъ ожидаемое благополучіе, или добрый говоръ о сновидцѣ. (Борковичи, Дрис. у.).

16. Хорошо видѣть во снѣ *священника*; также—*жида* и *цыгана*; послѣдняго—во всѣхъ видахъ и положеніяхъ. Совершенно обратное бываетъ, когда приходится видѣть перваго въ церкви и церковномъ облаченіи: онъ собирается отпѣвать одного изъ близкихъ сновидцу лицъ; почти то же случается, если видѣть во снѣ жида въ «богомольнѣ». Бить кого-нибудь изъ этихъ трехъ лицъ—навести на домъ временную невзгуду: солдатскій постой (въ былое время), «полицейское пожалованіе», или же привлеченіе къ суду и пр. (Веляшковица, Вит. у.).

17. Видѣть *печную топку*—къ печали, по случаю болѣзни, неудачи и всякаго несчастья, которыя выйдутъ изъ того дома, гдѣ топится печь, и коснутся лица, заправляющаго печною топкой. Печаль эта будетъ то больше, то меньше, смотря по степени топки. Если при этомъ печется картофель, яблоки, бурани, варится горохъ и бобы. то печаль будетъ по поводу болѣзни хозяйки дома, а иногда и хозяйина; но если варится что-нибудь другое, жидкое кушанье, то печаль будетъ имѣть свое основаніе не въ болѣзни, а въ другомъ несчастіи. Печенье хлѣба при такой топкѣ указываетъ на то, что извѣстіе о несчастіи получится путемъ устнаго сообщенія, нарочитымъ посланцомъ; печенье же блиновъ и лепешекъ—на письменное сообщеніе о томъ же (Хвошно, Гор. у.).

18. Всякій *пожаръ*—лѣтнею порой—къ продолжительному ведру, а зимней—къ морозу. Когда сновидецъ принималъ участіе въ тушеніи пожара, то ему предстоитъ тяжелая работа на жару или морозѣ, и притомъ—работа неожиданная (Ловажъ, Пол. у.).

19. Видѣть себя и сторонняго въ новомъ, иногда не откровенномъ *зданіи*—смерть личная, или смерть того, кто приснился. Обыкновенно

венно такія сновидѣнія бывають или у смертельно больныхъ, или близкихъ къ нимъ лицъ, особенно, когда вошедшій въ новое зданіе остался тамъ, или заблудился и не находитъ выхода.

20. *Покойникъ* снится—онъ или проситъ молитвъ, напоминаетъ о себѣ, или приходитъ и, значить, скоро возьметъ къ себѣ того, кому приснился. Это послѣднее тѣмъ сбыточнѣе, чѣмъ любезнѣе былъ покойникъ, особенно, если онъ цѣловалъ и обнималъ сновидца.

21. Видѣть *кресты*, поднимать и носить ихъ, а также пристроиться къ нимъ для отдыха—продолжительно болѣть съ смертельнымъ исходомъ. Смотря по дѣйствующему лицу, то или другое ожидаетъ или сновидца, или кого онъ видѣлъ во снѣ. Повалить крестъ—присутствовать на похоронахъ (Котово, Вит. у.).

22. Подниматься *изъ гору*, взбираться на отвѣсную крутизну, по стѣнѣ и проч.—скоро узнать, что незамѣтными сторонними усилиями создано благополучіе сновидца, о чемъ послѣдній и не подозрѣвалъ. Паденіе съ такой высоты только указываетъ, что усилія благодѣтелей ни къ чему путному не привели, хотя сновидцу отъ этого не сдѣлается ни хуже, ни лучше (Хвошно, Гор. у.).

23. Пробраться съвозъ *лѣсную* и *травяную* чашу, путаться въ ней и падать—преодолѣвать многочисленные препятствія, терпѣть неудачи въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Соединенная съ этимъ погоня не увеличиваетъ препятствій, хотя и не оставляетъ ихъ. (Витебскъ).

24. Видѣть *дрова*—переживать семейныя непріятности и столкновенія. Дрова въ кострѣ—столкновение членовъ всей семьи; на возу, въ охапкѣ—столкновение отдѣльныхъ членовъ семьи между собою; разметанныя дрова, или отдѣльно лежащія полѣнья—единичная непріятность. Личное отношеніе къ дровамъ видоизмѣняетъ это непріятное сновидѣніе, а именно: кто участвовалъ въ накладкѣ костра, перевозкѣ и переносѣ дровъ, въ разметываньи или сборѣ ихъ, тотъ сравнительно съ другими перенесетъ и большую долю семейныхъ непріятностей отъ столкновения.

25. Что сказано о дровахъ, то цѣликомъ относится къ *сну* и, отчасти, къ *солонѣ*. Здѣсь только семейныя непріятности иногда приходятъ извнѣ, если приходилось видѣть чужое сѣно, или солому, которому они принадлежали.

26. Всякая *ѣда* во снѣ пророчить недоброе и именно—болѣзнь того, кто ѣлъ, чаще всего сновидца. Это тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ съ большимъ аппетитомъ прошла ѣда. Наиболѣе тяжелая болѣзнь бываетъ тогда, когда приходилось ѣсть мясо и сало, при чемъ птичье мясо пророчить болѣзнь безъ смертельнаго исхода, тогда какъ мясо крупныхъ животныхъ, напр., коровы, свиньи, овцы, указываетъ на этотъ именно исходъ. Кромѣ ѣды простое заготовленіе мяса крупныхъ животныхъ ведетъ иногда къ такому же исходу болѣзни (Веляшковичи).

27. Всякое *отъяненіе*, или только питье воды, пива и бражки

указываетъ на подступающую, впрочемъ, легкую болѣзнь, которая коснется того, кто пилъ, или былъ пьянымъ. Если хмѣльной падалъ, или слишкомъ шатался, то его болѣзнь будетъ продолжительна. Драка пьяныхъ, а также брань ихъ часто ничего не значить, такъ какъ «отбиваютъ» болѣзнь отъ себя. (Вымно).

28. Видѣть во снѣ молодыхъ *женщинъ* и, въ особенности, *дѣвушекъ* — получить какое-нибудь удивленіе и притомъ внезапное. Смѣшаться съ толпой ихъ, принять участіе въ играхъ, пѣсняхъ и работахъ дѣвушекъ—диво будетъ, такъ сказать, внѣшнее, со стороны; тогда какъ простое созерцаніе ихъ указываетъ на диво домашнее. Видѣть смѣющихся и нагихъ дѣвушекъ гораздо неблагопріятнѣе, чѣмъ плачущихъ и одѣтыхъ. Дѣвушки—малолѣтки и подростки приносятъ удивленіе, такъ сказать, скопомъ; тогда какъ и одна взрослая дѣвушка въ сновидѣніи пророчить диво (Войханъ).

Н. Я. Никифоровскій.

II.

(Минской губерніи).

Во время поѣздки въ Бѣлоруссію лѣтомъ 1890 г. мнѣ пришла мысль дополнить, насколько возможно, собраніе бѣлорусскихъ снотолкованій, записанныхъ г. Е. Романовымъ въ трехъ уѣздахъ Могилевской и двухъ Витебской губерній („Опытъ бѣлорусскаго народнаго снотолкователя“. *Этн. Обзор.* кн. III, стр. 54, 210); при этомъ меня интересовало сходство и различіе въ толкованіяхъ, даваемыхъ одному и тому же сну въ разныхъ мѣстностяхъ. Дѣйствительно, посѣтивъ три уѣзда (Минскій, Борисовскій и Бобруйскій) Минской губерніи, гдѣ я сравнивалъ названныя снотолкованія съ мѣстными, я записалъ много сходныхъ объясненій, но много и различныхъ; нѣкоторые сны, какъ оказалось, имѣютъ нѣсколько значеній, при чемъ одно значеніе является сходнымъ, другія различными, и наоборотъ. Чтобы не повторять сходнаго, я привожу здѣсь только новыя снотолкованія, являющіяся дополненіемъ къ сборнику г. Романова, причемъ для удобства сравненія мои матеріалы расположены въ томъ же порядкѣ по отдѣламъ, а каждый отдѣлъ — въ алфавитномъ порядкѣ предметовъ.

1. Предметы и явленія природы.

Болото видѣть — бѣда злчица съ тобой, жевравать (просить милостыни) пойдешь. Болото, образовавшееся отъ засухи на мѣстѣ пруда (сажалки)—голадъ будя. Креуны (родственникъ) памрѣ.

Бурю видѣть — бѣда, нищета.

Вихрь видѣть — черти да тябѣ у сваты придуть (говорять иронически дѣвушкамъ); тоже: сварка, битва (драка).

Воду чистую—добра, смѣхъ; грязную—нядобра. смутакъ, чарнить тебе будутъ. Видѣть чистую воду въ мискѣ значить — мужъ жену побьетъ; грязную — мужъ жену прогонитъ. Переходить воду — кали парейдешъ — добра, а нѣ-надта кѣпска (очень нехорошо), ня будешъ хлѣба мѣть. У ваду увалитца, у грязь, у балота—бѣда будетъ безпримѣнно. (См. солнце).

Вьюгу видѣть—сварка, завихланне мяжду пароду.

Гору видѣть — заботы; кали идешъ у гару — хораша, а кали у яму—няхораша.

Грозу, громъ, молнію видѣть — битва, неурожай; тоже: бабы паляютца.

Грязь—нищета, слезы, сварка; тоже: сплетни. Бросать грязью—браниться.

Дорогу видѣть—памреть нѣхта; тоже: у салдаты возьмутъ.

Дымъ — скатина падохне.

Жернова видѣть—саматоха, битва; тоже: предстоитъ работа, зарботокъ.

Зарю, зарницу видѣть—гроши.

Землю вспаханную видѣть—къ покойнику; заросшую—къ гостямъ. Вообще—зямлю бачить не надта добра.

Ключъ чистый—прибыль, мутный—скука. (См. вода).

Колодезь полный — богатство, гроши; высохшій — голодь. (См. болото).

Ледъ—добра. И наоборотъ: прѣнна, неудача. Ледъ таетъ—памрешъ скоро.

Луну видѣть: кали усходить—добра, перемѣна жизни къ лучшему (см. солнце), а кали у заходъ идетъ—смерть тебе чекас; тоже: балѣсть. Гѣто заусѣды.

Могила—см Яма.

Мѣдь—балѣсть, нещасте.

Небо видѣть: темное—мара найдя (моръ придетъ).

Огонь видѣть—пьянство предстоитъ (см. уголь); тоже — хорошо. Тушить огонь—кѣпска, къ бѣднатѣ; а если огонь ярко горитъ—хораша; тоже: день прибываетъ (весной); тоже: деньги, прибыль; тоже: къ погодѣ

Озеро толкуется, какъ и вода.

Песокъ видѣть: чистый—къ добру, грязный — кѣпска, нядобры чалавѣкъ падвядѣ. Пересыпать песокъ—плѣтки (сплетни) старажися.

Песчаный берегъ—у встрогъ пасадють.

Пожаръ видѣть—дѣло загорится, ничѣмъ не кончится; тушить—нядобра, у бяду пападешъ. (См. огонь).

Ровъ—могила, нещасте, балѣсть; тоже: трудные роды. Переходить ровъ—выздоровленіе, тоже: добры чалавѣкъ знайдетца. (Ср. у Романова—яма).

Рѣку видѣть: чистую—слѣзы; тоже: добра, къ богатству; мутную и притомъ широкую—плѣтки, а то й битва.

Сажу видѣть — добра, грѣши будуть, сваты; тоже: чортъ да тябе прядя (прон.).

Свѣтъ—радость, добрая навина, гость будя. (См. солнце).

Серебро—брань, сварка; тоже: прибыль, радость.

Снѣгъ—труды. Ходить по снѣгу—пировать.

Солнце—мужъ будя любить, жито уродить; солнце восходить—хорошее житьѣ табѣ будя (см. луна); заходить—дѣти шанавать (почитать) будуть. Солнце и воду видѣть—лѣпшъ заусяго (лучше всего), щасте; тоже: парню—невѣста, дѣвушкѣ—женихъ.

Уголья пылающіе—деньги; погасшіе—праца (работа) прападе, грѣши не заплатють; тоже: галава съ пахмѣлля будя балѣть. (Ср. огонь).

Холмъ, возвышеніе—могила; тоже: пиръ.

Яма—люди яму капають, гаворка нягодная. Могилу вырытую видѣть—добра; тоже: надо быть астерожнымъ: увѣлисья — бѣда будя, а пройдешь—дѣло ничимъ кончатца. (См. ровъ, гора).

2. Предметы духовныя.

Ангела видѣть—хораша, рай убачишь, благодать.

Богу молиться—хораша, урожай; тоже: паѣдешъ у чужбину. Молиться съ земными поклонами—умѣрти треба. (См. образъ).

Богородицѣ молиться—урожай, богатство; беременной объясняютъ, что это значить—дитѣ здорое будя.

Крестъ видѣть—нябощикъ (покойникъ) будя. Къ кресту прикладываться—нѣйкое тярпѣніе (скорбь, мученіе).

Образъ видѣть — креуны (родственникъ) чи знаѣмы нѣхта памрѣ. Молиться предъ образомъ—смерть вышавае. Спишь, што зъ образомъ идуть—нябощикъ будетъ.

Церковь видѣть — то добра, то нядобра. Входить въ церковь—кали званять, навипа, а нѣ -- кѣпска, да набошика падобно; тоже: у гастѣхъ будешъ.

Чорта видѣть -- нядобра; тоже: добра, ничѣга. Говорить съ чортомъ--бѣду наживешъ. Убѣгать отъ чорта—отъ бѣды избавишься. Домового видѣть—хозяинъ умереть. (Ср. у Романова—бѣсъ).

3. Человѣкъ.

Архіерея видѣть—см. священникъ, ксендзъ.

Бабъ видѣть — плѣтки; бабы дерутся—драка, пьянство; бабу растрепанную видѣть—коровы молоко перестанутъ давать. Вообще: нягодна

Бесѣду, пирушку видѣть,—кали у восень—добра; тоже: къ смерти склаваетца, бають; бабъ много—плѣтки и слѣзы.

Блѣднымъ быть—до нябошика налѣжить; горе, печаль.

Босого видѣть—къ кражѣ. Ти у тябе украдутъ, ти за вора зрѣють (т. е. примутъ).

- Военныхъ видѣть—драка между сосѣдями.
 Войну видѣть—непріятность; битва. Тоже: морь.
 Волосы стричь—къ болѣзни; у салдаты пойдешь. Расчесывать волосы—хораша, да шлюбу (къ вѣнцу). Заплетать косу—плѣтки, и васалле (свадьба). Волосы на рукахъ видѣть—богатство.
 Голаго или голую видѣть—стыдъ, несчастье; обокрадутъ.
 Голову убирать лентами—хораша; дѣвушка—къ вѣнцу;—цвѣтами—на васалли скакать будешь.
 Дитя видѣть—хвароба, бѣда, клapatы. Няньчися съ хваробой, ягъ зъ малымъ дитемъ.
 Жиды—кѣпка; жидоуку—добра: кажуть, што найсвентшая Матка приснилася. Покупать что либо у жиды—обманъ, пропажа. Стяражи кони.
 Зубъ—кали вывалитца самъ, нѣхто зъ родни памре; кали вырвешь яго—ти (или) самъ памрешь, ти хвароба будя. Тоже: мыши хлѣбъ паядутъ.
 Кровь видѣть—креунаго спаткаешь (родств. встрѣтишь); сынъ родитца.
 Ксендза — няхораша: чортъ прибретца у абличча (облаченіе) ксендоускае и приди. (См. священникъ).
 Лѣваря видѣть, знахаря — къ болѣзни.
 Мать видѣть—памре скоро; мать покойницу—самъ (сама) памрешь: па тябе приходила. Также: перемѣна погоды. Также и объ отцѣ. Вмѣстѣ отца и мать видѣть: живыхъ — предостереженіе несчастья, покойныхъ—смерть.
 Мертвеца видѣть—къ перемѣнѣ погоды, добра; тоже: дурная навина. Брата умершаго видѣть—бѣдствіе, а живого—прибыль. Покойника встрѣтити—хорошо, удача.
 Молодицу видѣть—балѣсть, а другіе кажуть—васалле.
 Носъ большой, ноги—добра, прыбытакъ.
 Пастуха видѣть—вясной добра, а у восень не найдта.
 Полицію видѣть—у дѣло пападесься.
 Пьянаго видѣть кого-нибудь—хораша, а пьянымъ быть — балѣсть.
 Гарѣлку якъ пьешь — кала бяды ходишь, а якъ упьесься — бяду схалишь.
 Руки чистыя видѣть — добра, бясѣда (пирь), прыбытакъ, а не чистыя — кража, злодѣйство; большія—добра, прыбытокъ.
 Свадьбу видѣть—кажуть черти женютца; самому вѣнчаться—жонка ти мужъ памре; тоже: жонка зъ мужикомъ (т. е. мужемъ) павадютца (поссорятся).
 Священника видѣть—нядобра. Альбо хвароба, альбо смерть. Гѣто ужо спраудзоная рѣчь (т. е. испытанная, извѣстная вещь). Чортъ за (въ образѣ) священника да тябе выбираетца. (См. ксендзъ).
 Ссору видѣть—сварка, битва.

Старичка видѣть—неожиданная помощь, деньги. Кажуть, што гѣто дамавы приходну.

Утопленника видѣть—дурная пагода. (См. мертвецъ).

Царя видѣть—радость.

Цыгана видѣть—обманъ. (См. жидъ).

4. Дѣйствія.

Баловать дѣтей—хвароба причепитца.

Баювать, убаюкивать дѣтей—горе, плачь; тоже: хвароба.

Бить кого—да криви (до крови)—креуны прыбѣтца; не да криви гости прыбѣютца

Бороться съ кѣмъ-нибудь и побѣдить—добра, зъ бяды выйдешъ, а остаться побѣжденнымъ—у бяду пападешъ.

Браниться во снѣ—и у прауду лаятца будешъ, а можа и паде-ресься.

Бросать камни—гроши будешъ платить за работу.

Бросаться въ воду: чистую — слезы проливать; тоже: добра; въ мутную—кѣпска, люди лаять будутъ.

Варить что-либо—сварка будя.

Везти изъ дому—нябошика вывозить будешъ. Тоже: къ пьянству. Дялитца будешъ (семейный раздѣлъ). Везти въ домъ—сынъ павѣн-чаецца; урожай; прибыль. Вазить сѣно у пуно—нябошикъ.

Вергѣться, «крутитца»—къ свадьбѣ. Тоже: вороги кала тябе кру-тютца; тоже—къ головной боли.

Верхомъ ѣхать—честь и слава; въ телѣгъ—утрата имущества.

Выѣхать и возвратиться за чѣмъ-либо—заболѣть и выздоровѣть.

Вѣсить хлѣбъ—прибытагъ; образа—креуны памре, а тое-жъ ка-жуть, што нѣкто павѣситца. Тоже: дождь пойдетъ.

Душить, давить кого-либо—дамавы скатинку тваю падушить. Ня добра. Тоже: хвароба задушить.

Дѣлать заборъ—дялитца будешъ; гряды—къ смерти, могилу бу-дутъ капать; сани, телѣгу—дорога предстоитъ; лавки—гости бу-дутъ; столъ—нябошикъ будя лежать.

Дѣлить что-либо, рожь, сѣно—урожай; тоже: батъна памре, гаспа-дъръ на той свѣтъ пойдя.

Жать во снѣ—нягодна. Дѣти памрутъ, ти самъ. Кажуть: сколько снапоу пажинаешъ, столько вѣку дахавашъ.

Искать что-либо и найти—исполненіе желанія, а искать и не найти—нягодна: абъ чомъ думаешъ—ня збудетца. Искать кладъ—ня добра: у лясу заблудисья.

Итти по дорогѣ—гроши знайдешъ И наоборотъ: и тое, што мѣу, спатераешъ. Также: жеврывать пойдешъ. Итти по шоссе—длинная до-рога предстоитъ.

Вататься во снѣ—спатѣра маіднтку (потеря имущества).

Катать яйца—добра: урожай, прибытакъ, гроши. Тоже: скулá при-
кинетца, чи галаву разабъешь.

Кормить птицъ—плётки (сплетни) разводить; скатину—добра; при-
плодь; тоже: дѣти здоровы будутъ.

Косить сѣно — нядобра: сорожь нѣйки, вада (ссора) будя. Тоже:
кали трава высокая—уродза (урожай), нѣ—голадъ.

Красить въ бѣлый цвѣтъ — хвалить; въ черный — оговаривать;
въ красный—крѣунаго примать будешь.

Кружиться, виться — нягодна. Вороги кала тябе уютца. (См. вер-
тѣться). Чортъ кала тябе ходя.

Купаться во снѣ—кѣпска. (См. бросаться въ воду). Купать дитя—
выздоровленіе.

Ласкаться—злые люди абмануть тябе хочутъ.

Лежать гдѣ-нибудь — пъяны будешь, тоже: намерти треба. Лежать
въ постели—да хваробы належить

Летать во снѣ—добра: уродза, на работниковъ летать будешь (т. е.
за работниками).

Лѣчить кого-либо—въ бѣдѣ помогать кому; самому лѣчяться — въ
бѣдѣ быть и помощи просить.

Махать—призывать кого-либо на помощь; платкомъ — дѣвушкѣ
итти за мужъ. Тоже: труды предстоятъ. Махать чернымъ платкомъ—
листъ (письмо) о смерти.

Мести—кѣпска: плетки робить. Тоже: слезы, побои.

Молоть—болтать. Смѣхъ будя. Люди языками мелють на тябе.

Мотать нитки—робить плетки; тоже: навину пачуешь. (См. сновать).

Мыть—робить плетки; мыться—люди языками мыють. (См. бана).

Набивать обручи—добра, кѣ богатству. Тоже: готовъ угощеніе для
гостей. Тоже: дождь будетъ.

Одѣвать кого-либо въ бѣлую одежду—хвалить; въ черную — ня-
бошикъ будя. Одѣваться въ бѣлую одежду — хороша, а въ черную—
люди чернютъ.

Падать во снѣ—нягодна; кали у яму, дакъ смерть будя.

Пахать—нядобра. Неприятности. Труды.

Пить воду—плакать будешь. Кажуть, што гѣто и добра. Тоже: па
смерть солоно ѣсти будешь (т. е. вкусно). Пить водгу—бяржися, у
бяду пападешъ.

Плавать во снѣ — нядобра. Пъяны будешь. Тоже: далекая дорога.
Плавать въ лодкѣ—люди тябе судють.

Плакать во снѣ—кѣ радости.

Продавать что-либо выгодно: въ бѣдѣ—избавленіе, въ болѣзни—
выздоровленіе.

Прясть—плётки робить. (См. ткать).

Пѣть во снѣ—плакать прыдетца. Напаясья—наплачѣсья.

Скакать во снѣ—нягодна: смутакъ у галавѣ.

Слышать музыку или пѣніе — вообще хорошо. Церковное пѣніе

слышать или звонъ колокольный—къ хаутурамъ (похоронамъ). Слушать пѣніе птицъ—хорошія вѣсти; кукованье—дурныя, а карканье воронъ—смерть.

Смѣяться—будешь плакать, бо люди абсмяютъ.

Сновать кросна—плетка робить у сусѣдствѣ (См. твать).

Споткнуться во снѣ—бяржися: нѣхто на дарозѣ стаить.

Твать кросна—плетки робить. Тоже: навину пачуешъ. (См. сновать, мотать, шить; см. также нитки—отдѣлъ 6).

Толочъ что-либо—добра, усяго удоваль будя; гости прыдутъ.

Топить кого въ чистой водѣ—заставлять плакать, огорчать; въ грязной—проклинать. Топиться въ чистой водѣ—самому плакать; въ грязной—люди будутъ проклинать.

Точить ножи—кѣпсна, буде битва. Также: замышлять зло. Урожайный годъ будетъ, если сонъ приснился весной.

Ходить по хатѣ—па незнаёмой, такъ што трудна выйти—нихораша: у смутку будешъ, а выйдешъ—бяды абависья.

Цѣлиться во что-либо—дарога будя. Тоже: труды; сватовство.

Цѣловаться—къ дружбѣ, къ бесѣдѣ (къ пирушкѣ). Тоже: падырѣсься зъ кимъ—небудъ.

Чесать голову и вычесывать вшей—деньги будутъ. (См. вшей).

Шить во снѣ—да шлюбу налѣжить. Тоже: плетки. (См. твать).

Ѣсть во снѣ солоно—хорошія вѣсти. Тоже: урожай. И наоборотъ—голодь. Въ частностяхъ—см. отдѣлъ 5: пища.

Ѣхать—см. верхомъ.

5. П и щ а.

Баранину ѣсть—мусить (должно быть) надобра.

Блины ѣсть—добрую навину пачуешъ; блины печь—отзывать о комъ хорошо; тоже: писать письмо.

Бублики (баранки) ѣсть—обнова, деньги. Выгодна што-небудъ прадаси.

Булки (пирогы)—ворогъ ласкаетца да табе, бѣлить словами. Тоже: неприятность, берегись.

Верешаку варить—надобрыя люди кала табе ходютъ. Тоже: гостей звать и быть въ гостяхъ.

Ветчину ѣсть—добра, скатинка будя вадитца; давать—желать добра кому-либо.

Вишни ѣсть—верабъи пшаницу выядутъ. Тоже: побой и слезы.

Водкой угощать кого-либо—имѣть на другого виды; если онъ будетъ пьянъ отъ этого, то исполненіе желанія; если же нѣтъ—неудача. Водку принимать отъ кого-либо—обратно. Тоже: горка будя.

Говядину ѣсть—вѣсти, разговоры. Сырую говядину видѣть—неприятная вѣсть, письмо о смерти родственника. Вареную или жареную видѣть—хорошая вѣсть, заработокъ.

Голоднымъ быть—хораша, здароу будешъ.

Горькое ѣсть или пить—бѣда, горка будя табѣ. Плакать будешъ.
Груши ѣсть—вѣска, скуля сядуть, ти (или) пабѣсься зъ кимъ.
Масло ѣсть—адъ нѣкаго (отъ кого-нибудь) уваженна дочекаешъ
(дождешься). Тоже: палаватца будешъ.

Медь ѣсть—надобра; ужалить нѣхто. Тоже: свѣдкой (свидѣтелемъ)
будешъ.

Молоко видѣть—тябе люди хваляють; пить—будешъ хвалить нѣ-
кага. Тоже—досада.

Муку видѣть—мука, хвароба.

Обѣдать во снѣ—добра, уродза, скатинка перабѣтца да вясны.
Угощать обѣдомъ—звать на свадебный пѣръ.

Обѣсться во снѣ—надта (очень) нягодна: кажуть—утописься.

Пиво пить—галава будя болѣть. Тоже: фыбра (лихорадка) при-
чѣпитца.

Пирогы—см. булки.

Рѣдку ѣсть—горе, горка будя. Рѣдкой угощать—мѣть злость на
кого-нѣбудъ.

Рѣпу ѣсть—погано, скуля; рѣпу давать—бить кого-либо.

Сало ѣсть—нягодна; сварка и битва. Спустють тваѣ сало, т. е.
прибьють.

Сомадка ѣсти—у горадъ найдешъ. Тоже: багатырь станешъ (т. е.
богаты).

Соль видѣть—непрятности, солона будя; рассыпать—пабьють;
ѣсть—надобра; тоже: трудные роды.

Сыръ видѣть—снѣгъ будя. Тоже: люди тябе хваляють. Сыръ ѣсть—
нягодна: соромъ.

Хрѣнъ—горе, слезы. Тоже: да нябощика (къ покойнику).

Чай пить во снѣ—у городъ паѣдешъ, навины пачуешъ, а можа и
гарбаты (чаю) узапрауду дѣ папѣсься. Тоже: бесѣда (пирушка).

Яйца видѣть—соромъ; скулы; слезы. Разбитое яйцо—да нябощика.
Также: не женись на такой-то: она нечестная дѣвушка.

См. также въ отд. 4: пить, ѣсть, и отдѣлъ 9 лукъ и др.

6. Одежда и ея принадлежности.

Башмаки обувать—къ богатству; разувать—къ нищетѣ. Тоже:
къ болѣзни.

Бисеръ, бусы, коралы, запонки, жемчугъ—слезы. Вообще: нягодна

Бурку одѣвать—даджи пойдуть. Тоже: дорога предстоитъ. Тоже:
скоть заболѣеть. Снимать бурку—засуха, голодь. Тоже: скатина
падохне.

Бѣлье чистое носить—добра, урожай, удача; грязное—нягодна, у
дѣло пападешъ. Одѣвать бѣлье—дѣло важное предстоитъ. Тоже:
къ болѣзни.

Кольцо одѣвать—жаниться или выходить за-мужъ; видѣть—быть
на чьей-либо свадьбѣ.

- Лапти видѣть—см. башмаки. Тоже: къ смерти.
- Ленты видѣть—проводить въ дальнюю дорогу кого-либо; украшать себя лентами—самому нѣкуды прыдетца ѣхать.
- Нитки спутанныя видѣть—плетки; разбирать нитки—на тебе люди плятуть. (См. выше ткать).
- Одежду бѣлую видѣть—добра; хваляють тебе сусѣди; черную—нягодна: люди чернють.
- Платокъ видѣть—письмо придетъ. Платокъ разстилатъ—письмо писать. Черный платокъ—дурныя вѣсти.
- Полотно видѣть—у дарогу збирайся. Полотенце—дорога, письмо. Брашеное полотно—нягодна: хвароба можа приченитца; вожаръ.
- Поясъ завязывать—животъ будя балѣть; развязывать—облегченіе, выздоровленіе. Тоже: семьи прибавится.
- Тулупъ бараній одѣвать—воуки авѣчекъ зарѣжутъ.
- Чепецъ видѣть—совѣтоваться съ кѣмъ-либо о важныхъ дѣлахъ; надѣть—хлопотать.
- Шапку покупать—наживать хлопоты. Честь и слава.
- Шубу видѣть—шумъ будешь чуть. Тоже: хвароба.

7. Жилище, утварь, орудія.

- Баню видѣть—плетки. Люди тебе языками мыють. (См. мыть).
- Веретено вертѣть—бѣсъ кала тебе ходить. Ворогъ падстерагае.
- Горницу чистую видѣть—къ дабру. Янгазь придя. Тоже: зъ чистымъ сэрцэмъ свято спаткаешъ (праздникъ встрѣтишь).
- Домъ новый видѣть—нябощикъ будя: дамавину строй (т.е. дѣлай гробъ).
- Заборъ—препятствіе. Перескакивать черезъ заборъ—выздоровѣть.
- Зеркало видѣть—обманъ; дѣвушкѣ къ вѣнцу.
- Кабакъ видѣть—пьянство предстоитъ, бесѣда. Тоже: бѣда.
- Клещи кузнечныя видѣть—дамавину рабить будутъ.
- Кросна—см. ткать, отд. 4.
- Крышу новую видѣть—нябощикъ будя, дамавину раби. (Срв. домъ). Тоже: навину пачуешъ. Крышу старую—гости.
- Мельницу видѣть—люди языками мелють на тебе. (См. молоть).
- Мостъ перейти—избавиться отъ бѣды.
- Ножъ—см. точить, отд. 4.
- Обручи—см. набивать.
- Острогъ видѣть—неволя предстоитъ. У вастрогъ понадешь.
- Свѣчу видѣть—нябощикъ будя.
- Телѣгу видѣть—дорога предстоитъ.
- Цѣпы видѣть—урожай: буре што малатить.

8. Животныя.

- Барана видѣть—униженіе: наблюютца люди на тебе.
- Волка видѣть—сваты прыѣдутъ. Воука зловишь—урага зловишь

Зайца—кѣпска. Тоже: купишь маіонтѣкъ (имѣніе): желанье исполнится. Примѣта: заяцъ дорогу перебѣжитъ—нягодна, а воукъ—добра. И поговорка: Во—воукъ дарогу перабѣгъ!

Корову видѣть—сытую (то есть жирную)—хораша, прибыль, богатство, а тощую—бѣдность. Корову доить—благополучіе. Кажуть: ото, у во снѣ кароуку даила—будя нѣшто добрае.

Лисицу видѣть—чалавѣка хитраго бойся.

Лошадь — вѣтеръ будеть; бѣлую — хораша; снѣгъ; черную — дождь; ложь; сивую—добра.

Медвѣдя видѣть — хвароба, гѣта давяроная (вѣрная, испытанная) рѣчь (вещь); ѣнъ сяде табѣ на плечи.

Свинью видѣть — люди будутъ, гости. Бѣлыя свиньи или свинья съ поросятами—да нябошика вѣдомость, будутъ яго вести.

Скотъ видѣть вообще—нягодна: падежь или безкормица. Быдло у поле гонишь—нѣхта зъ радни памре.

Собаку видѣть — друга узнаешь. И наоборотъ: укуся кто-небудь. Кали рабая—креуны зъявитца.

Аиста (буска, батяна)—благополучіе. Вообще, крупныхъ птицъ видѣть—хорошій сонъ, а мелкихъ—плохо.

Воробья видѣть—кали кабѣта (женщина), дакъ забаремѣнѣе. Тоже: люди хитрують. Воробья ловить и поймать—уличить вора.

Ворону—коня украдутъ. И наоборотъ: кони знайдутца.

Гусей—народу шмать (много) увидишь, бѣсѣда нѣйкая.

Дятла видѣть—люди наклюютца на таго чалавѣка.

Букушку видѣть—бѣда, слезы.

Ласточку—навину пачуешь; сынъ съ салдатчины вѣрнетца.

Пѣтуха—битва будя. Мусить при вышнуцѣ.

См. еще въ отд. 4: слышать (пѣніе птицъ, кукованіе, варканье).

Пявку видѣть—соблазнъ; поймать—признакъ беременности.

Рыбу видѣть крупную — хорошо; мелкую — болѣзнь. Рыбу ловить—забеременѣтъ; тоже: блага, хвароба. Рыбу ловить въ мутной водѣ—болѣзнь; непогода.

Гада—чалавѣкъ нѣйки укуся.

Лягушку—потеря имущества; бѣда, несчастье.

Ящерицу—хитры чалавѣкъ.

Вшей—гроши будутъ. Зауседы добра. (См. чесать).

Пчелъ видѣть — добра. Кали пераймаешъ чи абираешъ ихъ — карысть у хадзайствѣ.

9. Растенія.

Горохъ, бобы, фасоль видѣть — къ слезамъ. Тоже: къ урожаю, къ прибыли.

Дерево зеленое—улюбисься; безлистное—удауцомъ будешь. Тоже: тоска, печаль. Рубить дерево—памре нѣхта. Деревья шумять—сварка.

Жито на нивѣ—добра: гаспадаръ богатъ будя.

Картофель—дрѣнна: скула, якъ бульба, сяде.

Лукъ ѣсть или рвать—слезы: горка будя.

Огурцы видѣть—няхораша. Тоже: засуха.

Орѣхи—слезы.

Сѣно—досада, сварка. Сѣно везуть, вбрасываютъ на возъ—нябопикъ у хатѣ.

Яблоки видѣть — нягодна: скулля, ти падависься. Также: крупный градъ.

Ягоды красныя — добра: скула прарвѣтъ; дитѣ здоровое родитца. Тоже: стыдъ. Агрестъ (крыжовникъ)—слезы; брусника—тоже.

Е. Лециій.

III.

(Ярославской губерніи).

1. Предметы и явленія природы.

Гору видѣть—получить горе.

Громъ слышать—получить ударъ.

Дымъ видѣть идущій изъ трубы—къ ненастной погодѣ.

Звѣзды видѣть—свиданіе съ родными.

Молнію видѣть—получить болѣзнь.

Мѣсяць видѣть—плавать по водѣ.

Огонь видѣть—къ морозу.

Радугу видѣть—къ переменѣ погоды.

Рѣку видѣть—слышать рѣчи.

Солнце видѣть—будешь копать землю.

2. Священные лица и предметы.

Ангела видѣть—быть въ церкви и молиться.

Звонъ колокольный слышать—получить извѣстія отъ неизвѣстныхъ людей.

Икону, образъ угодника видѣть — вспомнить о какомъ нибудь грѣхѣ.

Попа видѣть — сотворить прегрѣшеніе.

Пѣніе церковное слышать, не бывши въ церкви, — предвѣщаетъ болѣзнь родственника.
Церковь видѣть — получить болѣзнь.

3. Человѣкъ и его дѣйствія.

Волосы стричь — получить убытки.
Зубъ видѣть выпавшій у себя безъ крови, — ктонибудь умретъ изъ знакомыхъ, а выпавшій съ кровью, то умретъ кровный родной.
Кровь видѣть — видѣться съ роднымъ — кровнымъ.
Пальцы рукъ видѣть — считать деньги.
Бабу видѣть простоволосую съ непокрытыми волосами — ссориться съ кѣмънибудь.
Брата друга, и прочихъ родныхъ и знакомыхъ видѣть — получить отъ нихъ извѣстія.
Врага видѣть — получить примиренія въ тяжобѣ.
Дѣвушку видѣть — получить какоенибудь диво, т. е. удивительное извѣстіе.
Покойника видѣть — къ дождю или снѣгу.
Ребенка видѣть — къ радости.
Родственника, кровнаго, живущаго на чужой сторонѣ — скорое его возвращеніе или его болѣзнь, а то и смерть.

Барабанный бой солдатъ слышать — получить испугъ и страхъ.
Большимъ себя видѣть — ктонибудь изъ родныхъ выздоравливаетъ отъ болѣзни.
Драку знакомыхъ видѣть — скорое съ ними свиданіе.
Играть въ карты — идти въ путь — дорогу.
Бушающихся и обнаженныхъ видѣть — пьяныхъ увидать.
Летающимъ по воздуху себя видѣть къ возрасту и тѣлосложенію челоуѣка.
Молящагося челоуѣка видѣть — вора или мошенника видать.
Плачущаго видѣть — распутнаго челоуѣка видать¹⁾.
Пляшущихъ видѣть — нацѣться пьянымъ.
Пьянаго видѣть — упасть въ грязь или въ воду.
Пѣсни слышать — жалобы на родныхъ и друзей слушать.
Расчетъ вести съ кѣмънибудь — въ долгъ давать.

4. Жилище, пища, одежда, предметы обихода.

Дворъ непокрытый, домъ или какуюнибудь хоромину, строеніе видѣть — отдавать деньги.

¹⁾ Последнія два сновидѣнія не основываются ли на пословицѣ: „Б—дъ слезлива, а воръ богомолень“? С. Д.

Избу развалившуюся, дворъ или какое нибудь строеніе видѣть—
отъѣздъ хозяина изъ дома, а иногда смерть его самого или же
кого нибудь изъ домашнихъ.

Печище, печь видѣть—быть подъ надзоромъ у сильнаго и властнаго
человѣка.

Пиво пить—съ кѣмъ нибудь ссориться.

Неодѣтаго видѣть—см. купающагося.

Карты—см. играть въ карты.

Серебро видѣть—къ горю и слезамъ.

Чернила видѣть—получить письмо.

5. Животный и растительный міръ.

Воробьевъ чирканье слышать—бабы разговоры слушать.

Ворона видѣть—получить извѣстіе.

Голубей видѣть—цѣловаться съ милыми и родными людьми.

Гусыню видѣть—мать или родную женщину видать.

Гуся видѣть—отца или брата видать.

Индѣйку видѣть—богатую женщину видать.

Индюка видѣть—богатаго человѣка видать.

Корову видѣть—пріятно покушать.

Кошку видѣть—увидаться съ врагомъ.

Кукушка кужованіе слышать—не долго жить на свѣтѣ.

Куръ видѣть—работать тяжело.

Лошадь видѣть—встрѣтиться съ врагомъ.

Овецъ видѣть—получить богатство

Пѣніе птицъ слышать—разговоры вести съ друзьями.

Пѣтуха пѣніе слышать—къ хорошей погодѣ.

Собаку видѣть—увидаться съ другомъ.

Сороку видѣть—гости пріѣдутъ.

Филина крикъ слышать—несчастіе услыхать

Рыбу видѣть—рынать, т. е. плакать.

Улей видѣть—получить богатство.

Луга зеленые видѣть—къ счастью въ домѣ.

Лѣсъ дремучій видѣть—соддаты видать.

Поле съ хлѣбомъ видѣть—жить богато и довольно.

Ягоды видѣть—слезы.

Праздничный сонъ сбывается до обѣда.

Пошехонье.

Савва Дорцовъ.

Пѣсни Мордвы-Ёрзи.

(Пензенской губ. Городищенск. у.).

I.

Минь мораснинь мазы моры- неньть, Минь юфтасныкъ тибирь морынь. Покшъ пасяса, вапшь ко лужи- неньть.	Мы споемъ хорошую пѣсню, Мы скажемъ вѣрную пѣсню. Широкое поле маленькій бугорокъ;
Лужиненьть сынтъ кудыне. Кудынь тейсы красна вальмине, Вальман тйла сука Полага. Лишкенде сука алунза, Сѣрьмау тодоу сукать прялунза.	На лужѣ есть домъ. Въ дому тамъ красное окошко, У окошка сидитъ дѣвица Пелагея. Бошма (у) дѣвицы подстелена, Пестрая подушка (у) дѣвушки въ головахъ,
Сянъ мукуръ пильга лунза,	Серебряный стульчикъ подъ но- гами.
Кетце кепнизе сука тейнезсе, Сень биртися сука сей нильде,	Въ рукахъ держитъ дѣвушка работу, Синимъ шелкомъ дѣвица выши- ваетъ,
Мишурась курвась кемельде. Керемнизе сукасъ керензе. Вильма пирясъ сукасъ путынзе.	Мишуркой дѣвушка накладываетъ. Кудри дѣвушка отрѣзала ¹⁾ . Окошко загородила дѣвица, поло- жила ²⁾ .
Яки паки шельма одзіёра. Керемнизе сука салынза Чудни вяднис кайнза, Лифти нармынь салынза, Пизоксъ лифте теинза.	Идетъ не идетъ ³⁾ шельма парень, Кудри (у) дѣвицы укралъ, (Въ) бѣгущую рѣчку бросилъ. Пичужка летала, украла (кудри), Гнѣздо пичужка сдѣлала,

¹⁾ Послѣ того какъ кончила вышивать. Кудри около ушей не отрѣзали, а выстригали.

²⁾ Загородила окно, положивъ на него кудри.

³⁾ Ходитъ взадъ и впередъ.

Колмо алыньт алыась,
Колмо леукснйт лифтишнысь

Три йцца снесла,
Трехъ вывела пичужекъ.

Записана въ д. Сѣлѣ со словъ крестьянки этой деревни Александры Никандровны Кузнецовой. Эта пѣсня поется на свадьбахъ „гостями“ въ то время, когда невѣста «вопить» Голосъ этой пѣсни и другихъ одинъ и тотъ же, сколько ни приходилось мнѣ слышать. Кузнецова замужемъ за крестьяниномъ этой же деревни; мужъ ея занимается хлѣбопашествомъ.

II.

Свекоръ.

Урва, урва боярава,
Стея урва тоу буака.
Стея урва свѣтъ нолдая.
Свалтне парыть кором вяшить
Вазны парыть симикс вяшить.
Вясы шабры толныть пусисьсть (?),
Вясы шабры свѣтъ нолднестъ,
Миник арась толныкъ буась
Миник арась свѣтге нолдасъ.

Вставай, вставай, барыня (сноха),
Поднимайся, вставай, огонь вздувай,
Поднимайся, вставай, свѣтъ пускай.
Коровы ревуть, корма просятъ,
Телята ревуть, пить просятъ.
Всѣ шабры (сосѣди) огонь вздули,
Всѣ шабры свѣтъ пустили;
У насъ нѣтъ свѣта вздутаго,
У насъ нѣтъ свѣта пушеннаго.

Сноха.

Сыри кися монь атяфтам.
Сыри сука авафтумя.
Монь чямстынь
Монь ягамстынь.
Валды свѣченъ кирва стыньстя,
Не валныкъ нія пакорта
Не баснят а пагѣюфта
Свалтны орксѣфтынесъ
Вазнынь пижи гуинетъ
Орксѣфтынесъ яжаса мам
Пижи гуйнесъ пупаса мам

Старая собака мой свекоръ,
Старая дѣвка свекровь.
Меня сватали,
Меня брали.
Когда свѣчку зажигали,
Эти слова не говорили,
Эти рѣчи не сказывали.
Коровы—медвѣди,
Телята—зеленыя змѣи.
Медвѣди изломають меня.
Зеленыя змѣи укусятъ меня.

Свекоръ.

Урва, урва, боярова,
Вере паса тейтирь чийть,
Алу паса теібра нияскытъ.

Вставай, вставай, барыня (сноха),
Верхній конецъ — дѣвку сватають,
Нижній конецъ—парень женится.

Сноха.

Туй (тяя) кота тсюлкам
Туй (тяя) рутсям балям.

Давай коты—чулки,
Давай шушпанъ, рубаху.

Записана въ селѣ Карамалахъ со словъ крестьянки Василисы Устиновны Бунтовой. Эта пѣсня тоже поется на свадьбѣ. Свекоръ «переکورяется» со снохою. Въ пѣснѣ упоминается одинъ обрядъ мордовскій свадебный, а именно: когда сваты поладятъ съ отцомъ невѣсты, тогда пьютъ „вино“, т. е. водку, а потомъ зажигаютъ свѣчку передъ образами и уже объявляютъ не-

вѣстѣ, которая до этого времени сидитъ въ чуланѣ, т. е. за порогомъ, гдѣ у мордвовъ печь и тамъ же готовятъ.

Согласія у невѣсты обыкновенно не спрашиваютъ никогда. Когда невѣста пріѣзжаетъ отъ вѣнца, то ей уже плетутъ волосы на двѣ косы и надѣваютъ кичку. У насъ, въ нашей сторонѣ, эти кички очень похожи на русскіе повойники, только спереди владется валикъ изъ пуха, и все это покрывается платкомъ, всегда почти краснымъ. Такъ вотъ, когда стануть надѣвать невѣстѣ эту кичку, а дѣлаютъ это не дѣвушки, а женщины, то дѣвушки стараются выхватить невѣсту изъ рукъ женщинъ и послѣ драки (при чемъ не рѣдко бывають сильныя ушибы) дѣвушкамъ удается отбить невѣсту въ свою сторону; тогда одна изъ женщинъ становится на четвереньки и такимъ образомъ ползетъ къ дѣвушкамъ, хватаетъ невѣсту, и уже послѣ этого она остается среди женщинъ. При этомъ происходитъ такая драка, что гости заранѣе переодѣваются въ будничныя одежды, такъ какъ нерѣдко эти послѣднія очень страдаютъ. Чѣмъ дольше отбивають невѣсту, тѣмъ считается лучше свадьба. Это тоже записала я со словъ той же крестьянки.

III.

Пиз пиз судуза
Новозало кудуза
Рау джирезе баняза
Кона юта поряза,
По пятаку кояза
По молодки чауза.

Сварилъ сварилъ носъ... (?)
На навозѣ домъ,
Около моря баня:
Кто идетъ парся,
По пятаку плати,
По молодки ударъ. (?)

Записано со словъ крестьянина Ивала Ефимовича Кабанова, села Коржевки. Какимъ образомъ въ этой пѣснѣ говорится про море, онъ объяснить не могъ; говорить, что такъ люди поютъ, но онъ ходилъ работать въ степи и доходилъ до Каспійскаго моря; можетъ быть онъ самъ вставилъ сюда слово „рау“. Эту пѣсню, я слышала, поютъ еще „раужа баняза“, т. е. грязная баня.

IV.

Бичи сисе кудыне
Кудыне сынъ бабине
Бабасъ пане почалсить
Ой боколесь кетцензе.

Мякся дягай а еруад
Нюмясь пижи кирине
Попонъ Яшка сальце
Хозяиконет магстынде.
Парьбот каязе
Юта пчарь кяризе
Лавка паниз каязе.

Средь дороги домишко,
(Въ) дому есть бабушка,
Бабушка блины печеть,
Масла комокъ (держитъ въ) ру-
кахъ.

Отчего, дитя, не ѣшь?
Пропалъ зеленый клубокъ,
Поповъ Яшка укралъ,
Хозяикъ отдасть,
(Въ) сундукъ положилъ,
Прошла мышь—отгрызла (конецъ),
(Въ) лавку конецъ положилъ.

Записано со словъ крестьянки деревни Сели Александры Никандровны Кузнецовой.

V.

Тятяи печьсь алаша
 Мондень магст лоанса
 Парнень борнень есь борневе
 Туян мокшань кіявань.
 Вастань мокшань дейтернень
 Чевень Бокень палыя
 Гунсть комадом яшкине.

Отець рѣзалъ лошадь,
 Мнѣ далъ мосолъ.
 Грызъ, грызъ—не догрызъ,
 Ушелъ мокшанской дорогой.
 Встрѣтилъ (у) мокшанъ дѣвшуку,
 Помоаяся Богу, поцѣловалъ,
 Бросивъ внизъ лицомъ.

Записана со словъ крестьянина деревни Сели Николая Измаловича Косова. Эту пѣсню слышала я еще отъ одной мордовки, но та пѣла ее, перемѣняя вмѣсто „Туян мокшань кіявань“—„Туян Кіянь скіявань“, что значитъ: ушелъ въ Кіевъ дорогой. Въ этой пѣснѣ упоминается объ мокшанцахъ. Вся мордва раздѣляется по нарѣчію на Мокшевь и Ерзя; такъ у насъ въ мордва Ерзя. И себя они считаютъ выше Мокшей, такъ какъ ихъ всѣ понижаютъ другіе мордвы, а Мокшей только Ерзя, другіе же нѣтъ. На вопросъ: кто же эти другіе? онъ мнѣ отвѣтилъ, что есть еще мордва, которые совсѣмъ не по-нашински бають.

Немного осталось пѣсень у мордвовъ на ихъ родномъ языкѣ, да и тѣ то они поютъ лишь на свадьбахъ, а въ обыкновенные праздники, весной или лѣтомъ, сколько мнѣ ни приходилось ѣздить, все слышишь русскія пѣсни, страшно перековерканныя, такъ что непривычному человѣку никакъ нельзя разобрать, о чемъ поется въ пѣснѣ. О томъ, какъ скоро они „русѣютъ“. если такъ можно выразиться, можно судить по тому, что прежде всѣ женщины носили свои національные костюмы и даже съ пренебреженіемъ относились къ русскому сарафану; но теперь многія мордовки ходятъ въ сарафанахъ, вводится русская пляска, даже нѣчто вродѣ польки, и рѣдко-рѣдко гдѣ увидишь, что пляшутъ по-мордовски. Мужики всѣ безъ исключенія говорятъ по-русски, а бабы почти всѣ. Происходить все это, мнѣ кажется, отъ того, что, во-первыхъ, близко есть большое фабричное село, во-вторыхъ, мужики стали ѣздить съ обозами, заѣзжаютъ они очень далеко, и на Донъ и на Кавказъ. Но не про всѣ села и деревни могу сказать, что народъ въ нихъ такъ обрусѣлъ, а, конечно, про тѣ, которыя по близости отъ той мѣстности, гдѣ я живу, наприм. деревня Селя, куда я чаще всего ѣздила. Она вся заселена мордвами; отъ селъ и деревень отстоятъ довольно далеко, школы тамъ нѣтъ.

Здѣсь я думала найти или услышать что либо подходящее для меня, но всѣ поиски оказались напрасными. Въ другія же села и деревни, въ которыхъ есть церкви и школы и часть населенія прямо русская, я уже и не ѣздила. Тамъ уже прямо, даже и на свадьбахъ, вы не услышите мордовской пѣсни. Что касается до сказокъ или поговорокъ, или сказаній—ничего этого нѣтъ. Я пробовала слушать, какъ мордовки дѣтей качаютъ, думала, что тутъ интересное можетъ быть услышу, но и тутъ все по-русски. Сначала, когда я начала только ѣздить въ Селю, то всѣ мальчишки и дѣвченки, да и большіе тоже, выходили смотрѣть на улицу, какъ на чудо, но потомъ мнѣ удалось приучить или вѣрнѣе приручить этихъ ребятъшекъ до того, что только я вѣзжаю въ околицу, какъ они сбѣгаются со всѣхъ сторонъ и кричатъ: „здравствуй барышня!“ Сколько труда стоитъ имъ произнести эти слова! Удалось мнѣ это сдѣлать при помощи конфетъ и пряниковъ.

Сообщила ученица, VII кл. гимназіи П. Мачинская.

Нъ легендамъ и повѣрьямъ о табакѣ ¹⁾.

I.

Откуда взялся табакъ?

(Саратовской губ.).

а) При разговорѣ съ однимъ «калугуромъ» (раскольниковъ), мнѣ пришлось узнать отъ него, откуда взялся табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ, не знаю гдѣ почерпнутую имъ, такую объ этомъ исторію: «Когда-то давнымъ-давно, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, люди, заселявшіе эту землю, были великими грѣшниками. Потомъ вдругъ они раскаялись, и ихъ Богъ простилъ, такъ-что на нихъ не осталось положительно никакого грѣха, и болѣе они не согрѣшали. Бѣсы, вознегодовавшіе на это, стали всячески дѣлать искушенія, но люди уже тому не поддавались и продолжали жить безгрѣшными. Тогда сатана приказалъ своимъ бѣсамъ на днѣ ада отыскать такую траву, о которой еще мало кто и изъ бѣсовъ зналъ, да и то только изъ «старшихъ», именно табакъ. Последній искали ровно три года, а люди всё продолжали жить не грѣша. Табаку этого развели много. Сатана приказалъ сдѣлать въ каждомъ селѣ по лавочкѣ. Приказчиками въ нихъ были бѣсы, понятно, только въ образѣ человѣка. Въ лавкахъ былъ разный табакъ, папирсы, трубки, спички и бумага. Люди проходили мимо лавокъ, не обращая на нихъ вниманія. Бѣсы было и тутъ испугались, что не будетъ сбыта этому табаку, но одинъ бѣсенокъ догадался и сдѣлалъ такую штуку: сами-же бѣсы, подъ видомъ православныхъ людей, стали подходить къ лавкамъ, покупать сначала трубку, потомъ табакъ и спичекъ и, закуривъ, идутъ по улицѣ. Люди удивились этой хитрости, чтобы идти по улицѣ, имѣтъ вору огонь и выпускать дымъ; стали у бѣсовъ спрашивать, какъ и гдѣ можно эту штуку сдѣлать. Тѣ, понятно, были рады этому и съ удовольствіемъ старались привлечь массу публики въ число курящихъ. Такъ вотъ съ того времени пошелъ табакъ этотъ, бѣсова трава, пошелъ съ нимъ и другой грѣхъ. Люди черезъ это опять обратились въ грѣшниковъ»,—закончилъ свою рѣчь калугуръ.

С. Кологривовка,
Аткарскаго уѣз. 1892 г.

Сообщ. П. М. Суховъ.

(Курской губ.).

б) Сообщаемъ записанные въ с. Шебекинѣ Бѣлгородскаго уѣз. Курской губ. довольно оригинальные варианты о происхожденіи, или вѣрнѣе о появленіи у насъ, табака и о нюханіи его.

¹⁾ Библиографическія указанія къ этому вопросу см. въ „Этнографическихъ матеріалахъ“ В. Гривченка, т. II, стр. 15 (Черниговъ. 1897). *Ред.*

1) „Про табакъ у снѣ приснылося чоловікови. Ходывъ по монастырямъ, Богу молився; прышовъ винъ до якихъ святыхъ, тай углядивъ (табакъ) у тій слободи, городи тому. «Якъ бы Богъ давъ, та мени у снѣ приснылося, якъ ёго ходыть, изъ чога ёго начать» (выращиваніе табака). Ему у снѣ и увидилося: «отъ якъ картошка цвѣтѣ и таки яблочки есть зъ картошки (плоды), то ты тихъ яблукивъ нарвы и змы закопай у гарячий гній, то воны паросты попустять; тоди посады и польвай, тоди шось тоби буде»... Закопавъ, та шо дня ходе поглядать. Якъ прійшовъ на 12-й день, а надъ нымъ (растеніемъ) сыдыть еврей тай каже: «чога ты, чоловіче, ходышь?»—Я тутъ одну штучку закопавъ.—«Яку?» Винъ давай ёму казать.—«Не ходы, каже, шість день ще, то воны выйдуть сами». Винъ шість день побувъ (дома), паросты повыходылы; винъ скопавъ грядочку, взявъ посады, польва та польва; тоди дывляться, шо винъ робе, тай пытають.—«Вамъ не пытать, мени не казать». А дывыця, стоить—кажеться Недилля: «хиба це Богъ давъ? це не Богъ давъ; якому богу молився, той богъ и давъ: це не боже». — «Щожъ его робыть?» пыта чоловікы.—«Колы хочъ свой души спасенія, то откажысь; а колы хочъ богатыремъ быть, дилай. Кого ты прохавъ, той тоби и дастъ.—«Що Богъ дастъ!» А вона каже: «то не Богъ,—Богъ на небесахъ, а твій богъ у свынныци стоить». — «Уже я тебе не послухаю», Пышовъ у хливъ подывыться, чы правда. А винъ (научившій) стоить у золоти и каже: «Що ты, чоловіче, будешъ у золоти?» — Того я бажавъ, то мни Богъ и давъ.—«Тутъ Бога нема. Будь мни товарышемъ». Винъ прыступывъ.—«Ты никого не слухай, польвай, поливай, а якъ вырасте, то лыстячко обламай, а насинячко прыберы, то будешъ богатый». Отъ воно зъ того и завелось и завелось. . Одъ дида пысьменного чула“.

Записано отъ старухи Степухи. Характерно въ этомъ разказѣ указаніе на занесеніе табака съ востока богомольцами, а также на ботаническое родство его съ картофелемъ (*solanum*).

2) „У Божои Матери голова заболела, а вона понюхала—голова й перестала болить. Вона й каже: «у мене перестала голова—нехай и мыръ хрещеный тымъ оборотъ дилае, шо у мене голова перестала болить»... Якъ голова болыть, треба обладаты лыстомъ зъ хрину“.

Записано отъ той же старухи Степухи¹⁾.

Бѣлгородъ, 1891 г.
Шебекинскій сахарный заводъ.

Сообщ. М. К. Васильевъ.

1) Эти рассказы сообщены г. Васильевымъ также редакціи „Кіевской Старини“ и напечатаны, съ незначительными измѣненіями, въ 1893 г. (Мартъ, 547). Ред.

II.

Причина куренія табаку и его происхожденіе.

(Вологодской губ.).

Куреніе табаку среди крестьянъ Кадниковскаго уѣзда Вологодской губ. распространено настолько, что очень и очень рѣдко встрѣтишь некурящаго, исключая, конечно, старовѣровъ. Многіе изъ уѣзда уходятъ въ „чужіе люди“, въ работники. Это то и есть одна изъ важныхъ причинъ куренія. Вотъ что сказалъ мнѣ одинъ крестьянинъ, когда я у него спросилъ, давно ли онъ курить, когда и почему началъ. «Въ чужихъ людяхъ все жилъ. Какъ начнешь уставать, глядь—одинъ, другой сѣлъ покурить; а сядь некурящій, засмѣютъ, скажутъ: усталъ, умаяли. Стыдно, ну вотъ и сталъ курить, сначала понемножку. а потомъ дальше да больше; вотъ теперь и привыкъ—не останешъ. Сядешь покурить, глядишь — въ это время и отдохнешъ малость—все легче».

Въ уѣздѣ немало старовѣровъ. Иконы у нихъ стоятъ всегда въ кіотахъ подъ стекломъ. Желавшихъ покурить хозяева или совсѣмъ выпроваживаютъ изъ избы, или отсылаютъ къ дверямъ и закрываютъ двери кіотовъ.

Нѣкоторые изъ крестьянъ такъ объясняютъ грѣховность куренія. когда-то давно застали въ грѣхѣ мужчину и женщину. Ихъ убили на мѣстѣ преступленія и тутъ-же зарыли. Гдѣ былъ зарытъ мужчина. тамъ выросъ картофель, который такъже считаютъ нѣкоторые грѣховомъ употреблять въ пищу; а гдѣ была зарыта женщина тамъ, выросъ табакъ.

Вологда, 1897.

Сообщ. П. Александровъ.

III.

Сказка о томъ, какъ солдатъ на томъ свѣтѣ добылъ табаку и водки.

(Владимірской губ.).

Выпилъ солдатъ лишнее количество брыкаловки и оочурился. Его бы за это въ адъ, но такъ какъ онъ былъ по службѣ исправень, начальства ни въ чемъ не ослушался, съ товарищами жилъ дружно, царю служилъ вѣрно, за что и въ ефрейторы произведенъ,—то его послали въ рай. Привели его въ рай, а онъ еле на ногахъ держится. Мундиришко на немъ грязный, пуговицы не чищены, одна нога въ сапогѣ, другая разута.....¹⁾ Народу набралось много; вотъ солдатъ и началъ бобы разводить о томъ, какъ онъ на землѣ жилъ..... Глядитъ солдатъ, кругомъ его деревья растутъ, а на нихъ всякіе плоды и птицы разныя—видимо-невидимо. Одно яблоко сорветъ и съѣстъ—сладко, другое—еще слаще. Наѣлся, сколько утроба приняла, послушалъ пѣнія райскихъ птицъ да и заснулъ... Проснулся

¹⁾ Пропускаемъ излишнія длинноты и мѣста, неудобныя въ печати. *Ред.*

солдаты, и захотѣлось ему опохмѣлиться и закусить чего-нибудь солененькаго. Шарилъ, шарилъ въ карманахъ, наконецъ отыскалъ пятакъ. Опохмѣлиться есть на что, слава Богу; теперь только табачку понюхать—и все дѣло будетъ въ шляпѣ. Хвать, туда-сюда—нѣтъ табакерки..... Хоть и случалось ему послѣ выпивки не опохмѣляться, но уже что касается табаку, то онъ постоянно водился. Пойтить пораздобыться да кстати про кабачишко узнать..... Ни табаку, ни водки въ рай нѣтъ, а въ аду, сказываютъ, есть. Обрадовался солдатъ и спрашиваетъ: а гдѣ же найти адъ? Показали ему дорогу... Прибѣгаетъ солдатъ въ адъ и спрашиваетъ: табакъ есть?—Сколько угодно, служивый, говорятъ черти.—Вотъ это отлично! И водка есть?—И водки сколько угодно.—Вотъ это рай, говоритъ солдатъ. Опохмѣлился, взявъ Жүковскаго табаку и расхаживаетъ по аду... (Ангель два раза уводитъ солдата обратно, наконецъ солдатъ получаетъ разрѣшеніе остаться въ аду, «съ тѣмъ, чтобы тамъ всѣхъ чертей солдатской муштровкѣ обучить... только чтобы останову въ табакъ и водкѣ не было»...). И зажилъ себѣ съ тѣхъ поръ солдатъ въ аду и больше про землю не вспоминаетъ ¹⁾).

Записано отъ стараго николаевского солдата, рассказывающаго также «Сказаніе о томъ, какъ была сотворена смерть, и какъ она первый разъ на землю приходила». Последнее сказаніе не записано, потому что оно, благодаря устной его передачѣ и фантазіи рассказчиковъ, утратило свою первоначальную форму.

Почт. ст. Мош.кѣ.

1892 г.

Сообщ. С. Бадриискій.

Этнографическія мелочи.

(Изъ мѣстечка Веркѣвки, Нѣжинскаго уѣз., Черниговской губ.)

Масляница.

Дни масляницы отдѣльно не носятъ никакихъ особыхъ названій. Вся сырная недѣля называется „масныцею“. Ни игра, ни увеселеній, ни пѣсень, свойственныхъ исключительно этому времени, не существуетъ, да и веселиться некогда, такъ какъ много работы накопляется, и сѣмена льняныя и конопля «товкты» на масло для наступающаго поста, и бѣлье стирать, такъ какъ «стары мюде» говорятъ, что бѣлье, выстиранное на сырной недѣлѣ, будетъ бѣло, какъ сыр; кромѣ того, надо исполнить ежедневныя хозяйственныя работы.

Последній день масляницы — воскресенье называется «пущенемъ», «заговинамы», «пущалнымъ днемъ». Вечеромъ «на пущене» приходятъ зятья съ женами къ тестю «заговлять»; приходятъ «сваты и свѣахи» (родные зятей) и ужинаютъ вмѣстѣ. За ужиномъ подаютъ вареники съ сыромъ, кашу молочную, рыбу; выпьютъ съ четвертыню

¹⁾ Параллели къ этой сказкѣ см. въ „Этн. Обзор.“ XXII, 126. Ред.

водки да «тыкву вареною» («тыква» — кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, «вареная» — горячій взваръ на водкѣ). Часамъ къ 12 расходятся по домамъ; прощенья грѣховъ другъ у друга не просятъ, — этотъ обычай совсѣмъ не существуетъ въ Веркiевкѣ. Эти пирушки на заговинахъ бывають только у тѣхъ, которые имѣють молодыхъ замужнихъ дочерей, а остальные ужинають сами. Всякая работа во всѣ дни масляницы позволительна; только въ среду нельзя пряхть и шить, наѣвшись скоромнаго; если же не ѣсть въ этотъ день скоромной пищи, то можно и пряхть и шить. Въ пятницу — и на масленой, и въ другое время года — никогда не прядуть. Шить въ пятницу сырную можно до тѣхъ поръ, пока «не оскоромыся». Особенно опаснымъ считается «кострычить» (пряхть) тѣмъ, у кого есть скотъ, такъ какъ этотъ грѣхъ отзовется на домашнихъ животныхъ: «хочъ кузка (черви) нападе на скотъ, хочъ слыня бигтыме у скотыны зъ рота», говорятъ веркiевцы; кромѣ того, этотъ грѣхъ наказывается еще тѣмъ, что при снованіи пряжи «будуть кластысь харгы» (ошибочно положенныя при снованіи нитки, которыя во время тканья только мѣшаютъ тать). Если шить въ среду или пятницу, то можетъ родиться слѣпымъ ребенокъ или что-нибудь изъ скота; если беременная женщина шьетъ въ эти дни, то роды у нея будутъ трудны. Въ понедѣльникъ, пятницу и субботу «не золять платя» (бѣлья); если же кому нужно сдѣлать это, то долженъ выпить три ложки «золы» (щелокъ, въ которомъ вываривается бѣлье), такъ какъ при неиспленіи этого условія на томъ свѣтѣ придется пить гораздо больше этой золы. Въ воскресенье на масляницѣ, особенно въ то время, когда идетъ служеніе, нельзя искать въ головѣ (то же и въ другіе праздники); въ остальные дни сырной недѣли — можно. Катанія съ горъ на масляницѣ въ Веркiевкѣ не бываетъ. Обыкновенно, хотя и не исключительно, въ это время, какъ наиболѣе удобное, объѣзжаютъ молодыхъ лошадей и бычковъ.

На масляной прицѣпляютъ «колодку». Собирается нѣсколько дѣвушекъ «зъ одного кутка» и завязываютъ однимъ концомъ веревки обрубокъ дерева, какой попадется, — сучковатый или обтесанный, большой или малый, — лишь бы подтянули, это и есть «колодка». Одна или двѣ дѣвушки тянуть володку, а остальные несутъ — одна корзину, другая мѣшечекъ и т. д. Колодку тянуть сперва въ домъ одной изъ участницъ и съ хихиканьемъ привязываютъ къ ногѣ хозяйки. «А ну-те, дядыно, теперъ одкупляйтесь!» — «Дядына» отцѣпляетъ колодку и даритъ дѣвушекъ сыромъ, масломъ, яицами, мукой. Дѣвушки складываютъ полученное себѣ въ корзины, мѣшки и отправляются къ слѣдующей подругѣ и т. д. Потомъ отправляются въ хаты «парубкивъ», которые живутъ на одномъ съ ними кутку, и гуляютъ на однихъ «вечорныхъ». Вечеромъ въ тотъ же или на слѣдующій день дивчата собираются на вечерницы, варятъ изъ собранныхъ припасовъ вареники, пекутъ блины, варятъ борщъ, кашу, готовятъ рыбу. Па-

робки покупаютъ на свой счетъ водку, являются съ ней на вечерницы, и здѣсь начинается пиръ, что называется «пить складку». Эти «складки» бывають только тамъ, гдѣ собирается много паробковъ и дивчатъ; если же соберется мало народу, то пиршество откладывается до «збирной субботы» (на первой недѣлѣ Великаго поста).

По объясненію нѣкоторыхъ веркѣевцевъ, масляница установлена для того, чтобы за 7 дней желудокъ человѣка могъ совершенно очиститься отъ мясной пищи, такъ какъ считается большимъ грѣхомъ, если въ постъ въ желудкѣ будетъ хоть немного мясного.

Великій постъ.

Въ понедѣльникъ первой недѣли поста нѣкоторые охотники «полощутъ зубы», т. е. допивають передъ «снѣданьемъ» водку, которая осталась отъ заговинъ; иные, не довольствуясь этимъ, «идутъ полоскать зубы въ шынокъ». «Полощутъ», впрочемъ далеко не всѣ,—одни только страстные любители водки, и при томъ мужчины; бабы этого не дѣлають. Послѣ этого водки уже нельзя пить въ теченіе цѣлой недѣли. Въ понедѣльникъ бабы моютъ горячею водою всю посуду, чтобы на ней не оставалось ничего скоромнаго. Въ этотъ же день пекутъ «жыловныкы», прѣсные коржи; ихъ ѣдятъ только въ понедѣльникъ съ буряковымъ квасомъ и хрѣномъ, и этимъ «закрепляютъ» на весь постъ. «Жыловныкы» пекутъ много, остатки прячутъ и ими лѣчатся отъ разныхъ болѣзней.

Первая суббота Великаго поста называется «збирною»: въ этотъ день, по народному повѣрью, во время обѣдни на церковную паперть собираются всѣ мертвецы и радуются, если видятъ, что ихъ родственники даютъ подачку нищимъ и «спасеныкамъ» (говѣющимъ). Вечеромъ въ збирную субботу собирается молодежь на вечерницахъ и «пѣютъ складку». Послѣ «складки» несутъ закапывать кашу. Эта каша готовится дѣвушками на вечерницахъ до прихода паробковъ. Готовится она иногда изъ разныхъ хлѣбныхъ зеренъ: рожь, овесъ, просо, гречиха, пшено, иногда изъ одной только гречихи или пшена. Около полуночи берутъ эту кашу въ горшкѣ и бутылку водки, съ пѣснями несутъ ее въ глухое мѣсто, ставятъ кашу на снѣгъ, сами усаживаются вокругъ нея, выпивають водку; затѣмъ дѣвушки немного поодаль отъ кружка загребають кашу въ снѣгъ. Закопавши кашу, приносятъ нѣсколько кудей соломы въ какой-либо огородъ, разстилають ее, садятся и поютъ веснянки, главнымъ образомъ слѣдующую:

Ой збирна, збирна
Да субитонька.
Да малая ничка
Петривочка,—

Да не выпалась
Удивочка,
Да й усю ничку
Биль бѣлыла.

Соби явора
Приманыла:
— Да ой ты, яворъ.

Яворочку,
Да подай мыни
Хоть гилечку (вѣтку).

Съ збирной субботы молодежь начинаетъ собираться гулять „на колодахъ“ (на срубленныхъ деревьяхъ, сваленныхъ гдѣ-либо возлѣ хаты) и перестаетъ ходить на вечерницы. На первой недѣлѣ поста особенно много бываетъ говѣющихъ: старики желаютъ еще во второй разъ говѣть на страстной недѣлѣ, а молодые, можетъ быть, потому, что въ это время не такъ много работы, какъ послѣ. Послѣ причащенія нельзя пряхть, ѣсть подсолнуховъ, вообще нельзя ничего дѣлать такого, гдѣ бы пришлось выплевывать слюну; нельзя и спать послѣ причащенія, потому что „нанголы“ (ангелы) украдутъ причастье. Впрочемъ послѣднее требованье исполняется только богомольными стариками; молодые же, пользуясь свободнымъ днемъ, спятъ въ этотъ день больше, чѣмъ когда-либо.

Среда четвертой недѣли называется „хрестътемъ“; въ этотъ день, по народному повѣрью, сорока для гнѣзда кладетъ накрестъ двѣ палочки. „На хрестъте“ бабы пегутъ изъ ржаного тѣста кресты, прячутъ ихъ и потомъ лѣчатъ ими „одъ прыстриту“, „одъ поганны“ и другихъ болѣзней. Пряхть можно въ этотъ день только въ томъ случаѣ, когда пряжа надѣется напярсть четыре „почынки“ (веретено съ пряжей), чтобы положить ихъ накрестъ. Можно учиться вышивать крестиками.

Среда на пятой недѣлѣ называется „поклонами“. Весь день можно работать; но какъ только зазвонятъ къ вечернѣ, то работа откладывается, передъ образами зажигаются лампадки, курятъ ладономъ; весь вечеръ считается такимъ же большимъ праздникомъ, какъ, напримѣръ, Благовѣщенье.

Большую радость ребятишкамъ доставляетъ Вербная суббота: почти у cadaго есть обновка къ этому дню; имъ позволяютъ босыми идти въ церковь, носить вербу¹⁾). Утромъ въ Вербное воскресенье за вербой дѣти не ходятъ—спятъ, а хозяйки топятъ печи. Взрослые, принеся вербу домой, стегаютъ ею домашнихъ, приговаривая:

Не я бью, верба бѣе.
— Якая?—Святая.
Будь здоровъ, якъ вода,
А богатъ, якъ земля!

Или:
Верба бѣе—не я бью.
За тыждень — велыдены.
Недалечко красне йнечко.

¹⁾ Въ м. Мринѣ Нѣж. у. женщины полагаютъ, что у той изъ нихъ будетъ хорошій урожай на ленъ, которая принимала участіе въ обходѣ вокругъ церкви съ вербой. А. М.

Вербу ставятъ на покути, подь образами. Маленькія вѣточки изъ нея втыкають въ пасху; освященной вербой выгоняють изъ хлѣва быковъ, когда думаютъ пахать ими въ первый разъ; этой же вербой выгоняють въ первый разъ корову въ стадо, при чемъ въ воротахъ кладутъ красный шерстяной поясъ и какую-либо желѣзную вещь.

Страстную недѣлю называютъ еще „бидлою“, такъ какъ въ это время бѣлятъ и вообще убирають хаты къ свѣтлому празднику. Со страстей стараются принести горящую страстную свѣчу, выжигаютъ ею кресты на перекладинахъ дверей и оконъ; свѣча эта прячется и зажигается во время сильной грозы, при трудныхъ родахъ и пр. Въ пятницу не прядутъ, какъ и вообще во всякую пятницу. Въ субботу передъ вечеромъ „вымываютъ дичу“, въ которой мѣсится тѣсто, ставятъ ее «на хрещатыгъ» (особая скамейка, подставка для этой дичи), перевязываютъ рушныкомъ, сверху кладутъ хлѣбъ, соль, мелкую монету, и «дича торгуе».

По записямъ Герасименко сообщилъ А. Н. Малиннѣ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

Д-ръ Люборъ Нидерле: Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. (Перев. съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ редакціей Д. Н. Анучина. СПБ. 1898, 8°, стр. XXVII+655, съ 459 рис. въ текстъ и картою).

Когда въ 1893 г. появился въ свѣтъ изданный въ Прагѣ трудъ проф. Нидерле: *Lidstvo v době prѣdhistorické* «Этнографическое Обзорѣніе» (кн. XX) привѣтствовало его, какъ отрадное явленіе въ археологической литературѣ, и выразило желаніе, чтобы трудъ проф. Нидерле, касающійся подробно славянскихъ и въ частности русскихъ древностей, былъ переведенъ на русскій языкъ, «такъ какъ у насъ уже давно чувствуется недостатокъ въ такого рода изданіи». Этому пожеланію суждено было осуществиться, благодаря совмѣстнымъ трудамъ Ѳ. К. Волкова, предпринявшаго нелегкую работу по переводу съ чешскаго обширной книги пр. Нидерле, акад. Д. Н. Анучина, которому принадлежитъ редакція перевода, и наконецъ самого пр. Нидерле, который для русскаго изданія значительно дополнилъ и видоизмѣнилъ текстъ сравнительно съ чешскимъ оригиналомъ. Такимъ образомъ 1898 г. открылся появленіемъ въ свѣтъ необходимой для русскихъ читателей, интересующихся древностями, цѣнной работы пр. Нидерле.

Потребность въ подобномъ трудѣ на русскомъ языкѣ сказывалась уже давно. Существующія работы о первобытномъ человѣчествѣ, объединяющія археологическій матеріалъ, отчасти устарѣли, отчасти же, какъ напр. цѣнная книга Ноernes'a: *Die Urgeschichte des Menschen*, почти вовсе не касаются древностей славянскихъ и русскихъ. Введеніе этихъ послѣднихъ въ общую сферу изученія жизни первобытнаго человѣчества составляетъ главную и выдающуюся заслугу пр. Нидерле.

Интересъ къ изученію доисторическаго быта человѣчества на основаніи археологическихъ данныхъ, впервые пробудившійся во Франціи и въ Скандинавіи, быстро распространялся и въ остальныхъ странахъ Европы. Русская археологическая наука въ частности накопила многочисленный и чрезвычайно богатый матеріалъ, позволяю-

ний распространить или видоизменить выводы, къ которымъ приходили западные ученые на основаніи изученія первобытныхъ древностей зап. Европы. Знакомство западныхъ ученыхъ съ древностями Россіи было однако крайне ограничено: отчасти незнаніе русскаго языка, отчасти самый характеръ русской археологической литературы, мало объединявшей и систематизировавшей свѣдѣнія о добываемыхъ изслѣдователями древностяхъ, приводили къ тому, что древности восточной Европы сравнительно мало эксплуатировались для общихъ научныхъ выводовъ. Но довольно многочисленныя поѣздки западныхъ ученыхъ съ цѣлью изученія древностей Россіи, изданіе нѣкоторыхъ памятниковъ, хранящихся въ русскихъ музеяхъ, введеніе отдѣленій для древностей Россіи въ западныхъ музеяхъ, наконецъ переводъ извѣстнаго труда Н. П. Кондакова и гр. Толстого «Русскія Древности» и пр.—все это свидѣтельствуетъ о проникшемъ въ сознаніе западныхъ ученыхъ убѣжденіи, что изученіе археологій Запада невозможно безъ изученія древностей Россіи. Объединить данныя археологій Запада, присоединивъ къ нимъ матеріалы, добытые благодаря изученію славянскихъ земель и Россіи, было подѣ силу однако только лицу близко знакомому съ древностями восточной Европы, имѣвшему возможность изучить древности Россіи и слѣдить за развитіемъ русской археологической науки. Такимъ лицомъ оказался пр. Нидерле, и его трудъ впервые даетъ широкое мѣсто древностямъ восточной Европы въ общемъ матеріалѣ о доисторическомъ бытѣ челоуѣка. Для русскихъ читателей «Человѣчество въ доисторическія времена» имѣетъ другое и значительно болѣе широкое значеніе. Прежде всего трудъ пр. Нидерле объединяетъ въ популярномъ изложеніи главные выводы русской доисторической археологій и представляетъ ихъ въ систематизированномъ видѣ.

Значительное количество ссылокъ на литературу позволяетъ русскому читателю, начавшему знакомство съ русской археологіей по труду пр. Нидерле, ориентироваться въ литературныхъ источникахъ и, слѣдуя указаніямъ, ознакомиться обстоятельнѣе съ тѣмъ или другимъ заинтересовавшимъ его вопросомъ. Подробныя указанія на литературу въ трудахъ, имѣющихъ въ виду широкій кругъ читателей, являются крайне желательными, и въ этомъ отношеніи книга чешскаго профессора выгодно отличается отъ аналогичнаго труда Ноегнесъа, въ которомъ ссылки на литературу почти отсутствуютъ. Далѣе русская археологія представлена не изолированно, а въ тѣснѣйшей связи съ древностями славянскихъ странъ и общеевропейской археологіей: это въ свою очередь расширитъ взгляды русскихъ читателей, отгнѣнитъ имъ значеніе и роль древностей Россіи для рѣшенія общенаучныхъ задачъ и поставитъ передъ ними вопросы, разрѣшеніе которыхъ должно произойти на почвѣ изученія археологій нашей родины. Количество любителей древностей въ исторической эпохи и изслѣдователей ея въ Россіи замѣтно возрастаетъ, но далеко не всѣмъ и не

всюду представляется возможным ознакомиться съ обширной археологической литературой Запада, съ научными выводами, достигнутыми западно-европейскими учеными по тому или иному вопросу. Трудъ пр. Нидерле удачно восполняетъ для русскихъ читателей этотъ недостатокъ, такъ какъ почти всѣ главные выводы археологіи представлены въ ней съ достаточной ясностью и полнотой: вотъ почему мы, не опасаясь преувеличенія, должны признать работу пр. Нидерле основной, необходимой книгой, съ которой слѣдуетъ ознакомиться всякому русскому изслѣдователю, начинающему занятія археологіей, если онъ желаетъ отнестись къ изученію древностей Россіи съ научной точки зрѣнія и не ограничиваться узкими рамками мѣстной археологіи.

Работа пр. Нидерле, появляющаяся на русскомъ языкѣ съ значительными измѣненіями и дополненіями автора сравнительно съ изданіемъ на чешскомъ, снабженная примѣчаніями редактора перевода, не представляетъ собой компилятивной работы, только необходимаго и полезнаго учебника доисторической археологіи. Это одновременно и трудъ вполне научный, въ которомъ читатель найдетъ много интересныхъ и новыхъ взглядовъ, принадлежащихъ автору. Мы не будемъ входить въ научную оцѣнку труда пр. Нидерле, равно и не станемъ излагать богатаго содержания его: послѣднее сдѣлано въ замѣткѣ, помѣщенной въ «Этнограф. Обзорніи» (яп. XX). Нѣкоторые выводы автора могутъ возбуждать сомнѣніе, на что указано между прочимъ и редакторомъ перевода, нѣкоторые отдѣлы, кажется намъ, изложены быть можетъ слишкомъ сжато и пр. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что нѣкоторые недостатки и пробѣлы оказываются почти неизбѣжными въ трудѣ, въ которомъ автору приходится объединить громадный матеріалъ, добытый изслѣдователями въ самыхъ разнообразныхъ пунктахъ Европы, и касаться, намѣчать или рѣшать вопросы чрезвычайно сложные, относительно которыхъ наука еще не успѣла выработать вполне определенныхъ взглядовъ. Всѣ эти недостатки однако нисколько не лишаютъ работу пр. Нидерле серьезнаго и научнаго значенія и отнюдь не умаляютъ ея роли, какъ необходимаго для русскихъ читателей основнаго руководства по первобытной археологіи. Всѣ, интересующіеся развитіемъ археологическихъ знаній у насъ на родинѣ, не могутъ не принести искренней благодарности переводчику и редактору за предоставленіе русскимъ читателямъ возможности ознакомиться съ цѣннымъ трудомъ чешскаго профессора, причемъ результатомъ подобнаго чтенія должны появиться и болѣе широкіе взгляды и болѣе научное отношеніе къ нѣкоторымъ древностямъ Россіи среди многихъ изслѣдователей, по различнымъ обстоятельствамъ лишенныхъ возможности широко ознакомиться съ нерусской археологической литературой.

Н. Х.

Описание Маньчжуріи. *Подъ ред. Д. Позднѣва.* (Изд. Мин. Финансовъ СПб. 1897. 8°, т. I, стр. V+620 съ картой, т. II, приложения).

Изданіемъ названнаго труда Министерство Финансовъ осуществило весьма полезную мысль объединенія въ одномъ цѣломъ литературныхъ данныхъ о Маньчжуріи. Обширная работа, въ составленіи которой приняло участіе нѣсколько лицъ, представляетъ сводъ данныхъ объ интересной, но пока еще крайне мало изслѣдованной странѣ, — данныхъ, почерпнутыхъ какъ изъ русскихъ, такъ и иностранныхъ (въ томъ числѣ и китайскихъ) источниковъ. «Описание Маньчжуріи» имѣетъ такимъ образомъ компилятивный характеръ, вслѣдствіе чего нѣкоторые пробѣлы, сознаваемые и самими составителями, должны быть поставлены на счетъ источниковъ. Значеніе подобныхъ компилятивныхъ работъ, въ особенности если онѣ основаны на малодоступныхъ, а иногда и совершенно недоступныхъ для обыкновеннаго читателя источникахъ, безусловно очень велико: уже то, что подобные труды подводятъ итоги предшествующимъ изслѣдованіямъ и тѣмъ самымъ указываютъ на пути, по которымъ должно итти дальнѣйшее изученіе страны или народности, дѣлаютъ ихъ крайне желательными; въ отношеніи такихъ отдаленныхъ, трудно доступныхъ, но представляющихъ существенный интересъ для науки, областей, какою является Маньчжурія, обобщающій литературные источники трудъ заслуживаетъ особой признательности. Въ 1-мъ томѣ названнаго труда мы находимъ прежде всего историческій очеркъ страны; далѣе слѣдуетъ очень обширный отдѣлъ, посвященный географическимъ и геологическимъ даннымъ о Маньчжуріи. Описанію климата, растеній и животныхъ страны посвящена 5-ая глава, за которой слѣдуетъ очеркъ, касающійся населенія Маньчжуріи. Этнографическія свѣдѣнія, кажется намъ, могли бы быть изложены значительно подробнѣе: небольшая глава о населеніи, въ которой говорится о 12 народностяхъ, обнимаетъ всего 42 стр. Естественно, что мы встречаемъ въ ней лишь очень краткія свѣдѣнія, не позволяющія составить яснаго представленія о разнохарактерномъ населеніи страны. Дѣйствительно, нѣкоторыя этнографическія данныя читатель найдетъ въ гл. X «Добывающая и обрабатывающая промышленность», но и въ ней свѣдѣнія этнографическія сообщаются лишь очень кратко. Главы, трактующія объ административномъ устройствѣ Маньчжуріи, ея городахъ и важнѣйшихъ населенныхъ пунктахъ, дорогахъ и торговлѣ, заключаютъ 1-й томъ интереснаго «Описанія Маньчжуріи». Въ приложеніяхъ, помѣщенныхъ во 2-мъ томѣ, кромѣ интересныхъ добавленій къ отдѣльнымъ главамъ 1-го тома, приложены свѣдѣнія о китайскомъ лѣтосчисленіи и мѣрахъ, весьма важный библиографическій указатель трудовъ о Маньчжуріи и всегда очень желательный въ подобныхъ обширныхъ трудахъ указатель.

Н. Х.

Сказаніе о хожденіи въ Тибетскую страну Мало-Дорбѣтскаго База-Баши. Калмычій текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными А. Позднѣвымъ. СПб. 1897 г.

Извѣстный русскій монголистъ проф. Позднѣвъ издалъ ко дню открытія XI международнаго конгресса ориенталистовъ «Сказаніе о хожденіи въ Тибетскую страну Мало-Дорбѣтскаго База-Баши (калмычій текстъ съ переводами и примѣчаніями). Изъ всѣхъ странъ Восточной Азіи внутренній Тибетъ за послѣднюю четверть вѣка является «запретною страной» для европейцевъ. Покойный Н. М. Пржевальскій безуспѣшно намѣревался проникнуть въ эту страну, а иностранные путешественники сумѣли только прослѣдовать по окраинамъ Тибета. Произошло это по причинѣ нежеланія мѣстныхъ жителей впускать къ себѣ европейцевъ. Англичане стали обходить эту препопу, откомандировывая въ Тибетъ со стороны Индіи своихъ азіатскихъ подданныхъ, ученыхъ браминовъ, владѣющихъ тибетскимъ языкомъ. Россія не предпринимала ничего подобнаго, хотя она также имѣетъ въ составѣ своего населенія монгольскія поколѣнія, родственныя Тибету по исповѣдуемой ими религіи. По слухамъ, и теперь буряты ежегодно уходятъ въ Тибетъ для поклоненія тамошнимъ святынямъ. На поѣздку въ Тибетъ рѣшились и калмыки изъ Россіи. Авторъ вышеобозначенной книги въ астраханскихъ калмыцкихъ степяхъ узналъ въ 1896 г., что База-чалунгъ побывалъ въ Тибетѣ и составилъ записку о своей поѣздкѣ. Эта работа и представлена г. Позднѣвымъ въ текстъ и переводѣ. База-чалунгъ описываетъ буддискіе монастыри и кумирни, обряды и молитвенныя чтенія. Работа эта является важною въ филологическомъ и литературномъ отношеніяхъ, какъ образецъ описательныхъ калмыцкихъ произведеній и живого языка современной калмыцкой литературы. Судя по этому произведенію, въ калмычій языкъ вошли русскія слова для выраженія европейскихъ понятій (баржа, банкъ, контора, арестантъ, фонарь).

А. Хах—овъ.

Б. Д. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Разказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Два выпуска (стр. IV + 308 и II + 390). Черниговъ. 1895 и 1897.

Въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ покойный Драгомановъ, говоря о малорусской этнографіи, пессимистически заявилъ, что она ужъ прекратила свое существованіе. Дѣйствительно, послѣ блестящаго, плодотворнаго періода 70-ыхъ годовъ (особенно въ Кіевѣ, при Юго-Западномъ Отдѣлѣ Имп. Р. Геогр. Общества) наступило для малорусской этнографіи болѣе чѣмъ десятилѣтнее затишье, почти полное. Однако какъ разъ въ то время, когда Драгомановъ печально смотрѣлъ на положеніе дѣлъ, они начали поправляться. Еще въ 1889 г. основался журналъ «Этнографическое Обзорніе»; въ немъ достаточно мѣста отводится малорусской этнографіи, и среди матеріаловъ видное

мѣсто занимають записи П. В. Иванова. Харьковское Историко-филологическое Общество также пришло на помощь, помѣстивъ множество разнообразныхъ матеріаловъ и, между прочимъ, въ 1890-мъ г. издало известный сборникъ сказокъ И. И. Манжуры. Въ 1892-мъ г. Львовское Общество имени Шевченка преобразовалось въ научное и стало издавать свои «Записки»; въ нихъ постоянно отводится очень много мѣста для малорусской этнографіи, да сверхъ того Обществомъ принято отдѣльное періодическое изданіе: «Этнографичный збірникъ». Въ 1894 г. въ Одессѣ вышли интересные «Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края» Ястребова. Въ томъ же году въ Галичинѣ, во Львовѣ, основался специальный фольклорный малорусскій журналъ: «Жытє и Слово». Наконецъ одно изъ наиболѣе отрадныхъ явленій въ этой области — новый трудъ г. Гринченка, заглавіе котораго мы выписали сверху. Сборникъ отличается и обиліемъ матеріаловъ (700 большихъ страницъ) и тщательной ихъ обработкой. Онъ уже встрѣченъ самыми сочувственными отзывами и въ журналахъ русскихъ (въ «Вѣстникѣ Европы» въ томъ числѣ) и въ иностранныхъ (съ особенной похвалой отзывается о немъ «Revue des traditions populaires» 1897, № 2); этихъ лестныхъ отзывовъ, какъ увидимъ ниже, трудъ г. Гринченка вполне заслуживаетъ. Дѣйствительно, составитель имѣетъ всѣ данныя, чтобы быть хорошимъ этнографомъ. Онъ много лѣтъ прожилъ въ общеніи съ народомъ и извѣстенъ, какъ знатокъ народнаго быта; свои наблюденія надъ народнымъ образованіемъ, развитіемъ, возрѣніями, онъ изложилъ въ многочисленныхъ специальныхъ статьяхъ, да и 1-й томъ его беллетристическихъ сочиненій содержитъ въ себѣ прекрасныя картины изъ народнаго быта. Языкъ малорусскій г. Гринченко знаетъ въ совершенствѣ; не говори о его мелкихъ статьяхъ по этому предмету, упомянемъ, что онъ — редакторъ четырехтомнаго «Російсько-українського словаря» Уманца (3-й томъ вышелъ на дняхъ). Съ фольклорной литературой — и съ сырыми матеріалами и съ изслѣдованіями — онъ, какъ видно изъ его нынѣшней книги, также знакомъ очень хорошо; между прочимъ ему прекрасно извѣстны галицкія изданія (область у насъ почти невѣдомая). Самъ онъ до послѣдняго времени опубликовалъ, правда, довольно немного (имъ переизданы лишь нѣкоторыя малорусскія думы, изданъ сборникъ народныхъ малорусскихъ анекдотовъ да еще отдѣльныя сказки), и свои записи, начиная съ 1878-го г., онъ издаетъ только теперь.

Расположенъ матеріалъ по системѣ Драгоманова, въ 13 отдѣлахъ. Если же какая-нибудь запись можетъ по своему характеру относиться къ нѣсколькимъ отдѣламъ, то она полностью помѣщается Гринченко только въ одной рубрикѣ, но въ другихъ дѣлается на нее также ссылка, для удобства читателя.

Отдѣлъ I: «Представленія и рассказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ»: о звѣздахъ, солнцѣ, метеорахъ, воздухѣ, огнѣ, песч. головцахъ, различныхъ животныхъ (ихъ происхожденіе, внутренняя жизнь, сношенія другъ съ другомъ и съ человѣкомъ), о растеніяхъ

и, наконецъ, человѣческихъ изобрѣтенійхъ и открытіяхъ, — всего 44 номера. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія рассказы о табакѣ, отличающіеся отъ извѣстныхъ раньше (которые, въ библиографическихъ примѣчаніяхъ, также отмѣчены у г. Гринченка). № 16, т. I („стекло“) интересенъ какъ примѣръ полнаго націонализированія чужого сказанія, перешедшаго въ малорусскій народъ, конечно, черезъ школу: торговцы-финикіяне замѣнены родными чумаками, имя „стекло“ объясняется, какъ нѣчто „стекшее изъ селитры“.

Отдѣлъ II: «Примѣты и повѣрья» и Отд. III: «Знахарство, заговоры и т. д.». Еще двадцать лѣтъ назадъ Чубинскимъ отмѣченъ фактъ, что малороссы, за исключеніемъ польшуконъ и карпатскихъ горцевъ, почти не суевѣрны. Теперь, съ распространеніемъ школъ и проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, число суевѣрій, конечно, стало еще меньше, и потому несмотря на много условій, благоприятствовавшихъ г. Гринченку въ записываніи интимнѣйшихъ повѣрій, названные два отдѣла поневолѣ отличаются относительною бѣдностью. Эта бѣдность, конечно, вовсе не обнаруживается при сравненіи труда г. Гринченка съ другими сборниками малорусскими, но вполне ярко выступаетъ въ сравненіи съ соотвѣтствующимъ матеріаломъ бѣлорусскимъ, особенно съ недавно вышедшей большой книгой Н. Я. Никифоровскаго: «Простонародныя примѣты и повѣрья Витебской Бѣлоруссіи»: у г. Гринченка два названныхъ отдѣла занимаютъ 99 страницъ, а книга г. Никифоровскаго почти въ три раза больше. [Какъ бы въ возмѣщеніе за то, что ему не удалось отмѣтить теперь очень большого числа малорусскихъ примѣтъ, суевѣрій и чародѣйствъ, г. Гринченко трудолюбиво составилъ два подробныхъ указателя матеріаловъ и изслѣдованій, касающихся этого вопроса и разбросанныхъ по отдѣльныхъ книгамъ и періодическимъ изданіямъ русскимъ, малорусскимъ и польскимъ]. Наиболѣе важны у г. Гринченка тѣ матеріалы, которые доставлены изъ сѣверо-западныхъ уѣздовъ Черниговской губ., близкихъ къ Бѣлоруссіи. Безсознательныя языческія переживанія въ родѣ, напр., того, что больного ребенка заставляютъ прикасаться къ дереву, расщепленному молніей (т. е. къ слѣду Перуна), тамъ совсѣмъ не рѣдкость (I, 31), — важнѣе то, что тамъ сохранились нетронутыми и прямо языческія воззрѣнія, совсѣмъ не прикрашенныя христіанствомъ; напр. въ № 51, т. I положительно утверждается, что пьеть и ѣсть не тѣло (оно нуждается только въ одежѣ), а душа; особенно она любитъ блины и потому послѣ смерти человѣка витаетъ («парится») въ блинномъ парѣ. Среди заклинаній очень многія представляють собою не простыя этнографическія записи, а коши со списковъ, сдѣланныхъ самими крестьянами для собственнаго употребленія, отчего онѣ для насъ гораздо интереснѣе; ради филологическихъ цѣлей издатель сохранилъ правописаніе подлинниковъ. Нѣкоторыя изъ такихъ записей извлечены изъ рукописей не современныхъ, а старыхъ. Таковы: молитва св. Сисоя противъ трясавиць (I, 278—279), книжка св. Зосимы о пчелахъ (I, 281—282, съ инымъ текстомъ, чѣмъ у

Чубинскаго), молитва отъ трясавицы Якова Исакова и св. Арсенія (II, 34), Отхождение переполоха и «Размовленіе крикливиць» (II 36), «Бчелы» (II, 47—48),—всѣ крайне интересныя какъ по содержанію, такъ и по орфографіи, гдѣ народная рѣчь борется со стариннымъ искусственнымъ правописаніемъ XVIII в. Въ томъ же родѣ, но важнѣе всего предыдущаго—большой „Лѣчебникъ“, изданный по рукописи также XVIII в. (I, стр. 256—278). Въ немъ, понятно, есть во 1-хъ врачебные совѣты; изъ нихъ видно, что болѣзнь олицетворяется въ видѣ живого существа; такъ, при лихорадкѣ совѣтуютъ человѣку принимать рвотное и рвотное, пока онъ наконецъ не «изрыгнетъ тую болѣзнь». Кромѣ того, въ этомъ лѣчебникѣ есть гаданія, примѣты, заговоры, заклинанія и т. п. записи, важныя тѣмъ, что онѣ старинныя. По отношенію къ филологіи эта рукопись содержитъ нѣсколько фактовъ, небезынтересныхъ для исторіи восточно-малорусскаго нарѣчія, но говорить о нихъ здѣсь было бы слишкомъ долго¹⁾.

Отдѣлъ IV: «Вѣрованія и рассказы о сверхъестественныхъ существахъ», т. е. упыряхъ, русалкахъ, лѣсовикахъ, домовикахъ и т. п., а преимущественно о чертяхъ.—Отд. V: „Рассказы о мертвецахъ“.—Отд. VI: «Люди съ чудесною силою» (вѣдьмы, ворожки, волшебники).—Отд. VII: «Влады».

Въ чертей, вѣдьмъ и т. п. малороссъ несомнѣнно вѣрять гораздо больше, чѣмъ въ простые «забобоны» (примѣты); тѣмъ не менѣе рассказы о нихъ, которые содержатся въ изданныхъ до сихъ поръ сборникахъ, носятъ преимущественно тонъ насмѣшливый: существованіе чорта не отрицается, но парализующаго вліянія на дѣятельность человѣка чортъ не имѣетъ: онъ въ большинствѣ случаевъ является глуповатымъ, и человѣкъ довольно легко обманываетъ его. Сборникъ г. Гринченка не представляетъ собою исключенія: и по этому сборнику оказывается, что «чортъ не такой справки страшный, якъ йому малюють» (II, 58), и что „хоть чорты люблять поглузваты зъ чоловика, але шкоды йому великой не зроблять» (II, 58). Если чортъ вздумаетъ причинить человѣку большое зло, то его же собратья черти наказываютъ его, «щобъ не переборщувавъ» (II, 67, II, 62); очень часто самъ чортъ нуждается въ помощи человѣка (напр. II, 63) и въ отплату приноситъ ему пользу, не обнаруживая притязаній на его душу (II 63; 66—71). Къ такимъ несильнымъ существамъ украинецъ, конечно, относится безъ почтенія; напротивъ, многіе рассказы проникнуты даже сожалѣніемъ къ несчастнымъ, вѣчно обманутымъ чертямъ. Въ двухъ только рассказахъ сборника Гринченка можно бы было уловить серіозное отношеніе украинца къ сверхъестественнымъ силамъ, да и то одинъ приуроченъ къ великороссу

¹⁾ Мы ими воспользовались для одной статьи, которая вскорѣ появится въ „Кіевской Старинѣ“.

(II, 65), а о другомъ, записанномъ отъ „хлопца“ („Какъ скупой, по совѣту чертей, проглотилъ передъ смертью деньги“ (I, 43—44), почти навѣрное можно сказать, что онъ вовсе не малорусскій, а заимствованъ школьникомъ изъ русской хрестоматіи Полевого; не даромъ мальчикъ, рассказывая все по-малорусски, заставляетъ чертей говорить по-великорусски¹⁾.—Говоря о злости русалокъ, рассказчикъ дѣлаетъ навѣрное примѣчаніе: «Це ще въ старовину було» (I, 45),—а теперь, значить, русалки забыли свои проказы. Какъ о чертяхъ, такъ и о русалкахъ рассказы сборника Гринченка представляютъ очень мало новыхъ темъ, и главный ихъ интересъ заключается именно въ новѣйшихъ подробностяхъ и въ ненаивномъ тонѣ разскащиковъ.—Напротивъ, сказанія о мертвецахъ у Гринченка почти всѣ отлпчаются новизною и рельефностью и обыкновенно не имѣютъ себѣ параллелей въ вышедшихъ до сихъ поръ малорусскихъ сборникахъ № 84 (т. I, стр. 49): „Якъ Нечыпиръ дилывъ вареникъ“—представляетъ собою какъ бы резюме оповѣданья Квитки: «Мертвецький велыкдень»; хоть, правда, Квиткино оповѣданье опирается на народное преданіе, но указанный № 84 едва ли принадлежитъ къ числу прототиповъ «Мертвецького велыкодня»²⁾, а скорѣе самъ возникъ подъ влияніемъ Квитки. (Его сочиненія, изданныя въ Харьковѣ десять лѣтъ назадъ, въ большомъ количествѣ пошли въ простой народъ).—Свѣдѣній и рассказовъ о вѣдьмахъ у г. Гринченка довольно много сравнительно съ другими сборниками, но большая часть ихъ уже извѣстна, если не изъ малорусскихъ сборниковъ, то изъ Аванасьева и Романова. На нѣкоторыхъ рассказахъ, хоть темы ихъ стары, есть очень много современныхъ наслоеній,—срв. напр., № 89-й II т.: „Про те, якъ жинка зробыла чоловика собакою, а сама зизвалася зъ нечистою сылою“: онъ, только безъ русской обстановки, находится въ «1001-й ночи». Цѣннѣе всѣхъ, по живой вѣрѣ, сообщенія изъ сѣв. части Черниговщины.—При перечисленныхъ четырехъ отдѣлахъ надо отмѣтить полезнѣйшее приложеніе: два подробныхъ обзора всего того интереснаго, что сообщалось и этнографами и неэтнографами о народныхъ вѣрованіяхъ въ мертвецовъ, вѣдьмъ и т. п., и какія были научныя изслѣдованія объ этихъ вѣрованіяхъ; для удобства читателя г. Гринченко сверхъ заглавія какой-нибудь статьи или книги сообщаетъ вкратцѣ ея содержаніе.

Отдѣлъ VIII въ сборникѣ Гринченка не озаглавленъ. Ему слѣдовало бы называться: «О святыхъ, о библейскихъ лицахъ и событіяхъ»,

¹⁾ У Кольберга (Рокисіе, IV, № 31) есть нѣчто подобное, но, во 1-хъ, варіантъ Кольберга слишкомъ далеко стоитъ отъ варіанта Гринченка, а во 2-хъ записанъ у горцевъ, а не на Украинѣ.

²⁾ У китки Нечыпиръ засыпаетъ съ вареникомъ подъ церковью, потому что онъ пьянъ, и это естественно, а въ рассказѣ Гринченка Нечыпиръ сдѣланъ „богомильнимъ чоловикомъ“. Чего жъ ради „богомильна чоловика“ будутъ набирать въ кармакъ варениковъ накануне „великого празника“?—неестественно.

но въ виду того несчастнаго положенія, въ которомъ находится наша провинціальная печать, заглавіе не напечатано. Замѣтимъ, странности провинціальной цензуры доходятъ до того, что, говоря о трудахъ извѣстнаго этнографа Драгоманова, даже о тѣхъ, которые были изданы Императорскимъ Географическимъ Обществомъ, г. Гринченко принужденъ цитировать только заглавія сочиненій и нигдѣ не смѣетъ назвать имени ихъ автора! Въ силу тѣхъ же странныхъ условій, непонятныхъ для печати столичной, слово «пигъ» не пишется полностью, а замѣняется одной буквой „п“ (напр. т. II, стр. 161). Вѣроятно, цензурными же стѣсненіями объясняется качественная бѣдность этого отдѣла въ сборникѣ Гринченка: послѣ «Малорусскихъ народныхъ преданій» Драгоманова, «Народныхъ легендъ» Иванова и богатой серіи легендъ «Жытыя и Слова» соответственные преданія у Гринченка кажутся очень безцвѣтными. Интереснѣе другихъ легенды: «Кровосмѣситель Андрей», «Ангель, служившій на землѣ», «Святый Петро» (какъ онъ былъ наказанъ за мстительность), «Человѣкъ, пробывшій триста лѣтъ подъ землею въ гостяхъ у мертваго брата», — но всѣ онѣ не новы; къ послѣдней легендѣ не указано вариантовъ, но они есть, — напр. въ изложеніи Александрова (печ. въ „Зори“). Только небольшой рассказъ о выкрестѣ, котораго не хотѣлъ въ загробномъ мірѣ принимать ни Моисей, ни Христосъ, напечатанъ помалорусски, если не ошибаемся, впервые; на востокѣ (напр., въ Сиріи) это обычная легенда, вошедшая даже въ пословицу, только вмѣсто еврея фигурируетъ христіанинъ, принявшій мохаммеданство. Къ этому же отдѣлу слѣдовало бы отнести также сказку «О царскомъ сынѣ» изъ отд. XIII (т. II, стр. 262—269), гдѣ, безъ имени Соломона, разсказывается полностью вся апокрифическая исторія Соломона, начиная отъ ссоры съ матерью во чревѣ ея и кончая плѣномъ у змѣя (т. е. Асмодея) и избавленіемъ отъ висѣлицы посредствомъ трубнаго звука.

Объ отд. IX скажемъ ниже. — Отдѣлъ X: „Преданія о явленіяхъ и лицахъ историческихъ“ и отд. XI: „Преданія о мѣстностяхъ“. Обращаетъ на себя вниманіе рассказъ: „Дарій та Махыдонъ“ (I, 128—129), который «люды розказують». Судя по формѣ нѣкоторыхъ словъ (напр. «персыцкый») слѣдовало бы думать, что рассказъ внушенъ чтеніемъ какой-нибудь современной русской книги, — быть можетъ, даже учебника; но содержаніе опровергаетъ эту догадку. Другія историческія преданія касаются времени козачества. Часть ихъ г. Гринченко перепечаталъ изъ брошюры Журавскаго (Черн. 1890) и такимъ образомъ спасъ ихъ отъ забвенія. Жаль, правда, что Журавскій изложилъ ихъ не слово въ слово, какъ слышалъ, а въ стихотворной формѣ, но, кажется, эта форма очень мало повліяла на точность записи, — по крайней мѣрѣ г. Журавскій говоритъ такъ: „Записывая это преданіе отъ старика крестьянина, я не имѣлъ совсѣмъ въ виду впоследствии излагать его въ стихотворной формѣ. Сами

собой вылились эти стихи и именно въ тѣх мѣстахъ, гдѣ чувствовалась какая то гармонія въ словахъ старика; самъ собою сложился и размѣръ; я старался лишь сохранить цѣлыя выраженія и слова“ (I, 140). Изъ легендъ Журавскаго нѣкоторыя могутъ служить дополненіемъ къ прошлогодней статьѣ Сумцова „О малорусскихъ религиозныхъ сказаніяхъ“ (въ Харьковск. Сборн.).

Отдѣлъ IX: „Разказы о явленіяхъ жизни семейной и общественной“ (сказки бытовья, фабліо) и отд. XIII: „Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія. Сказокъ у малороссовъ не только не меньше, чѣмъ у великороссовъ, но навѣрное даже больше: по крайней мѣрѣ, читая сказки Аванасьева, я не находилъ почти ни одной, которой мнѣ не пришлось бы слышать въ Малороссіи. Но издано малорусскихъ сказокъ (въ противоположность думамъ и пѣснямъ) чрезвычайно мало: сборники Кулиша, Чубинскаго, Рудченка, Драгоманова, Манжуры, Ястребова и др. совершенно не исчерпываютъ малорусскаго сказочнаго богатства и даютъ лишь крайне незначительную часть его. Поэтому болѣе чѣмъ 200 №№ (около 340 стр.) сборника Гринченка являются очень и очень полезнымъ вкладомъ въ малорусскую сказочную литературу и составляютъ едва ли не самую важную для насъ часть его книги. Въ большинствѣ случаевъ все это новинки, опубликованныя до сихъ поръ развѣ въ вариантахъ великорусскихъ или бѣлорусскихъ, и то лишь отчасти. Среди этого изобильнаго и интереснаго матеріала отмѣтимъ три сказки о богатыряхъ. Есть сказки о Чурилѣ (т. I, стр. 159—165), но онъ выступаетъ не какъ красавецъ, а какъ „сильномогучій богатырь“; слабому Ивану-царевичу онъ оказываетъ по отношенію къ его строптивой и сильной женѣ такую же услугу, какую оказываетъ Зигфридъ Гунтеру въ «Нибелунгахъ». О дѣтствѣ Ильи Муромца есть разказъ безъ его имени (т. II, стр. 269—271), близкій къ варианту Эварницкаго („Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго слѣпца“—Кіевское Слово 1889, № 659). Бова Королевичъ, Ерусланъ Лазаревичъ и Илья Муромецъ выступаютъ въ сказкѣ съ бродячимъ, международнымъ сюжетомъ: „Чоловикъ Болтаньськый, богатырь Бусурманьськый“ (т. I, стр. 188—195): богатыри дѣлаются спутниками мужичка (а въ зап.-европ. пересказахъ—портного), убившаго 30 оводовъ (замѣтимъ встаети, что въ южной части той же Кіевской губ., гдѣ записана эта сказка, намъ пришлось слышать 12 лѣтъ назадъ девизъ болтанскаго богатыря, нѣсколько отличный отъ того, который у Гринченка, а именно: «За однимъ махомъ-пахомъ тысячу душъ побывахомъ»). Изъ фабліо отмѣтимъ у Гринченка, напр., разказъ о двухъ людяхъ: со счастливой и съ несчастливой рукой (II, 190—191); этотъ разказъ, стоящій такъ близко къ повѣсти о Саадѣ и Саадіи въ „1001 ночи“, до сихъ поръ былъ записанъ въ Малороссіи только изъ устъ евреевъ (см. «Жытє и Слово“, т. II, стр. 191); международная литература указана тамъ же (въ III т., стр. 221). Малорус-

скій рассказъ о Шемякиномъ судѣ до сихъ поръ былъ извѣстенъ лишь въ искаженной записи у Чубинскаго (II, 657; она почему-то у Гринченка не отмѣчена); теперь онъ появляется въ нѣсколько лучшей записи (II, 335), все-таки она заставляетъ многого желать, — еще одинъ примѣръ, до чего малорусскіе этнографы, увлекшись думами и пѣснями, забросили прозаическую словесность: между тѣмъ рассказовъ о Шемякиномъ судѣ есть въ Малороссіи очень много, и напр., Дыминскому удалось записать вполне хорошій вариантъ (неизданъ, остался въ бумагахъ юго-зап. Отдѣла). Извѣстная странствующая индійская тема о разбитомъ горшкѣ записана Гринченкомъ въ такой формѣ (т. I, 225—226), которая подходит больше всего къ варианту «1001 ночи» (объ одномъ изъ братьевъ назойливаго цирюльника). Сказка объ Иванѣ Вѣрномъ (т. I, стр. 92—96), уже отчасти извѣстная по варианту Рудченка („Сказки“, т. I, № 81), обратила мое вниманіе вслѣдствіе поразительнаго сходства съ современной народной арабской сказкой о Садыкѣ (т. е. «Вѣрномъ»), которую я слышалъ въ с. Шуэйрѣ на Ливанѣ¹⁾. Отличія слѣдующія: вмѣсто двухъ помѣщиковъ въ араб. сказкѣ являются два бедуинскихъ эмира, залогъ ихъ не 1000 рублей, а половина скота („бауш“), соблазняетъ Вѣрнаго не старуха, а дочь другого эмира, и наконецъ въ числѣ разговоровъ Вѣрнаго со своимъ тюрбаномъ («ляффе», — въ малор. вариантѣ шапка) есть еще такой: Золоторогаго быка угнали хищники («газу»). — «А почему же не угнали они всего скота?» Считаю нелишнимъ отмѣтить этотъ вариантъ.

Сборникъ заканчивается пословицами и загадками (676 №№), которыя не встрѣчаются у Номиса, Комарова и другихъ предшественниковъ Гринченка. Большинство пословиць имѣютъ въ скобкахъ объясненіе, но многія, которыя собиратель считалъ понятными, не имѣютъ, и это очень жаль, потому-что возможно сбивчивое толкованіе (напр. пословица: «Забувсь, назадъ озувсь» оставлена безъ разъясненія). Пословица № 105 — едва ли пословица: „Мыгыта сино визъ, не довизъ: покынь саны, возьмы визъ“. Насколько знаю, такъ дразнятся иволгу, подражая ея крику: такъ я и самъ слышалъ, такъ говорятся и въ предисловіи Гребенки къ альманаху: «Ластивка».

Таково вкратцѣ содержаніе цѣннаго сборника г. Гринченка.

Тексты изданы старательно²⁾, чтобы могли годиться и для фило-

1) Отъ крестьянина Фадлалы Эгайба, который, въ свою очередь, принесъ эту сказку изъ Хаурана, отъ друзей.

2) Все-таки мнѣ удалось найти 6 корректурныхъ ошибокъ: 1) т. I, 11, строка 11 — „мисидъ“ (вм. „мисидъ“ — Харьк. губ.); 2) I, 47, посл. строка: „Страня“ (вм. „Старина“); 3) II, 3, строка 9: „зробивъ хорошу“ (вм. „хорму“, т. е. форму); 4) II, 73, стр. 19: „казалась“ (вм. „казала—мъ“); 5) II, 205, ст. 5: „И то ты“ (вм. „што ты“); 6) II, 389, ст. 29: „390—391“ (вм. „333—334“). Правда, на 700 страницъ это немного. Кромѣ того начертаніе «багатшуть» величаютъ богатемъ), производимое г. Гринченкомъ отъ срв. ст. („багат-шый“, не вѣрно: оно происходитъ отъ «багачъ» (I, 232).

логическихъ цѣлей. Отмѣтимъ нѣкоторыя явленія изъ области фонетики и морфологіи. 1) «*Прывірици*» I, 39—срв. «кырви», «кырныця», «дрыва» и т. п., 2) «*Навстяжъ*» I, 246 (вм. «навстѣжъ») — одинъ изъ случаевъ перехода малорусскаго Е въ Я,—срв. «панянка», «пляскаты», «скляпъ», «лящъ», «любязный» и т. п.,—явленіе, наблюдаемое еще въ Изборникѣ Святослава 1073-го года; проф. Соболевскій на основаніи этой черты считаетъ Изборникъ 1073 г. за великорусскій памятникъ, не зная, что она существуетъ въ малорусскомъ нарѣчьи и притомъ больше, чѣмъ въ великорусскомъ. 3) «*Мписце*» (I, 54 55)—со вставкою «Н»,—срв. «имня», «сняты» (сіять)—у Федьковича или у Василевича (*Gramatyka języka maloruskiego*, Львовъ 1845, XI). 4) «*Чо*» I, 93—изъ «чого», «чоо». Въ «*Жытыя и Слови*», въ запискахъ галицкихъ, такихъ примѣровъ очень много («доброо», «такоо» и т. п.). 5) «*Однесъ*» I, 128 вм. «одясъ», срв. «запригъ», «потрисъ» (явленіе, объясненное въ 1-мъ т. «Исторіи звуковъ русскаго языка» Потебни); 6) «*Подію*» I, 158—«І» вм. «О» перенесено изъ имен. падежа. 7) «*Хлакы*» (флаги) I, 190—великорусское Г, произносимое въ изглашеніи какъ К, перешло и въ косвенные падежи у малороссовъ; впрочемъ, судя по прилагательному «флачный» (моск.), надо думать, что и у великороссовъ звукъ К проникаетъ иногда и въ косвенные падежи. 8) «*Устрочыла*» I, 292 вм. «узрочыла»; вставлено Т, послѣ чего З перешло фонетически въ С. срв. еще прилаг. «короткострокий» (близорукій) вм. «короткозрокий». 9) «*Сватыы*» II, 71 и сл., «сватыгыть» II, 126, № 93,—звукъ Я, несочетаемый съ губнымъ, теряетъ свое смягченіе,—срв. «цьвахъ» вм. «цьвахъ». 10) «*Выжшей*» II, 81 вм. «вышей», «выщей» (срв. степ.)—довольно непонятная фонема; б. м. изъ «выжшей». 11) «*Кисто*» II, 182 (два раза), записано въ Кіев. губ. (=тисто),—для Кіевской губ. рѣдкое явленіе. 12) «*Убидъ*» II, 267, «буитыся» II, 288—У вм. неударяемаго О. 13) «*У постолызъ*» II, 287 и 288, съ удареніемъ очевидно на среднемъ слогѣ, изъ «постбляхъ», вм. обычнаго „постолахъ“—срв. „чоботяхъ“ („чоботихъ“) и «штаняхъ» («штанихъ») при обычномъ «чоботахъ», «штанахъ». 14) «*Смотеръ*» II, 294—эвфонич. вставка Р. 15) «*Лычыця*» («лѣчыться») I, 91,—звукъ Ы послѣ Л обусловленъ смѣшеніемъ съ глаголомъ «лычыты» (считать), въ которомъ послѣ Л слышится то Ы, то мягкое И (і). 16) «*Сьои*» I, 54, 55 (вм. «сеи») —звукъ О по аналогіи съ «тои». 17) «*Заривъ*» I, 248 (вм. «заревивъ», заревѣлъ)—здѣсь прошедшее время (собств. причастіе) образовано безъ ЛЪ, какъ въ буковинскомъ «затокъ» (заткнулъ).—Въ синтаксическомъ отношеніи интересно разговорное употребленіе зват. падежа въ роли именительнаго: «Иванче» II, 221; обыкновенно это замѣчается только въ пѣсняхъ и пословицахъ, а не въ живой рѣчи. Наоборотъ, въ т. I, стр. 185 встрѣчаемъ вм. зват. падежа именительный: «мечъ—самобіецъ!»—Повидимому объяснить это нужно тѣмъ, что обращеніе

составлено не изъ одного, а изъ двухъ словъ; срв. обычное выраженіе «пане судди!», гдѣ въ зват. надежѣ поставлено только первое слово. Интересна слѣдующая фразеологія: «а ій ремена (=времена) короткіи прыходять» II, 113,—выраженіе совершенно восточное или странный церковнославянскій архаизмъ.—Въ лексическомъ отношеніи сборникъ Гринченка представляетъ также много замѣчательнаго, но непонятны два слова: 1) I, 31: «грыщыны та щавляны»; «грыщыны»—родъ грибовъ, но что значить «щавляны»? ¹⁾ Не шло бы въ такихъ случаяхъ, чтобы собиратели давали и объясненіе непонятныхъ словъ; 2) II, 241: „свынбей“ (=внутренности?). Три слова отмѣчены самимъ г. Гринченкомъ какъ затруднительныя; мы можемъ ихъ объяснить: 1) Трава «дряка» противъ бессонницы I, 29,—ясно, что рѣчь идетъ о теріакѣ; 2) «Кошолокъ» I, 57—уменьшит. отъ «кошиль»; 3) „Кельма“ II, 309—родъ лопаты, или заступа ²⁾.

Остается еще сказать о томъ видѣ, въ какомъ г. Гринченко предлагаетъ собранные имъ матеріалы, т. е. объ обработкѣ. Въ этомъ отношеніи сборникъ Гринченка стоитъ безусловно выше всѣхъ остальныхъ. 1-й томъ былъ сперва обставленъ хуже, но затѣмъ къ нему сдѣланы нужныя дополненія при 2-мъ томѣ. Помимо старательной систематизаціи матеріала, необходимо подчеркнуть три рода указателей къ нему.

Во 1-хъ сдѣланы библиографическія указанія къ каждому номеру сборника, а если это сказка, то къ каждому мотиву ея; именно—отмѣчаются варианты. Надо замѣтить, что малорусскіе этнографы обыкновенно не имѣютъ этой похвальной привычки—обращать вниманіе на то, что ужъ было напечатано, и потому нѣкоторыя сообщенія повторяются разъ по десяти. Возьмемъ для примѣра разсказъ о буслѣ (аистѣ): одно и то же сказаніе, напечатанное сперва у Драгоманова (К. 1876), намъ приходилось потомъ встрѣчать какъ нѣчто новое въ «Кіев. Старинѣ» 1883, потомъ въ „Зори“ въ одной изъ статей Лепкаго, въ той же «Зори» у Верхратскаго, въ ней же у Комарова (1892), потомъ въ «Волин. Епарх. Вѣдомостяхъ» 1895; сюда же можно прибавить словарь Шейковскаго и 2-й т. полнаго собранія сочиненій Руданскаго (Львовъ 1896). У Гринченка нѣтъ записи о буслѣ, и потому не указаны и варианты о немъ, но въ другихъ случаяхъ у него собраны всякія разбросанныя указанія: и изъ специальныхъ трудовъ, и изъ случайныхъ сообщеній, и изъ беллетристическихъ передѣлокъ ³⁾; журналы для дѣтей, школьныя христоматіи, даже дубочныя картины—все вносится въ его при-

¹⁾ По-польски *wzszawian'omъ* называется шавельная соль, но изъ малорусскаго контекста видно, что о ней не можетъ быть рѣчи. А. К.

²⁾ Польск. *kielnia*—лопатка у штукатуровъ. Н. Я.

³⁾ По записи А. Стороженка (изъ народныхъ устъ, соч. т. I) Гринченко напрасно относитъ къ числу литературныхъ передѣлокъ (II, 354). Помимо надписи: «зъ народныхъ устъ» у Стороженка прямо сказано, что онъ записывалъ стенографически. А. К.

мѣчанія. По этимъ его примѣчаніямъ можно не только свѣрять варианты, но даже касаться вопроса, не могло ли зайти иное сказаніе въ народъ новѣйшимъ книжнымъ путемъ,—напр., черезъ какую-нибудь популярную брошюру. Встаетъ скажемъ, что Гринченко отмѣчаетъ, отъ кого записано что-нибудь, грамотенъ или неграмотенъ рассказчикъ, сколько лѣтъ ему, иногда даже—отъ кого самъ рассказчикъ усвоилъ свое «оповидання»¹⁾. Выше мы ужъ имѣли случай упомянуть, что къ библиографическимъ показаніямъ привлекается и матеріалъ галиційскій, притомъ въ очень широкой степени. Оцѣнить это мы можемъ вполне, если вспомнимъ, что даже проф. Сумцовъ, авторъ специальной «Современной малорусской этнографіи», обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ очень важными галиційскими этнографическими сочиненіями и изданіями²⁾.

Во 2-ыхъ, сверхъ библиографическихъ примѣчаній при отдѣльныхъ номерахъ, дано нѣсколько особыхъ указателей въ концѣ отдѣловъ. Мы съ нихъ ужъ упоминали выше: это—перечень и обзоръ содержанія малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ, замѣтокъ и изслѣдованій, которые могутъ быть полезны всякому малорусскому этнографу, какъ собирателю, такъ и изслѣдователю. Желательно, чтобы эти указатели, пополненные насколько возможно, были изданы также особой книжкой.

Есть еще и третій указатель, въ концѣ II-го тома (стр. 356—390). Тамъ изложено въ сжатомъ, но вполне вразумительномъ видѣ содержаніе каждаго номера обоихъ томовъ,—изложено, конечно, ужъ по-русски. Этотъ указатель избавляетъ изслѣдователя отъ необходимости рыться въ цѣломъ сборникѣ и значительно бережетъ время.

А. Крымскій.

¹⁾ Интересно примѣчаніе рассказчика къ № 143, т. II: «Оцю баечку я чувъ одъ хвокусника, що колнсь, якъ мы були у лагоряхъ, то командиръ полка найавъ намъ того хвокусника, щобъ ми послухали».

²⁾ Нѣкоторые недосмотры можно указать и у Гринченка. Такъ, у Руданскаго можно найти параллели къ № 133 (стр. 121) и № 206 1-го тома; № 103-й 2-го т., кажется, представляетъ искаженіе преданія о крогѣ (есть у Драгоманова и Руданскаго); № 109, т. II, =Руд. т. I, ст. 154; № 180, т. II=Руд. I, 146; № 283=Руд. I, 112; № 205=Руд. III, 67. № 62, т. I,—срв. Чомиса («Лильвиновъ»). № 128, т. I,—у Раевского («Сцены и рассказы»). № 188, т. I,—у Квитки въ «Панѣ Халыскомъ». № 210, т. I.—литер. обработка Александрова въ «Зорі». № 68, т. II,—вариантъ у Ганни Барвиновъ въ «Руській хаті» (1877). Къ № 76, т. II всѣ славянскія преданія см. у Драгоманова: «Забвѣжки» I, (Сборникъ за пар. умотворенія 1892) О темѣ № 165, т. II есть цѣлое изслѣдованіе Франка («Жидивська нѣйна», см. «Народ.» 1892, № 1, «Wisla» 1892, № 2 и 1893, № 1).—Въ виду стремленія г. Гринченка быть какъ можно точнѣе въ библиогр. ссылкахъ мы бы посоветовали ему обратить вниманіе еще на Радивиловскаго (часть работы ужъ сдѣлана Марковскимъ въ его книгѣ о Радивиловскомъ), также—дѣлать ссылки на Аванасьева, а изъ иностранныхъ этнографовъ—на Коскена съ его богатымъ сравнительнымъ матеріаломъ. Слѣдуетъ также просматривать потщательнѣе «Современную малорусскую этнографію» Проф. Сумцова: въ ней есть не мало иностранныхъ параллелей къ малорусскимъ сказкамъ.

А. Н. Аванасьевъ. Народныя русскія сказки. Изданіе третье, дополненное біографическимъ очеркомъ и указателями, подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. I—II. Москва, 1897. Стр. LI и 351, 445 и XXIV.

Наконецъ-то появилось новое общедоступное по цѣнѣ и научно обставленное изданіе знаменитаго сборника русскихъ сказокъ! Пожалуй, трудно указать другой фактъ, на которомъ было бы яснѣе видно, насколько русское общество въ научномъ отношеніи отстало отъ нѣмецкаго, чѣмъ на внѣшней сторонѣ сказокъ Аванасьева. Нѣмецкія сказки братьевъ Гриммовъ, вышедшія въ первый разъ въ 1812—14 гг. (въ самое политически-бурное время), въ 1883 г имѣли *девятнадцать* изданій; (а сокращенное изданіе, предназначенное для большой публики, вышедшее въ первый разъ въ 1825 г., въ 1886 г. достигло уже 34-го изданія. См. Herm. Paul, Grundriss der germ. Philologie II, 780). А между тѣмъ несравненно болѣе богатый содержаніемъ и интересный сборникъ Аванасьева въ 42 года выдержалъ всего три полныхъ изданія! Рецензентъ помнить (хоть и немного смутно) то впечатлѣніе, которое произвели первые выпуски этихъ сказокъ въ концѣ 30 годовъ: раскупали и читали ихъ охотно, но едва ли одинъ изъ десяти читателей понималъ ихъ настоящее значеніе, какъ *памятникъ* народной словесности; а девять искали въ нихъ просто забавы и были порядкомъ разочарованы, встрѣчаясь съ нѣсколькими пересказами одной и той же сказки (варьянтами) и съ записями на бѣлорусскомъ и др. нарѣчіяхъ и на говорахъ. Но какъ бы то ни было, ихъ читали, и два первые выпуска тогда же выдержали по три изданія. Въ концѣ концовъ случайные читатели, разумѣется, отпали, и полное изданіе расходилось чуть не пятнадцать лѣтъ. Только въ 1873 г. потребовалось переизданіе, во время котораго скончался знаменитый собиратель. Оно раскупалось уже вполне сознательно профессорами, учителями, бібліотеками и любителями; за то и хватило его на 20 лѣтъ слишкомъ; такъ медленно растетъ у насъ публика, способная интересоваться такими, повидимому, общественными книгами! Будемъ надѣяться, что къ концу столѣтія она доростетъ хоть до полдесята тысячь, и что настоящее дешевое переизданіе не залежится на полкахъ книжныхъ лавокъ.

Вотъ что говоритъ о его особенностяхъ его редакторъ: «Мы удержали въ полной неприкосновенности и текстъ, и размѣщеніе сказокъ, приведенныхъ въ извѣстную систему самимъ авторомъ (т. е. Аванасьевымъ), и ихъ общую нумерацію; единственное измѣненіе, внесенное нами, состоитъ въ помѣщеніи тотчасъ послѣ каждой сказки примѣчаній, которыя во 2-мъ изданіи были выдѣлены особо и составили весь 4-й томъ собранія. Къ настоящему изданію приложены: 1) Біографическій очеркъ, 2) Указатель географическаго распредѣленія сказокъ и списокъ сказокъ, переданныхъ съ особенностями малорусскаго, бѣлорусскаго (нарѣчій) и мѣстныхъ великорусскихъ говоровъ, 3) Указатель собственныхъ именъ и предметный. Нѣсколько лубочныхъ изоб-

раженій, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ текста послѣдняго изданія, собраны теперь вмѣстѣ; къ сожалѣнію, намъ не удалось замѣнить эти нѣсколько случайныя картинки болѣе полнымъ подборомъ народныхъ сказочныхъ иллюстрацій изъ богатой коллекціи Ровинскаго».

Что касается иного размѣщенія примѣчаній, то относительно большаго его удобства не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: если не всякій читатель прочтетъ непосредственно послѣ текста примѣчанія, помѣщенные въ *конць того же* тома, то еще менѣе основанія надѣяться на это, если примѣчанія собраны въ *особый томъ*. Биографія А. Н. Аванасьева, занимающая 27 страницъ большаго формата, составлена редакторомъ очень внимательно на основаніи всего печатнаго и массы вновь привлеченнаго къ дѣлу рукописнаго матеріала, и помимо спеціальнаго интереса имѣетъ общій, какъ довольно обстоятельное изложеніе жизни одного изъ наиболѣе нравственно чистыхъ и симпатичныхъ русскихъ литературно-научныхъ дѣятелей «эпохи великихъ реформъ». За биографіей слѣдуетъ на 8 страницахъ статья о сказкахъ, собранныхъ Аванасьевымъ, статья очень обстоятельная, но при слѣдующемъ изданіи мы желали бы видѣть ее пополненною хотя бы небольшимъ очеркомъ развитія фольклора въ западной Европѣ, чтобы читателямъ сталъ понятнѣе интересъ къ памятникамъ народной поэзіи, который пробудился въ поколѣніи 30-хъ и 40-хъ годовъ. Указатель географическаго распредѣленія сказокъ не великъ (2 страницы), да и не имѣетъ особаго значенія въ виду того, что значительная часть сказокъ напечатана безъ обозначенія мѣста. Важнѣе указатель собственныхъ именъ (стр. IV—XI), но для сказокъ и онъ далеко не имѣетъ того значенія, какъ указатель предметный, на который, не смотря на его небольшой объемъ (стр. XII—XXIV), редакторъ, навѣрно, затратилъ много труда, труда тяжелаго, но высокополезнаго. Нѣтъ ничего легче, какъ „раскритиковать“ этотъ указатель, сравнивая его, напр. съ указателями въ мнѳологіи Гримма, къ изданіямъ Либрехта, къ аванасьевскимъ Поэтическимъ Воззрѣніямъ, доказывая, что темы, формулы и мотивы или вовсе не слѣдовало затрогивать, или слѣдовало привести ихъ въ возможной полнотѣ, руководствуясь, напр., хоть извѣстнымъ введеніемъ Гана (I. G. v. Hahn, Griechische und albanesische Märchen. Lpz. 1864), тѣмъ болѣе, что самъ редакторъ заявляетъ (Пред. примѣч.) о своемъ первоначальномъ намѣреніи дать подборъ всѣхъ формулъ. Но мы убѣждены, что еслибы этотъ указатель былъ въ десять разъ больше, самъ редакторъ былъ бы прежде всего недоволенъ имъ и пополнялъ бы и исправлялъ его при всякомъ новомъ изданіи, а съ другой стороны мы столь же твердо убѣждены, что и въ настоящемъ своемъ видѣ указатель послужитъ великую службу всѣмъ, кто работаетъ по сказкамъ. Мы только позволимъ себѣ посовѣтовать редактору, при слѣдующемъ изданіи слить указатель именъ съ указателемъ предметнымъ, такъ какъ разграниченіе этихъ двухъ категорій не всегда возможно: не даромъ теперь

Безчастный стрѣлокъ, Бездольный, Безной, Водяныя дѣвы и пр. и пр., помѣщенные въ собственные имена, такъ сказать, перепрашиваются въ указатель предметный.

Отъ всей души желаемъ прекрасной книгѣ полного успѣха.

А. Киртичниковъ.

Г. И. Куликовскій: *Изъ общинно-артельной жизни Олонецкаго края.* Петрозаводскъ. 1897. 8° стр. 115.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ г. Куликовскій, одинъ изъ самыхъ неутомимыхъ изслѣдователей и лучшихъ знатоковъ жизни населенія Олонецкаго края, объединилъ въ одно цѣлое рядъ статей, напечатанныхъ имъ въ Олонецкихъ Губ. Вѣдомостяхъ и другихъ изданіяхъ. Онъ составляютъ часть обширнаго и богатаго матеріала, избраннаго авторомъ во время его многократныхъ путешествій по Олонецкому краю, представляющему до настоящаго времени живое хранилище старинныхъ и своеобразныхъ формъ быта, преданій и вѣрованій. Авторъ избралъ для указаннаго выпуска чрезвычайно интересную какъ для этнографа и юриста, такъ и для экономиста сторону жизни Олонецкаго крестьянина—именно артели и виды взаимопомощи и товариществъ, имѣющіе артельный характеръ; имъ изложены послѣдовательно: артели крючниковъ, калѣкъ и нищихъ, ремесленныя, рыболовныя и охотничьи артели, далѣе артели лѣсного промысла, артельные и мірскіе сѣнокосы, запашки и зданія, помочи, печebитья и супрядки, артельные пирушки и посидѣлки и наконецъ артели по перевозкѣ клади и пассажировъ. Перечень содержанія труда г. Куликовскаго даетъ ясное представленіе о богатствѣ матеріала, который встрѣтитъ читатель въ названной работѣ; этотъ же перечень доказываетъ наглядно, насколько жизненны артельные формы среди олонецкаго населенія: почти всѣ стороны жизни олончанина находятъ или по крайней мѣрѣ могутъ находить въ извѣстныхъ случаяхъ артельную организацію, представляющую массу различій и отгѣнковъ въ зависимости отъ цѣлей, которыя преслѣдуются при составленіи артелей. Естественно, что различные виды послѣднихъ играютъ не одинаковую роль въ жизни населенія и достигаютъ не одинаковой степени развитія: авторъ поэтому значительно расширяетъ интересъ своего труда тѣмъ, что не ограничивается описаніемъ устройства и внутреннихъ порядковъ артели, но и отмѣчаетъ, насколько это возможно, значеніе въ жизни олончанина каждаго вида дѣятельности, въ цѣляхъ которой устраняется артель. Послѣдняя такимъ образомъ выступаетъ въ жизненной обстановкѣ, что даетъ возможность составить себѣ представленіе о самомъ характерѣ хозяйственной жизни населенія, а это въ свою очередь придаетъ труду г. Куликовскаго тѣ черты, которыя заставляютъ прочесть его книгу съ интересомъ не только со стороны специалиста, но и болѣе широкаго круга лицъ вообще интересующихся народнымъ бытомъ. Разнообразіе матеріала, полнота изложенія въ

связи съ особенностями жизни олончанина, накладывающими на артельную форму своеобразный отпечатокъ, наконецъ указанія на значеніе различныхъ видовъ артели для хозяйственнаго быта населенія заставляютъ признать работу г. Куликовскаго весьма виднымъ вкладомъ въ литературу объ русскихъ артеляхъ.

Авторъ отмѣчаетъ и въ Олонецкой губ. интересную черту, что среди населенія края можно замѣтить даже «сравнительно большую склонность къ труду артельному, нежели общинному». Г. Куликовскій совершенно основательно видитъ одну изъ важныхъ причинъ этого явленія въ отсутствіи «въ обывателѣ Олонецкаго края (по крайней мѣрѣ въ нынѣшнее время) какъ племенного, такъ и сословнаго, профессиональнаго и родового антагонизма;... въ артель примуть и корела, и чудина, и сельскаго учителя, и дьячка».. При подобной терпимости взглядовъ на личность участниковъ артели, естественно, что лицо не стѣснено общиной въ той мѣрѣ, какъ это имѣетъ мѣсто при антагонизмѣ однообщественниковъ или общественныхъ единицъ; это въ свою очередь даетъ выходъ индивидуальнымъ стремленіямъ лица даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ общинѣ нельзя достигнуть соглашенія домохозяевъ для осуществленія предпріятія, которое иногда кажется рискованнымъ вслѣдствіе новизны самаго дѣла. Поэтому въ Олонецкомъ крайѣ можно встрѣтить рядомъ съ артелями, состоящими изъ всѣхъ однообщественниковъ или части ихъ, и такія артели, въ которыя соединяются лица изъ разныхъ деревень (напр. при устройствѣ мельницъ или при расчисткѣ лѣсныхъ участковъ подъ пашню). Если оставить въ сторонѣ нѣкоторые виды артелей, то, по словамъ г. Куликовскаго, какъ общее правило, въ артель «выдѣляется все сильное, энергичное... способное, не мирящееся съ сельской рутинной; за этимъ передовымъ отрядомъ идетъ остальная крестьянская масса». Артель въ Олонецкой губ., какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ нашей родины, играетъ такимъ образомъ роль культурнаго фактора, проводящаго подчасъ болѣе усовершенствованные приемы хозяйства въ крестьянскую среду; нельзя поэтому не согласиться съ заключительными словами автора, что артели «нельзя не симпатизировать, нельзя не пожелать для русской артели лучшаго экономическаго и правового положенія».

Н. Х.

О чернѣ состоянія начальнаго народнаго образованія въ Полтавской губерніи. Полтава. 1897. Стр. V + 417 + II. 8°.

Разсматриваемый трудъ Статистическаго бюро Полтавскаго губернскаго земства представляетъ сводку отвѣтовъ учителей на особую программу, которую бюро разослало имъ въ началѣ 1895 г.

Программа эта (она приложена къ «Очерку») касается, главнымъ образомъ, внѣшней стороны народнаго образованія: числа школъ, распредѣленія ихъ по территоріи губерніи; числа учащихъся, числа окончившихъ курсъ и выбывшихъ до окончанія курса, распредѣленія

учащихся и окончивших курсъ по возрастамъ, поламъ, сословіямъ; школьнымъ помѣщеніямъ и общей обстановкѣ школъ; расходовъ на содержаніе школъ; снабженія школъ учебными пособиями, бібліотеками; учительскаго персонала и т. п. Соответственно этому, и большая часть «Очерка» посвящена указаннымъ вопросамъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что составители программы вовсе не задавались цѣлью собрать свѣдѣнія «о состояніи педагогической части въ училищахъ, рѣшивъ изслѣдованіе этой стороны дѣла произвести отдѣльно». Не смотря на это, и въ программѣ разсматриваемаго изслѣдованія есть вопросы, касающіеся такихъ любопытныхъ сторонъ народнаго образованія, какъ степень развитія окончивающихъ учениковъ, ихъ отношенія къ школѣ, вліянія школьнаго образованія на родъ ихъ занятій, различія въ жизни грамотной и неграмотной части населенія, отношенія населенія къ школѣ и бібліотекѣ. Свѣдѣнія по этимъ вопросамъ мы находимъ въ главѣ V «Очерка», начиная съ 243 стр., а болѣе всего въ VI главѣ. Не мало указаній на вліяніе бытовой обстановки на положеніе тѣхъ или другихъ сторонъ школьнаго дѣла находимъ въ разныхъ частяхъ „Очерка“. Таковы, напримѣръ, тѣ страницы, гдѣ говорится о причинахъ, влекущихъ за собою преждевременное оставленіе школы учащимися, о возрастѣ поступающихъ въ школу учениковъ, о числѣ ученицъ и времени оставленія ими школы, о вліяніи быта населенія на распредѣленіе учебнаго времени. Сравнительно мало, къ сожалѣнію, говорится о томъ, какъ сказывается на положеніи школьнаго дѣла малорусская національность населенія, и какъ, въ свою очередь, отзывается на національныхъ его особенностяхъ великорусская школа (вопросы эти затронуты на стр. 320, 357).

Д. С.

Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1895 годъ, съ приложеніемъ рѣчи и рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ Общества. Астрахань. 1897. Стр. II + 123 + III. 8°.

Кромѣ интересныхъ свѣдѣній, знакомящихъ читателей съ дѣятельностью Петровскаго Общества, разсматриваемый отчетъ заключаетъ въ себѣ также не мало свѣдѣній по этнографіи Астраханскаго края. Такъ, рефераты г. Александрова «Поѣздка капитана В. Коштовскаго на Мангишлакъ въ 1745 г.» и «О побѣдѣ поручика Петра Зубарева въ Крымъ въ 1747 г.» — даютъ матеріалъ для исторіи сношеній русскихъ властей съ восточными инопородцами. Въ рефер. г. Дремкова — «Джамбай» — описываются географическія условія Никольской волости Красноярск. у Астрах. г., составъ населенія, внѣшній бытъ, главнымъ же образомъ рыбные и тюленьи промыслы. Въ рефер. г. Иванова «Свѣдѣнія о 3 селахъ Царевск. у. по сообщеніямъ мѣстныхъ учителей» — приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстныхъ курганахъ и др. остаткахъ древности, о составѣ населенія, его физическихъ признакахъ, о мѣстныхъ болѣзняхъ, при чемъ указываются

способы лѣченія нѣкоторыхъ болѣзней («чемера», простудныхъ болѣзней), астрономическія воззрѣнія (Большая Медвѣдица, Млечный путь), примѣты, повѣрье «о разрывѣ-травѣ», взглядъ крестьянъ на прошлое, кратко описывается внѣшній бытъ, приводится мѣстная колядка, описывается обычай, связанный съ крестопоклонной недѣлей Великаго поста и игра «въ ученую лошадь» (на масляницѣ); сообщаются, кромѣ того, свѣдѣнія о бюджетѣ мѣстнаго населенія. Въ извлеченіи изъ сообщенія В. А. Попова «О городѣ Царевѣ» приводится разсказъ одного мордвина о временахъ Пугачевщины. Очень интересныя свѣдѣнія заключаетъ въ себѣ рефератъ г. С. Попова «О движеніи народонаселенія г. Астрахани». Здѣсь указывается рождаемость (за 10 лѣтъ съ 1882 по 1892 г.) съ распредѣленіемъ числа рожденныхъ по полу, по націямъ; статистика браковъ по мѣсяцамъ, націямъ, возрасту и семейному состоянію; указывается, затѣмъ, составъ населенія Астрахани на основаніи данныхъ переписи 1891 г. и, наконецъ, выводится коэффициентъ смертности.

Кромѣ доклада г. С. Попова и извлеченія изъ сообщенія г. В. Попова, упомянутые доклады, какъ это указывается въ примѣчаніяхъ къ нимъ, уже раньше появились въ печати — въ «Астраханскомъ Вѣстникѣ» и одинъ — въ «Астрах. Губ. Вѣд.».

Д. С.

Календарь и памятная книжка Вятской губерніи. 1895, 1896 и 1897 гг.

Провинціальныя повременныя изданія, какъ извѣстно, весьма часто являются въ высшей степени интересными по своему содержанію. Мѣстная интеллигенція, интересуюсь исторіей своего края, а также современныиъ бытоиъ населенія, посвящаетъ себя изученію памятниковъ старины, а также собранію этнографическаго матеріала. Вятская памятная книжка является однимъ изъ лучшихъ примѣровъ такого рода изданій. Въ указанныхъ выпускахъ мы найдемъ не только въ высшей степени цѣнныя собранія этнографическаго матеріала, но и самостоятельныя солидныя изслѣдованія.

Въ книгѣ на 1895 годъ «Замѣтка объ Омутнинскихъ заводахъ» г. Селивановскаго даетъ много мелкихъ, но небезынтересныхъ для этнографа свѣдѣній о бытѣ заводскаго населенія, о взаимныхъ отношеніяхъ раскольниковъ и православныхъ, о бытѣ вотяковъ Пудемскаго завода (семейный бытъ — рѣдкость семейныхъ раздѣловъ; жилища).—Въ статьѣ того же автора «Коляда въ Песковскомъ заводѣ» (Глазовскаго уѣзда) напечатанъ текстъ колядки, записанной г. Селивановскимъ со словъ мальчика-славельщика въ 1888 году. Она интересна тѣмъ, что состоитъ изъ двухъ, плохо припоровленныхъ другъ къ другу частей: первая—большая—представляетъ обрывокъ былины, рассказывающей о кораблѣ на Хвалынскомъ морѣ, убранство котораго живо напоминаетъ Соколъ-корабль Соловья Будимировича; на кораблѣ находятся 3 монастыря и 3 богатыря: Ефимъ

Тороповичъ, Добрыня Никитичъ и Илья Муромецъ; послѣдній уговариваетъ Добрыню пустить стрѣлу «во турецкій градъ». На этомъ былина обрывается, и начинается послѣдняя часть колядки, заключающей въ себѣ обычное прославленіе хозяина и его семьи.—Въ той же книжкѣ помѣщенъ опытъ этнографическаго изслѣдованія г. *Штейнфельда* «Бесермяне». Малочисленность свѣдѣній объ этой загадочной народности (Лаврентьевъ—«Географія Вятской губ.» Смирновъ—«Рѣчь на Археолог. съѣздѣ въ Москвѣ 1891 г.» Малевъ, проф. Томск. унив.—«Антропологич. изысканія» 1880 г.) побудила автора предпринять собственныя изслѣдованія ея. Бесермяне живутъ въ количествѣ 10,000 ч. въ семи волостяхъ Глазовскаго уѣзда, тѣсно смѣшавшись съ татарами и сильно подчинившись сосѣдямъ (русскимъ, татарамъ и вотякамъ) въ культурномъ отношеніи. Авторъ отмѣчаетъ у нихъ прочность семейной организаціи, свободныя отношенія половъ, многолюдство семей и рѣдкость семейныхъ раздѣловъ. Жилища ихъ: «чумъ» (лѣтнее помѣщеніе) и зимняя изба («кор-ка») носятъ вотскій характеръ. Вънѣшностью своей бесермяне отличаются отъ сосѣдей. Мужская одежда:—русская, но вышивки—вотскія; войлочная шляпа—татарская; женская одежда—шитая рубашка, панталоны и «чапанъ»—своя; женскіе головные уборы мѣняются сообразно возрасту: у дѣвочекъ—татарская тюбетейка, у дѣвушекъ—коническая шапка («татья»), у женщинъ—повязка («кошпу»). Въ пищѣ предпочитаютъ конину, свинина считается поганою. — Женщины не говорятъ по-русски, но говорятъ по-вотски и по-татарски. Остатки мусульманства въ религиозныхъ обрядахъ сказываются въ обычаяхъ (тайно) приглашать муллу къ покойнику. Отмѣтимъ еще: заклинаніе во время поминокъ на могилѣ: «приходи кушать съ нами, не вреди намъ и скотинѣ»; почитаніе лѣснаго духа «киримета» и водяного «ву-муртъ»; изъ области свадебныхъ обрядовъ: калымъ и приданое, символическій обрядъ ударенія женихомъ невѣсты по плечу (власть мужа), обычай бросанія молодой въ рѣку кусковъ хлѣба, масла и мѣдныхъ монетъ со словами: «чтобъ вода меня не пугала, обмывала, и не хватала бы ву-муртъ». Пѣсни поются искаженныя русскія и на бесермянскіе мотивы. Въ языкѣ сказывается близость къ вотскому. Въ статьѣ приведенъ списокъ бесерм. словъ сравнительно съ соответствующими словами въ языкахъ сосѣдей.—Въ заключеніе авторъ высказываетъ гипотезу о происхожденіи бесермянъ. Признавая бесермянъ чужеземцами въ вотской землѣ, авторъ высказываетъ соображенія въ пользу переселенія ихъ вмѣстѣ съ каринскими татарами съ Волги, гдѣ они входили въ составъ Булгарскаго союза, разрушеннаго татарами въ XIII в. Черты сходства ихъ съ чувашами, которыхъ склонны признавать потомками болгаръ, не исключаютъ возможности и въ бесермянахъ видѣть также потомковъ болгаръ.

Въ книжкѣ на 1896 годъ отмѣтимъ большую статью извѣстнаго изслѣдователя вотяковъ г. *Верещагина* «Общинное землевладѣніе у

вотяковъ Сарапульскаго уѣзда»; *его-же* «Остатки язычества у вотяковъ»; статья основана на новомъ матеріалѣ, собранномъ авторомъ въ дер. Ляльшурѣ Сарапульск. у., и заключаетъ въ себѣ между прочимъ описанія частныхъ и общественныхъ обрядовъ языческаго культа, похоронныхъ обрядовъ, свѣдѣній о колдовствѣ и списокъ языческихъ именъ (такъ наз. «банныхъ», даваемыхъ старухами въ первой банѣ).

Въ книжкѣ на 1897 годъ *г. Верещагинъ* началъ печатать собранныя имъ въ Ляльшурѣ «Образцы произведеній устной словесности вотяковъ». Напечатаны легенды библейскаго происхожденія, сказанія стариковъ (заключающія между прочимъ воспоминанія о каннибализмѣ и преданія о культѣ медвѣдя), повѣрья, примѣты и объясненія сновъ, а также рассказы о привидѣніяхъ (духахъ) и сказки.

Въ той же книжкѣ находимъ этнографическій очеркъ *г. Сорокина* «Татаре Глазовскаго уѣзда», описывающій ихъ одежду, положеніе мулла, надгробные памятники, занятія, и отмѣчающій отсутствіе крупныхъ семей (въ противоположность бесермянамъ и вотякамъ) и веденіе родословныхъ записей. — Нельзя пройти молчаніемъ также ст. *г. Кудряшова* «Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго Края».

Въ разобранныхъ 3-хъ книжкахъ продолжаютъ печататься интересные для занимающихся русской діалектологіей «Матеріалы для областного словаря вятскаго говора», собранныя *г. Васнецовымъ* (1895 г.—буквы И—К, 1896 г.—Л—Н и 1897 г.—буква О).

Я позволю себѣ закончить настоящую замѣтку пожеланіемъ сотрудникамъ «Календаря Вятской губерніи» дальнѣйшей плодотворной научной дѣятельности.

Д. У.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Бессарабскій Вѣстникъ. 1898, 64—66, 69. Очерки Крита. 70. Воскресная вода (повѣрье около Берлина о чудесной силѣ воды, взятой въ рѣчкѣ въ ночь подь Св. Воскресенья).—О жертвахъ изуверства (свѣдѣнія о раскольнич. сектахъ). 110. Справленіе праздника „Шахсе Ваксей“ у шинтовъ г. Шуши 30 мая.—134. Китайскій спектакль (изъ „Нов. Вр.“).—135. Причаны антропофагии. 162. Извѣстіе изъ Уральска о смерти послушника, зарытого, по его просьбѣ, по грудь въ землю съ цѣлью умерщвленія плоти.—166. Свѣдѣнія (изъ „Кам. Волж. Края“) о двухъ малоизвѣстныхъ сектахъ: „немоляковъ“ и „яеговитовъ“—въ Нижегород. губ. Семен. у. и въ Верхотур. у. Пермской губ.—168. „Спиритизмъ среди негровъ“. Разсказъ франц. путешественника Фоа о сношеніяхъ негровъ акекуидовъ, живущихъ на С. отъ р. Замбези, съ духами предковъ (изъ Frankfurter Zeit).—184. Психологія людодѣства.—186. „Замѣчательное открытіе“. Сообщается изъ Красноуфимска, что лѣтомъ 1897 г. земскій статистикъ отырылъ въ глухомъ углу уѣзда поселокъ, населенный, какъ полагаютъ, потомками бѣглыхъ раскольниковъ изъ Сибири, говорящихъ испорченнымъ (?) русскимъ языкомъ и неимѣющихъ „никакихъ представленій ни о Богѣ, ни о начальствѣ“ (?).—187. Сувеніры японцевъ о стрижкѣ ногтей (не слѣдуетъ стричь въ пути, ночью, не слѣдуетъ бросать ногтей въ огонь).—190. Буддійское богослуженіе на конгрессѣ ориенталистовъ въ Парижѣ.

Весѣда 1897—5, 6. Положеніе Прикарпатской Руси во всемірной исторіи. (Продолженіе). Географическое обозрѣніе.—11, 12. О. А. М-ий. Славянскій съѣздъ въ Москвѣ и участіе въ немъ русскихъ галичанъ.—11—24. О значеніи характера въ жизни народа. (По статьѣ G. Le Bon въ первыхъ книжкахъ „Revue Scientifique“ за 1895 г.).—13, 14. Библиогр. зам.: А. П. Лопухинъ. Изъ поѣздки въ Червонную Русь и по ея окрестностямъ.—15, 16. Ф. И. Буслевъ, некрологъ.—17, 18. Библиогр. зам.: Живая Старина, вып. I. Кіевская Старина, июль и августъ.—21, 22. В. Пясецкій. Монастырище, подольское преданіе (стихотвореніе).—Н. Ширяевъ. Новый годъ на Руси, историч. справкка.—23, 24. Библиогр. зам.: В. Щурат. До исторіи останного побуту П Кулиша у Львові. У Львові, 1898.

Варшавскія Губ. Вѣд. 1897, 19—33, 37—39, 42—44, 57. В. Мошковъ. Старобрядцы Варшавской губерніи и ихъ пѣсни. (Пѣсни приводятся съ напѣвами).—32. Находка 282 серебряныхъ монетъ XVII и XVIII вв. въ Ловичскомъ у.

Витебскія Губ. Вѣд. 1897.—44. Пасхальныя дни въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. (Изъ Харьк. Губ. Вѣд.).—54. О русской народной пѣснѣ. Всеподданнѣйшая записка Госуд. Контролера Т. И. Филиппова. (Изъ Пр. В.).—55. Жестокіе похоронныя обряды у ароваковъ.—57. Д. И. Д. Витебское братство св. равноап. кв. Владимира; очеркъ историч. значенія церковныхъ братствъ.—58. Происхожденіе шахматной игры.—66. Исторія распространенія табака въ Европѣ. (Поповъ. Книжка 5 Военно-медицинскаго журнала за 1897 г.; Ков. Губ. Вѣд.).—89. Преданіе о происхожденіи колоколовъ. (Статья Велмичкова въ

„Русскомъ Паломникѣ“).—93. *Ф. И. Буслаевъ*, некрологъ. (Изъ Правит. Вѣстн.).—95. Вызываніе дождя (въ Орл. у. для этого рѣшили выкупать всѣхъ бабъ; изъ Орл. Вѣстн.; переп. въ Варш. Губ. Вѣд. № 50).—100—103. Отъ Тюмени до Томска, замѣтки и впечатлѣнія.—102. Цѣлебное свойство слезъ на похоронахъ въ Персіи.—103, 104, 107—110. Отъ Тюмени до Томска. Путевыя впечатлѣнія.—111, 115, 116. Бани у древнихъ и современныхъ народовъ. (По статьѣ въ „Зап. Одесскаго отдѣленія И. Р. Т. О.“).—115. Женщины у негровъ.—116. *А. М-з.* Домашнее пиво у крестьянъ-латышей Зальмуйской волости, Люцинскаго у.—122. *С. С. Б.* О промыслахъ крестьянъ Себежскаго уѣзда, Витебской губ.—129. Открытіе халдейскихъ храмовъ, построенныхъ за 7000 лѣтъ до Р. Х. (?).—135—138. (*Н. Никифоровскій*). Гончарныя терракоты Витебска по археологическимъ находкамъ.—139. Памятникъ старины (надгробный камень 1623 г. въ Польсѣ).—*N. N.* Библиографич. замѣтка (33-я книжка „Этногр. Обзор.“).—143. Библиографія: Трусовъ, Ю. Ю. Этимологія мѣстныхъ названій Вят. губ. Ревель, 1897, 331 стр. 149. Письмо въ редакцію. Запросъ г. *Перетца* о кукольномъ театрѣ. (См. „Этн. Обзор.“ XXXIII).

Владимирскія Губ. Вѣд. 1897.—46. Отчетъ о засѣданіи Этнограф. отд. И. Р. Географ. О-ва (докладъ *Е. Э. Паприцъ-Линевой* о своей поѣздкѣ для собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ).

Вокругъ Свѣта. 1897. — 13—21. *С. Заторскій*, Очерки современной Греціи.—14. Турецкіе софты на кладбищѣ (къ рисунку).—Киргизы-кочевники со своими стадами въ степи (къ рисунку). — 15. Узбекская дѣвушка (къ рисунку). — 16. Корейскія суевѣрія („Лисій богъ“ помогаетъ грустному положенію корейской молодежи, которой запрещено вступать въ бракъ до тѣхъ поръ, пока овдовѣвшій король не похоронитъ съ надлежащими почестями трупъ королевы; „Лисій богъ“—лиса бѣгаетъ по всѣмъ министерствамъ, ища помощи.)—Интересная находка: въ Палестинѣ найдена плита (9 арш. × 7¹/₂) съ подробнымъ изображеніемъ плана Иерусалима, близлежащихъ мѣстъ и изображеніями рыбъ, водившихся въ Красномъ морѣ. Плита V столѣтія по Р. Х.—17. Башня казни въ Бухарѣ (къ рисунку): приведена легенда о башнѣ (невинно-осужденный невредимо спустился съ башни на землю; ханъ-извергъ сдѣлался добрымъ).—19 *Н. В.*, Культурный японецъ и старая японія („поль европейскими костюмами остались прежніе японцы“ведѣт, особенно же „около старыхъ гранитныхъ храмовъ, охраняемыхъ статуями грозныхъ демоновъ“).—20. Современные индѣйцы Сѣв. Америки (къ рисунку).—Индусы чернорабочіе въ Бухарѣ (къ рисунку).—21. Танецъ на ходуляхъ въ Дагомеѣ (къ рисунку).—Сны преступниковъ: вопреки мѣтніямъ поэтовъ и романистовъ, итальянскій проф. *Сарте де Санктис*, послѣ ряда наблюденій, находитъ, что добрая треть преступниковъ не видитъ вовсе сновъ, а большинству снятся сны очень неопредѣленные; едва десять процентовъ преступниковъ видятъ во снѣ сцену преступленія.—22. Кочевническіе званія цыганъ (помощью всевозможныхъ трюновъ, камней, сучьевъ и т. п. цыгане отмѣчаютъ родъ, племя, семью, календарь, различныя вѣсти (телеграфъ)).—26. Негры племени Адеоие (правы и обычаи).—32. Легенда о св. Германѣ (приближавшемся къ своей паствѣ въ свѣтломъ ореолѣ).—33. *Н. Д-ко*, Очарователь крысъ (средне-вѣковая легенда). Кордская пещера (рисунки и легенда о великанѣ).—35. Священное дерево (въ южной Нубіи дерево „tsogar“ издаетъ музыкальные звуки флейты во время вѣтра).—36. *Н. Д.* Помпея въ Африкѣ (ведутся раскопки древняго римскаго города Тамугади или Тимгада около оазиса Бискри въ Алжирской Сахарѣ. Древній городъ раскинутъ былъ на пространствѣ около 90 десятинъ; пока раскопаны остатки древней базилики, курія и храма „Побѣды“, нижній ступени театра, сцена и оркестръ, развалины теръ (бань), критый рынокъ съ полукруглымъ дворомъ и фонтаномъ посредній. Раскопки еще только начались. Завѣдуетъ ими археологъ *Балю*).—37, 41. *А. Носимовъ*, По Киргизской степи. Путевые очерки (съ рис.).—41. Самоубы и церкви. Принесеніе жертвы натурой (къ рисунку).—42, 46. *Л. Мурагина*, Балаарскіе острова. Историко-географическій очеркъ (съ рисунк.).—43. Человѣкъ, видѣвшій носомъ (на-

блюденія подтверждающія свидѣтельства нѣкоторыхъ писателей XVI, XVII вв).—45. Кавниблизамъ (по словамъ одного наблюдателя вызванъ альтруистическими чувствами).—46 и 47. *П. Инфантьевъ*, Около шайтановъ.—48—50. *Е. Д. Носимовъ*. Золотое русло (очеркъ изъ путешествій въ 80 хъ гг. по склонамъ сѣвернаго Урала).—50. *С. З.*, Животный магнетизмъ и внушеніе.

Волгарь. 1898.—14. Корресп. изъ Павлова, Горбат. узда объ обычаяхъ ходить на святкахъ „въ рядинкахъ“ (т. е. маскахъ), „съ представленіями“ и пѣніемъ куплетовъ на злобу дня.—22. Перепечатка изъ „Journal“ (?) о новомъ всемірномъ языкѣ бельгійца Шарля Лемера. Содержаніе статьи Эрн. Манчини „Форма и происхождение поцѣлуя“ (изъ Nuova Antologia).—26. Изъ прошлаго Бурсакъ—разбойникъ. Ст. *Ө. Кудринскаго* о разбойникѣ Кулагинѣ, жившемъ на Волгѣ въ концѣ прошлаго вѣка.—30. Объ астраханскихъ морскихъ ловцехъ (изъ доклада А. М. Никольскаго въ „Общ. для содѣйствія русск. торг. морех.“). Перепечатка изъ „Бирж. Вѣд.“ о поселеніи монаховъ близъ Сочи и Адлера, на вост. берегу Чернаго моря; всѣ эти монахи ушли изъ различныхъ монастырей, недовольные современнымъ строемъ монастырской жизни.—32. Памяти П. И. Мельникова (по случаю 15-лѣтія со дня его смерти).—33. Со словъ „Бессарабца“ разсказывается о гѣбствѣхъ „ворожбита“, узнавшаго воровъ (село Леанево, Проскур. у.).—34. Своими судомъ, разск. Пустынника, рисующій самосудъ крестьянъ надъ конокрадами.—41. Изъ прошлаго. Дѣло о колдовствѣ. Ст. *Ө. Кудринскаго* (процессъ Андрея Безобразова, обвинявшагося въ томъ, что онъ хотѣлъ черезъ колдуновъ „тоску пустить“ на Петра Великаго).—48. Извѣстіе о сборникѣ бѣлорусскихъ пѣсней, собранныхъ г. Розенфельдомъ въ Минской губерніи и отосланныхъ въ Имп. Р. Геогр. Общество.—52. Со словъ екатеринославскихъ газетъ сообщается объ аукціонной продажѣ невестъ въ г. Новомосковскѣ.—53. Со словъ „Урала“ сообщается о слѣдующемъ суевѣріи: чтобы укротить драчливаго мужа нужно напоить его водою съ трупомъ, съ приговоромъ: „какъ у мертвора руки отъ сердца не поднимаются, такъ чтобы у моего мужа, раба Божія (имя рекъ) не поднимались руки на меня, рабу Божію (имя рекъ) во вѣки вѣковъ. Аминь.—59. Козья масляница, ст. *М. И. Макаревскаго*. Любопытное описаніе народнаго гулянья, ежегодно бывающаго въ ярѣчной части Н.-Новгорода во второе воскресенье великаго поста. Есть указанія на литературу предмета; мѣстныя мѣстныхъ старожиловъ объ этомъ днѣ. Названіе праздника объясняютъ такъ: въ прежніе годы въ разгаръ праздника на площадь выводили козла съ рогами, украшенными разноцвѣтными лентами, иногда съ вѣнкомъ на головѣ.

Гласность. 1897.—54. Положеніе земледѣльческаго класса въ Голландіи.—60 *В. И. П.—товъ*. Краткій очеркъ исторіи новой греческой культуры.—63. Статистическія данныя о Сербіи къ началу 1897 г.—64. *Новый Архусъ*. Провинціальныя новости и картинки. Фактъ, свидѣтельствующій о непониманіи христіанства крещеными остяками („Уралъ“).—65. *Vidi*. Описаніе карнавала въ Парижѣ.—68. *Старожиль*. Запѣтки сельскаго счетчика.—69. Объ отношеніи крестьянъ къ книгѣ (ст. А. Волковой въ „Образованіи“).—75. *Ок.*—О рязанской народной библіотекѣ.—78. *Новый Архусъ*. Провинціальныя новости и картинки. Фактъ, показывающій отношеніе къ переписи нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго общества („Волжск. Вѣсти.“).—80. Заклинатель бѣсовъ въ Самарѣ.—

Жизнь. 1898.—11—17 и 19 *Мечниковъ Л. И.* Цивилизація и великія историческія рѣки (Географическая теорія развитія историческихъ обществъ).—11. *Пшеницынъ К.*. Развитие животнаго царства, какъ слѣдствие охлажденія земнаго шара.—16—17. *Шурыгинъ Е.*, Новая пѣсни (характеризуется типъ фабричнаго по народнымъ пѣснямъ новаго склада).—18. Сіамъ и его король.—Религіозная война въ Бразиліи.—20. Отзывъ о книгѣ: М. Е. Соколовъ, Былины историческія, военныя и разбойничьи пѣсни, записанныя въ Самарской губерніи (не вполне сочувственный).—22—24. *Дудоровъ П.* Въ странѣ маріонетокъ (въ Японіи). Изъ воспоминаній.—*Ивинъ Н.*, На волостномъ судѣ,—очеркъ съ натуры.—25, 26 *Смѣцовъ В.* Наша деревня. Снимки съ натуры.—26. *П-въ А.* Отзывъ на книгу: А. Е. Бурцевъ, Сказки, разсказы и легенды крестьянъ Сѣвер-

наго края. Спб. 1897.—27. *Нарцовъ А.*, Мистерія древняго Рима и значеніе ихъ символизма.—*Бурдесъ Б.*, Конгрессъ сионистовъ (соціальныя движенія евреевъ къ труду физическому, земледѣльческому).—28. *Безпаловъ Ев.*, Фвиологія въ антропологическомъ вопросѣ.—31, 33. *С. И. П.*, Изъ области науки: О психологич. толпы по кн.: Сигле, Преступная толпа Спб. 1897; Тардъ, Преступленіе толпы. Спб. 1896; Лебовъ, Психологія народныхъ массъ. Спб. 1897.—36. *Безпаловъ Ев.*, Аналитическая теорія элементарной жизни.—36. *Кетрицъ Б.*, Изъ поѣздки въ Сибирь (переселенческая жизнь).

Жизнь и Искусство. 1898.—3. Волынское полѣсье (путевныя очерки съ этнографическими набросками изъ жизни полѣскаго крестьянства).—18. Корреспонденція изъ села Лознева Проскур. у. о знахарѣ, открывающемъ воровъ.—22. Письмо изъ Лондона о Франконѣ Дэвисѣ, уроженцѣ Уэльса, потомкѣ одного изъ бардовъ, исполняющемъ народныя баллады.—34. Отчетъ о засѣданіи Историческаго общества Нестора лѣтописца, съ краткимъ изложеніемъ содержания рефератовъ: Ю. А. Кулаковскаго „Новѣйшія находки въ Крыму“ и С. С. Гамченко, о раскопкахъ въ Житомирскомъ уѣздѣ.—50. Корреспонд. изъ Кролевецка о жизни кустарей-ткачей.—55, 56. Кіевскій церковно-археологическій музей.

Кавказское Сельское Хозяйство. 1897.—203. Хозяйство кочевниковъ *С. Буянова*.—Кавказъ и Альпы. *В. Д.*—206. Культура въ Нижней Гурин и кукуринской кризисъ. *С. Квартали*.

Камско-Волжскій Край. 1897.—399. *В. Борисовъ*. Разборъ книги Годцацаго: „Борьба съ голодомъ въ періодѣ XI—XIII вв. русской исторіи“.—416. Любоды въ Кошго.—419, 436, 493, 530, 548, 567 и 601. *И. С.* Изъ наблюденій надъ жизнью въ Сибири.—422. Варварскій обычай у Чукчей.—446. Секта бѣгуновъ въ прикамскомъ краѣ.—461. *В. Никольскій*. Изъ жизни Семипалатинской степи.—474. *П. Ю.* Разборъ книги В. Витевского „И. И. Нешлевы и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года“.—480. *С. Мастеевскій*. Нариманъ. (Изъ башкирскихъ разсказовъ и преданій).—532. Доисторическій человѣкъ на мѣстѣ нынѣшняго Берлина.—533. Находки древнихъ вещей близъ г. Арска.—534. Характерное судебное дѣло о разводѣ, изъ быта магометанъ.—535, 537, 540. Изъ Мусульманскаго міра.—535. Китайскіе обычай. (China Mail).—539. Находка въ Солякамскомъ уѣздѣ двухъ старинныхъ серебряныхъ сосудовъ.—547. *Мищенко Ѡ.* Разборъ книги В. Латышева: „Очеркъ греческихъ древностей“.—Медицина и гигиена въ Китаѣ.—548. Сильныя инородцы въ Сибири.—552. Раскопки Петра въ Египтѣ.—560. Дмитриевская суббота.—579. *П. Ю.* Очерки изъ прошлаго Оренбургскаго края.—588. *Spectator*. Роль расы въ ходѣ исторіи.—589. *Скромный Ис.* Народныя способы лѣченія болѣзней. (Корреспонденція изъ Невьянскаго завода, Перм. губ.).—593. Засѣданіе о-ва археологич., историч. и этнографич. при Казан. Унив. 28 ноября 1897 года; докладъ: *Витевскій П. И.* Рычковъ, первый корреспондентъ Имп. Академіи наукъ и его историческія труды“, *Михайловъ* „Празднованіе дня св. Фрола и Лавра у пермяковъ въ д. Кочахъ, Чердынскаго уѣзда“, *Дуброва* „Объ экономическомъ положеніи Калмыковъ Ставропольской губ.“.—594. Исчезнувшая раса карликовъ.—598. Находка скелета мамонта близъ с. Нижніе-Муля, Перм. губ.—605. *Вирсовъ Н.* Разборъ соч. Д. Эварницкаго „Исторія заиморожскихъ казаковъ. т. III“.—614. Засѣданіе о ва арх., ист. и этн. 20 дек. 1897 г.; доклады: *Якобий* „Изъ поѣздки къ инородцамъ сѣверной Сибири“, *Катамовъ* „Мусульманскія версіи христіанской легенды о семи отрокахъ, иже въ Эфесѣ“, продолженіе реферата *Дуброва* о калмыкахъ.—617. *Вирсовъ Н.* Древне-русская благотворительность полъ Рождество Христово.

Кіевское Слово. 1898 г.—3594. Бѣгуны душители (сообщеніе изъ Казани).—3595. Корресп. изъ Проскурова о гадателѣ, узнающемъ воровъ; уголовный процессъ возбужденный на основаніи показаній этого гадателя. Изъ быта раскольниковъ-поморцевъ (перев. изъ „Каз. Т.“).—3601. Корресп. изъ Звенигородскаго у.—вечайное отравленіе женой мужа порохами, данными знахаркой, какъ вѣрное средство вернуть его любовь и выгнать отъ пьянства.—3610. Со-

обшение изъ Квиншева о „вѣдѣхъ“ (переп. изъ „Fess. B.“).—3615. Корресп. изъ Радомисльскаго у. о дѣяніяхъ, ихъ отношеніяхъ крестьянамъ.—3616. Очеркъ крестьянской жизни Малороссіи (ст. посвящена описанію вечеринокъ—„досвитокъ“).—3621.—25.—28.—32.—36.—42. Подробный отчетъ о чтанномъ г. Эртелемъ въ Церковно-археологическомъ обществѣ рефератъ подъ заглавіемъ „Религіозное искусство“; между прочимъ, разбирая художественныя украшенія Кіево-Владимірскаго собора, референтъ не находитъ здѣсь иконъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это христіанская церковь, а „либо безъидейный реализмъ, либо отраженіе духовной богиъвенности и немощи конца вѣка, либо эпосъ былиннаго пошиба“ (нѣкоторыя изъ иконъ г. Васнецова).—3625. Корреспонд. изъ Радомисльскаго у. о знахарѣ, взгодившемъ бѣсовъ изъ больныхъ.—3632. Корресп. изъ Винницкаго у., сообщающая о слѣдующемъ любопытномъ суевѣрїи: по совѣту мѣстной вороженки, крестьяне, желая отпугнуть врага, ставятъ свѣчи передъ церковными иконами въ наклонномъ положенїи или ломаютъ ихъ въ основанїи, чтобы воскъ при горѣнїи падалъ на полъ; здоровье и имущество врага исчезнетъ такъ-же, какъ таетъ воскъ.—3636. Прилукскія письма (I); очеркъ города и уѣзда съ историческими и бытовыми справками.—3637. Въ отчетѣ о засѣданїи Общества Нестора лѣтописца—сообщеніе о раскопкахъ, произведенныхъ въ Кіевской губ. г. Хвойко.—3639. Корресп. изъ Радомисльскаго уѣзда, рисующая отношеніе крестьянъ къ начальному народному образованію.—3646. Мартъ; замѣтка о значенїи этого мѣсяца по народнымъ вѣрованїямъ, кое-какія свѣдѣнія по народному календарю, приуроченныя къ этому мѣсяцу. Корресп. изъ Овручскаго у. о знахарѣ. Отчетъ о засѣданїи Церковно-археологическаго общества съ докладами Н. П. Петрова, „О нѣкоторыхъ змѣнкахъ, энколпїонахъ и образкахъ, найденныхъ въ Кіевской губерніи и вообще на югѣ Россїи“.—3649. Корресп. изъ Радомисльскаго у. о гадалкѣ—еврей, предсказывающемъ будущее.

Костромскія Епарх. Вѣд. 1897.—14, 16—19, 22—23. Богомысл. Истор. очеркъ.

Міровые Отголоски. 1897.—157. Борисъ Таттесъ. Наши памірскіе сосѣди. Характеристика афганцевъ.—В. А. Л. Рецензія на книгу „Описаніе Маньчжурїи. СПб. 1897“—159. О ростѣ населенія главнѣхъ городовъ свѣта. Статистич. данныя.—Статистич. данныя по народн. образов. въ Новоузенск. у., Самарск. г. („Сарат. Дневн.“).—165. Замѣчательные острова. Обь острова близъ Калифорніи, подъ названїемъ „Кладбище череповъ“; острова эти усѣяны человѣческими костями, которыя признаютъ скелетами людей доисторической расы —Наказаніе въ Китаѣ. Пожизненное заключеніе въ тюрьму прїезваго сына принца за непочтительное обращеніе съ матерью и съ императрицей эксъ-регентшей.—166. Австральскія барышни. Характеристика молодой дѣвушки въ Австраліи („Revue des Revues“).—Объ успѣхахъ русской культуры въ Средней Азїи („Туркестанск. Вѣд.“).—168. А. М. Письма изъ Китая.—А. Ф. Гильфердингъ. Краткая замѣтка о его жизни и дѣятельности.—А. П. Б-нъ. Среди моря и скалъ. (Изъ путешествїя по Финляндіи).—Проявленія фанатизма при чествованїи татарами шѣнтами кончина Али (праздникъ Шахсей-Ваксей) („Виржевыя Вѣд.“).—170. Л. И. Б. Положеніе современнаго Китая.—Краткое описаніе клада, найденнаго въ Олатовскомъ у., Раюмск. г., близъ деревни Соэкъ.—171. Изъ области суевѣрїя. Нѣмецкая любовная прїясушка („Frankf. Std.“).—Нилъ Бронской. Новая женщина въ Англіи.—175. Пророчица въ Бразилїи („Times“).—У. Въ Палестинѣ и Сирїи.—*Philharmonicus*. Замѣтка о Сїамѣ, съ краткой бібліографїей Сїама.—176. Н. Луцманова. „Морельшникъ изъ Божьего Улья“. Изъ личнѣхъ воспоминаній автора о сибирскихъ сектантахъ.—О томъ, какъ справляютъ въ Тюмени 9-ю пятницу, 18 іюня („Уралъ“).—Е. Гр-ский. Кое-что о современной Турци.—177. Тибетская демонологїя. Съ изображенїями „М-хастъ-грома“ (?) (Тибетскій богъ ала) и „Менфу“ (загробный судъ).—178. I. Т-скій. Корресп. изъ Кривого Рога Екатор. губ. о рабочихъ въ мѣдныхъ рудникахъ.—179. Повѣрье, что засуха прекратится, если искупать бабъ въ рѣкѣ („Орл. Вѣст.“).—180. В. П. Л. Замѣтка объ изданной Министерствомъ Финансовъ

картъ Маньчжурія.—181. Оригинальный промисель. Шитье платьевъ и одежды изъ остатковъ и лоскутковъ, преимущественно ситцевыхъ, въ Тверск. губ. («Сынъ Отечества»).—182. Т. Круговая порука. Историческій очеркъ круговой поруки въ Россіи.—Вновь найденный папирусовый списокъ свв. Евангелій (изъ Ивѣстій Русск. Археологическ. Инст. въ Константинополѣ, т. I.).—183. А. А. Башмаковъ. Балтійскій вопросъ.—Л. Рецензія на книгу кн. Н. В. Тенишева „Дѣятельность челоѣка“—М'. Б-нъ Корресп. изъ Кишинева. Переселенческій вопросъ въ Бессарабіи.—184. Ночная охота на фламандо (съ рисунокъ).—185, 217. Н. Свѣрговъ. На Средиземномъ морѣ.—185. Новая секта: «говорунъ» („Пет. Лист.“).—186. Темное царство. Народное средство отъ чесотки.—187. Л. Черскій. Гора мертвыхъ. Казбекская легенда.—190. Л. Ч. Труженникъ наука. Памяти П. П. Пекарскаго.—П. М. Новая французская книга о Россіи: „Chez nos amis les russes“, par François Vougnand. Paris, 1897.—191. Рисунки, изображающіе предметы, найденные въ Дешахехъ, въ Египтѣ, проф. Петри.—В. Л. К. Коресъ за границей. Письма корейца изъ чужихъ краевъ на родиву.—192. А. А. Башмаковъ. Вырожденіе Франціи и мѣры, предлагаемыя для спасенія этой страны.—193. Гавайскіе острова и присоединеніе ихъ къ Сѣверо-Америкѣ. Соед. Шт.—Ө. Ч-нъ. Новая секта „панашковцевъ“.—Григорій Николосовъ Султанъ Махмудъ II и армянинъ Газевъ Артинъ (1828—29 гг.).—194, 217, 244. Нилъ Бронской. Новая женщина Англіи.—195. И. М. Рубинковъ. Письма изъ Америки. Новая полярная экспедиція (Р. Пирн).—195, 208. Демъ. Среди горъ. Письма изъ Савойи.—195. I. Т-ий. Одесскіе фамильнички.—Впечатлѣнія деревенской жизни подъ Петербургомъ.—196, 209, 223, 235, 240, 245. Юрій Казы-Бекъ. Письма изъ Константинополя.—196. С. Г. Казакъ Володыа Атласъ (По поводу 200-лѣтія вѣкоренія Камчатка).—197. К. Грузинскій. Проектъ первой русской экспедиціи къ сѣверному полюсу.—В. Н. Тенишевъ. Письмо въ редакцію по поводу рецензіи на кн. „Дѣятельность челоѣка“.—198. Полетъ Андре (съ рис.).—На восточныхъ окраинахъ Азіи (съ рис.).—Васко де-Гама (съ рис.).—Трансваальская выставка въ Берлинѣ (съ рис.).—200. Ю. Германъ. Проекты воздушныхъ экспедицій къ сѣверному полюсу.—202. А. X. Обученіе индустанскому языку. О книгѣ, составленной съ этою цѣлю капитаномъ Ягелло.—203, 205. Объ эксн. Андре (съ рис.).—205. На восточныхъ окраинахъ Азіи (съ рис.).—213. Черноморецъ. Колонизація Черноморской губерніи.—214. Некрологъ Ө. И. Буслаева.—213, 214. По Закавказью. Эчмιάдинъ. Корреспонденція, знакомящая съ бытомъ армянъ.—215. Нилъ Бронской. Англія, Россія и Китай въ восточномъ Туркестанѣ.—Григорій Николосовъ. По поводу мѣтнія о религиозномъ индифферентизмѣ армянъ, высказаннаго въ корресп. изъ Эчмιάдина въ № 214.—218. В. Л. Результаты питейной реформы. Поиетка выяснитъ вліяніе ея на народную нравственность.—Продажа чертей. Продажа черта въ видѣ чернаго kota, который имѣлъ способность служить средствомъ къ отысканію кладовъ. Подкупъ чертей („Кіевское Слово“).—219. Экспедиція къ южному полюсу. Замѣтка объ экспедиціи Жерлака.—220, 221. Чародѣйство конца вѣка. О книгѣ Paris'a „Traité élémentaire de magie pratique“.—По поводу безпорядковъ въ Курдистанѣ. О курдахъ („Berl. Tagebl.“).—221. Эмиръ Абдуррахманъ.—222. Взглядъ крестьянъ на желѣзную дорогу, какъ на дьявольское навожденіе („Енисей“).—225. Сл. Рецензія на книги Миллюкова: „Главныя теченія русской исторической мысли“ и „Очерки по исторіи русской культуры“.—229. Изъ быта «рогожниковъ» („Калужск. Вѣстн.“).—230. С. М. Въ странѣ самоубійствъ. Очеркъ китайскихъ нравовъ.—VI секція международнаго статистическаго института.—232, 234, 237, 260. Афганістанъ и его эмиръ (портретъ въ № 233).—233. Докладъ Плотникова въ В.-Экон. Общ. объ участіи въ дѣлѣ статистики русскихъ общественныхъ и земскихъ селъ.—Засѣданіе международнаго статист. инст.; послѣднее собраніе и закрытіе VI сессіи международн. статист. инст.—Рис., изображ.: совѣщаніе вождей патандевъ. У воротъ форта Ал-Мелжидъ, залатаго афридіями.—233, 240. Процвѣтаніе Америки. Очеркъ.—235, 237, 238

249. *Гр. Петръ Кутузовъ*. Изъ чешской деревни. — 287, 289, 256. Мурманъ и его нужды. — 288. *Омаръ-Эбеди*. Дервишъ и принцъ. Восточная быль въ стихахъ. — *Критикъ изъ Эчмиадзина*. Ответъ на возраженіе Григорія Никитина (о религиозномъ индифферентизмѣ армянъ). — 240. *Девизъ*. По новому свѣту. — Пробужденіе армянскаго вопроса. — *Н-ъ*. Разбойничій вопросъ на Кавказѣ. — 245. *Милъ Бронской*. Мѣсто дѣйствія и герои индо-афганской драмы. — 249. *Е. М.* О книгѣ П. И. Мессарошъ „Финляндія—государство или русская окраина“. — 251. Замѣтка о докладѣ Д. И. Рихтера „Забитый матеріалъ статистики продажныхъ дѣвъ на землѣ“ (въ И. Р. Вольно-Экономич. Общ.). — 256. *Л.* Религиозныя исканія. О религиозныхъ теченіяхъ среди западно-европ. интеллигенціи. — Историческая справка о развитіи у насъ музыки и пѣнія. — 257. О встрѣчѣ крестьянами манифеста 19 февр. („Русск. Арх.“). — 258. *Д. К-ий*. Самостоятельность, какъ основа общественнаго развитія. Книга Эдм. Демодена „Отчего зависить преобладаніе англо-саксовъ?“ („А quoi tient la supériorité des anglosaxons?“). — О производствѣ перелисы среди инородцевъ отдаленныхъ мѣстностей Восточной Сибири („Приамур. Вѣд.“). — О положеніи трепальницъ льна въ с. Варганахъ, Макарьевск. у. („Нижегородск. Лист.“). — Расправа съ конокрадами („Ж. и И.“). — Случай педерастіи („Каспій“).

Нижегородскія Губ. Вѣд. 1897. — 18. Заживо-погребеніе въ Тираспольскомъ уездѣ. — 21. *З.* Веревочно-прядаильный промыселъ въ Нижегородской губерніи. — Черемиси-льнички въ Уфимской губ. — 23. Открытіе древней христіанской базилики въ Херсонесѣ. — 25. Пятая годовщина юбилей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. (Изъ Нов. Вр.). Открытіе близъ Костромы стоянки каменнаго вѣка. — 28, 31. *А. И.* Дѣло 1860 года о крестьяннѣ Арзамасскаго уѣзда Васильѣ Радаевѣ, принявшемъ на себя званіе „вдохновеннаго учителя“. — 28. Открытіе клада въ Почаевской лаврѣ. — Сіамъ и его король. — 33. Изданіе папируса съ нареченіями Христа. — 38, 85, 87. *Виноградовъ Ѡ.* Слѣды язычества въ домашнемъ обиходѣ чувашъ. — 85. Двухсотлѣтіе покоренія Камчатки. Историческій очеркъ. (Изъ Нов. Вр.). — 40. Памяти В. И. Дала. (Изъ Прав. Вѣст.). — 42. Дѣятельность экспедиціи Географическаго Общества для записыванія народныхъ пѣсенъ. — 44. Юбилейное засѣданіе Нижегородской ученой архивной комиссіи. О Разинскихъ кладахъ. Экскурсія Е. Э. Линевою по Воронежской губерніи. — 50. Новая рукопись, касающаяся подвига Ивана Сусанина. — 52. Какъ встрѣчали Рождество Христово русскіе цари. (Изъ „Прав. Вѣст.“).

Орловскія Епарх. Вѣд. 1897. — *А.* *Сухозанетъ*. Погребальные обряды и обычай въ связи съ вѣрованіями въ загробную жизнь. — 89. Общій очеркъ. — 40. У индусовъ. — 42. У китайцевъ. — 48. У персовъ. — 45. У египтянъ. — 47. У грековъ.

Пензенскія Губ. Вѣд. 1897. — 87. Праздникъ св. велик. Георгія на Руси. — 101. Новое племя карликовъ въ Африкѣ. — 108. Обрядъ присяги у китайцевъ. — 105. Кладъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, найденный въ Опатовскомъ уездѣ, Радомской губерніи. — 124, 125. *З.* Изъ области народной демонологіи. — 185, 186. Въ скиту у заживо-погребенныхъ. (Перм. Губ. Вѣд.). — 139. Дѣло о „Иванѣ-Кувалѣ“, разбивавшемся въ 1770 году въ Курской духовной консисторіи (Кіев. Стар.). — 140. Жизнь сіамскаго короля и его подданныхъ. — 155. Откуда пошла колокола. — 197. *З.* Изъ народныхъ суевѣрій. (Заговоръ „залома“ на хлѣбѣ). — 200. Древняя церковь св. Георгія въ Герлицѣ, въ Прусской Силезіи. (Церк. Вѣд.). — 208. *З.* Загробная жизнь по понятіямъ простаго народа. — 211. Памяти В. И. Дала. (Прав. Вѣст.). — 219. Дѣятельность пѣсенной экспедиціи Имп. Р. Географическаго О-ва. — 226, 227. *Н.* Прізванія колдуна. — 235, 236. Программа сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки, устроенной въ г. Пензѣ, въ 1898 г. Отдѣлъ XVI—научный, учебный и этнографическій. — 239. Находка каменнаго инструмента въ Бузулукскомъ уездѣ. (Р. Д.). — 248. Самозваный пророкъ. — 255. Сиро-халдейцы или весторіане (Витѣб. Г. В.). — 256. Раскопки Питерса въ Вавилоніи. — 267. Историческій ходъ развитія ручного огнестрѣльнаго оружія (Тульск. Г. В.). — 278, 274. *Жузе*. Изъ мусульманскаго міра.

Происхождение женскаго покрывала. (Кам.-Волж. Кр.).—280. *З.* Какъ проводить народъ намъ такъ называемые святочные дни.

Пермскія Губ. Вѣд. 1897.—129. Евреи въ Сибири.—182. Цыгане (Изъ „Вессарабда“).—Дѣло о кражѣ попугал, произведенной съ тою цѣлью, чтобы достать его печеньку и сдѣлать изъ нея порошокъ, помогающій противъ запоа.—188. *П. Б.* Письма съ дороги.—185. Нищенство, какъ промыселъ въ Пензенской губ.—186. Жертвы профессиональнаго нищенства. Случай съ ребенкомъ: изувѣченныи „старцами“. (Изъ Недѣли“).—187. Томскъ. Шутники зажегъ восковую свѣчку, вставивъ ее въ мостовую; толпа приняла эту свѣчку за „явленную“.—187. Жизнь сямскаго короля и его подданныхъ („Frankfurter Zeitung“).—188. *Н. А. Ситницинъ.* Краткое изложение ст. Катанова и Попова въ Ученыхъ Зап. Каз. Ун., ст. Летурно. „Эволюція рабства“ (Миръ Вожей), Е. Мостовича. „Гомеръ Востока“ (Фирдуси) въ „Кн. Недѣли“.—Гармонизація русскихъ пѣсенъ. Записка, поданная Государю Императору Т. И. Филиппови о планѣ гармонизаціи русск. народн. пѣсенъ, собранныхъ пѣсенною комиссіей И. Р. Г. О.—148. *В. Я. Кричевскій.* Сахалинъ (по сообщеніямъ офицеровъ Добровольнаго Флота).—Ирбитъ. Колесный промыселъ.—Красноуфимскъ. Сопротивленіе властямъ со стороны татаръ во поводу перелиси.—144. Нижегородск. у. Народная темнота. Крестьяне мѣшаютъ своему односельчану заниматься пчеловодствомъ по вынкамъ, думая, что ему помогаетъ нечистая сила.—Раскопка кургановъ въ Зарайск. у., Рязанск. г.—Женскій рай. Положеніе женщинъ на о—въ Суматрѣ. (Berliner Local Anzeiger).—145. Сямскій король („Н. Л.“).—Три дѣла о людодѣствѣ, извлеченныя изъ сенатскаго архива (якути и ламути) („Русь“).—Приключенія Свенъ-Хедина („Нов.“).—Китайскій принцъ, лишенный сана за непочтеніе къ матери („Восточно-азиатскій Льюдъ“).—146. Географическія свѣдѣнія, собранныя во время похода английской Негерской компаніи противъ Нуль и Илорина.—147. Свѣдѣнія о бібліотекѣ тираспольскихъ сектантовъ („Од. Лист.“).—Судьба Шлягтера, издававшего себя за пророка въ Америкѣ. 148. Мнѣніе англичанина Уотерса о Сибири („Мир. Отг.“).—Раскопки въ Херсонѣ.—Выборгъ. Новая секта „говорунновъ“ („Пет. Лист.“).—Вѣра въ колдуновъ („Сарат. Дневн.“).—Пляты изъ доскутовъ. Промыселъ въ Тверскомъ у.—150. О человѣческихъ жертвахъ при похоронахъ негровъ въ португальской части Замбези („Klein und Schwert“).—Двѣнадцать индійскихъ брачныхъ заповѣдей.—151. О прогрессѣ Японіи. („Нов. Вр.“).—154. По поводу 200-лѣтія со времени открытія и занятія Камчатки русскими колонизаторами („Енисей“).—159. Раскопки Майкопскаго кургана.—Описаніе аудіенціи русскаго посольства у богдыхана („Нов. Вр.“).—160. Населеніе Германіи. Статистич. данія.—Похороны корейской королевы („Чозенъ-Чимпо“).—167. Въ гостяхъ у богдыхана (Посольство кн. Ухтомскаго).—172. Бразильская поваренная книга.—188. Продажа черта въ видѣ кота, который имѣлъ способность служить средствомъ къ отысканію кладовъ и вообще къ увеличенію богатства („Кіевск. Сл.“).—190. О конокрадствѣ (по Сборнику Херсонскаго Земства). („Народъ“).—194. Слезы какъ лѣкарство въ Персіи.

Полтавскія Губ. Вѣд. 1898 г. 14. Дѣло о клеветѣ, возникшее въ Рѣшетловскомъ волостномъ судѣ: клевета состояла въ распространеніи ложныхъ слуховъ, будто потерявшая крестьянка вѣйна, имѣетъ хвостъ. Судъ приговорилъ обвиняемыхъ къ 5-ти рублевому штрафу.—16. Корресп. изъ Золотошны о кулачныхъ бояхъ, съ давнихъ поръ устранившихся на святкахъ.—82. Ошибки явскіе гончары. Очеркъ современнаго положенія гончаровъ-кустарей.—88. О значеніи Ив. Котляревскаго въ украинской литературѣ.—44. Къ поминкамъ Т. Г. Шевченка (приводятся нѣкоторые народныя легенды о поэтѣ).

Полтавскія Епарх. Вѣд. 1897. 17, 18. *А. Пясецкій.* Полтавщина въ XVI вѣкѣ.—22—24. Древне-русскій приходъ (изъ „Церк. Вѣстн.“ 81, по „Бог. Вѣстн.“).

Рижскія Епарх. Вѣд. 1897—6. *П.* Русская старина въ г. Ригѣ. (По поводу статьи въ „Арх. Изв. и Зам.“).

Русскія Вѣдомости. 1898.—1. Присужденіе премій имени Ломоносова и Фонъ-Бара. (Ломоносовская премія присуждена въ половинномъ размѣрѣ двумъ лицамъ: 1) Т. Д. Флоринскому за „Лекціи по славянскому языкознанію ч. I. I. Введеніе. 2. Юго-западные славянскіе языки“; 2) Е. Θ. Будде за трудъ: „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уездѣ Рязанской губ. (Казань 1896“). Изъ сочиненій, удостоенныхъ премій Фонъ-Бара, имѣютъ косвенное отношеніе къ этнографіи три изъ четырехъ работъ д-ра Вейнберга на нѣм. языкѣ: 1) Объ извилинахъ мозга у астовъ, 2) мозгъ у латышей, 3) черепа ихъ.—2. *Дружина Н.* Къ башкирскому вопросу въ Оренбургской губерніи (эксплоатация башкиръ русскимъ и татарскимъ населеніемъ; типъ оренбургскаго крестьянина—старожилъ, напоминающій сибиряка, ростовщакъ - татаръ и пр.).—3. Внутр. извѣстія: Рига: проф. И. С. Шмурло прочелъ лекцію: „Вліяніе русской государственной территоріи на складъ понятій и міросозерцаніе русскаго народа.—4. („Сиб. Вѣсти.“). Енисейскій статистическій комитетъ дѣломъ 1897 года организовалъ экспедицію по изслѣдованію инородцевъ Минусинскаго и Ачинскаго округовъ.—5. Отзывъ на книгу О. Петерсонъ и Е. Балабановой: Западно-европейскій эпосъ и средне-вѣковныя романы въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ т. II. Скандинавія. Спб. 1898. 8^о стр. XVI+310. ц. 2 р.—*Д. А.*—, Рождественская елка, какъ отголосокъ глубокой старины (фельетонъ).—6, 15 и 22. *К. Клартна.* Деревескиа картинки.—7. *Н. К.—инъ.* Садко. Опера былина Н. А. Римскаго-Корсакова (статья интересна въ вопросѣ о народныхъ основахъ оперы).—*А. Хазановъ.* Памяти И. Л. Серебрякова-Окромчеделова (его работы: „Происхожденіе грузинскаго алфавита“, „Замѣтки по грузинской дѣтописи“ и др.).—10. Новости науки и литературы. Подъ заглавіемъ „О происхожденіи и развитіи права“, въ Будапештѣ на венгерскомъ яз. вышла работа Юліуса Шиклера; по его теоріи социальная эволюція обуславливается исключительно прогрессомъ знаній.—Въ Германіи предпринято изданіе „Библиотека фонетическихъ словарей“; вышелъ фонет. словарь французскаго яз., сост. Михаэлисомъ и Полемъ Насси. 11. Преступности населенія Европейской Россіи (статья).—18. Въ музей антропологии и этнографіи Императорской Академіи Наукъ Всемилостивѣйше пожалована болгарская коллекція (230 нумер.), составленная изъ подношеній освобожденныхъ болгаръ Императору Александру II. Это—рѣдкое этнографическое собраніе, рисующее жизнь, бытъ, занятія и промыслы болгаръ въ ту пору, когда они еще мало подвергались европейскому вліянію.—28. *И. Третьяковскій.* Изъ писемъ съ востока (изъ Киргизской степи); кромѣ общихъ свѣдѣній о киргизахъ, авторъ упоминаетъ о г. Каминскомъ, живущемъ среди киргизовъ съ цѣлью этнографическихъ изслѣдованій (на средства кн. Тенишева).—29. *Померъ.* Къ вопросу о народномъ театрѣ (статья).—38. Выбл. замѣтка: Н. Н. Оглоблинъ. (Обзорніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть вторая. Документы таможеннаго управленія. М. 1898 г. 8^о. 162 стр. ц. 1 р.—34. *Т. П. Румянцовскій Музей.* Современное его состояніе и нужды (статья).—36 и 48. *В. В. Корсаковъ.* Дѣти въ Китаѣ (изъ путевныхъ впечатлѣній).—48. Половинная премія (500 р.) митроп. Макарія присуждена Оболенскому (изъ Ворожева) за его трудъ въ рукописи: „Критическій разборъ вѣроисповѣданій русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ: духоборцевъ, молоканъ и шугудистовъ (телегр.).—Свайныя постройки на Боденскомъ озерѣ (раз. рази.).

Русское Слово. 1898.—1. Японцы (остатки ихъ первобытной культуры).—4. Карсъ (корр.); мѣстный обычай во время свадебныхъ празднествъ—воровство; ситунки жениха похищаютъ что-ниб. со стола съ угощеніемъ въ домѣ невесты; точно также родственники и знакомые невесты похищаютъ въ домѣ жениха.—5. Выборгъ: одичавшіе люди (корр. по „Пет. Л.“). Мѣстные геологи г. Линдстремъ и Тіайнень заблудились и попали въ чащу, гдѣ нашли нѣсколько конусообразныхъ хижинъ въ ростъ человѣка. Въ нихъ оказалось пять человѣкъ, обросшихъ волосами и покрытыхъ шкурами серны; каждый живетъ въ своей хижинѣ изъ сосновыхъ вѣтвей, обмазанныхъ глиной, имѣющей только одно отверстіе для входа.

Они не могли говорить, а только рычали; хлѣба не ѣли, но на сырое мясо набросились съ ожесточеніемъ. Ни утвари, ни ножей у нихъ не было; подъ вязанкой хвороста была найдена библия на финскомъ языкѣ. Старожилы полагаютъ, что это—дѣти крестьянина Адольфа Пенкаля, который 28 лѣтъ тому назадъ, послѣ смерти жены, съ пятью малолѣтними дѣтьми ушелъ въ лѣсъ и пропалъ безъ вѣсти.—11. *О—въ*. Страничка изъ средневѣковой исторіи (сுவетрія).—18. Скоро появится 6-й вып. сочиненія Тамбовскаго исторіографа *Ив. Ив. Дубасова*, заключающій въ себѣ бытовныя черты изъ жизни Тамбовскаго крестьянства давно минувшаго прошлаго.—21. Долговѣчность женщинъ (смиръ): въ Европѣ онѣ живутъ несравненно дольше мужчинъ.—30. Новая секта (корр.). Среди фабричнаго населенія Петербурга проагандируется секта „тайнаго, духовнаго христіанства“; суть ученія: дѣломудріе и безбрачіе, неупотребленіе въ пищу мясного, отвращеніе къ табаку и водкѣ, ненависть къ православному духовенству, удаленіе отъ несектантовъ, какъ отъ грѣшниковъ и, наконецъ, „радѣнія“, поученія, чтенія и молитвы, доводящія до экстаза (съ криками и жестукаціей) Основатель секты Рыбовъ ранѣе принадлежалъ къ сектѣ молоканъ.—41. Чукотскій король (хурьези. разсказъ по „Каспій“).—45 и 46. *Н. Бочарова*. Русская масляница въ общественномъ и народномъ быту (историч. справки).—

Саратовская Земская Недѣля (вх. книжками). 1898. 1, 2. *П. Земскій*. Периодическія армарочныя выставки сельско-хозяйственной и кустарной промышленности (корр. изъ Симбирска; въ прилож.).—3. По Россіи (изданіе Министерства Земледѣлія свѣдѣній по кустарной промышленности).—6. По Россіи: даныя о движеніи земельной собственности за послѣднія 20 лѣтъ (по статьѣ *В. В. и „Русск. Вѣд.“*).

Сельскій Вѣстникъ. 1898.—2. Крестьянскія письма по поводу пересмотра законовъ о крестьянахъ.—3. Сообщение изъ Шадейской волости, Кузгур. у., Пермск. г. Авторъ, мѣстный крестьянинъ, приводитъ свой годовой бюджетъ.—7. Изъ дер. Временки, Мариупольск. у., Екатеринославск. г. Авторомъ, крестьян., высказывается отрицательное отношеніе къ общинѣ.—8. Изъ Домачевской волости, Брестск. у., Гроднен. г. Сообщаются свѣдѣнія о бытѣ мѣстнаго населенія.

Таганрогскій Вѣстникъ. 1897.—62. *Траиминъ Ф. К.* Среди донскихъ калмыкъ. (Прошлое кочевое состояніе калмыкъ).—84. Чертова скала, возгзская легенда.—85. *Траиминъ Ф. К.* Среди донскихъ калмыкъ. (Этнографія и религія калмыкъ).—116. Кабалистическое празднество въ Палестинѣ. (Изъ С.-Пет. Вѣд.).

Херсонскій Епарх. Вѣд. 1897.—15. *Саяц. Н. Соколовъ*. Народная мудрость (о пословицахъ, изъ Пенз. Еп. Вѣд.).

Хозяинъ. 1897.—49. *Я. Полферовъ*. Русская колонизація въ киргизскихъ степяхъ.

Черниговскія Губ. Вѣд. 1897.—1296. Сѣмена въ египетскихъ гробницахъ. (Замѣтъ. изъ „Bulletin de la Société Linnée du Nord de la France“).—1322. Археологическія изслѣдованія въ Исландіи. (О книгѣ Бруна: „Fortidsminder og Nutidshjem.“).—1358. Открытіе въ Египтѣ древней рукописи (поэта Ваххилыда).—1359. Происхожденіе французской націи (о грудѣ Габріеля-де-Мартилье).

Читатель. 1898.—1. *Л. Е. Владиміровъ*, проф. Процессы о колдовствѣхъ на западѣ Европы. (Переп. лекція читанная въ 1891 г.).—О языкѣ животныихъ.—2. Кн. *Н. В. Шаховской*. Памяти П. А. Кулиша (на основаніи личной переписки съ іюня 1893 г.); съ портретомъ Кулиша.

Ярославскій Епарх. Вѣд. 1897.—39. Погребеніе старыхъ книгъ у евреевъ.—40. „Капустница“—на Сергія-капустника.—41. Путешествіе въ 1849 г. Бланка. по Палестинѣ—42. Праздникъ весны у китайцевъ.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Агаемовъ, Н. Ф. Городъ Курмышъ въ XIV—XVIII вѣкахъ. Историческій очеркъ, Казань. 1896. 8°.

Алферовъ, А. Петрушка и его предки. Очеркъ изъ исторіи народной кукольной комедіи. Москва. 1895. 8°, брош.

Аничковъ, Н. В. Поѣздка на киргизскія поминки въ 1892 г. Казань. 1897. 8°, брош.

Асанасъевъ, А. И. Народныя русскія сказки. Изданіе третье, дополненное биографическимъ очеркомъ и указателями, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Томъ первый и второй. Съ портретомъ Москва. 1897. 8°. Ц. 3 р.

Бартольдъ, В. Разборъ книги А. А. Диваева, Этнографическіе матеріалы. Сказки, басни, пословицы и примѣты туземнаго населенія Сырь-Дарьинской области. Отдѣл. оттиски изъ Сборника матеріаловъ для статистики Сырь-Дарьинской области, изд. 1893 г. Ташкентъ. 1893. 84 стр., 8°. Тоже. 1895. 160 стр., 8°. Отд. оттискъ изъ Записокъ Восточнаго Отд. Импер. Русск. Археол. Общ., т. IX. Спб. 8°, 1 листъ.

Вогоявленскій, М., сваяц. Житіе преподобной матери нашей Феодоры (въ мужескомъ видѣ подвизавшейся). Тверь. 1897. 8°. Брош.

Браудо, А. И. С. А. Бершадскій, какъ историкъ русскихъ евреевъ. Спб. 1896. 8°. Брош.

Будде, Е. Къ вопросу о народности русскаго населенія въ Вятской губ. Казань. 1897. 8°. Брош.

Будиловичъ, А. С. Культурная отдѣльность народовъ греко-славянскаго міра. Отд. отт. изъ „Русскаго Обозрѣнія“ 1896 г. Москва. 1896. 8°, брош.

Булатовичъ, Л. Гв. Гусарскаго Его Величества полка поручикъ. Отъ Энтото до рѣки Баро. Отчетъ о путешествіи въ юго-западныя области эеирпской имперіи въ 1896—1897 гг. Спб. 1897. 8°.

В—въ, А., прот. Новгородскій Савво-Витерскій монастырь. Новгородъ. 1897. 8°. Брош.

Великорусь въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Матеріалы, собранныя и приведенныя въ порядокъ *П. В. Шейнома*. Т. I, вып. 1. Изд. И. Акад. Наукъ. Спб. 1898, больш. 8°, стр. XXVIII и 379. Ц. 3 р.

Ветуховъ, А. Языкъ, поэзія и наука. Харьковъ. 1894. 8°, брош.

Властовъ, Георгій Теогонія Гезиода и Прометей. Разборъ сказаній. (Служить продолженіемъ и дополненіемъ къ русскому переводу, съ примѣчаніями, Гезиода, изд. въ 1885 г.) Спб. 1897. 8°.

Волковъ, Н. В. Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древне-русскихъ книгахъ XI—XIV вѣковъ и ихъ указатель. Памятники древней письменности. СХХIII. Спб. 1897. Стр. 96+12.

Волковъ, Н. Русская масленица и историческія данныя о ней. Владикавказъ. 1897. 8°, брош.

- Воловей, Ф., священ. О изманильскихъ старообрядцахъ. Отд. оттискъ изъ № 11 журн. „Братское Слово“ за 1896 г. Москва. 1896. 8°. Брош.
- Гришевъ, С. А. Были ли конница у древнихъ руссовъ? Исслѣдованіе. Кіевъ. 1896. 8°
- Громова, А. И. Краткій очеркъ о пушной промышленности въ Сибири. Москва. 1896. 8°.
- Грузинскій, А. Русскіе народные пѣвцы. Москва. 1895. 8°, брош.
- Грулевъ, М. Сунгарійская рѣчная экспедиція 1895 года. Сиб. 1897. 8°.
- Двадцатипятилѣтіе Тобольскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества. 1872—1896 гг. Тобольскъ. 1897. 8°.
- Дигама. Маньчжурія и Китайская восточная желѣзная дорога. Съ картою Маньчжуріи. Изд. Ф. П. Романова. Томскъ. 1898. 8°.
- Добровольскій, В. Н. О дорогобужскихъ мѣщанахъ и ихъ шубрейскомъ или кубрацкомъ языкѣ. Сиб. 1897. Отд. оттискъ изъ „Извѣстій Отдѣленія русскаго яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ“, т. II (1897 г.), кн. 2, стр. 320—352. 8°. Стр. 33.
- Доннаръ-Запольскій, М. Западно-русская сельская община въ XVI в. Извлеч. изъ „Журнала Минист. Народн. Просвѣщ.“, июль, 1897 г. Сиб. 1897. 8°.
- Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Т. II. Москва. 1897. 8°.
- Долганевъ, Е. Современная Абиссинія. Важнѣйшіе монастыри. Сергіевъ Посадъ, Московск. г. 1897. 8° Брош.
- Евсеевъ, М. Е. Образцы мордовской народной словесности. Выпускъ I. Моршанскія пѣсни. Отд. отт. изъ XIII т. „Извѣстій Общ. Арх., Ист. и этногр.“ за 1896 г. Казань. 1897. 8°, брош.
- Закревскій, Игн. Уголовная антропология на женевскомъ Международномъ конгрессѣ. Изъ „Журнала Юридическаго Общества“ (февраль, 1897 г.). Сиб. 1897. 8°, брош.
- Извозниковъ, М. Свадебный обрядъ у зажиточныхъ крестьянъ села Анкудиновки Селгилеевск. у., Симбирск. г. Отд. оттискъ изъ XIV т. „Изв. Общ. Арх., Ист., и этн.“ за 1897 г. Казань 1897. 8°. Брош.
- Историко-статистическое описаніе Дымскаго монастыря. Изд. десятое. Новгородъ. 1897. 8°. Брош.
- Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Владимирской епархіи. Владимиръ. 1897. 8°.
- Истрикъ, В. М. Замѣчанія о составѣ Толковой Палки. Выпускъ первый. Отд. отт. изъ „Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и словесности Императ. Академіи Наукъ“, т. II (1897 г.), кн. 1-ой, стр. 175—209 и кн. 4-ой стр. 345—305. Сиб. 1897. 8°.
- Карицанъ, А. Новое изслѣдованіе о средне-греческой пословицѣ. (Mittelgriechische Sprichwörter von Karl Krumbacher. München. 1893). Изъ 1-го вып. Трудовъ Слав. Комиссіи при Имп. Арх. Обществѣ. Москва. 4°. брош.
- Карскій, Е. Ф. Западно-русскій сборникъ XV в., принадлежащій Имп. Цубинч. библ. Ф. I. № 391. Палеографическія особенности, составъ и языкъ рукописи. Сиб. 1897. 8°.
- Карта Боровичскаго уѣзда. Изд. Новгородской губернской типографіи. Новгородъ. 1895. ф., 1 листъ.
- Книжъ Веніаминъ. Соціальное развитіе (Social Evolution). Съ предисловіемъ профессора Вейсмана. Переводъ съ англійскаго М. Чапманской. Изданіе Ф. Павленкова. Сиб. 1897. 8°.
- Красновъ А. М., проф. Чайные округи субтропическихъ областей Азіи. Культурно-географическіе очерки дальняго Востока. Отчетъ Главному Управленію Углей. Съ 101 рис. и 2 картами. Вып. I: Японія. Сиб. 1897. Ц. 2 р. (Много мѣста отведено описанію быта Японцевъ, съ иллюстр.).

Краткій историческій очеркъ дѣятельности И. В.-Э. Общества со времени его основанія, преимущественно въ дѣлѣ собранія и разработки статистическихъ свѣдѣній о Россіи и распространенія знаній въ населеніи. Рѣчь, читанная секретаремъ Общества *Н. Г. Кулябко-Корецкимъ* въ торжествен. засѣданіи Общества 22 авг. 1897 г. при приѣмѣ членовъ Международн. Статист. Инст. 8°. Брош.

Куликовскій, Г. И. Изъ общинно-артельной жизни Олонецкаго края. Петрозаводскъ. 1897. 8°.

Кустарные промыслы въ Казанскомъ у. Казанской г. Изданіе Казанской уѣздной земской управы Казань 1897. 8°, брош.

Лавровъ, П. А. Жизнь и дѣятельность П. І. Шафарика. Москва. 1897. 4°, брош.

Лапко, И. И. Земскій судъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI в. Извлечено изъ „Журнала Минист. Народнаго Просвѣщенія“, июнь. 1897 г. Спб. 1897. 8°, брош.

Ломиковскій, В. Я. Словарь малорусской старины, составленный въ 1808 г. В. Я. Ломиковскимъ. Редакція и примѣчанія А. Лазаревского. Кіевъ. 1894. 8°, брош.

Львовъ, Гр., святи. Религіозное состояніе отпадшихъ татаръ въ деревнѣ Янгильдиной Чебоксарскаго. уѣзда. Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій по Казанской епархіи“ за 1896 г. Казань. 8°.

Лякоронскій, Василій. Остатки древняго городища въ м. Свѣтинѣ, Лубенск. у., Полтавской г. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“. Кіевъ. 1896. 8°. брош.

Милорадовичъ, В. П. Народные обряды и пѣсни Лубенскаго уѣзда Полтавской губ., записанные въ 1888—1895 г. Харьковъ. 1897. 8°.

Нансень, Фридрихъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Изд. О. Н. Попова. Т. I—II. Спб. 1897. 8°.

Нансень, Фр. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Переводъ *А. А. Крубера*, подъ ред. *Д. Н. Амурскаго*. Изд. Геогр. Отд. И. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. Съ картами, автотипіями, рисунками и прилож. статей: 1) Нансень—біогр. очеркъ, съ портр., 2) Неизвѣстныя полярныя области. Ц. 4 р. Москва. 1897—98 г. 4 выпуска.

Никодимъ, Иеромонахъ. Судьбы Кожеозерской Богоявленской пустыни Архангельской епархіи. Историческій очеркъ съ 6 рис. Изд. второе. Спб. 1896. 8°. Брош.

Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Переводъ со второго, исправл. изд. Москва. Изд. 3-е Д. П. Ефимова. 1898. 8°.

Орловъ, Ф. Ф. Русское дѣло на Вислѣ (1795 — 1895). Спб. 1898. 8°. брош.

Очерки Сибири для народнаго чтенія. Очеркъ 1-й. Иркутская губернія. Съ картой губерніи. Изд. книжн. магазина П. И. Макушина въ Иркутскѣ. Иркутскъ. 1897. 8°.

Павловъ, Н. М. Рецензія на книгу Бестужева-Рюмина: „Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362)“. Томъ первый. Извлечено изъ т. I, кн. I. „Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ“. 1896. 8°. Брош.

Падалка, Левъ. Слѣды водопроводныхъ сооруженій въ г. Кобелякахъ Полтавской г. и надъ рѣкою Высью, на границѣ Кіевской и Херсонской г. (въ связи съ вѣковыми данными о колонизаціи Полтавщины). Отт. изъ жур. „Кіевская Старина“. Кіевъ. 1895. 8°, брош.

Пайсель, В. Я. Матеріалы для антропологіи таранчей. Диссертация на степень д-ра медицины. Спб. 1897. 8°. Брош.

Памятники киргизскаго народнаго творчества. Киргизская былина о Бикетъ-Батырѣ, записанная и переведенная *А. А. Диваевымъ*. Отд. отт. изъ „Ученыхъ Записокъ Имп. Казанск. Унив.“. Казань. 1897. 8°, брош.

Пантусовъ, Н. Н. Древности средней Азіи. 1) Китайскій побѣднйй памятникъ на горѣ Гедынъ Шань.—2) Каменный бурханъ въ Токманскомъ уѣздѣ Семирѣч. области. Съ рисунками, чертежами и таблицами. (Изъ „Ученыхъ Записокъ И. Казан. Унив.“ 1897 г.) Казань. 1897. 8°. брош.

Пантусовъ, Н. Н. Матеріалы въ изученію нарѣчія таранчей Илійскаго округа. Выпускъ I. Книга о счастливыхъ и несчастливыхъ дняхъ (таранчинскій текстъ и русскій переводъ). Отд. отт. изъ „Ученыхъ Записокъ Имп. Казанск. Унив.“ Казань. 1897. 8°, брош.

Пашутинъ, А. Н. Историческій очеркъ г. Елисаветграда. Елисаветградъ. 1897. 8°

Петра, В. И. Матеріалы для исторіи культа Амона (Аммона) у древнихъ. Кіевъ. 1895. 8°, брош

Покровская, В. Справочная книжка по географіи. I. Настоящій словарь географическихъ названій. II. Географическо-статистическія таблицы. Юрьевъ. 1898. 8°.

Пустынь, Бѣло-Бережская (Орловск. губ., Брянск. у.). Историческій очеркъ. Спб. 1897. 8°, брош.

Рева, К. О раскопкахъ поселеній каменнаго вѣка. Перепечат. изъ №№ 31 и 32 Арханг. Губ. Вѣд. 1896. 8°, брош.

Рожневъ, А., священ. Изъ чувашскихъ преданій и вѣрованій. 9) Чувашская миеология. Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій по Казанской епархіи“ за 1896 г. Казань. 8°.

Роміась, Сергій, Деревня нашего времени. Очерки. Москва. 1897. 8°.

Руфимскій, Порфирій, священ. Черемисскій Михаило - Архангельскій мужской общежительный монастырь Казанской губ., Козмодемьянскаго у. Историческое описаніе и современное его состояніе. Изданіе монастыря. Казань. 1897. 8°.

Рыбаковъ С. Г. Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ, съ очеркомъ ихъ быта.—204 мелодіи съ текстами и русскимъ переводомъ.—Характеристики музыкантовъ и очерки путешествія.—Два приложенія: 1) Азіатскій музыкальный журналъ, издав. Ив. Добровольскимъ въ Астрахани (1816—1818) въ 8 тетрадяхъ; 2) Опытъ указателя литературы инородческихъ пѣсень. Съ картою Уфимской и Оренбургской губерній и портретомъ башкира-музыканта. Спб. 1897, больш. 8°, стр. VIII+330. Ц. 3 р. („Записки Имп. Академіи Наукъ, VIII серия, по историко-филологическому отдѣленію“ т. II, № 2).

Садовниковъ, Д. Наши землепроходцы. Разказы о заселеніи Сибири, 1581—1712 гг. Ермакъ. Власьевъ. Бугоръ. Полярковъ. Хабаровъ. Нагиба. Степановъ. Буза. Буддаковъ. Дежневъ. Стадухинъ. Морозко. Атласовъ. Анциферовъ. Изданіе второе Москва 1898. 8°.

Сергій, іеромон. Значеніе киргизской миссіи въ ряду другихъ православныхъ сибирскихъ миссій. Отт. изъ 2 и 3 № „Православнаго Благовѣстника“. Москва. 1895. 8, брош

Сибирь. Общія замѣчанія о Сибири и переселеніи. Свѣдѣнія о земледѣльской полосѣ Сибири. Узаконенія и распоряженія Правительства. Пути слѣдованія въ Сибирь и по Сибири. Карта Сибири. Выпускъ I. Справочныя изданія Переселенческаго Управленія Минпстерства Внутреннихъ Дѣлъ. Спб. 1897. 8°.

Словарь Русскаго языка, составленный вторымъ Отдѣленіемъ Имп. Академіи наукъ. Второго тома вып. первый) отъ начала изданія—четвертый). Е—Желѣзный. Подъ ред. А. А. Шахматова. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Случевскій, К. К. о сѣверо-западу Россіи. Томъ I. „По сѣверу Россіи“. Томъ II. „По западу Россіи“. Съ картою сѣвернаго и западнаго края, отпечатанною въ 6 красокъ, и 146 рисунками. Спб. 1897. 8°.

Смирновъ, С. А., д-ръ. О терапевтическомъ дѣйствіи березовой губки, или трута (*polyporus betulinus*). Пятигорскъ. 1896. 8°. (Средство употрѣбляется и въ народѣ).

Соболевскій, А. И. Опыт русской диалектологии. Выпускъ I. Нарѣчія великорусское и белорусское. Спб. 1897. 8°. Стр. 108.

Собрание надписей съ памятниковъ Рязанской старины. 8°, брош.

Соколовъ, М. Е. Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской г. Изъ рукописнаго сборника М. Е. Соколова. Петровскъ. 1896. 8°. Брош.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Съ Поволжья. Родныя картинки. Съ рисунками художниковъ Андреева, Гугунавы, Праотцева, Тишина, Литвиненко и Рамазановой. Библиотека „Дѣтскаго Чтенія“. Москва. 1897. 8°.

Становичъ, А. Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. (По поводу книги г Будиловича «Общеславянскій языкъ». Т. I, II. Варшава. 1892. 436 + 374 стр.). Кіевъ. 1895. 8°, брош.

Стеновичъ, А. Славянскія извѣстія. 93 отзыва о новѣйшихъ книгахъ по славяновѣдѣнію. Отд. оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ“. Воронежъ. 1897. 8°.

Страховъ, Ник. Разборъ книги И. Бердникова „Бракъ, разсматриваемый въ своей природѣ и со стороны формы его заключенія“. Харьковъ. 1893. Казань. 1896. 8°. Брош.

Сумцовъ, Н. Ѳ. Утилитарная этнографія. Изъ личныхъ сельскихъ наблюдений. Отд. оттискъ изъ № 234 „Харьк. Губ. Вѣд.“ за 1897 г. 16°. Стр. 29.

Сысоевъ, В. М. Находка близъ ст. Курджинской, Кубанской области, Майкопскаго отд. 8°.

Тварьяновичъ, И. Б. Матеріалы въ антропологию армянъ. Диссертация на степень д-ра медицины. Спб. 1897. 8°. Брош.

Тихановъ, П. Старинныя публлки. Матеріалы для этнологіи и быта. Оттискъ изъ „Черниговскихъ Губернск. Вѣдом.“ 1897 г., часть не офиц., № 1239. Черниговъ. 1897. 8°, брош.

Труды восьмага Археологическаго сѣзда въ Москвѣ 1890 г. Подъ род. графини *П. С. Уваровой*. Т. IV. Москва. 1897. 4°, стр. XII+242. Съ прилож 86 фототип. таблицъ и карты водныхъ путей вокругъ Москвы А. И. Бунина.

Трусманъ, Ю. Ю. Этимологія мѣстныхъ названій Витебской г. Ревель. 1897. 8°.

Указатель выставки Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ. 1897 года. Кіевъ. 1897. 8°.

Указатель къ Протоколамъ Императорскаго С.-Петербургскаго Общества Естественныхъ Исследователей за 1895 г. 8°. Брош.

Францевъ, Вл. Матица Сербская въ Буднишинѣ (1847 — 1897). Спб. 1897. 8°, брош.

Флоринскій, Т. Успѣхи научной разработки польскаго языка за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Кіевъ. 1897. 8°, брош.

Харузина, В. Н. Сказки русскихъ ивородцевъ, съ краткими бытовыми очерками и иллюстраціями. Съ предисловіемъ В. М. Михайловскаго. Изд. А. И. Мамонтова. Москва. 1893. 8°.

Ягодкинъ, Д. П. Олонекій край и его естественныя богатства. Перепечатано изъ Олонец. Губ. Вѣд. 1896 г. Петрозаводскъ. 1897. 8°.

Benedite, Léonce. Le Musée National du Luxembourg. Catalogue raisonné et illustré des peintures, sculptures, dessins, gravures en médailles et sur pierres fines et objets d'art divers des écoles contemporaines. Paris. 1896. 8°.

Blenemann, Fr. Livländisches Sagenbuch. Herausg. von Dr. Fr. Blenemann jun. Reval. 1897. 8°.

Brunnhofe, H., dr. Russlands Hand über Asien. Historisch-geographische Essays zur Entwicklungsgeschichte des russischen Reichsgedankens. St. Petersburg. 1897. 8°.

Dybel, Edward, ordynator Warszawskiego Szpitala dla dzieci. Przyczynek do leczenia kokluszu. Warszawa. 1896. 8°. Брош. (для народной медицины).

Ehrenthal, M. v. Führer durch das Königliche Historische Museum zu Dresden. Herausgegeben von der Generaldirektion der Königlichen Sammlungen. Dresden. 1896. 9°.

Gernet, Axel, von. Die ehstländischen Agrarverhältnisse in dänischer, deutscher und schwedischer Zeit. Separat-Abdruck aus dem „Revaler Beobachter“. Ревель. 1897. 8°. Брош.

Heikel, Axel. Mordvalaisten pukuja ja kuoseja (Trachten und Muster der Mordvinen). Helsingfors. 1897 Liefer. 1, 2—3.

Kentmann, Paul. Ceylon-Honkong-Japan. Reiseerinnerungen aus dem Fernen Osten. Moskau. 1897. 8°.

Krahmer, G. Sibirien und die grosse sibirische Eisenbahn. Mit einer Skizze. Leipzig. 18 7. 8°.

Mourier, J. Le musée de Tiflis d'après le catalogue en langue russe de M. Raddé. (Tiflis. 1885). 8°. Брош.

Soulier, H. Des origines et de l'état social de la nation française. Paris. Giard et Brière éditeurs. 1898. 8°.

Vītola, (Wihōl) I. Latviesu tautas dziesmas veenai balsij ar klaveeru pavadijumu. II krajums. (Lettische Volkslieder mit Klavierbegleitung versehen. II. Sammlung. Deutsche Textübertragung von F. Kolberg. Rigas Latv. Deedr. Muzikas Komisijas ipasums). 1897. 4°. (20 №№).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Всеобщая музыкальная выставка въ Берлинѣ. Выставка состоится въ августѣ этого года (7—12 нов. ст.). Цѣль ея—представить обзоръ музыкальныхъ сочиненій, а также произведеній литературы, живописи, скульптуры и художественно-промышленныхъ издѣлій, насколько они относятся къ музыкѣ. Постепенное историческое развитіе музыки до настоящаго времени будетъ раздѣлено по племенамъ, народамъ и національностямъ. Специальное мѣсто отводится для музыкально-этнографическаго отдѣла, въ которомъ особенное вниманіе будетъ обращено на интересныя новинки по этнографіи въ области музыки, пѣнія, музыкальныхъ инструментовъ, системъ и метода изученія, способовъ собранія пѣсенъ и т. д.

Премія Д. Г. Кананова. При специальныхъ классахъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ существуетъ премія имени ст. сов. Д. Г. Кананова, выдаваемая въ размѣрѣ 600 р., черезъ каждые 2½ года за сочиненія по исторіи, этнографіи и географіи Армянскаго народа и Арменіи. Въ истекшій срокъ премія осталась неприсужденною, поэтому къ слѣдующему присужденію имѣются въ настоящее время двѣ преміи. Темы для соисканія премій объявлены слѣдующія:

1) „Сводъ и классификація свѣдѣній, сообщаемыхъ арабскими писателями объ Арменіи и армянахъ до конца XIV вѣка, съ критическимъ комментариемъ представляемаго матеріала“.

2) „Материалы по обычному праву современныхъ армянъ“.

Сочиненія могутъ быть представлены на одномъ изъ языковъ—армянскомъ, русскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ. Если изъ числа поданныхъ сочиненій на первую или вторую тему два окажутся одинаковаго достоинства, то Совѣтъ Института можетъ раздѣлить премію между обоими авторами. Срокъ представленія сочиненій не позднѣе 7-го августа 1900 года.

Автобиографіи этнографовъ ¹⁾. Вновь доставлены свѣдѣнія о своей жизни и дѣятельности по изученію народнаго быта слѣдующія лица:

1) *Н. Притусовъ*—уроженецъ и постоянный житель Якутской области. Родился въ 1864 г., состоялъ 15 лѣтъ учителемъ въ инородческихъ училищахъ, занималъ должность волостнаго старосты, въ настоящее время имѣетъ въ отставкѣ, сотрудничаетъ въ „Восточномъ Обзорѣнн“ по вопросамъ мѣстной общественной жизни. Этнографическія работы его по гірваніямъ якутовъ печатались въ „Запискахъ Вост.-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества“. Въ Этнографическій Отдѣлъ И. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этнографіи имъ присланы матеріалы, часть которыхъ уже напечатана, а матеріалы по обычному праву якутовъ имѣютъ вскорѣ появиться въ „Этногр. Обзорѣнн“. Кроме того, г. При-

¹⁾ См. „Этногр. Обзор.“ XXXV.

пузовъ принималъ участіе въ экспедиціи для изслѣдованія Якутской области, снаряженной на средства Сибирякова.

2) *Вяч. Паша. Ярковъ*—членъ сотрудникъ Уральского Общества Любителей Естествознанія. Родился въ 1875 г., на Сысертскомъ заводѣ, гдѣ состоитъ помощникомъ лаборанта. Въ „Запискахъ“ названнаго Общества имъ напечатаны: 1) Пословицы, поговорки, примѣты и списокъ народныхъ словъ, запис. въ Сысерти. 2) Народныя пѣсни и наговоры, запис. тамъ-же (XVII т. „Записокъ“). По предложенію Екатеринбургскаго Общества изящныхъ искусствъ, дѣйстви. членомъ котораго онъ состоитъ, имъ обработанъ сборникъ нар. пѣсенъ, преимущественно свадебныхъ, запис. служащими Сысертск. завода. Въ Уральское Общество имъ доставлено описаніе дѣтскихъ игръ, еще напечатанное. Состоитъ корреспондентомъ метеорологической комиссіи И. Р. Геогр. Общества.

Подлинныя автобіографіи въ полномъ видѣ хранятся въ архивѣ Этнографическаго Отдѣла и послужатъ современнымъ для исторіи русской этнографіи. Желательно въ послѣдствіи получать дальнѣйшія доложенія къ присланнымъ свѣдѣніямъ.

† *Некрологъ*. Въ Харьковѣ, 23 февраля, скончался извѣстный славистъ, изслѣдователь и издатель памятниковъ литературы и народной словесности, заслуженный профессоръ *Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ*. Уроженецъ Москвы (род. въ 1828 г.) и воспитанникъ Московскаго университета, онъ, по окончаніи курса въ 1851 г., здѣсь же началъ свою служебную и ученую дѣятельность съ 1855 г., а въ 1864 г., по усмиреніи польскаго возстанія, перевелся въ западный край на должность директора вѣнской гимназіи и завѣдующаго археологическимъ музеемъ и публичною бібліотекою въ Вильнѣ, а затѣмъ предсѣдателя Вѣнской Археологической Комиссіи для разбора и изданія старинныхъ актовъ. Служба въ этомъ край помогла ему составить при помощи разныхъ мѣстныхъ корреспондентовъ сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ, изд. въ Москвѣ Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ въ 1871 г. Тѣмъ же Обществомъ, гдѣ онъ долгое время служилъ секретаремъ, подъ его редакціей издано извѣстное собраніе пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго въ 10 выпускахъ (1860—74 гг.). Кроме того, покойный издалъ весьма цѣнное и рѣдкое теперь собраніе духовныхъ стиховъ съ рисунками и нотами, подъ назв. „Калѣки перехожіе“ (Москва 1861—64 гг., шесть выпусковъ). Сюда же относятся его „Болгарскія пѣсни“ въ 2 томахъ (Москва, 1855 г.), „Дѣтскія пѣсни“ (Москва, 1866 г.). Всѣ эти изданія, сопровождавшіяся обыкновенно научными примѣчаніями и цѣлыми изслѣдованіями издателя въ области фольклора, а также труды его по славистикѣ и по древне-русской литературѣ послужили мотивомъ поднесенія ему въ 1878 г. отъ Казанскаго университета почетнаго диплома на званіе доктора славянской филологіи, послѣ чего онъ занялъ катедру въ Харьковскомъ университетѣ и навсегда оставилъ Москву. Въ 1896 г., чувствуя уже приближеніе смерти, П. А. Безсоновъ рѣшилъ привести въ порядокъ оставшіяся у него неизданными матеріалы по народной словесности и издать ихъ вмѣстѣ съ прежде изданными, большинство которыхъ составляютъ бібліографическую рѣдкость. Чтобы заинтересовать предпринимаемымъ имъ изданіемъ, онъ посвятилъ этому вопросу нѣсколько фельетоновъ, интересныхъ и въ автобіографическомъ отношеніи, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1896 г., №№ 302, 304, 310, 318 и 317)¹⁾, а затѣмъ въ послѣднемъ номерѣ (317) появилось пространное объявленіе о предварительной подпискѣ на „новое изданіе памятниковъ народнаго пѣснотворчества (русскихъ; въ связи отчасти со славянскими), предпринятое (и частью начатое уже) П. А. Безсоновимъ“. По плану этого изданія всѣ памятники должны были появиться въ 3-хъ отдѣлахъ: 1) духовные стихи—въ 12 томахъ 8°, по 10 и болѣе печатн. листовъ каждый, 2) пѣсни разные—въ 5 томахъ, и 3) дѣтскія пѣсни—въ 3 томахъ. Каждый отдѣлъ долженъ былъ представлять значительно дополненное изданіе, и нѣкоторые выпуски уже были отпечатаны.

¹⁾ Были и оттиски отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о собраніи и изданіи памятниковъ народнаго пѣснотворчества“ М. 1896. 8°, 76 стр.

Какова будетъ судьба этого изданія—пока неизвѣстно, но вѣроятно всѣ матеріалы поступаютъ въ распоряженіе московскаго Общества исторіи и древностей.

Научное значеніе трудовъ П. А. Безсонова неоднократно подвергалось критикѣ, и его часто произвольныя филологическія и мнѣологическія толкованія, доходящія, по выраженію А. Н. Пыпина, до „научной невѣроятности“, вызвали справедливыя нападки. Но независимо отъ этого (самые памятники, собраніе и изданіе имъ, сохраняютъ свою научную цѣнность. Критическая оцѣнка научной дѣятельности П. А. Безсонова дана А. Н. Пыпинымъ въ „Исторіи русской этнографіи“, и С. А. Венгеровымъ, въ его „Критико-біографическомъ словарѣ русск. писателей и ученыхъ“ (II, 333—346). Некрологъ помѣщенъ Д. Д. Языковымъ въ „Моск. Вѣдом.“ 1898 г., № 64.

Н. Я.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Пасхальныя яица.

Обычай раскрашивать и разрисовывать пасхальныя яица, употребительный преимущественно у славянскихъ народовъ, остается до сихъ поръ мало изученнымъ, не смотря на большой интерес, представляемый какъ техникой приготовленія яицъ, такъ еще болѣе орнаментацией ихъ. Еще въ I-й книгѣ нашего изданія, въ 1889 г., было обращено вниманіе на этотъ предметъ. Въ настоящее время уже значительно обогатилась литература по этому вопросу, и коллекціи яицъ значительно увеличились въ различныхъ музеяхъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, напр., въ этнографическомъ отдѣленіи Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, въ Варшавскомъ этнографическомъ музеѣ, въ музеѣ г-жи Е. Н. Скаржинской въ г. Лубнахъ, въ Городецкомъ музеѣ бар. Штейнгеля на Волнѣ и др. Лубенскій музей уже занятъ изданіемъ большого альбома рисписныхъ яицъ изъ собственной коллекціи и другихъ собраній. Къ слѣдующей книгѣ будетъ приложено нѣсколько рисунковъ изъ этого альбома, любезно предложенныхъ намъ издательницею. Въ текстѣ, предпосылаемомъ этому альбому секретаремъ музея С. К. Кулжинскимъ, будетъ дана подробная бібліографія вопроса; поэтому мы не касаемся здѣсь этой стороны дѣла, а желаемъ только обратиться ко всѣмъ могущимъ поспособствовать въ собраніи образцовъ орнаментированныхъ пасхальныхъ яицъ, съ покорнѣйшею просьбою о присылкѣ какъ самихъ яицъ, такъ и возможно болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ обычаѣ. Это тѣмъ болѣе важно, что во многихъ мѣстахъ этотъ обычай приходитъ въ упадокъ и даже совершенно исчезаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ падаетъ и одна изъ отраслей стариннаго искусства, представляющая немалый интересъ не только часто этнографической и археологической, но и художественной. Для тѣхъ, кто заинтересуется этимъ дѣломъ и пожелаетъ откликнуться, мы прилагаемъ краткую программу, которую съ согласія владѣльца Лубенскаго музея Е. Н. Скаржинской мы заимствуемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, изъ изданной ею по этому вопросу специальной брошюры¹⁾. Если затруднительно собрать коллекцію яицъ, то желательно по крайней мѣрѣ получать свѣдѣнія по слѣдующей программѣ:

1) Мѣстность, гдѣ существуетъ этотъ обычай и откуда влзты собранія писанки: губернія, уѣздъ, село или деревня и т. д. Слѣдуетъ указать, какая народность составляетъ преобладающее населеніе данной мѣстности (великороссы, малороссы, бѣлороссы, поляки и т. д.)? Давно ли существуетъ обычай въ данной мѣстности, или занесенъ откуда-нибудь недавно? Если въ мѣстности живутъ инородцы, то придерживаются ли и они этого обычая?

2) Кто разрисовываетъ писанки вообще въ данной мѣстности и кто разри-

¹⁾ Заглавіе ея: „Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. Программа для собранія народныхъ писанокъ“. Кіевъ. 1895. Желающимъ брошюра высылается безплатно.

совнвал собранія: народность, полъ, общественное и семейное положеніе, возраст; если можно, то и имя?

3) Когда принято писать писанки: на какой недѣлѣ поста или, быть можетъ, на свѣтлой недѣлѣ? Не назначается ли для этого опредѣленный день и время дня?

4) При изготовленіи писанокъ не придерживаются ли какихъ-либо *обычаевъ и обрядовъ*? Не говорятъ ли при этомъ какихъ-либо особенныхъ фразъ, не поютъ ли пѣсень и т. п.?

б) Чѣмъ и какъ пишутъ писанки (*техника* изготовленія ихъ)?

а) Какія употребляются *краски*,—покупныя или собственнаго приготовленія? Въ послѣднемъ случаѣ, изъ чего и какъ онѣ изготовляются? Мѣстныя названія красокъ?

Было бы интересно получить образчики красокъ, помѣщенные въ небольшихъ аптечныхъ стеклянкахъ.

б) Какія употребляются *орудія* при раскраскѣ писанокъ (кисточка, жестяныя трубочки, проволока и т. п.; интересно было бы получить ихъ образцы). Названія ихъ?

с) Какіе *приемы* употребляются при раскраскѣ писанокъ? На этотъ вопросъ желателенъ возможно подробный отвѣтъ. Термины, относящіеся до раскраски писанокъ?

6) Какіе рисунки и цвѣта преобладаютъ въ данной мѣстности? Обыкновенно рисунки писанокъ носятъ опредѣленныя *названія*: роза, (т. е. роза, розетка), бесконечникъ, крестъ, елка и т. п. Очень важно сообщеніе подлинныхъ названій съ мѣстными объясненіемъ ихъ. Не замѣчается ли сходства въ рисункахъ писанокъ съ мѣстными узорами на вышивкахъ, съ рѣзными или расписными украшениями на окнахъ, печахъ и т. п.?

7) Что дѣлаютъ съ изготовленными писанками? Какъ и когда ихъ употребляютъ? Кому дарятъ? какъ ими играютъ? Какъ долго и въ какомъ мѣстѣ хранятъ писанки или ихъ скорлупу и съ какою цѣлью?

8) Изготавливаются ли писанки только для семейнаго обихода и подарковъ, или и для продажи? Какова въ такомъ случаѣ ихъ продажная цѣна?

9) Не существуетъ ли въ народѣ какихъ-нибудь *преданій, сказокъ, пѣсень, поговорокъ*, относящихся къ обычаю изготовленія писанокъ?

10) *Падаютъ ли* обычаи раскраски пасхальныхъ яицъ, или, быть можетъ, онъ уже исчезъ, но существовалъ прежде? Причины этого явленія?

Писанки въ сухомъ мѣстѣ легко сохраняются многіе годы. Для удобства хранения и пересылки лучше устранивъ изъ нихъ содержимое, стараясь меньше вредить скорлупу и рисунокъ на ней. Сырня или не вполне сваренныя яйца опоражниваются легко: садуетъ лишь проколотъ на противоположныхъ концахъ отверстія и, вставивъ въ одно изъ нихъ соломинку или безъ нея, выдуть содержимое яйца въ другое отверстіе. Крутыя яйца можно вычистить маленькою ложечкою, сдѣлавъ отверстіе сбоку не на рисунокѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ вычищенную скорлупу не мѣшаетъ положить въ духъ, въ печку и хорошенько прожарить (не настолько однако, чтобы измѣнились краски, особенно зеленая), и тогда она не будетъ впоследствии давать запаха. При пересылкѣ писанокъ нужно завернуть каждую въ бумажку и написать сверху названіе писанки, или же поставить только номеръ, а въ отдѣльной запискѣ подъ соответствующими номерами сообщить наименованія писанокъ. Складывая писанки въ ящикъ для пересылки, пересыпаютъ ихъ древесными опилками, а еще лучше перекладывать ихъ мягкимъ сѣномъ, паклем или ватой, стараясь невременно заполнить весь ящикъ, чтобы не было пустоты, вслѣдствіе которой, при сотрясеніи, яйца могутъ легче подвергнуться поврежденію.

Коллекціи могутъ быть присылаемы въ Москву прямо въ Этнографическій Музей (улица Знаменка), на имя хранителя музея Ник. Андр. Янчука, или черезъ посредство Этнографическаго Отдѣла И. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этнографіи; о присланныхъ коллекціяхъ будетъ сообщаться въ „Этногр. Обзорніи“. Желающіе могутъ также направлять свои собранія въ музей г-жи Старжинской (Дубны, Полтавской губ.) на имя секретаря музея Серг. Клемент. Кулжинскаго.

Н. Я.

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“.

Періодическое изданіе Географическаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Выходятъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ въ 10 — 12 печатн. листовъ, съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ. Цѣна годовому изданію *шесть* рублей съ пересылкой. Гг. иногородные благоволятъ обращаться по адресу: *Москва, въ Географическое Отдѣленіе И. Общества Любителей Естествознанія, Политехнический Музей.*

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: рекомендовать издаваемый Геогр. Отдѣл. И. О. Л. Е. журналъ „Землевѣдѣніе“ особенному вниманію педагогическихъ совѣтовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и городскихъ училищъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и учительскія бібліотеки“.

За 1897 годъ вышли книжки I—II и III—IV. Цѣна имъ безъ приложеній, каждой по 1 р. 50 к. Приложеніями къ нимъ служатъ II—III и IV (последній) выпуски (въ двухъ книжкахъ) сочиненія Ф. Нансена.—*Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи*“. Годовымъ подписчикамъ „Землевѣдѣнія“ за 1897 г. выпуски эти высылаются бесплатно. Первый выпускъ Нансена вышелъ при послѣдней книжкѣ „Землевѣдѣнія“ за 1896 годъ.

За 1896 г. вышли четыре книжки „Землевѣдѣнія“. Цѣна I-й книжки въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к., II-ой—2 р., III—IV-ой—1 р. 75 к., съ отдѣльнымъ приложеніемъ (Нансенъ, вып. 1)—2 р. 50 к., а весь годъ 5 руб.

За 1895 г. вышли четыре книжки. Цѣна I-ой книжки въ отдѣльной продажѣ—2 р., II—III книжки 2 р. 50 к., IV-ой 1 р. 50 к., а весь годъ 5 руб.

За 1894 г. вышли четыре книжки. 1-ая книжка 1894 года осталась лишь въ немногихъ экземплярахъ и можетъ быть получена только при условіи выписки полной серіи на четыре первыхъ года (1894—1897).

Выписывающіе четыре года, 1894, 1895, 1896 и 1897, могутъ получать ихъ за 20 р., а съ 1898 годомъ за 25 р. съ пересылкой.

Другія изданія Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э.

А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. М. 1894. Ц. 1 р. 50 к. „Изъ путешествій по Восточной Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю“. Сборникъ статей А. В. Потаниной. Съ біографіей путешественницы, ея портретомъ, пятью таблицами рисунковъ и политипажами въ текстѣ. М. 1895. Ц. 3 р. Ф. Нансенъ. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Переводъ А. А. Крубера, подъ ред. Д. Н. Анучина. Съ картами, таблицами (автотипіями), рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ статей: 1) Ф. Нансенъ, біографическій очеркъ, и 2) Неизвѣстныя полярныя области. М. 1897—98. Ц. 4 р. Подписчики на „Землевѣдѣніе“ за 1897 г. получаютъ это сочиненіе бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

Издается съ 1889 г.—Подписной годъ съ 1-го Ноября.

ПРИРОДА и ЛЮДИ

5 руб. безъ дост. въ Спб. на годъ, съ дост. и перес. во всё города Россіи шесть руб. За границу 8 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 рубля, къ 1 Февраля 1 руб., къ 1 Мая 1 руб. и къ 1 Юля остальные.

Пробный № высыл. за 7 к. марку.

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№

каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата (16 стран. плотной печати) заключаетъ въ себѣ разнообразное, интересное и полезное чтеніе. Девизъ журнала «польза и развлеченіе». Редакція тщательнo избъгаетъ всего, что отвзываетъ сухостью, всего что можетъ наводить скуку на читателя.

12 ВЫПУСКОВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ИЗДАНІЯ

„ЗЕМЛЯ И ЕЯ НАРОДЫ“

сочиненіе знаменитаго нѣмецкаго географа Фр. Гельвальда. Большаго формата, на лучшей бумагѣ, съ массою художественныхъ рисунковъ. Давая столь роскошное изданіе, Редакція увѣрена, что подписчики вполне оцѣнятъ подобное приложеніе, которое въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 5 руб.

КРОМЪ ТОГО НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

12 ТОМОВЪ СОЧИНЕНІЙ

ФЕНИМОРА КУШЕРА

Объемомъ каждый отъ 200 до 240 стран., большаго формата, убористой печати.

Одновременно съ подпискою на наступившій годъ гг. подписчики могутъ приобрѣтать оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за прошлые года: 1895, 1894, 1893, 1892 и 1891 (1889—1890 и 1896 г. весь разошелся). Цѣна каждаго годоваго экземпляра, со всѣми приложеніями 4 рубля, въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, тисненіемъ золотомъ, 5 рублей. Пересылка за 9 фунтовъ (въ переплетѣ за 10 фунт.) по разстоянію.

Издатель П. Сойникъ.

Редакторъ Ф. Груздевъ.

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Стремянная, собств. домъ № 12.